

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 2 (69) 2024

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

М. С. Колосович, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. С. Сафонова, доцент кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Н. С. Сысолина, преподаватель кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России.

Состав редакционного совета

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. В. Артюхов, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры профессионально-психологической подготовки и управления ОВД Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова, старший научный сотрудник кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

М. Т. Аширбекова, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

М. В. Бавсун, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

О. П. Грибунов, директор Иркутского юридического института — филиала Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

И. С. Дикарев, директор института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

О. Б. Дронова, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Подписной индекс
в каталоге «Пресса
России» — 22761.

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

Редактор
Т. В. Рассказова

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400075, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130.

Подписано в печать:
21.06.2024.

Дата выхода в свет:
27.06.2024.

Формат 60x84/8.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 25,5.
Усл. печ. л. 23,7.
Тираж 250 экз.
Заказ 30.

Цена по подписке
на 2024 г.
по каталогу
«Пресса России»
1544 руб. 00 коп.
(2 номера)

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400005, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Коммунистическая, д. 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2024

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

С. В. Катков, главный эксперт-специалист отдела организации деятельности временных формирований МВД России, сформированных для решения задач в особых условиях, управления организационного обеспечения комплексного применения сил и средств ОВД, функционирующих в особых условиях, Главного управления оперативного реагирования МВД России, доктор юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Ненад Милич, проректор по учебной работе Криминалистического полицейского университета (Сербия), доктор юридических наук, профессор.

Д. М. Миразов, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета общественной безопасности Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор.

А. Л. Осипенко, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, главный научный сотрудник по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Г. А. Печников, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. В. Победкин, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

В. А. Ручкин, профессор кафедры судебной экспертизы и физического материаловедения Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

А. С. Самоделкин, начальник НИЦ № 2 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, доцент.

К. К. Сейтенов, профессор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

М. А. Шматов, профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

С. А. Янин, профессор кафедры организации следственной работы учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской
академии МВД России /
Journal of the Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia. —
Volgograd :
VA MVD Rossii, 2024. —
No 2 (69). — 204 p.

**Founder
and publisher —
Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia**

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
500 copies

The journal is included
in the list of peer-reviewed
scientific journals
and publications,
where main research results
of doctoral dissertations
should be published

The journal is included
into the system Russian
index scientific citation.
Full-text versions of articles
and bibliographic lists
are placed on the Scientific
electronic library
(www.elibrary.ru)

The Journal is registered
at the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media.
Certificate number
PI № FS77-75804
as of May 23, 2019

Subscription
at the catalogue
"Pressa Rossii" — **22761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

No 2 (69)
2024

EDITOR-IN-CHIEF

M. S. Kolosovich, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, Deputy Head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

SCIENCE EDITOR

Yu. S. Safonova, Associate Professor at the Department of Preliminary Investigation of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

EXECUTIVE SECRETARY

N. S. Sysolina, Lecturer at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The editorial council

A. P. Alekseeva, Professor at the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. V. Artyukhov, Associate Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

M. T. Ashirbekova, Professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

A. A. Aubakirova, Head of the Department of Professional and Psychological Training and Management of Internal Affairs Bodies of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov, Senior Researcher of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Examination of the South Ural State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. V. Bavsun, Deputy Head of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

M. V. Bobovkin, Professor at the Document Examination Department of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. G. Glebov, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

O. P. Gribunov, Head of the Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

I. S. Dikarev, Head of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

O. B. Dronova, Professor at the Department of Criminalistic Techniques of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

Editor
T. V. Rasskazova

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400075, Volgograd region,
Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
21.06.2024.

Date of publication:
27.06.2024.

Format 60x84/8.
Font Arial.
Physical print sheets 25,5.
Conventional print sheets 23,7.
250 copies.
Order 30.

Subscription price
for the 2024
according by catalogue
"Pressa Rossii"
1544 rub. 00 kop.
(2 number).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd region,
Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2024

N. A. Egorova, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. G. Eremin, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. A. Zaitseva, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. I. Zamylin, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

S. V. Katkov, Chief Expert-Specialist of the Department for Organizing the Activities of Temporary Formations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Formed to Solve Problems in Special Conditions, Department of Organizational Support for the Integrated Use of Forces and Means of Internal Affairs Bodies Operating in Special Conditions, Main Directorate of Rapid Response of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

V. L. Kubyshko, Deputy Minister of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

L. V. Lobanova, Head of the Criminal Law Department of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. F. Lugovik, Professor at the Operational-Investigative Activity Department of the Interior Bodies of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Nenad Milić, Vice-Rector for teaching of the University of Criminal Investigation and Police Studies (Serbia), Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

D. M. Mirazov, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. L. Osipenko, Deputy Head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. V. Pavlichenko, Chief Researcher for the Study of Problems of the History of the Ministry of the Interior of Russia of the Research Center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

G. A. Pechnikov, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. V. Pobedkin, Head of the Department of Criminal Policy of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. A. Ruchkin, Professor at the Department of Forensic Examination and Physical Materials Science of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. S. Samodelkin, Head of the Research Center No. 2 of the National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

K. K. Seitenov, Professor at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

B. P. Smagorinsky, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Senior Researcher of Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation.

O. V. Strilets, Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

M. A. Shmatov, Professor at the Department of Preliminary Investigation of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

S. A. Yanin, Professor at the Investigation Work Organization Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬЯ НОМЕРА

Кунц Е. В.
Роль социально-психологических факторов
в преступном поведении женщин

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Бубербаев Н. Д.
Внутриреспубликанская миграция:
специфический фактор в детерминации
преступности крупного города
(на материалах города Астаны)

Егорова Н. А., Егоров А. Г.
Пытка: правовая природа
и уголовно-правовое значение

Зотов А. Ю., Кузьмин М. Н., Кравцов С. С.
Глобальные тенденции
применения смертной казни

Копшева К. О.
Оценка отдельных изменений
Уголовного кодекса Российской Федерации
с позиции соблюдения принципов
уголовного закона и криминализации

Лихолетов А. А.
Уголовно-правовая охрана специальных видов
предпринимательской деятельности:
понятие и содержание

Первухин А. С.
О конструировании санкций
уголовно-правовых норм с административной
преюдицией (на примере части 1 статьи 264.2
и части 1 статьи 264.3
Уголовного кодекса Российской Федерации)

Стрилец О. В.
Институт исправления осужденных:
становление, развитие
и современное состояние

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Азарова Е. С.
Формула возмещения морального вреда
как средство определения судом
размера его компенсации

CONTENTS

RELEASE ARTICLE

Kunts Ye. V.
Role of socio-psychological factors
in criminal behavior of women

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

18 *Buberbaev N. D.*
Intra-republican migration:
a specific factor in determining
crime of a large city
(on the materials of the city of Astana)

28 *Yegorova N. A., Yegorov A. G.*
Investigative torture:
legal nature and criminal law significance

39 *Zotov A. Yu., Kuzmin M. N., Kravtsov S. S.*
Global trends
to impose the death penalty

46 *Kopsheva K. O.*
Evaluation of specific amendments
to the Criminal Code of the Russian Federation
from the point of view to comply with the principles
of criminal law and criminalization

52 *Likholetov A. A.*
Criminal-legal protection of special types
of entrepreneurial activity:
notion and content

59 *Pervukhin A. S.*
On the construction of sanctions
of criminal law norms with administrative prejudice
(as an example, part 1 of article 264.2
and part 1 of article 264.3
of the Criminal Code of the Russian Federation)

66 *Strilets O. V.*
Institute of correcting of the condemned:
formation, development
and a current state

CRIMINAL PROCEDURE

75 *Azarova Ye. S.*
Moral damages formula
as a means to determine
the amount of its compensation by court

<i>Бондарь М. М.</i> Генезис категории «уголовное преследование» в российском уголовном процессе дореформенного периода и эпохи Великой судебной реформы	81	<i>Bondar M. M.</i> Genesis of the category of "criminal prosecution" in Russian criminal procedure of the pre-reform period and the era of the Great judicial reform
<i>Валов С. В.</i> Причиненный преступлением вред и обязанность следователя: возмещать или обеспечивать возмещение?	91	<i>Valov S. V.</i> Damage caused by crime and responsibilities of the investigator: whether to compensate it or to ensure compensation?
<i>Квасница С. Е., Бирюков С. Ю.</i> Электронные доказательства: проблемы допустимости в уголовном судопроизводстве	104	<i>Kvasnitsa S. Ye., Biryukov S. Yu.</i> Electronic evidence: admissibility issues in criminal proceedings
<i>Колоколов Н. А.</i> Генезис (конструкция), консервация, выявление и исправление (деконструкция) ошибок, допущенных субъектами уголовного процесса (детальный анализ судебной практики) (часть 2)	112	<i>Kolokolov N. A.</i> Genesis (construction), preservation, identification and correction (deconstruction) of errors made by subjects of criminal proceedings (detailed analysis of judicial practice) (part 2)
<i>Кутуев Э. К., Виноградов А. С., Колосович М. С.</i> Совершенствование мер пресечения, ограничивающих конституционные права подозреваемых и обвиняемых	123	<i>Kutuev E. K., Vinogradov A. S., Kolosovich M. S.</i> Improvement of preventive measures restricting the constitutional rights of suspects and accused persons
<i>Насонов А. А.</i> О нарушениях в сфере уголовно-процессуального согласования и их последствиях	130	<i>Nasonov A. A.</i> On violations in the sphere of criminal procedural coordination and their consequences
<i>Павлов А. В.</i> Место обеспечения надлежащего поведения подозреваемого (обвиняемого) в системе задач досудебного производства	136	<i>Pavlov A. V.</i> The place of ensuring proper behavior of the suspect (accused) in the system of tasks of pre-trial proceedings
<i>Табункина Т. А.</i> Личный досмотр как средство отыскания предметов и документов, имеющих возможное доказательственное значение на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы теории и практики	144	<i>Tabunkina T. A.</i> Frisk as a means of finding items and documents of possible evidentiary value at the stage of criminal case initiation: theory and practice issues
<i>Шаутаева Г. Х., Попова Л. В.</i> О некоторых вопросах обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве	153	<i>Shautayeva G. Kh., Popova L. V.</i> Some issues to ensure the rights of the individual in criminal proceedings
КРИМИНАЛИСТИКА		CRIMINALISTICS
<i>Замылин Е. И.</i> «Психологизация» криминалистической тактики: от простейших наблюдений за внешними проявлениями индивида до научной «детекции лжи»	161	<i>Zamylin Ye. I.</i> "Psychologisation" of criminalistic tactics: from the simplest watching the external manifestations of an individual to the scientific "lie detecting"

Кириллова Е. В.
Понятие поддельного денежного билета
как объекта системы
криминалистической регистрации

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Захаров Н. Д.
Правовые основы регулирования отношений
в информационно-телекоммуникационных сетях
в Российской Федерации
в рамках противодействия преступности
(часть 1)

Трибуна молодого ученого

Жумашев М. А.
Некоторые вопросы уточнения статуса лица,
подлежащего реабилитации
(по уголовно-процессуальному законодательству
России и Казахстана)

**Отзывы и рецензии на материалы
диссертационных исследований,
монографии и другие научные труды**

Азаров В. А., Константинов В. В.
Юридическое лицо как участник
уголовного процесса
(рец. на моногр.: Шишкин С. С. Обеспечение
прав юридического лица — участника
уголовного судопроизводства
Российской Федерации:
концепция правового регулирования.
Москва: Юрлитинформ, 2023. 240 с.)

174 *Kirillova Ye. V.*
Concept of counterfeit money ticket
as an object
of criminalistic registration system

OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

181 *Zakharov N. D.*
Legal basis to regulate relations
in information and telecommunication networks
in the Russian Federation
as a form to counteract crime
(part 1)

WORD TO A YOUNG SCIENTIST

191 *Zhumashev M. A.*
Some issues to identify the legal status of a person
to be subjected to rehabilitation
(according to the criminal legislation
of the Russian Federation
and the Republic of Kazakhstan)

**REVIEWS AND REFEREE REPORTS
OF THE MATERIALS OF DISSERTATIONS,
MONOGRAPHS AND OTHER SCIENTIFIC WORKS**

198 *Azarov V. A., Konstantinov V. V.*
Legal entity as a participant
in the criminal procedure
(review of the monograph:
Shishkin S. S. Ensuring the rights
of a legal entity as a participant
in criminal proceedings of the Russian Federation:
the concept of legal regulation.
Moscow: Yurlitinform, 2023. 240 p.)

УДК 343.91-055.2

РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ПРЕСТУПНОМ ПОВЕДЕНИИ ЖЕНЩИН

Елена Владимировна Кунц

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Москва, Россия,
73kuntc@mail.ru

Аннотация. К основным причинам и условиям преступности в целом, в том числе преступного поведения женщин, юридическая наука традиционно относит социально-экономические, нравственно-психологические, организационно-правовые, управленческие, а также биологические свойства личности, негативные факторы социальной среды. Однако имеются в преступном поведении женщин нюансы, связанные с ролью женщины в семье, в обществе, которые подталкивают ее к преступному поведению с особой криминальной мотивацией. Изучая социально-психологический аспект преступного поведения женщин, не стоит ограничиваться только биологической категорией пола, правильнее говорить о гендере как об определенном наборе социальных и биологических характеристик, отличающих женщину от мужчины.

Автор отмечает, что женщины более вспыльчивы, у них сильнее выражены гнев, страдание, удивление, печаль, они тяжелее переживают стресс. С учетом этого целесообразно рассмотреть наряду с общими и специальными причинами роль социально-психологических особенностей преступного поведения женщин, поскольку они являются специфичными по причине того, что проявляются в частных моментах жизнедеятельности женщины.

Ключевые слова: женщина, конфликт, преступление, преступность, причины, семья, осужденная, условия, фактор

Для цитирования: Кунц Е. В. Роль социально-психологических факторов в преступном поведении женщин // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 9—17.

ROLE OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS IN CRIMINAL BEHAVIOR OF WOMEN

Yelena Vladimirovna Kunts

Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia,
73kuntc@mail.ru

Abstract. Legal science traditionally categorizes socio-economic, moral-psychological, organizational-legal, regulatory, as well as biophysiological characteristics of the individual, negative factors of the social microenvironment as the main causes and conditions of crime in general, including the criminal behavior of women. However, there are nuances in the criminal behavior of women related to the woman's role in the family and in society, which push her to criminal behavior with a specific criminal motivation. When studying the socio-psychological aspect of the criminal behavior of women, one should not limit oneself only to the biological category of sex; it is more correct to talk about gender as a certain set of social and biological characteristics that distinguish a woman from a man.

The author notes that women are more quickly provoked, their anger, suffering, surprise, sadness are more pronounced, and they experience stress more heavier. Taking this into account, it is advisable to consider, along with general and special reasons, the role of socio-psychological characteristics of women's criminal behavior, since they are specific due to the fact that they manifest themselves in private moments of a woman's life.

Keywords: woman, conflict, criminal offence, crime, reasons, family, convicted woman, conditions, factor

For citation: Kunts Ye. V. Role of socio-psychological factors in criminal behavior of women. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 9—17, 2024. (In Russ.).

Современная женская преступность развивается волнообразно. За последние годы данный вид преступности значительно изменился [1]. Об этом, в частности, свидетельствуют количественные показатели этого явления в Российской Федерации. С одной стороны, преступность уменьшается, с другой — остается на таком же уровне: 14—16 %¹. Следовательно, на данный момент при проведении исследований учеными недостаточно учитывается гендерный признак в разработке и применении механизма борьбы с преступностью.

Ю. М. Антонян выделяет следующие явления и процессы, оказывающие влияние на преступное поведение женщин: активное участие женщин в общественном производстве; ослабление социальных институтов, в первую очередь семьи; возросшая напряженность в обществе, возникновение в нем конфликтов и враждебности; рост антиобщественных явлений, таких как наркомания, алкоголизм, проституция, бродяжничество и попрошайничество [2].

Перечисленные явления способствуют существованию женской преступности и тесно переплетаются между собой. Постепенно под влиянием глобальных социальных, экономических, культурных перемен в нашем государстве они стали набирать силу.

Если вести речь о социально-психологических явлениях, то они представляют собой определенный фон, который в конкретных случаях способствует формированию противоправных установок, те социально-психологические условия, которые могут препятствовать, а в некоторых случаях облегчать формирование преступных мотивов.

Социально-психологические и другие социальные факторы, например безработица, невыплата заработной платы, порождают состояние психической напряженности значительной части женского населения. Они проистекают из длительного экономического кризиса, который свойствен любой рыночной экономике. Поэтому вполне объяснимо, что до сих пор одним из самых распространенных мотивов совершения женщинами преступлений является корысть.

На женщин приходится относительно небольшая доля зарегистрированных преступлений всех видов.

В таблице представлены наиболее распространенные из них. Среди женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы, преобладают совершившие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, применением насилия, имущественные преступления.

Изучение преступления с позиций его психологического анализа позволяет установить особенности его внутренней структуры, выявить взаимосвязь объективного и субъективного в поведении женщины, значение конкретной установки личности в ее поведении и в связи с этим определить социальную сущность деяния [4].

Приведем пример из практики.

Осужденная — из детского дома. До колонии отучилась на строителя, вышла замуж, развелась, сошлась с другим молодым человеком, который промышлял наркотиками. Занимался этим, чтобы заработать и иметь доступ к наркотикам. Ее уговоры прекратить не помогли, и она следовала за ним — в течение двух лет была с ним рядом и знала, чем он занимается. «Я была просто домохозяйка, кушать ему готовила. Заключение на срок 8,5 года и меня, и его... Он значительно поменялся в лучшую сторону. Мы не видимся, но переписываемся настоящими письмами. Я сирота, и он тоже, мы из одного детского дома. Я пересмотрела свои взгляды на жизнь. Свобода на самом деле очень многое значит для человека. А ценить ты это начинаешь только тогда, когда теряешь. Чувствую вину за содеянное... Ты не должен чувствовать эту вину перед кем-то, ты должен ее чувствовать прежде всего перед самим собой... Если ты ценишь свою жизнь — ты что-то изменишь, чтобы больше здесь не оказаться... Очень трудно здесь заводить близких людей, потому что срок разный. Человек, когда отсюда уходит, должен забывать это место. Помнить его только как урок. У меня была подруга, которая уже освободилась. Я ей запретила писать письма, звонить, чтобы она построила свою жизнь на воле и не тратила свое время на это»².

¹ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2022 г. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 06.01.2024).

² Жизнь в женской колонии под Волгоградом: открытия осужденных учительницы, врача и сироты о наркотиках и аде. URL: <https://bloknot-volgograd.ru/news/zhizn-v-zhenskoy-kolonii-pod-volgogradom-otkroveni> (дата обращения: 11.01.2024).

Таблица

Распределение осужденных в зависимости от совершенных преступлений, %

Квалификация преступления	Перепись 2009 г. [3, с. 21]	Данные на 01.01.2023 г. ¹
	Жен.	Жен.
Убийство (ст. 105 УК РФ)	20,0	16,1
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ)	12,8	10,9
Изнасилование, насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ)	0,3	0,7
Кража (ст. 158 УК РФ)	16,2	14,5
Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ)		2,7
Мошенничество (159 УК РФ)	3,1	4,0
Грабеж (ст. 161 УК РФ)	4,7	1,5
Разбой (ст. 162 УК РФ)	3,9	1,2
Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств (ст. 228 УК РФ)	33,7	42,1
Иные преступления	5,3	6,3

Реализация корыстного мотива женщинами-преступницами обусловлена до сих пор сохранившейся разницей в трудовых правах мужчин и женщин. Государство за последние десятилетия предприняло ряд мер, в частности правовых, направленных против трудовой дискриминации женщин². Однако некоторые ученые считают недостаточной действующую правовую регламентацию трудовых прав женщин [5].

Так, средняя заработная плата женщин до сих пор меньше средней заработной платы мужчин.

¹ В работе приводятся данные ФСИН России на 1 января 2023 г.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 3; Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин (с изм. на 13 мая 2021 г.): приказ Минтруда России от 18 июля 2019 г. № 512н (зарегистрировано в Минюсте России 14.08.2019 № 55594). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>; Энциклопедия судебной практики. Запрещение дискриминации в сфере труда (ст. 3 Трудового кодекса Российской Федерации) // Гарант: информ.-правовой портал. URL: <https://study.garant.ru/#/document/57590640/paragraph/1:3> (дата обращения: 12.01.2024).

Наиболее сильные различия в оплате труда наблюдаются в области информации и связи (68,2 %), в деятельности профессиональной, научной, технической (71,0 %).

Наименьший разрыв в размерах заработной платы мужчин и женщин — в сферах образования (95,2 %), здравоохранения и социальных услуг (88,3 %). В свою очередь, средняя заработная плата в сфере образования в 2,4 раза меньше, чем у работников в области информации и связи³. Поэтому логично, что полностью удовлетворены своей заработной платой всего 36,5 % женщин, а не вполне удовлетворены 50,6 %⁴.

Еще к одной причине, оказывающей влияние на преступное поведение женщин, следует отнести безработицу. Ее масштабы напрямую связаны с уровнем социального напряжения в обществе. При трудоустройстве большинство работодателей вне зависимости от сферы деятельности и должности отдают предпочтение мужчинам, ущемляя при этом права и возможности женщин, объясняя это врожденной слабостью женщин, вероятностью

³ Женщины и мужчины России. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Wom-Man%202022.pdf>. (дата обращения: 17.01.2024).

⁴ Там же.

отпуска в связи с родами и уходом за ребенком, наличием малолетних детей, которые требуют особого внимания.

В. А. Лелеков и Т. В. Урсова проводят параллель между отсутствием постоянного заработка, в том числе по причине безработицы, и женской преступностью. Именно материальная необеспеченность порождает такие социальные и психологические последствия, как фрустрация, агрессивное и криминальное поведение, чувство отчужденности и неудовлетворенности своей жизнью, что провоцирует ее на совершение преступлений [6].

Детерминантом преступного поведения женщин выступает их профессиональная деятельность. При участии женщин в общественном производстве независимо от квалификации происходит игнорирование учета естественных исторических особенностей женской рабочей силы.

В современном обществе женщины либо занимают руководящие должности, либо составляют рабочий контингент. В первом случае женщины, имея высокое должностное положение, в силу своего особого статуса часто совершают преступления, связанные со злоупотреблением должностными полномочиями, получением взятки, и иные подобного рода правонарушения.

Большинство женщин составляют вторую из указанных категорий. Они не имеют высшего образования по разным причинам: не было возможности или желания получать его. В итоге они занимаются тяжелым малоквалифицированным трудом. Труд женщин используется наравне с мужским, продолжительность рабочего дня и нормы, расценки тоже равны.

Доля женщин, которые совсем недовольны своей работой по таким критериям, как надежность работы, выполняемые обязанности, режим работы, условия труда, профессиональная удовлетворенность, моральное удовлетворение, варьируется от 1,6 до 5,5 %. В поисках наиболее удачного трудоустройства такие женщины меняют место работы каждые 2—3 года. Отметим, что количество женщин-преступниц, которые не имеют постоянного источника дохода, сопоставимо с численностью женщин, которых совсем не устраивают условия их работы¹.

Общество стремительно развивается, вместе с этим растут и потребности людей. Среди женщин есть те, кто ни в чем не нуждался в раннем возрасте благодаря родителям, которые способны были обеспечить ребенка всем необходимым,

и те, кто в силу необеспеченности семьи либо сами вынуждены были поддерживать свою семью материально, либо довольствовались тем, что есть, либо испытывали постоянные отказы со стороны родителей в удовлетворении той или иной потребности. Кроме того, для второй категории складываются ситуации, когда такие «неимущие» дети испытывают презрение к себе, насмешки, унижение, — далеко не все осознают, что не каждая семья имеет высокий уровень достатка.

Молодые женщины из малообеспеченных семей, глядя на сверстниц, чьи родители имеют достойный доход, начинают задаваться вопросом, почему одни имеют все, а другие ограничены во многом, не имеют возможности красиво одеваться, культурно развиваться. Это приводит к поиску выхода из данной ситуации, и чаще всего, к противоправным деяниям. Проявляемые при этом жестокость, агрессивность и вандализм служат средством психологической компенсации пережитых ранее в детстве унижений.

Интересным для изучения детерминантов преступного поведения женщин является то, что в отличие от бюджета мужчины достаточную долю денежного дохода женщины составляют выплаты социального характера — 30,0 %².

Условием социально-экономического характера, способствующим совершению женщинами преступлений, является тенденция нахождения супруга или сожителя на иждивении у женщины. Таким образом, женщина помимо выполнения возложенных на нее семейных и бытовых обязанностей, на которые в среднем она ежедневно тратит 3—4 часа, должна также материально обеспечивать себя и членов семьи наравне с мужчиной или вместо него³.

Рассмотрим пример из практики.

Г. признана виновной в даче взятки в крупном размере должностному лицу через посредника. Ранее были зарегистрированы сообщения о ее преступлениях по фактам сбыта алкогольной спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии, использования для маркировки алкогольной продукции заведомо поддельных акцизных марок. Она, занимаясь реабилитацией мужа после перенесенной им тяжелой операции на позвоночнике, запустила свою предпринимательскую деятельность по продаже алкогольной продукции. Чтобы воспрепятствовать доследственным проверкам в отношении нее и ее торговых

¹ Женщины и мужчины России.

² Женщины и мужчины России.

³ Там же.

павильонов, она передала через посредника взятку должностному лицу в размере 200 000 руб.¹

Как одну из причин преступного поведения женщин следует рассматривать *ослабление института семьи* в современном обществе.

Президент России Владимир Путин объявил 2024 г. Годом семьи. Такая мера направлена на популяризацию государственной политики в сфере защиты семей и сохранения традиционных ценностей. Основной задачей является создание условий для рождения первых детей в молодых семьях, укрепление семейных ценностей и возвращение уважения граждан к большой семье, поддержка многодетных семей, укрепление репродуктивного здоровья².

Женщины воспитаны так, что у большинства из них первостепенной жизненной целью выступает сегодня, как правило, не семья, а карьера. Если ранее общество видело роль женщины в создании семьи, воспитании детей, то в настоящее время женщина перестает исполнять или исполняет ненадлежащим образом исконно женские роли и обязанности. Значение семьи как фактора, регулирующего поведение, ее контрольные функции не имеют для женщины преимущественного смысла. Она стремится построить карьеру, чтобы материально обеспечить себя, свои потребности, которые со временем только растут. И в дальнейшем иногда бывает уже неважно, каким способом заработать деньги. Отсюда совершение краж и мошенничество женщин, а у должностных лиц — злоупотребление должностными полномочиями, получение взяток и иные преступные деяния.

Наблюдается сегодня и стремление женщин, которые не приучены к работе с детства, хорошо жить. Здесь же можно отметить такое явление: молодые женщины рожают детей в целях обогащения за их счет, т. е. для получения материнского капитала безо всякого желания воспитывать ребенка.

К причинам преступного поведения женщин в семье следует отнести: систематические семейные конфликты, унижение со стороны мужа, непонимание между супругами, отсутствие желания

у обоих уступить в спорной ситуации. Действия мужа могут быть выражены в ограничении прав и свободы жены, указании на ее роль в семье, на ее обязанности в семейной жизни без предоставления ей права выбора. Такое поведение мужчины нередко приводит к расстройству психики женщины и проявлению с ее стороны агрессии по отношению к семье, что вынуждает женщину к преступным деяниям. В какой-то степени можно согласиться с Е. Р. Абызовой в том, что преступное поведение женщин есть не что иное, как реакция на негативные изменения в семейно-бытовой сфере [7].

Д. Ю. Яковлев отмечает, что более 80 % женщин, совершивших насильственные преступления, выросли в неблагополучных семьях [8]. Чувство постоянного одиночества, ощущение недосказанности, непонимания окружающими приводят к тому, что девочка начинает искать поддержку среди других социальных групп и лиц, в частности криминальной, криминальной направленности.

Если отделить убийства, которые происходят спонтанно, под влиянием эмоций, или из самозащиты (например, женщина долго терпела издевательств пьяницы-мужа, а потом не выдержала и убила его топором, спасая, таким образом, от мучителя себя и своих детей), то часто женщина-преступница обладает невероятной жестокостью. И несмотря на то что подавляющее большинство преступлений совершают мужчины, самые изощренные — на счету женщин.

Женщина очень социально зависима, и одна из ее самых важных социальных миссий — найти себе мужчину. Это базовый инстинкт, он нужен для продолжения рода. Если мужчина имеет сильное влияние на женщину, она может совершить преступление, сняв с себя внутреннее табу. Он сильная личность, а она его подруга, рядом с ним. В этом она видит свою главную роль и предназначение. Если женщина становится частью криминального коллектива, она утрачивает женское начало. Иногда внутреннее отрицание настолько сильно, что женщина способна на убийство детей, в том числе собственных. Это так называемые фаллические женщины — феномен, известный в психологии как «великая и ужасная мать». Такая женщина не может состоять в сексуальных отношениях ни с кем из представителей возглавляемого ею мужского криминального коллектива, иначе она потеряет силу и влияние на сообщество, ее перестанут считать лидером. Срабатывают те же механизмы, что и у представителей животного мира. Она постоянно должна держать все в своих

¹ Приговор № 1-324/2019 1-34/2020 от 13 июля 2020 г. по делу № 1-324/2019. Дзержинский районный суд Волгограда (Волгоградская область) // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1sByD0C9gVHC/> (дата обращения: 14.01.2024).

² Голикова раскрыла смысл проведения Года семьи в России. URL: <https://ura.news/news/1052721146> (дата обращения: 16.01.2024).

руках. Женское начало в ней настолько стерто, что внутренне она готова оправдывать самые жестокие преступления. Более того, даже подталкивать к ним мужчин¹.

Все это объясняет распространенность таких психологических характеристик личности женщины-преступницы, как зависимость от мужчины и иных лиц, демонстрация себя, попытка доказать свое превосходство. Повторение женщиной преступного поведения своего супруга или сожителя не всегда вызвано любовной преданностью именно к этому партнеру, а больше страхом остаться одной и испытать чувство ненужности, которое она ощущала в детстве. Кроме того, привязанность к мужчине, так как он, по ее мнению, первый, кто обратил на нее внимание, приводит к неосознанному прощению такому партнеру всех совершенных им противоправных действий, в том числе семейно-бытового насилия. Однако это усугубляет стрессовую обстановку в семье, повышает тревожность и агрессивность женщины. Вот подтверждение из практики.

К. была признана виновной в убийстве своего супруга М., с которым состояла в браке и проживала более 40 лет. Она испытала сильный стресс и обиду, застав супруга в постели в их квартире с другой женщиной. Кухонным ножом К. нанесла М. два колото-резаных ранения — в переднюю и правую боковую поверхности грудной клетки. Дочь осужденной К. и потерпевшего М., а также иные свидетели указывали, что К. и М. периодически употребляли спиртное и М. в состоянии алкогольного опьянения избивал К., а иногда выгонял ее из дома².

Кризис семейных отношений как фактор женской преступности также проявляется в значительном числе разводов: в 2020 г. зарегистрировано браков 662 264, разводов 457 409; в 2021 — браков 799 676, разводов 537 880. По итогам 2022 г. 70 % браков завершены разводом³. Интересно, что, как правило, инициатором развода являются женщины. Они не видят поддержки

партнера, разочаровываются в нем и признают, что решение о регистрации брака было преждевременным [9]. Распространенной причиной разводов является также алкогольная зависимость партнера [10]. Огромное число молодежных браков распадается не только из-за материальных и жилищных проблем, но и по причине незнания путей создания прочной, бесконфликтной, счастливой семьи, из-за наивных представлений о браке. В итоге часто переломный и важный для каждого человека 30-летний возраст женщина переживает одна. На нее не влияет такой регулятор правомерного поведения, как институт семьи. На этом фоне некоторые женщины, пытаясь расслабиться и самоустраниться от жизненных проблем, начинают употреблять алкоголь.

Сегодня не редкость такие явления, как алкоголизм, наркомания, проституция, бродяжничество и попрошайничество, проникшие и в молодежную среду и охватившие молодых женщин. Известно, что различного рода компании молодых людей формируются, как правило, исходя из общих интересов, взглядов на мир, потребностей. Молодые женщины, вступая в такую компанию, начинают уделять больше времени своему новому увлечению и тем людям, которые их «понимают», тем самым отодвигая на второй план семью, образование, хобби, а в дальнейшем все это для них уже не имеет значения. Единственной и главной целью таких женщин становится добиться желаемого любым способом, включая преступные деяния. Например, люди с алко- и наркозависимостью часто совершают преступления в целях приобретения спиртного или наркотиков либо в состоянии опьянения учиняют жестокие уголовно наказуемые действия.

Что касается более взрослой возрастной категории женщин, то с ними возникают ситуации, когда, имея работу и жилье, они вступают в аморальную компанию из-за отсутствия материальных средств на удовлетворение своей потребности и не замечают, как остаются без всего, в том числе без жилья, что влечет за собой бродяжничество, попрошайничество, проституцию. Данный круг лиц неактивно противопоставляет себя обществу и его интересам, скорее, они склонны плыть по течению в силу своей деградации и социального обесценивания, не проявляя усилий для прекращения бездомного существования.

Алкоголизм у женщин тоже имеет свои особенности: часто они начинают употреблять спиртное совместно с супругом или сожителем. Поскольку общество более негативно относится к женскому

¹ Дьявол во плоти: Почему самые жестокие преступления совершают женщины. URL: <https://rg.ru/2019/10/19/reg-urfo/diavol-vo-ploti-pochemu-samye-zhestokie-prestupleniia-sovershaiut-zhenshchiny.html> (дата обращения: 15.01.2024).

² Там же.

³ Сведения о числе зарегистрированных родившихся, умерших, браков и разводов // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 16.01.2024).

алкоголизму, чем к мужскому, женщины скрывают факт своей алкоголизации. Женщины стали отдавать предпочтение среднеалкогольным и крепким напиткам. В медицинском сообществе распространена точка зрения о более быстром формировании алкогольной зависимости у женщин в сравнении с мужчинами [11].

Следствием социально-психологической напряженности является то, что в общественном и индивидуальном сознании снижена роль такого их компонента, как групповые и коллективные настроения, мнения, возрастает влияние толпы на поведение ее участников.

Усугубляют рассматриваемую ситуацию, связанную с ростом женской преступности, и культурные проблемы. Влияние средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на формирование девиантного поведения женщин имеет свои особенности. Именно женщинам в последние десятилетия навязывают абсолютно не соответствующие моральным нормам модели поведения: потребительство, продвигаемое некоторыми телевизионными шоу; паразитические взаимоотношения женщины и мужчины; отказ от женской роли в обществе. Негативной тенденцией женского антиобщественного поведения является актуализация оправданности совершения преступлений женщинами на основании ненависти к другому лицу по какому-либо признаку. Усложняет механизм противодействия также то, что и сами женщины, потенциально способные совершить преступление, и гражданское общество не осведомлены о мерах, направленных на противодействие женской преступности, которые применяют разные социальные институты. Согласно данным проведенного нами опроса¹, 47,1 % респондентов вообще не знают о существовании таких мер.

Влияние на формирование женской психологии и поведения оказывают также происходящие на мировой арене события. В соответствующих обстоятельствах агрессия рассматривается как способ защиты от внешних угроз, а потому может получить распространение практика совершения женщинами противоправных поступков в целях обеспечения собственной безопасности и безопасности своей семьи.

Необходимо указать и такую причину женской, и не только женской, преступности, как низкий уровень правовой культуры, культурного развития.

¹ Опрос проведен автором настоящего исследования в 2022 г.

Сегодня становятся частыми такие негативные явления, как грубость, неуважение к близким, окружающим. Эти факторы приводят к конфликтным ситуациям, которые, в свою очередь, рассматриваются как благоприятная среда для совершения преступлений, иных антиобщественных деяний.

Особенности психики также определяют модель поведения женщин в разных ситуациях. В стрессовой ситуации женщина может поддаться слабостям психики, совершив преступление, например, для устранения факторов, негативно отражающихся на ее семье, детях. В этом случае преступное посягательство — как правило, насильственное — выступает в качестве способа защиты семьи, близких. Не исключается возможность переоценки ситуации.

Женщины особо чувствительны к внешним раздражителям, угрозам. Испытывая стресс, тревогу, совершают преступления. Данная модель поведения часто находит свое выражение в бытовой преступности, когда униженная, оскорбленная женщина совершает убийство своего мужа или сожителя, применявшего по отношению к ней насилие.

Пример из жизни.

В Екатеринбурге мать, имеющая психические проблемы, убила троих детей. Когда ее нашли, она лежала на их телах. О случившемся она сама написала родным в СМС. В сообщении было сказано, что в детей вселились бесы. Тела 5-месячной девочки и двух мальчиков в возрасте 10 и 15 лет нашли в квартире на улице Шевченко. Убийца задержана².

Таким образом, необходимо признать, что преступное поведение женщин обусловлено главным образом особенностями их характера, психологического состояния. Данные факторы, переплетаясь с внешними негативными воздействиями, противоречиями общественного развития, подталкивают женщин к совершению преступлений. Мотивация таких деяний, как правило, сводится к потребности в обеспечении собственной безопасности, защите своей семьи, детей [12].

На формирование умысла совершения преступлений у женщин, как уже отмечено, оказывает влияние совокупность факторов, обстоятельств, внешней обстановки: низкий уровень правовой культуры населения, распространение наркомании, алкоголизма среди женщин, безработица,

² В них вселились бесы: в Екатеринбурге мать убила троих детей. URL: <https://readovka.news/news/126459> (дата обращения: 16.01.2024).

отсутствие средств к существованию. Однако большее значение здесь имеют внутренние факторы, такие как эмоциональная неустойчивость женщин, особое, острое восприятие ими событий, явлений.

Таким образом, социально-психологические и иные социальные факторы порождают состояние психологической напряженности некоторой части женского населения. Формированию отри-

цательных психических качеств женщин способствуют социальные нововведения, негативно сказывающиеся на социально-психологической адаптации женщин к новым условиям, а следствием психологической напряженности является возрастание чувства недоброжелательности, нетерпимости и неприязни по отношению к окружающим.

---

1. Кунц Е. В. Преступность среди женщин и ее предупреждение в современной России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2006. 49 с.

2. Антонян Ю. М. Преступность среди женщин. Москва: Рос. право, 1992. 256 с.

3. Казакова В. А. Женщины, отбывающие лишение свободы (общая характеристика): по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12—18 ноября 2009 г. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. И. Селиверстова. Вып. 5. Москва: Юриспруденция, 2011. 88 с.

4. Голубовский В. Ю., Кунц Е. В. Личность женщины-преступницы в современной криминологии // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2022. № 3 (63). С. 17—22.

5. Шептулина Н. Н. Проблемы совершенствования законодательства о труде женщин // Трудовое право. 2008. № 1. С. 3—17.

6. Лелеков В. А., Урсова Т. В. Социально-экономические детерминанты женской преступности против семьи и несовершеннолетних // Российский следователь. 2016. № 3. С. 42—46.

7. Абызова Е. Р. Криминологические исследование личности женщин, совершающих преступления, и предупреждение их преступного поведения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. 21 с.

8. Яковлев Д. Ю. Преступления против жизни, совершаемые женщинами, и их предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 22 с.

9. Лагойда Н. Г. Проблема стабильности брака и роста числа разводов в современном обществе // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 2. С. 89—100.

10. Тимофеев Е. Е. Проблема разводов в современном мире // Достижения науки и образования. 2017. № 6 (19). С. 103—105.

11. Гладков И. А. Социально-психологические аспекты женского алкоголизма // Омский

---

1. Kunts Ye. V. Crime among women and its prevention in modern Russia. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2006: 49. (In Russ.).

2. Antonyan Yu. M. Crime among women. Moscow: Russian Law; 1992: 256. (In Russ.).

3. Kazakova V. A. Women serving imprisonment (general characteristics): based on materials from a special census of convicts and persons in custody, 12—18 November 2009. Ed. by doctor of juridical sciences, prof. V. I. Seliverstov. Vol. 5. Moscow: Jurisprudence; 2011: 88. (In Russ.).

4. Golubovsky V. Yu., Kunts Ye. V. Personality of a female criminal in modern criminology. Bulletin of All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 17—22, 2022. (In Russ.).

5. Sheptulina N. N. Problems of improving legislation on women's labor. Labor law, 3—17, 2008. (In Russ.).

6. Lelekov V. A., Urosova T. V. Socio-economic determinants of female crime against family and minors. Russian investigator, 42—46, 2016. (In Russ.).

7. Abyzova E. R. Criminological study of the personality of women committing crimes and prevention of their criminal behavior. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2007: 21. (In Russ.).

8. Yakovlev D. Yu. Crimes against life committed by women and their prevention. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Saratov; 2016: 22. (In Russ.).

9. Lagoida N. G. The problem of marriage stability and the increase in the number of divorces in modern society. Bulletin of Buryat State University, 89—100, 2017. (In Russ.).

10. Timofeenko E. E. The problem of divorce in the modern world. Achievements of science and education, 103—105, 2017. (In Russ.).

11. Gladkov I. A. Social and psychological aspects of female alcoholism. Omsk Psychiatric Journal, 4—6, 2019. (In Russ.); Denisovich L., Lopatin V., Lopatina T. Social aspects of female alco-

психиатрический журнал. 2019. № 1 (19). С. 4—6.
Денисович Л., Лопатин В., Лопатина Т. Социальные аспекты женского алкоголизма // Врач. 2018. № 4. С. 9; Нечин М. Ю. Клинико-терапевтические характеристики алкогольной зависимости у женщин // Тюменский медицинский журнал. 2016. № 4. С. 37—38.

12. Алексеева М. Н., Прилепко Ю. В., Колпакова Н. А. Насилие в семье как социальная проблема // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 6—7 декабря 2013 г.). Улан-Удэ: Вост.-Сиб. гос. ун-т технол. и управления, 2013. С. 6—9.

Кунц Елена Владимировна,

ведущий научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования, член-корреспондент РАЕН;
73kuntc@mail.ru

holism. Doctor, 9, 2018. (In Russ.); Nechin M. Yu. Clinical and therapeutic characteristics of alcohol dependence of women. Tyumen Medical Journal, 37—38, 2016. (In Russ.).

12. Alekseeva M. N., Prilepko Yu. V., Kolkakova N. A. Domestic violence as a social problem. In: Forms and methods of social work in various spheres of life. Materials of the 2nd international scientific and practical conference, 6—7 December 2013, Ulan-Ude, Russia. Ulan-Ude: East Siberia State University of Technology and Management; 2013: 6—9. (In Russ.).

Kunts Yelena Vladimirovna,

leading researcher
at the department of development of methodologies for the execution of sentences related to imprisonment, and of the study of penitentiary crime of the security research center in institutions of the penal system of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honorary worker of higher professional education, corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences;
73kuntc@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.01.2024; одобрена после рецензирования 05.02.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 26.01.2024; approved after reviewing 05.02.2024; accepted for publication 14.05.2024.

* * *

УДК 343.97(574)

**ВНУТРИРЕСПУБЛИКАНСКАЯ МИГРАЦИЯ:
СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ДЕТЕРМИНАЦИИ
ПРЕСТУПНОСТИ КРУПНОГО ГОРОДА
(НА МАТЕРИАЛАХ ГОРОДА АСТАНЫ)**

Нурлан Дюсентаевич Бубербаев

Карагандинская академия МВД Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова, Караганда, Казахстан, fairuz2982@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются данные о внутриреспубликанской миграции населения и ее влиянии на показатели уровня преступности в регионах Казахстана, в том числе в главном городе страны — Астане. Изучение этого явления чрезвычайно важно для уяснения сложного комплекса проблем преступности мигрантов.

С конца 90-х гг. прошлого столетия и по настоящее время проблема преступности приезжих в Астане остается одной из самых сложных и неисследованных, не находящих своего практического разрешения. Она обусловлена масштабными процессами механического движения населения республики в столицу Казахстана, которые оказывают существенное влияние на криминогенную ситуацию в ней.

Результаты сопоставительного анализа уровня прибытия населения и уровня преступности подтвердили наличие зависимости между статистическими показателями миграции населения и ростом преступности, преимущественно проявляющейся в субуровневых административно-территориальных единицах с повышенной миграционной активностью населения.

На основе проведенного исследования делается вывод, что процесс механического движения населения республики в Астану стал одним из значимых факторов, обуславливающих преступность в столице Казахстана. Более половины зарегистрированных преступлений в столице совершены приезжими.

Ключевые слова: внутриреспубликанская миграция населения, преступность приезжих, миграция как фактор преступности крупного города, стационарная миграция, эпизодическая миграция, маятниковая миграция, криминогенная ситуация

Для цитирования: Бубербаев Н. Д. Внутриреспубликанская миграция: специфический фактор в детерминации преступности крупного города (на материалах города Астаны) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 18—27.

**INTRA-REPUBLICAN MIGRATION:
A SPECIFIC FACTOR IN DETERMINING
CRIME OF A LARGE CITY
(ON THE MATERIALS OF THE CITY OF ASTANA)**

Nurlan Dusentayevich Buberbaev

Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Barimbek Beisenov, Karaganda, Kazakhstan, fairuz2982@mail.ru

Abstract. In the article the data on intra-republican migration of the population and its influence on the indicators of crime rate in the regions of Kazakhstan is analyzed, including the main city of the country — Astana. The study of this phenomenon is incredibly important for the clarification of the complicated set of problems of migrant crime.

Since the late 90s of the last century and up to the present time, the problem of crime of newcomers in Astana remains one of the most difficult and unstudied, not finding its practical solution. It is caused by extensive processes of mechanical movement of the population of the republic to the capital of Kazakhstan, which have a significant influence on the criminogenic situation in it.

The results of the comparative analysis of the level of population arrival and crime rate verified the existence of the dependency between the statistical indicators of the population migration and crime growth, mostly appearing in sub-level administrative-territorial units with increased migration activity of the population.

On the basis of the performed research it is concluded that the process of the mechanical movement of the population of the republic to Astana has become one of the significant factors causing crime in the capital of Kazakhstan. More than half of the registered crimes in the capital are committed by newcomers.

Keywords: intra-republican migration of population, crime of newcomers, migration as a factor of crime in a large city, stationary migration, episodic migration, circular migration, criminogenic situation

For citation: Buberbaev N. D. Intra-republican migration: a specific factor in determining crime of a large city (on the materials of the city of Astana). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 18—27, 2024. (In Russ.).

Внутриреспубликанские миграционные процессы не только сыграли особую роль в социально-экономической, демографической, культурной жизнедеятельности столицы, но и повлияли на криминологическую ситуацию в ней. Исследование показало, что преступность в Астане в значительной степени определяется преступностью лиц, не являющихся ее постоянными жителями. Их влияние на преступность в столице — фактор настолько

значимый, что требует, по нашему мнению, особого внимания и анализа.

В таблице 1 представлена динамика уровня преступности с 2012 по 2022 г. по областям Казахстана и в городах Астана, Алматы и Шымкент, из анализа которой можно сделать вывод, что в двух крупнейших городах страны уровень преступлений остается стабильно выше, чем в других регионах.

Таблица 1

Уровень показателей преступности по регионам Казахстана (2012—2022 гг., на 10 000 населения)¹

Область, город	Год										
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Абай	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	64
Акмолинская	264	338	289	251	249	237	280	227	146	127	97
Актюбинская	264	396	338	310	287	232	279	188	120	118	113
Алматинская	164	229	218	201	208	194	236	163	96	96	111
Атырауская	193	234	227	266	250	214	189	158	101	102	113
Восточно-Казахстанская	295	370	331	278	270	263	278	203	149	135	164
Жамбылская	183	264	254	250	227	179	157	122	85	79	16
Жетису	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	46
Западно-Казахстанская	245	293	290	291	286	272	282	207	151	130	123
Карагандинская	287	336	273	310	297	258	371	182	135	127	133
Костанайская	401	457	420	365	314	272	301	215	146	140	125
Кызылординская	234	269	230	241	194	162	169	121	74	69	61,6
Мангистауская	134	188	181	179	165	139	142	102	73	72	70
Павлодарская	294	406	323	332	272	207	223	155	118	112	99
Северо-Казахстанская	213	266	272	255	231	184	214	167	121	122	114
Туркестанская обл. ² (ЮКО)	147	353	191	203	197	180	104	68	48	48	47
Улытау	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	87
г. Алматы	518	546	560	615	519	525	521	418	204	192	238
г. Шымкент	–	–	–	–	–	–	275	222	166	157	134
г. Астана	420	627	615	703	607	511	374	252	162	180	176

¹ Данные Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. URL: <http://pravstat.prokuror.kz/rus/o-kpsisu/deyatelnost-komiteta/analiticheskaya-informaciya> (дата обращения: 30.01.2023).

² О некоторых вопросах административно-территориального устройства Республики Казахстан: указ Президента Республики Казахстан от 19 июня 2018 г. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1800000702> (дата обращения: 24.05.2019).

Осмысление этого негативного явления и его деструктивных последствий предполагает изучение сложного комплекса социальных, экономических, социально-психологических, воспитательных, духовно-нравственных и идеологических противоречий, лежащих в основе его детерминации, в том числе связанных с внутриреспубликанскими миграционными процессами.

Население столицы Казахстана с конца 1990-х гг. формировалось за счет приезжих. Сегодня более 70 % жителей столицы это в прошлом выходцы из других регионов и городов республики, причем на протяжении последних двух десятилетий Астана по коэффициенту нагрузки внутриреспубликанской иммиграции занимает одно из ведущих мест в стране.

По данным Бюро национальной статистики Республики Казахстан, в среднем в год в столицу на постоянное место жительства переезжают от 35 до 40 тыс. чел. из других регионов и городов республики и более 2 млн чел. посещают ее. Основными регионами-донорами Астаны являются следующие области и города: Акмолинская область — 21,8 %, Туркестанская — 13,5 %, г. Алматы — 11,3 %, Восточно-Казахстанская область — 8,4 %, Карагандинская — 8 %, Костанайская — 7,6 %, Жамбылская — 7,3 %, Северо-Казахстанская — 4,6 %, Павлодарская — 4,2 %, Кызылординская — 3,8 %, Алматинская — 3 %, Актюбинская — 2,5 %, Западно-Казахстанская — 1,6 %, Мангыстауская — 1 %, Атырауская область — 0,8 %¹. Сальдо внутриреспубликанской миграции в Астане в период с 1998 по 2022 г. составило 985,1 тыс. чел.

Судя по представленным данным, можно утверждать, что за эти годы наплыв приезжих оказался настолько масштабным, что значительно превысил численность коренного населения.

Однако статистические данные о внутриреспубликанских миграционных потоках в Астане не вполне отражают реальную ситуацию. Официальная статистическая отчетность дает лишь приблизительное представление о численности прибывшего населения, поскольку количество неучтенного населения на территории города исчисляется несколькими десятками тысяч людей.

Миграция населения в крупные города объясняется рядом причин, связанных с особенностями социально-экономической, культурной ситуаций, административно-хозяйственной деятельности в них.

В первую очередь они обусловлены экономическими возможностями крупных городов, которые предлагают больше возможностей для занятости и достижения экономического благополучия. Высокий уровень экономического развития крупных городов, наличие разнообразных отраслей и предприятий, повышенный спрос на рабочую силу, а также высокий уровень жизни и денежных доходов привлекают приезжих, стремящихся улучшить свои экономические условия.

Сама по себе миграционная мобильность как фактор, способствующий развитию личности человека, вступает и взаимодействует с различными социальными группами, людьми, каждый из которых несет в себе уникальные знания, опыт, обычаи, моральные и культурные ценности. Такое разнообразие взаимодействий способствует росту и развитию человека, внося важный вклад в его личностное и культурное обогащение.

Между тем контингент внутриреспубликанских мигрантов, прибывающих в столицу, неоднороден по своему составу. В демографической литературе их классифицируют по множеству признаков: по продолжительности пребывания, мотивам и целям приезда и т. п. Однако все многообразие внутренних мигрантов, за исключением внутриселенческой миграции², в демографической науке дифференцируются на стационарных (безвозвратных), сезонных, эпизодических (временных) и маятниковых мигрантов [1].

Указанные разновидности внутренней миграции специфичны по своему характеру и преследуют различные цели.

Стационарная (безвозвратная) миграция в строгом значении этого термина соответствует своему этимологическому значению, т. е. характеризуется полной сменой постоянного места жительства. Она определяется желанием и возможностью человека обосноваться на новом месте окончательно. Стационарная миграция в отличие от иных разновидностей миграции оказывает постоянное влияние на экономическую и демографическую картину региона.

Сегодня внутренние миграционные процессы в Казахстане характеризуются интенсивным переселением экономически активного населения из сел и экологически неблагоприятных районов в города, и в особенности в крупные. Главной причиной безвозвратной миграции является то, что на современном этапе развитие сельского хозяйства в селе

¹ Демографическая статистика. URL: https://stat.gov.kz/region/268012/statistical_information/industry/7161 (дата обращения: 20.01.2021).

² Внутриселенческая миграция — перемещение людей в пределах одного населенного пункта.

не способно обеспечить достаточных возможностей для занятости, поэтому многие сельские жители вынуждены переезжать в города на постоянное место жительства.

Заметим, что статистические сведения учета внутренней миграции основываются на талонах статистического учета, заполняемых при регистрации (прописке) или снятии с учета по месту жительства на новом месте.

Так, в период с 2008 по 2023 г. доля городского и сельского населения страны изменилась в пользу городов. Если в 2008 г. численность городского населения Казахстана составляла 54,1 %, а сельского — 45,9 %, то на начало 2023 г. городское население страны уже составляет 62 %, соответственно сельское — 38 %¹.

Отрицательное сальдо внутренних перемещений претерпевают не только села, но и многие регионы страны, за исключением городов Алматы (35 302 чел.), Астана (33 798 чел.) и Шымкент (2 756 чел.), а также Алматинской области (898 чел.).² Указанные регионы являются крупными и устойчивыми центрами с точки зрения движения населения страны (рис. 1).

Последствия убыли населения в города, в особенности в крупные, создают демографический вакуум и отрицательно сказываются на экономическом развитии районов их прежнего места жительства.

Сезонные миграции — это территориальные перемещения людей, как правило трудоспособного населения, которые связаны с трудовыми процессами, на срок обычно в несколько месяцев. Характерным примером в данном случае может служить прибытие приезжих в крупные города в зимний период для уборки городских улиц от снега. Сезонные миграции возникают вследствие дефицита местных трудовых ресурсов, в результате различные отрасли и предприятия вынуждены привлекать рабочую силу из других регионов.

Эпизодическая (временная, возвратная) миграция — совершается на определенный период времени без перемены постоянного места жительства. Она характеризуется нерегулярностью и не отличается постоянством. Длительность пребывания эпи-

зодических мигрантов зависит от конкретной цели приезда — от нескольких часов до нескольких лет.

Контингент участников эпизодической миграции весьма разнообразен по своим масштабам и целям приезда. В юридической литературе к эпизодическим мигрантам относят: командированных, иностранных абитуриентов и студентов, учащихся, туристов и экскурсантов, людей, приехавших для проведения свободного времени (на каникулы, в отпуск), по семейным обстоятельствам (к родным, близким и т. д.), на лечение и консультации, с жалобами и заявлениями в центральные органы управления, лиц, приехавших в целях торговли на рынке сельхозпродуктами или изделиями кустарного производства либо для приобретения необходимых товаров, наконец, людей, находящихся в городе проездом (транзитных пассажиров) и т. п., а также особые категории лиц, приехавших с криминальными целями [2].

Современную социально-экономическую ситуацию в Астане невозможно представить без эпизодической миграции, которая, став одним из самых крупных социальных явлений конца 90-х гг. прошлого столетия, и сегодня продолжает оказывать решающее влияние на систему жизнеобеспечения столицы. В большей мере этот процесс коснулся граничащих с ней регионов и регионов с высокими темпами естественного роста населения, между которыми сложился устойчивый миграционный коридор с точки зрения движения населения в столицу. В ней, по мнению экспертов, участвует около миллиона человек, что составляет примерно 9 % экономически активного населения республики.

Сведения Бюро национальной статистики, публикуемые в ежегодных бюллетенях «Внутренняя миграция населения», содержат данные о количестве внутренних мигрантов, основывающиеся на талонах статистического учета, заполняемых приезжими при регистрации по месту жительства на срок от одного месяца и более. В то же время снятие с регистрационного учета производится автоматически по истечении срока временной регистрации, поэтому в талонах имеются лишь усеченные сведения. Часто внутренняя миграция не сопровождается такими формальными процедурами. Многие приезжие продолжают находиться в столице без регистрации (прописки), оставаясь зарегистрированными в районах прежнего места жительства. Соответственно, утверждать об объективных масштабах внутренней миграции населения в Астане, оперируя данными официальной статистики, не представляется возможным.

¹ Численность населения Республики Казахстан (на начало 2023 г.). URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/6373/> (дата обращения: 15.07.2023).

² Миграция населения Республики Казахстан (2022 г.). URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/6356/> (дата обращения: 13.06.2023).

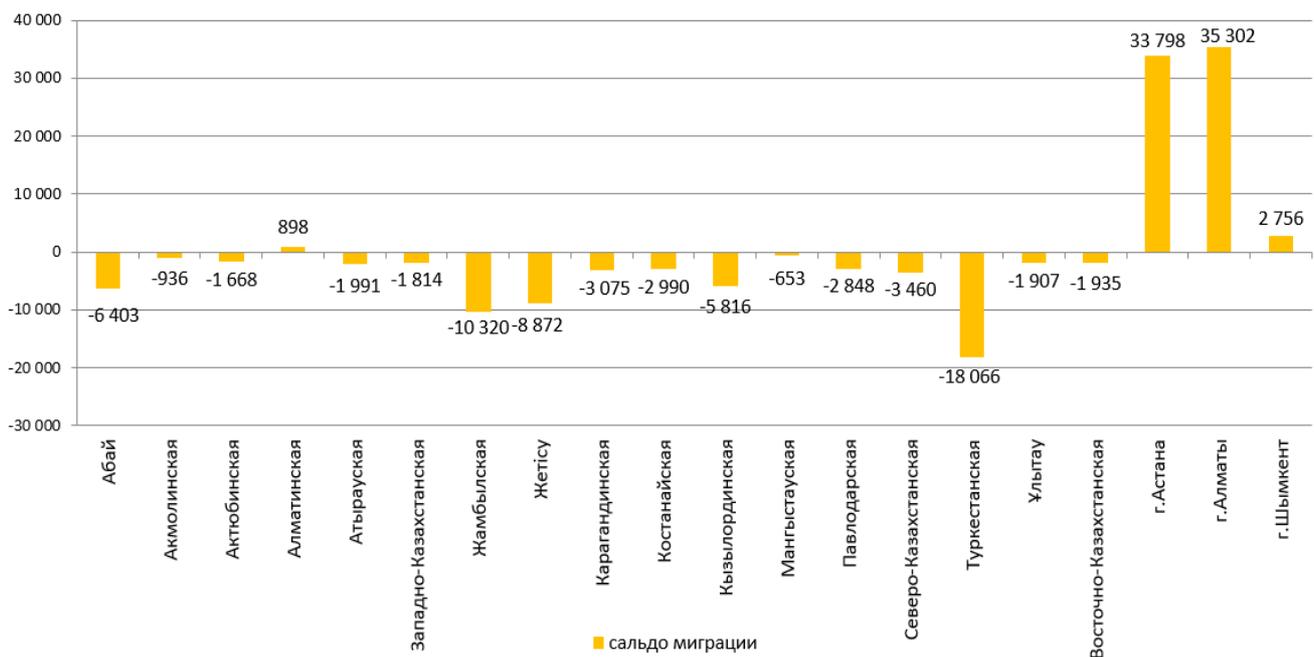

Рис. 1. Сальдо внутренней миграции в Казахстане в 2022 г.

Особый интерес для крупных городов, городских агломераций и мегаполисов вызывает такая разновидность эпизодических мигрантов, как маятниковые, время пребывания которых в городе ограничено.

Маятниковая миграция — это ежедневные, еженедельные территориальные перемещения людей из одного населенного пункта (места жительства) в другой (на работу, учебу и т. п.) и обратно. Она является результатом несоответствия размещения производства и расселения людей. В наиболее существенных масштабах она развита в пригородных зонах крупных городов, городских агломерациях, мегаполисах.

В этом случае Астана не является исключением. Социально-экономическое притяжение маятниковых мигрантов в столицу столь велико, что ежедневно из прилегающих к ней населенных пунктов, образующих столичную агломерацию, выезжают более 40 % экономически активного населения. Это прежде всего связано с работой, учебой многих жителей столичного пригорода.

К примеру, Астанинская агломерация имеет численность населения 1 480,1 тыс. чел., из которых на центр агломерации (г. Астана) приходится 1 354,5 тыс. чел., но днем за счет маятниковой миграции численность населения столицы увеличивается в среднем еще на 50 тыс. чел.

Этот процесс, по нашему мнению, будет прогрессировать и дальше в связи с тем, что демографический прирост (как естественный, так и искусственный) населения в этих населенных пунктах по-прежнему высок, а производственные предприятия, социальная инфраструктура в них (наличие школ, средних и высших учебных заведений, спортивные, культурно-развлекательные и иные объекты), несмотря на их динамичное развитие, так же недостаточны для удовлетворения потребностей собственного населения.

В своей совокупности цели рассмотренных категорий приезжих (стационарные, сезонные, эпизодические, маятниковые) не носят криминального характера. Но в силу определенных жизненных обстоятельств часть из них все-таки совершают преступления, заранее не планируя их.

Как справедливо замечают ученые, цели приезда некоторых мигрантов, временно прибывающих в город, имеют преступную направленность. Как правило, такие мигранты — это лица, приехавшие, чтобы совершить преступление («гастролеры»), а также скрыть ранее совершенное преступление в другой местности или избежать ответственности либо наказания за него. К этой группе относятся и приезжие, самовольно покинувшие место высылки, ссылки, иные места, где они обязаны находиться по приговорам суда. Сюда также

относятся и те, кто приехал в столицу, чтобы избежать строгого социального контроля, жить «беззаботно», уклоняясь от общественно полезного труда, используя для этого особенности крупного города (возможность случайных заработков, временные места ночевки и т. д.) [2].

Следовательно, в ряду эпизодических мигрантов находятся наиболее опасные в криминогенном смысле люди, цель которых — совершение преступлений в период их пребывания в столице. Это подтверждается и данными столичного Департамента полиции: часто серийные имущественные преступления в Астане совершаются лицами, специально прибывшими для этих целей. Большинство участников таких преступлений — профессиональные преступники. В основном они ориентированы на совершение квартирных¹ или карманных² краж.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что сложный и неоднозначный характер внутриреспубликанских миграционных процессов, сопровождающихся значительным притоком в столицу Казахстана, наряду с позитивными изменениями (в социальной, демографической, экономической сферах) также оказал негативное влияние. Так, еще одним естественным результатом интенсификации миграционных процессов стало изменение криминологической ситуации. Определенно, сейчас миграция является одним из ключевых факторов, влияющих на преступность в Астане, о чем свидетельствуют данные Центра оперативного управления Департамента полиции Астаны, преступность приезжих составила свыше 70 % всех совершаемых в городе преступлений³.

Эксперты Центра исследований прикладной экономики (AERC) указывают, что миграционный

¹ Свыше половины квартирных краж в Астане совершали иногородние. URL: <https://ru.sputnik.kz/20190207/astana-krazhi-inogorodniye-9200176.html> (дата обращения: 27.03.2023).

² Грабили в час пик в полных автобусах: воров-гастролеров задержали в Астане. URL: <https://www.nur.kz/incident/crime/1782808-grabili-v-cas-pik-v-polnyh-avtobusah-vorov-gastrolerov-zaderzali-v-astane/> (дата обращения: 27.03.2023).

³ Информация о преступлениях, совершенных иногородними и иностранными гражданами на территории г. Астаны за 12 месяцев 2019 г. // По данным Центра оперативного управления ДП г. Астана. URL: <http://mvd.gov.kz/portal/page/portal/ast/MAIN> (дата обращения: 15.03.2020).

прирост населения напрямую влияет на уровень преступности. Так, 1 % роста числа приезжих увеличивает общее количество преступлений на 0,66 %⁴.

Для выявления взаимосвязи миграции от преступности целесообразно провести сопоставительный анализ данных статистики о внутриреспубликанском движении населения с количеством зарегистрированных преступлений в областях и городах республиканского значения.

Среди показателей механического движения населения нас интересуют сведения о прибытии населения в конкретный регион страны в течение определенного периода, поскольку сопоставление абсолютных показателей числа прибывшего населения с числом зарегистрированных преступлений часто затруднено. Считаем целесообразным сравнивать коэффициенты преступности в регионах с коэффициентами прибывшего в них населения [3].

Названия областей и городов республиканского значения в табл. 2 расположены в порядке убывания соответствующего показателя, начиная с регионов, имевших высокие показатели прибывшего населения (см. табл. 2, 3).

Заметим, что коэффициент прибывших внутренних мигрантов рассчитан на основе данных статистического учета регистрации (прописки) граждан по месту жительства на новом месте. Соответственно, результаты сопоставительного анализа не охватывают весь контингент лиц, перемещенных внутри страны за отчетный период.

Так, среди 17 регионов из табл. 2 в тройку лидеров по коэффициенту прибывшего населения по внутренней миграции входят регионы с наибольшим коэффициентом зарегистрированных преступных деяний, и наоборот, регионы с менее низкими показателями прибывших имеют наименьшие коэффициенты зарегистрированных преступлений (Кызылординская область).

⁴ 1 % роста числа приезжих увеличивает общее количество преступлений на 0,66 %. URL: <https://aerc.org.kz/news/1-rosta-chisla-priezzhih-uvelichivaet-obshhee-kolichestvo-prestuplenij-na-066> (дата обращения: 30.01.2020).

Таблица 2

Сведения о соотношении показателей уровня прибытия населения и уровня преступности в регионах Казахстана в 2021 г.

Регион (область, город)	Коэффициент прибытия (на 10 тыс. чел)	Место по уровню прибывших	Коэффициент преступности (на 10 тыс. чел)	Место по уровню преступности
Астана	1 056	1	180	2
Алматы	578	2	192	1
Шымкент	509	3	157	3
Алматинская	413	4	96	13
Мангистауская	388	5	72	15
Акмолинская	370	6	127	7
Западно-Казахстанская	330	7	130	6
Актюбинская	309	8	118	10
Туркестанская	301	9	48	17
Павлодарская	274	10	112	11
Жамбылская	274	11	79	14
Атырауская	271	12	103	12
Костанайская	270	13	140	4
Карагандинская	257	14	127	8
Восточно-Казахстанская	251	15	135	5
Северо-Казахстанская	247	16	122	9
Кызылординская	240	17	69	16

Таблица 3

Сведения о соотношении показателей уровня прибытия населения¹ и уровня преступности в регионах Казахстана в 2022 г.

Регион (область, город)	2022 год			
	Коэффициент прибытия (на 10 тыс. чел)	Место по уровню прибывших	Коэффициент преступности (на 10 тыс. чел)	Место по уровню преступности
Астана	1 080,5	1	176,0	2
Алматы	609,2	2	238,5	1
Алматинская	536,5	3	110,8	11
Шымкент	438,5	4	134,4	4
Мангистауская	384,2	5	70,4	15
Акмолинская	380,3	6	96,8	13
Западно-Казахстанская	347,1	7	122,7	7
Актюбинская	326,2	8	113,1	9
Туркестанская	303,4	9	47,2	19
Жамбылская	272,4	10	69,6	16
Улытауская	271,9	11	87,4	14
Атырауская	271,5	12	113,0	10
Павлодарская	270,3	13	98,9	12
Карагандинская	266,0	14	132,5	5
Область Абай	260,2	15	63,7	17
Область Жетису	259,4	16	45,5	20
Восточно-Казахстанская	255,6	17	164,3	3
Кызылординская	255,1	18	61,6	18
Северо-Казахстанская	251,0	19	113,7	8
Костанайская	250,6	20	125,1	6

¹ Миграция населения Республики Казахстан (2022 г.). URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/6356/> (дата обращения: 15.07.2023).

В табл. 3 включены 20 регионов с аналогичными наименованиями показателей, но уже зафиксированными в 2022 г. Лидирующие позиции по коэффициенту прибывшего населения по внутренней миграции продолжают занимать регионы с наибольшим коэффициентом преступности (города Астана, Алматы, Шымкент). Регионы с низкими коэффициентами — Кызылординская область, области Жетису, Абай.

Разной в показателях между некоторыми регионами в 2021 г. с аналогичными показателями 2022 г. в определенной степени вызваны образованием трех новых регионов (область Абай путем выделения из состава Восточно-Казахстанской области, область Жетису из состава Алматинской области, область Улытау из состава Карагандинской области)¹.

В целом можно отметить, что между механическим движением населения и уровнем преступности вполне отражается зависимость указанных явлений. В частности, это касается регионов с повышенным притоком населения, результаты которых на протяжении исследуемого периода практически остаются аналогичными результатам, полученным в ходе сопоставительного анализа 2021 и 2022 гг.

Вместе с тем указанная зависимость проявляется не во всех, а лишь в большинстве случаев, о чем свидетельствует отсутствие совпадений между рассматриваемыми показателями в Алматинской, Мангыстауской, Туркестанской, Костанайской, Карагандинской, Восточно-Казахстанской и Северо-Казахстанской областях. Наличие различных криминогенных факторов (в том числе антикриминогенных, способных смягчить или нейтрализовать их), не вписывающихся в рамки типичной ситуации, свидетельствует об отсутствии строгих связей между внутриреспубликанской миграцией населения и преступностью. Это только обосновывает тезис о том, что «изменение значения фактора не всегда приводит к адекватным изменениям показателей преступности» [4, с. 144]. Поэтому преувеличивать криминогенное значение миграции нельзя.

Преступность представляет собой сложное социально-негативное явление, характер и динамика которого определяются широким спектром причин, условий и факторов, ее детерминирующих,

¹ О некоторых вопросах административно-территориального устройства Республики Казахстан: указ Президента Республики Казахстан от 3 мая 2022 г. № 887. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000887> (дата обращения: 15.07.2023).

а не только каким-либо одним явлением или процессом. Но в то же время не следует недооценивать криминогенного значения миграции в регионах с повышенной миграционной подвижностью населения.

Вопросы преступности приезжих в столице регулярно обсуждаются на совещаниях городских властей², в Министерстве внутренних дел, в столичном Департаменте полиции³, представителями общественности.

Чтобы объективно разобраться в сложившейся ситуации, понять реальные масштабы, социальную и правовую значимость преступности приезжих, целесообразно было бы рассмотреть ее в общей массе преступлений, совершаемых на территории Астаны, уяснить, какое место принадлежит ей в совокупности криминологических проблем столицы.

К сожалению, провести анализ количественных и качественных показателей отдельных видов и групп преступлений, совершаемых приезжими в крупных городах Казахстана, в том числе в Астане, не представляется возможным, поскольку действующая уголовная статистическая отчетность (находится в ведении Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан) не выделяет преступления внутриреспубликанских (эпизодических, сезонных, маятниковых) мигрантов в отдельную категорию, равно как и лиц, их совершивших. Хотя именно они, как показало наше исследование, оказывают значимое влияние на уровень преступности в столице и всю криминогенную ситуацию в ней.

Отсутствие статистической информации о преступлениях приезжих в крупных городах (в нашем случае в Астане), равно как и лиц, их совершивших, препятствует полной, объективной оценке реальных параметров преступности приезжих.

Более того, анализ и обобщение имеющихся статистических сведений дает возможность утверждать лишь об общих закономерностях внутриреспубликанской миграции населения в Астане. Делать выводы о наличии или отсутствии генетической

² Более 70 % всех преступлений в Астане совершаются иногородними. URL: <https://kazpravda.kz/n/bolee-70-vseh-prestupleniy-v-astane-sovershayutsya-inogorodnimi/> (дата обращения: 24.01.2015).

³ Кто совершает большинство преступлений в Астане, рассказали в полиции. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/sovershaet-bolshinstvo-prestupleniy-astane-rasskazali-491208/ (дата обращения: 16.02.2023).

связи между динамикой преступности и миграцией, равно как и судить о степени криминогенности той или иной категории приезжих в столице, можно лишь с большой долей условности на основании косвенных свидетельств (результатах анализа материалов уголовных дел, опроса практических работников органов, осуществляющих уголовное преследование), по этим же параметрам учитываются и лица, совершившие преступления.

Так, анализ изученных материалов уголовных дел показал, что 63 % преступлений на территории Астаны совершены лицами, прибывшими из других регионов и городов страны, из них 17,5 % — лица, прибывшие в столицу на постоянное место жительства (стационарные мигранты), которые на момент совершения преступления уже проживали в городе не более двух лет. Оставшиеся 45,5 % приезжих лиц, совершивших преступления, — эпизодические мигранты, прибывшие в столицу по трудовым и прочим причинам без намерения остаться на постоянное место жительства (доля маятниковых мигрантов среди них — 12 %).

В своей совокупности, как показали результаты анализа материалов уголовных дел, наиболее распространенными преступлениями приезжих (84 %) являются корыстные (кражи, неправомерное завладение автотранспортным средством без цели хищения, мошенничества и т. п.) и корыстно-насильственные преступления (грабежи, разбои и т. п.). Большая часть этих противоправных деяний носит характер ситуативных, случайных, заранее незапланированных преступлений, часто совершающихся в состоянии опьянения.

Если рассматривать территориальную принадлежность приезжих, совершивших преступления в столице, то среди них доминируют выходцы из Акмолинской области (24,2 %), половину составляют жители прилегающих к столице населенных пунктов (маятниковые мигранты — 12 %). Аналогичные результаты получены Центром оперативного управления Департамента полиции г. Астаны: при анализе задержанных иногородних лиц, совершивших преступления, основную долю составили выходцы Акмолинской области — 27,9 %. В целом эти показатели коррелируют с показателями о лицах, прибывших по межрегиональной миграции из Акмолинской области в Астану (21,8 %).

Объясняется это тем, что Астана ввиду своего географического положения находится в юго-восточной части Акмолинской области и граничит с двумя из 17 ее административных районов: на севере — с районом Шортанды, на западе, юге и востоке — с Целиноградским районом.

Известно, что с момента обретения Астаной статуса столицы численность населения Акмолинской области сократилась: если в 1998 г. в ней проживало 829,3 тыс. чел, в 2008 г. — 747,4 тыс. чел, то к 2022 г. — 785,7 тыс. чел. Это обусловлено большим оттоком людей в Астану. Население Акмолинской области ежегодно занимает первое место по числу прибывающих в столицу в процессе межрегиональной миграции.

Относительно остальной части приезжих, совершивших преступления, можно сказать следующее. При анализе материалов уголовных дел нами были обнаружены представители Туркестанской (Южно-Казахстанской) — 17,8 %, Костанайской — 9,6 %, Карагандинской — 8,7 %, Жамбылской — 7,2 %, Павлодарской — 5,6 %, Восточно-Казахстанской — 4,8 %, Алматинской — 2,6 %, Актыбинской областей — 1 %, г. Алматы — 5,6 %.

Утверждать о криминальной предрасположенности приезжих представителей названных регионов и городов республики можно с известной долей условности, ввиду того что выбранный для анализа объем уголовных дел недостаточен для формулировки обоснованных выводов, а проанализировать весь массив уголовных дел фактически невозможно по объективным причинам. Однако считаем, что полученная информация является исчерпывающей для понимания масштабов влияния внутриреспубликанских миграционных процессов на состояние преступности в столице.

Учитывая изложенное, можем сделать следующие выводы.

1. Столичные города — особый тип крупных городов. Они играют центральную роль в жизни страны, являются политическими, экономическими и культурными центрами, которые своими возможностями и перспективами приводят в действие процессы механического движения населения. Это в полной мере относится и к городу Астане.

Без преувеличения Астана является эпицентром республиканской миграции, ее специфические особенности оказывают влияние не только на численный, но и на структурный состав приезжающего населения. Эти особенности формируют разнообразие и соотношение отдельных групп в структуре мигрантской популяции.

2. Внутриреспубликанская миграция населения в Астане и ее вторичные последствия позволяют вести речь о том, что это крупное социальное явление, которое наряду с положительными сторонами имеет и отрицательные. Последние заключаются в совершаемых приезжими преступлениях, негативно влияющих не только на судьбы отдельных людей, но и на криминогенную ситуацию в целом.

Очевидно, что преступность приезжих является составной частью всей столичной преступности, доля которой, как показали результаты проведенного исследования, составляет более половины (63 %) от общего объема регистрируемой преступности.

3. Проблема внутриреспубликанской миграции населения в Астане является фактором, чрезвы-

чайно значимым в контексте ее криминологической характеристики. В перспективе следует ожидать еще большей актуализации проблемы преступности среди приезжих в столице из-за усиливающейся миграционной подвижности населения республики, это может привести к осложнению криминогенной ситуации в ней.

---

1. Демография: учеб. пособие / А. И. Щербаков, М. Г. Мдинарадзе, А. Д. Назаров, Е. А. Назарова; под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. А. И. Щербакова. Москва: ИНФРА-М, 2017. 216 с.

2. Бабаев М. М., Королева М. В. Преступность приезжих в столичном городе: учеб. пособие. Москва: Изд-во Акад. МВД СССР, 1990. 78 с.

3. Демографический ежегодник Казахстана: стат. сб. / гл. ред. Ж. Н. Шаймарданов. Нур-Султан: Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2022. 276 с.

4. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология (Общая часть): учеб. пособие. Томск: Изд. дом Том. гос. ун-та, 2017. 283 с.

---

1. Shcherbakov A. I., Mdinaradze M. G., Nazarov A. D., Nazarova E. A. Demography. Textbook. Ed. by dr. of economic sciences, prof. A. I. Shcherbakov. Moscow: INFRA-M; 2017: 216. (In Russ.).

2. Babaev M. M., Koroleva M. V. Crime of newcomers in the capital city. Textbook. Moscow: Publishing house Acad. of the USSR Ministry of Internal Affairs; 1990: 78. (In Russ.).

3. Demographic annual of Kazakhstan. Statistical compendium. General ed. Zh. N. Shaymardanov. Nur-Sultan: Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan; 2022: 276. (In Russ.).

4. Prozumentov L. M., Shesler A. V. Criminology (General part). Textbook. Tomsk: Publishing house Tomsk State University; 2017: 283. (In Russ.).

Бубербаев Нурлан Дюсентаевич,

старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Карагандинской академии МВД
Республики Казахстан
имени Баримбека Бейсенова;
fairuz2982@mail.ru

Buberbaev Nurlan Dusentayevich,

senior lecturer at the department
of criminal law and criminology
of the Karaganda Academy
of the Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Kazakhstan
named after Barimbek Beisenov;
fairuz2982@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.01.2024; одобрена после рецензирования 09.02.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 28.01.2024; approved after reviewing 09.02.2024; accepted for publication 14.05.2024.

* * *

УДК 343.255.5

**ПЫТКА: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА
И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ**

Наталья Александровна Егорова, Александр Георгиевич Егоров

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, egonatalex@yandex.ru

Аннотация. В науке уголовного права продолжается дискуссия по вопросам о понятии пытки и правовой регламентации уголовной ответственности за пытку, что в немалой степени обусловлено новеллами, введенными в уголовное законодательство Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ.

Появление в 1990-е гг. в уголовном законодательстве России понятия «пытка», практически неотличимого от истязания, не способствовало единообразному толкованию и применению уголовно-правовых норм. Исключение в 2022 г. квалифицирующего признака «с применением пытки» из статьи об истязании и введение его в составы превышения должностных полномочий и принуждения к даче показаний не решило проблемы, несмотря на приведенную в соответствии с нормами международного права дефиницию понятия «пытка».

Опираясь на исторические факты, авторы приходят к выводу: правовая природа пытки заключается в том, что это способ получения доказательственной информации в рамках юридического процесса. Поэтому уголовно-правовое значение пытки должно заключаться в ее признании дифференцирующим обстоятельством преступления со специальным субъектом — принуждение к даче показаний. В связи с этим внесены предложения по изменению редакций отдельных статей российского уголовного закона.

Ключевые слова: пытка, насилие, истязание, мучение, особая жестокость, превышение должностных полномочий, принуждение к даче показаний

Для цитирования: Егорова Н. А., Егоров А. Г. Пытка: правовая природа и уголовно-правовое значение // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 28—38.

**INVESTIGATIVE TORTURE:
LEGAL NATURE AND CRIMINAL LAW SIGNIFICANCE**

Natalia Alexandrovna Yegorova, Alexander Georgiyevich Yegorov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, egonatalex@yandex.ru

Abstract. In the science of criminal law there is an ongoing discussion on the concept of torture and the legal regulation of criminal liability for it, which is largely due to the innovations introduced into the criminal legislation by the Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation" dated July 14, 2022 No. 307-FZ.

In the 1990-s the appearance of the concept of "torture" in the criminal legislation of Russia, which is practically indistinguishable from torment, did not contribute to a uniform interpretation and application of the criminal-legal norms. In 2022 the exclusion of the qualifying feature of "with using torture" from the article on torture and its introduction into the elements of abuse of office and coercion to testify did not solve the problem despite the definition of the concept of "torture" brought into line with the international law.

Based on the historical facts, the authors of the article conclude that the legal nature of torture is in the fact that it is a way to obtain evidentiary information within the legal process. Therefore the criminal-legal significance of torture should be in its recognition as a differentiating responsibility (qualifying) circumstance of a crime with a special subject that is coercion to testify. In this regard the proposals to amend the interpretation / content of some articles of the Russian criminal law were made.

Keywords: investigative torture, violence, torment, suffering, particular cruelty, abuse of office powers, coercion to testify

For citation: Yegorova N. A., Yegorov A. G. Investigative torture: legal nature and criminal law significance. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 28—38, 2024. (In Russ.).

Вопрос о содержании понятия «пытка» и его уголовно-правовом значении — один из дискуссионных. Новеллы, внесенные в Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ, отразили существенные изменения законодательного подхода к пониманию пытки но, как представляется, степень актуальности данной проблемы осталась прежней.

Пытка как способ истязания заменена признаком совершения деяния «с особой жестокостью, издевательствами или мучениями для потерпевшего» (п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ). Этим же федеральным законом в ст. 286 УК РФ применение пытки введено в качестве «особо» особо квалифицирующего признака (ч. 4), у которого, в свою очередь, появился свой квалифицирующий признак — совершение деяния с применением пытки, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью (ч. 5). В статье 302 УК РФ применение пытки преобразовано из квалифицирующего в особо квалифицирующий признак (ч. 3), отличный от «обычных» насилия или издевательств (ч. 2).

В России и за рубежом с древних времен и до конца XVIII — начала XIX в. пытка была допустимым методом допроса участников процесса при осуществлении производства как по уголовным, так и по гражданским делам [1, с. 14, 40, 41, 43, 50, 62, 83, 85—87, 90; 2, с. 145—147; 3, с. 142—144]. Пытки применялись не только в светском, но и в церковном судопроизводстве [4, с. 147—150, 199; 5, с. 7—26, 32]. Формальный запрет пыток (в России — 27 сентября 1801 г.) означал их перевод из правового поля в разряд правонарушений, но, предположительно, не уничтожил фактическое их применение [6, с. 247].

В советский период развития российского государства запрещалось добиваться показаний обвиняемого «путем насилия, угроз и других подобных мер» (ст. 139 УПК РСФСР 1922 г., ст. 136 УПК РСФСР 1923 г.), но в действительности их применение имело место [7, с. 118—124, 128—130, 133—134; 8, с. 59—60].

Кодифицированному советскому уголовному законодательству понятие «пытка» долгое время не было известно. В УК РСФСР 1922 г. термин «пытка» не использовался, истязание рассматри-

валось в качестве квалифицирующего признака умышленного тяжкого телесного повреждения (ч. 2 ст. 149), а также умышленного нанесения удара, побоев или иного насильственного действия, причинившего физическую боль (ч. 2 ст. 157).

Аналогичный подход наблюдается в УК РСФСР 1926 г., где также не упоминалась пытка, а истязание было квалифицирующим признаком указанных выше преступлений (ч. 2 ст. 142 и ч. 2 ст. 146).

В УК РСФСР 1960 г. пытка (во множественном числе) как квалифицирующий признак похищения человека появляется уже в постсоветский период — в ст. 125.1, введенной Законом РФ от 29 апреля 1993 г. № 4901-1. Истязание же не только считается квалифицирующим признаком отдельных преступлений (наряду с мучением — в ч. 2 ст. 108, ч. 2 ст. 109,), но и обретает статус самостоятельного преступления (ст. 113) и альтернативного криминообразующего признака состава жестокого обращения с животными (ст. 230.1).

Примечательно, что упоминание о пытках наряду с насилием, другим жестоким или унижающим человеческое достоинство обращением или наказанием появилось в ч. 2 ст. 39 Конституции РСФСР 1978 г. (Конституции РФ в ред. от 21 апреля 1992 г.), а затем — в ч. 2 ст. 21 Конституции РФ, принятой 12 декабря 1993 г., т. е. пытка стала рассматриваться как нечто обособленное от насилия и других видов жестокости. В предыдущих советских конституциях — как в Конституциях СССР 1924 г., 1936 г., 1977 г., так и в Конституциях РСФСР 1918 г., 1925 г., 1937 г. — понятия «пытка» мы не находим. Объяснить это можно тем, что только в начале 1990-х гг. на самом высоком уровне было провозглашено соблюдение общепризнанных норм международного права, относящихся к правам человека, и их приоритет над российскими законами (ст. 32 Конституции РФ в ред. от 21 апреля 1992 г.). В Конституции РФ 1993 г. многонациональный народ России впервые назван частью мирового сообщества (см. преамбулу), которое к тому времени уже разработало документы, запрещающие пытки. Нормы международного права были признаны составной частью правовой системы российского государства (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ), и Россия предпринимала шаги по имплементации этих положений во внутригосударственное право.

В УК РФ 1996 г. первоначально пытка выступала в роли квалифицирующего признака составов истязания (п. «д» ч. 2 ст. 117) и принуждения к даче показаний (ч. 2 ст. 302 УК РФ). Понятие «пытка» в УК РФ не раскрывалось, что усложняло отграничение пытки от «простого» истязания в ч. 1 ст. 117 и от насилия и издевательств в ч. 2 ст. 302 УК РФ. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ ст. 117 УК РФ была дополнена примечанием, в котором содержалась дефиниция данного понятия: под пыткой подразумевалось «причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях».

Нетрудно заметить, что данным определением охватывались действия, указанные в диспозиции ч. 1 ст. 117 УК РФ, характерные для основного состава истязания, и ничего нового в содержание пытки не было привнесено. Указанное определение не способствовало появлению у пытки специфического содержания, которое обязательно для термина [9, с. 110]. Пожалуй, единственным отличием пытки от истязания как такового стала возможность причинения пыткой не только физических, но и нравственных страданий, которые не упоминаются в описании истязания (страдания «психические» и «нравственные» — не одно и то же). Однако, учитывая, что пытка считалась способом истязания, применение пытки (в контексте ст. 117 УК РФ) посредством причинения жертве исключительно нравственных страданий было невозможно, ведь истязание предполагает совершение насильственных действий, под которыми в УК РФ понимается только физическое насилие [10, с. 24]. Единственный мыслимый вариант, когда такое истязание может иметь место, — это истязание одного потерпевшего в присутствии другого, если последний испытывает нравственные переживания из-за страданий первого.

Научный поиск специфических черт пытки привел специалистов к выводу, что к данным признакам относятся «особо изощренные» способы воздействия на организм человека (в том числе с использованием орудий) [11, с. 47; 12, с. 170—171; 13, с. 122—123; 14, с. 347]; либо таковые признаки отсутствуют, и пытка неотличима от особой жестокости, издевательства, мучений, истязания [15, с. 112—113; 16; 17, с. 343—344; 18, с. 21—22; 19, с. 17; 20, с. 49—50; 21, с. 98] (даже если авторы воздерживаются от прямой констатации этого) [22, с. 83, 85; 23, с. 803]. Сторонники второй точки зрения усматривают особенности пытки лишь в ее субъективных признаках [24, с. 9, 25, с. 89—90].

Исключение в 2022 г. применения пытки из статьи о преступлении против здоровья и телесной неприкосновенности личности (истязании) и появление данного квалифицирующего обстоятельства в статьях о должностных преступлениях стало признанием того, что пытка как способ совершения преступления несвойственна уголовно наказуемым деяниям, совершаемым на почве межличностных (в том числе семейно-бытовых) отношений, и может иметь место только в сфере деятельности должностных лиц. Такой подход не только соответствует нормам международного права, но и приближает уголовно-правовое понятие «пытка» к его исконному значению. Однако данное решение означает «остановку на полпути»: обоснованно признав субъекта пытки специальным, законодатель не отказался от безграничной трактовки ее содержания и целей. Это привело к тому, что отличительные признаки пытки продолжают искать там, где их нет — в особенностях методов воздействия на жертву и мотивах субъекта пытки [26].

Предметом теоретических споров остается не только содержание понятия «пытка», но и вопрос об оптимальной правовой регламентации уголовной ответственности за пытку в российском уголовном праве. Среди вариантов решения данной проблемы — конструирование состава пытки с общим либо специальным субъектом [18, с. 10; 27, с. 21; 28, с. 41, 43; 29; 30, с. 105; 31, с. 47—48] и даже нескольких составов преступлений с разными основными объектами: здоровье, государственная власть, мир и безопасность человечества [32, с. 12—13, 74, 92, 152], в том числе с одновременным признанием пытки квалифицирующим обстоятельством других преступлений (предусмотренных ст. 110, 127.2, 128, 156, 163 УК РФ и др.) [18, с. 11, 24; 32, с. 13, 152, 175]; отказ от рассмотрения пытки в качестве чего-то отличного от истязания [33]; исключение из уголовного закона статьи об истязании [19, с. 17].

Ответить на поставленный вопрос невозможно без уяснения правовой природы пытки. В литературе пытка рассматривается в качестве способа принуждения, используемого при осуществлении функций государства [34, с. 54—55]; одного из древнейших инструментов судопроизводства; средства наказания, принуждения к работе, устрашения, достижения ритуальных целей, способа реализации садистских наклонностей [32, с. 16]. Такое многообразие функций, выполняемых пыткой, при отсутствии постоянных признаков ее объективной стороны серьезно затрудняет дефинирование данного понятия, а значит, и использование его в уголовном законе.

Как уже было сказано, пытка была и осталась, прежде всего, способом получения доказательственной информации в рамках юридического процесса: сначала правомерным, затем — преступным (хотя в последнее время обсуждается вопрос о допустимости так называемого «интенсивного допроса» в экстраординарных случаях) [35, с. 606—613].

Происхождение слова «пытка» в русском языке также свидетельствует в пользу указанного выше ограничительного ее понимания: «пытать» — значит «спрашивать» [36].

Показательно, что в проекте «О процессе в криминальных, или розыскных, пыточных делах», который относится к 1720—1727 гг. и считается источником, содержащим первое в истории российского права легальное определение пытки, указывалось, что «тортура, или пытка, хотя она телу весьма чувствительное оскорбление причиняет», есть средство «для испытания и изведывания правды» [37, с. 11—12].

На наш взгляд, именно такое определение наиболее точно передает *юридическую природу* пытки. Альтернативное более широкое понимание пытки (как наказания, средства поддержания дисциплины и т. п.) приводит к размыванию границ данного явления.

Исходя из этого, новое определение пытки (п. 1 примечаний к ст. 286 УК РФ) не соответствует ее правовой природе, несмотря на то что эта дефиниция максимально приближена к международно-правовым стандартам — прежде всего в части сужения круга субъектов применения пытки, какими, согласно международному праву, могут быть только «официальные лица».

Так, в ч. 1 ст. 1 Декларации о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 9 декабря 1975 г. (далее — Декларация 1975 г.) указано, что «пытка означает любое действие, посредством которого человеку намеренно причиняется сильная боль или страдание, физическое или умственное, со стороны официального лица или по его подстрекательству (выделено нами. — Н. Е., А. Е.) с целью получения от него или от третьего лица информации или признаний, наказания его за действия, которые он совершил, или в совершении которых подозревается, или запугивания его или других лиц»¹.

В пункте 1 примечаний к ст. 286 УК РФ под пыткой понимается «любое действие (бездействие), которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль либо физические или нравственные страдания, чтобы получить от него или третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера».

Данное определение распространено на ст. 286 и другие статьи УК РФ. Помимо ч. 4 ст. 286 и примечаний к данной статье, пытка упоминается в ч. 3 ст. 302 УК РФ, т. е. в описании составов преступлений со специальным субъектом, и больше нигде в тексте УК РФ не встречается.

В связи с этим основными объектами преступлений, совершаемых с применением пытки, выступают государственная власть, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, а также интересы правосудия. При пытке, осуществляемой в отношении лиц, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 302 УК РФ, обладающих процессуальным статусом, присутствует специальный потерпевший. Неоднократное упоминание в дефиниции пытки о «третьем лице» (от него субъект желает получить информацию, или за его поведение наказывает потерпевшего, или стремится запугать или принудить данное лицо к чему-либо) свидетельствует о возможности так называемой опосредованной пытки, когда физическое или психическое насилие применяется к иным лицам в целях оказания воздействия на участников процесса (последним причиняются нравственные страдания). Такие лица тоже могут быть потерпевшими от преступлений, совершенных с применением пытки.

Определение пытки в норме п. 1 примечаний к ст. 286 УК РФ весьма напоминает дефиницию, закрепленную в ч. 1 ст. 1 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. (далее — Конвенция ООН 1984 г.), где под пыткой подразумевается «любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой при-

¹ Организация Объединенных Наций: офиц. сайт, URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/torture.shtml (дата обращения: 08.02.2024).

чине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия»¹.

В отличие от норм Декларации 1975 г. и Конвенции 1984 г., в норме российского уголовного права определение пытки обоснованно дополнено указанием на бездействие. Далее часть определения из Конвенции 1984 г., в которой указаны адресат пытки, ее способы, цели и причины, воспроизводится почти дословно, с незначительными редакционными разночтениями. Фрагмент определения, где указан субъект пытки, по понятным причинам отсутствует в п. 1 примечаний к ст. 286 УК РФ, предусматривающей ответственность за должностное преступление.

Как видно из приведенных положений источников международного права, мировое сообщество, ставя задачу искоренения пыток, привержено идее оградить человека от самых разнообразных проявлений жестокости. При всей привлекательности этой идеи рецепция норм международного права имеет своим результатом недостаточную определенность понятия «пытка» — единственным надежным критерием пытки был и остается специальный субъект, который применяет пытку непосредственно, или подстрекает к ней, или попустительствует этому [24, с. 9].

Что касается объективной стороны пытки, то ни конвенционные нормы, ни анализируемая норма-дефиниция российского уголовного права не позволяют отличить пытку от истязания, мучения, особой жестокости и т. п. Так, согласно ч. 2 ст. 1 Декларации 1975 г., пытка есть «усугубленный... вид жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания». В пункте 1 примечаний к ст. 286 УК РФ подчеркивается, что при пытке причиняется «сильная» боль, физические же и нравственные страдания никакими особенностями не наделяются.

Как уже подчеркивалось ранее, в российском уголовном праве, которому известен состав истязания, истязание и пытка тождественны по объективной стороне, в связи с чем следует признать абсолютно верным исключение пытки из квалифицирующих признаков истязания. Правильность такого решения подтверждается судебной практикой.

¹ Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 08.02.2024).

В 2015 г. Мончегорским городским судом Мурманской области по пп. «д», «е» ч. 2 ст. 117 УК РФ осуждены А., Б. и В., которые последовательно наносили в различные части тела потерпевшего удары деревянной палкой, обухом и лезвием топора, камнями, а также кулаками и ногами, в результате чего потерпевший испытал физическую боль. Затем одним из подсудимых на голову потерпевшего был высыпан табак из портсигара, после чего потерпевшему были связаны руки и ноги, и в его адрес высказывались оскорбления и угрозы насилием в отношении его самого и его близких»².

В приведенной фабуле налицо признаки истязания, но непонятно, почему в действиях подсудимых суд усмотрел истязание с применением пытки. Как следует из обзора судебной практики, где содержится этот пример, аргументом в пользу такой квалификации стало причинение потерпевшему «нравственных» и «психических» страданий. Чем такие страдания отличались от присущих простому истязанию, не указано ни в извлечении из приговора, ни в какой-либо иной части данного документа.

К сожалению, позитивный смысл исключения признака «применение пытки» из п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ нивелируется изменением редакции данной нормы, в которой в роли альтернативных квалифицирующих признаков появились особая жестокость, издевательство, мучения для потерпевшего. Оценочный характер данных признаков делает почти неразрешимой проблему разграничения основного и рассматриваемого квалифицированного составов истязания (напомним, что к «особой жестокости» в известных актах толкования права отнесены, в том числе, пытки и истязание). По этой же причине перечисленные квалифицирующие признаки истязания достоверно не указывают на существенный «перепад» в уровне общественной опасности данного преступления при их наличии. Поэтому трудно согласиться с высказанными в некоторых научных публикациях положительными оценками данной новеллы [38, с. 13].

Российским законодателем в содержание пытки включены нравственные страдания (а не «умствен-

² Справка по результатам изучения судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с применением пыток (пункт «д» части 2 статьи 117 УК РФ и пункт «а» части 3 статьи 286 УК РФ) // Мурманский областной суд: офиц. сайт. URL: <https://oblsud.murm.sudrf.ru/modules.php?name=auction&rid=12> (дата обращения: 07.02.2024).

ные», как в Декларации 1975 г.) Однако в п. 1 примечаний к ст. 286 УК РФ, как и в Декларации 1975 г., и в Конвенции 1984 г., отсутствует упоминание о страданиях психических. Последние затрагивают не только интеллектуальную, но и волевую, и эмоциональную сферы человека, которые в совокупности составляют его психическую деятельность [39]. Нравственные страдания — только часть психических, они связаны с воздействием, в первую очередь, на моральные чувства потерпевшего — «третьего лица» при «опосредованной» пытке; либо самого лица, подвергнутого пытке (например, путем насильственных действий сексуального характера). Поэтому *более точным было бы определение пытки посредством указания на психические (наряду с физическими) страдания*. Нежелательно при этом дефинировать пытку при помощи понятий, характеризующих интенсивность и длительность воздействия на потерпевшего, а также продолжительность и глубину его страданий, — они имеют оценочный характер и не помогут отличить «пыточное» насилие от иного. Боль как ощущение, переживание субъективна [40, с. 58—59], еще более субъективна «сильная боль» в п. 1 примечаний к ст. 286 УК РФ.

В современных научных исследованиях содержание пытки определяется при помощи таких оценочных признаков, как «явно избыточное» насилие, «особые» страдания, «изошренное» унижение [26], «жестокое», «интенсивное» насилие [32, с. 13, 92] и т. п. Иногда ставится знак равенства между пыткой и телесными повреждениями, побоями, истязанием [41, с. 43], что лишнее подтверждает невозможность отграничения пытки по объективной стороне от насилия в п. «а» ч. 3 ст. 286, насилия или издевательств в ч. 2 ст. 302 УК РФ.

При анализе субъективной стороны пытки бесспорным видится ее прямоумышленный характер, так как причинение боли и страданий потерпевшему обязательно преследует цели, указанные в норме-дефиниции п. 1 примечаний к ст. 286 УК РФ. Проблема в том, что в действующей редакции нормы они настолько разнообразны, что под понятие пытки можно подвести насилие, преследующее любые цели. К целям применения пытки в ее легальной дефиниции отнесены: а) получение информации («сведений или признаний»); б) наказание за то или иное поведение (почему-то только «действие»); в) чувство страха («запугивание»); г) принуждение (не указано, к чему, следовательно, к любому поведению, в котором заинтересован субъект преступления).

Интересен такой альтернативный признак пытки, как «дискриминация». К какому элементу состава преступления он имеет отношение? Упоминание о «любой причине, основанной на дискриминации любого характера» сразу после перечня целей пытки говорит о том, что данный признак относится к внутренней причине анализируемого деяния — мотиву, а значит, к субъективной стороне. Данная часть формулировки, в которой дважды употребляется слово «любой», полностью заимствована из ч. 1 ст. 1 Конвенции 1984 г. и не отличается ясностью. Наличие разделительного союза «или» указывает на то, что при мотиве дискриминации ранее перечисленные цели могут не иметь места.

Но каково же содержание данного мотива? В статье 136 УК РФ под дискриминацией понимается «нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам».

Закрытый перечень обстоятельств, обуславливающих дискриминацию, неполный и может служить лишь ориентиром для установления содержания мотива дискриминации при пытке. Дискриминация (тем более дискриминация *любого характера*) — это ограничение прав и свобод человека в зависимости от любых его свойств [42] (кроме упомянутых в диспозиции ст. 136 УК РФ, это могут быть имя, рост, вес, заболевания, татуировки, пирсинг, пластические операции, предпочтение той или иной одежды или обуви, иные особенности внешности, сексуальная ориентация, занятость, привычки, увлечения и др.).

По букве закона, какая бы то ни было разновидность дискриминации может стать мотивом пытки, причем причинение боли либо страданий потерпевшему не всегда должно преследовать четко осознаваемую цель. В пункте 1 примечаний к ст. 286 УК РФ («умышленное» причинение боли или страданий) вид умысла не конкретизирован. Означает ли это, что при пытке по мотиву дискриминации возможен не только прямой, но и косвенный умысел? Казалось бы, ответ на этот вопрос зависит от того, наступили в результате действий (бездействия), образующих пытку, общественно опасные последствия в виде вреда здоровью или нет, и от психического отношения субъекта к данным последствиям. Но ведь главное в применении пытки (с точки зрения ее объективной стороны) — сама жестокость обращения с потерпевшим,

а не ее последствия. Субъективное отношение виновного к таким последствиям действительно может быть не только прямоумышленным (согласно позиции законодателя, даже неосторожным — см. ч. 5 ст. 286 УК РФ). Но само применение пытки, которое в российском уголовном праве в настоящее время является не самостоятельным преступлением, а сопутствующим обстоятельством, повышающим степень общественной опасности двух должностных преступлений, возможно только с прямым умыслом.

Буквальное толкование нормы п. 1 примечаний к ст. 286 УК РФ позволяет констатировать, что, помимо мотива дискриминации, возможны иные мотивы применения пытки (корысть, ненависть, карьеризм, ложно понятые интересы службы и др.) — столь же разнообразные, как и ее цели.

Все изложенное позволяет сделать ряд выводов.

1. *Правовая природа пытки* заключается в том, что это насильственный способ получения доказательственной информации. Из этого следует, что *уголовно-правовое значение пытки* должно заключаться в ее признании дифференцирующим обстоятельством (квалифицирующим) обстоятельством принуждения к даче показаний. Нет веских оснований для конструирования самостоятельного состава пытки. Вероятно, это было бы уместно при отсутствии в УК РФ статьи об истязании (как, например, в УК Республики Армения: в ст. 450 данного кодекса предусмотрена ответственность за пытку, состава истязания нет вообще¹). Однако он давно известен отечественному уголовному праву, и при появлении еще и состава пытки (или пыток) неизбежна конкуренция таких норм.

2. Отличить пытку от иных насильственных действий по объективной стороне невозможно. Понятие «пытка» должно стать гораздо меньшим по объему, чем закрепленное в примечании к ст. 286 УК РФ, за счет сокращения перечня целей применения пытки. К достоверным *отличительным признакам пытки* относятся: 1) узкоспециальный субъект — должностное лицо, осуществляющее процессуальную деятельность в сфере правосудия (данный субъект может как лично выполнять объективную сторону преступления, так и выступать его соучастником без непосредственного выполнения объективной стороны либо попустительствовать применению пытки другими лицами); 2) цель — получение доказательственной информации.

3. Ввиду того что превышение должностных полномочий с причинением потерпевшему физических или психических страданий при проведении допроса и иных следственных действий, связанных с получением доказательственной информации, образует специальный состав преступления (ст. 302 УК РФ), существование в ст. 286 УК РФ такого «особо» особо квалифицирующего признака, как применение пытки, нецелесообразно. Части 4 и 5 ст. 286 УК РФ, а также примечание к данной статье должны быть признаны утратившими силу. При особой жестокости превышения должностных полномочий, предусмотренного пп. «а», «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ, был бы достаточным учет данного обстоятельства в качествеотягчающего наказание (п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Дефиницию понятия пытки, содержащую отмеченные выше признаки, логично закрепить в норме примечания к ст. 302 УК РФ; часть вторую данной статьи признать утратившей силу.

Одновременно следовало бы изменить и редакцию ч. 1 ст. 302 УК РФ. Резонно и заслуживает внимания предложение не ограничивать круг потерпевших от данного преступления, что позволило бы признавать таковыми любых лиц, независимо от их процессуального положения, в том числе до возбуждения уголовного дела [43, с. 366, 368—369]. Считаем, что данной статьей следовало бы охватить принуждение к передаче процессуально значимой информации при производстве не только предварительного расследования, но и оперативно-разыскных мероприятий, дополнив соответствующим образом диспозицию ее ч. 1 (в частности, указав на «дачу объяснений»).

4. До внесения в уголовный закон предложенных изменений и в условиях отсутствия единых объективных критериев ограничения пытки от других форм жестокого обращения считаем возможным учитывать при квалификации преступлений, совершенных с применением пытки, данное Пленумом Верховного Суда Российской Федерации толкование понятия «особая жестокость» применительно к иным преступлениям. Упоминание о «пытках» в разъяснениях, касающихся «особой жестокости» убийства (п. 8 постановления № 1 от 27 января 1999 г.), изнасилования и насильственных действий сексуального характера (п. 11 постановления № 16 от 4 декабря 2014 г.), должно восприниматься как имеющее отношение лишь к случаям, когда указанные преступления совершаются в связи с использованием незаконных методов допроса и других следственных действий, связанных с получением доказательственной информации от участников процесса.

¹ Уголовный кодекс Республики Армения от 5 мая 2021 г. URL: http://parliament.am/law_docs_8/27052021HO199_rus.pdf (дата обращения: 22.03.2024).

1. Чельцов М. А. Уголовный процесс. Москва: Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1948. 624 с.
2. Бардеев К. А. История применения и запрета пытки в уголовном законодательстве России // Теория и практика общественного развития. 2023. № 2. С. 145—148.
3. Бардеев К. А. История пытки как средства уголовного процесса в западной правовой традиции // Теория и практика общественного развития. 2023. № 3. С. 142—145.
4. Ли Г. Ч. Возникновение и устройство инквизиции. Москва: Ломоносовъ, 2013. 208 с.
5. Грекулов Е. Ф. Православная инквизиция в России. Москва: Наука, 1964. 170 с.
6. Желудков М. А., Бетина А. Ю. Историко-правовой анализ запрета на применение пыток при расследовании преступлений // Государственно-правовые исследования. 2021. № 4. С. 244—249.
7. Мельгунов С. П. Красный террор в России 1918—1923. Москва: СП «ПУИСО»: «Р. С.», 1990. 210 с.
8. Синельщиков Ю. П. Место уголовного процесса в Большом терроре 1937—1938 гг. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2012. № 1. С. 53—62.
9. Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей: монография. Волгоград: БЮИ МВД России, 1998. 224 с.
10. Безручко Е. Использование термина «насилие» в уголовном законодательстве России // Уголовное право. 2014. № 5. С. 24—26.
11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / под общ. ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. Москва: ИНФРА М — НОРМА, 1996. 592 с.
12. Курс уголовного права: учеб. для вузов: в 5 т. / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. Т. 3: Особенная часть. Москва: Зерцало-М, 2002. 468 с.
13. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций. В 3 т. Т. 2. Особенная часть (главы I—X). 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Волтерс Клувер, 2007. 504 с.
14. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. Т. II: Преступления против личности. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2008. 682 с.
15. Даурова Т. Г., Лиценбергер О.А. Уголовно-правовая защита конституционных прав личности: учеб. пособие. Саратов: Поволжская акад. гос. службы им. П. А. Столыпина, 2003. 172 с.
1. Cheltsov M. A. Criminal procedure. Moscow: Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR; 1948: 624. (In Russ.).
2. Bardeyev K. A. History of the use and prohibition of torture in the criminal legislation of Russia. Theory and practice of social development, 145—148, 2023. (In Russ.).
3. Bardeyev K. A. History of torture as a means of criminal proceedings in the western legal tradition. Theory and practice of social development, 142—145, 2023. (In Russ.).
4. Li G. Ch. The emergence and structure of the inquisition. Moscow: Lomonosov; 2013: 208. (In Russ.).
5. Grekulov Ye. F. Orthodox inquisition in Russia. Moscow: Nauka; 1964: 170. (In Russ.).
6. Zheludkov M. A., Betina A. Yu. Historical and legal analysis of the ban to use torture, while investigating crimes. State and legal studies, 244—249, 2021. (In Russ.).
7. Melgunov S. P. Red terror in Russia of 1918—1923. Moscow: SP "PUICO": "P. S. "; 1990: 210. (In Russ.).
8. Sinelshchikov Yu. P. Criminal procedure in the great terror of 1937—1938. Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series "Legal sciences", 53—62, 2012. (In Russ.).
9. Pikurov N. I. Criminal law in the system of inter-industry relations. Monograph. Volgograd: the Volgograd Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; 1998: 224. (In Russ.).
10. Bezruchko Ye. Using the term "violence" in the criminal legislation of Russia. Criminal law, 24—26, 2014. (In Russ.).
11. Commentary to the Criminal code of the Russian Federation. Special part. Ed. by Yu. I. Skuratov and V. M. Lebedev. Moscow: INFRA M—NORMA; 1996: 592. (In Russ.).
12. Course of criminal law: textbook for universities. In 5 vols. Special part. Ed. by G. N. Borzenkov, V. S. Komissarov. Moscow: Zertsalo-M; 2002: 468. (In Russ.).
13. Naumov A. V. Russian criminal law: lecture course. In 3 vols. Vol. 2. Special part (chapters I—X). 4th ed., rev. and enlarged. Moscow: Wolters Kluwer; 2007: 504. (In Russ.).
14. Complete course of criminal law. In 5 vols. Vol. II. Crimes against the person. Ed. by A. I. Korobeyeva. Saint Petersburg: Legal Center Press; 2008: 682. (In Russ.).
15. Daurova T. G., Litsenberger O. A. Criminal-legal protection of constitutional rights of the individual. Textbook. Saratov: The Volga Region Academy of the State Service named after P. A. Stolypin; 2003: 172. (In Russ.).

16. Кузнецов А., Нуркаева Т. Вопросы уголовно-правовой охраны здоровья в свете изменений и дополнений Уголовного кодекса // Уголовное право. 2004. № 3. С. 34—38.

17. Расторопов С. В. Уголовно-правовая охрана здоровья человека от преступных посягательств: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2006. 489 с.

18. Чобанян Р. С. пытка: уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва: Моск. гос. юрид. акад., 2007. 30 с.

19. Векленко В., Галюкова М. Истязание и пытка: уголовно-правовой анализ // Уголовное право. 2007. № 4. С. 15—18.

20. Благов Е. В. Особенная часть уголовного права в 20 лекциях: курс лекций. Москва: Юрлитинформ, 2012. 416 с.

21. Казакова В. А. Иные насильственные преступления против здоровья // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 94—102.

22. Красиков А. Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов: Полиграфист, 1996. 212 с.

23. Энциклопедия уголовного права. Т. 13: Преступления против жизни и здоровья. Изд. проф. Малинина. Санкт-Петербург: МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2013. 957 с.

24. Пестерева Ю. С. Уголовно-правовая характеристика истязания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. 27 с.

25. Аснис А. Я. пытки: проблемы толкования и пути совершенствования уголовного законодательства // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 6. С. 85—94.

26. Борков В. Н. Отграничение пытки от применения насилия или специальных средств при превышении должностных полномочий // Уголовное право. 2022. № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

27. Дворянсков И. Уголовная ответственность за пытку и иное бесчеловечное или унижающее достоинство обращение с заключенными // Уголовное право. 2003. № 4. С. 19—21.

28. Кривошеин П. пытка: понятие, признаки // Уголовное право. 2005. № 5. С. 40—43.

29. Правозащитные организации требуют ввести в УК отдельную статью о пытках // Коммерсантъ. 2021. 27 дек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5152996> (дата обращения: 14.11.2023).

30. Журтов А. Б. К вопросу об ответственности за пытки в Российской Федерации // Соци-

16. Kuznetsov A., Nurkayeva T. Issues of criminal-legal protection of health in terms of amendments and additions to the criminal code. Criminal law, 34—38, 2004. (In Russ.).

17. Rastoropov S. V. Criminal-legal protection of human health from criminal attacks. Monograph. 2nd ed., rev. and enlarged. Saint-Petersburg: Legal Center Press; 2006: 489. (In Russ.).

18. Chobanyan R. S. Investigative torture: criminal-legal and criminological research. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow: Moscow State Law Academy; 2007: 30. (In Russ.).

19. Veklenko V., Galyukova M. Torture and torment: criminal-legal analysis. Criminal law, 15—18, 2007. (In Russ.).

20. Blagov Ye. V. Special part of criminal law in 20 lectures. Lecture course. Moscow: YurLitinform; 2012: 416. (In Russ.).

21. Kazakova V. A. Other violent crimes against health. Gaps in the Russian legislation, 94—102, 2018. (In Russ.).

22. Krasikov A. N. Criminal-legal protection of human rights and freedoms in Russia. Saratov: Polygraphist; 1996: 212. (In Russ.).

23. Encyclopedia of criminal law. Vol. 13. Crimes against life and health. Published by professor Malinin. Saint Petersburg: International Institute of Economics and Law at the IPA of the Eurasian Economic Community; 2013: 957. (In Russ.).

24. Pestereva Yu. S. Criminal-legal characteristics of torture. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Tyumen, 2008: 27. (In Russ.).

25. Asnis A. Ya. Torture: problems of interpretation and ways to improve criminal legislation. Gaps in the Russian legislation, 85—94, 2019. (In Russ.).

26. Borkov V. N. Distinction between torture and the use of violence or special means in excess of official powers. Criminal law, 2022. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

27. Dvoryanskov I. Criminal responsibility for torture and other inhuman or degrading treatment of prisoners. Criminal law, 19—21, 2003. (In Russ.).

28. Krivoshein P. Torture: concept, signs. Criminal law, 40—43, 2005. (In Russ.).

29. Human rights organizations demand to introduce a separate article on torture into the Criminal Code. Kommersant, 2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5152996> (date of reference: 14.11.2023).

30. Zhurtov A. B. On the issue of responsibility for torture in the Russian Federation. Social and political sciences, 103—106, 2020. (In Russ.).

ально-политические науки. 2020. Т. X, № 2. С. 103—106.

31. Рогачева М. Ю. О некоторых вопросах «пытк» в России // *Nauka.me*. 2022. № 1. С. 44—50. URL: <https://nauka.me/S24132888019662-2-1> (дата обращения: 17.02.2024).

32. Бардеев К. А. Пытка как уголовно-правовой феномен: компаративистское исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: КубГУ, 2023. 221 с.

33. Нагорная М. Владимир Путин рекомендовал до 1 июля рассмотреть законопроект, уточняющих понятие «пытка» // *Адвокатская газета*. 2022. 1 февр. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vladimir-putin-rekomendoval-do-1-iyulya-rassmotret-zakonoproekt-utochnyayushchiy-ponyatie-pytka/> (дата обращения: 09.02.2024).

34. Лейн Б. Энциклопедия пыток и казней. Москва: Алгоритм, 2018. 412 с.

35. Романовский Г. Б., Романовский В. Г. Трансформация запрета пыток в условиях нарастания террористических угроз // *Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та. Серия «Право»*. 2022. Т. 13, вып. 3. С. 599—616.

36. Этимологические онлайн-словари русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/%D0%BF/%D0%BF%D1%8B%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 24.11.2023).

37. Акельев Е. В., Бабкова Г. О. Практика розыскного процесса в Сысском приказе (1730—1750-е годы) // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2011. № 4 (ч. 1). С. 9-22.

38. Амирова Д. К., Фаизова Д. Л. Уголовно-правовые проблемы квалификации истязания (статья 117 Уголовного кодекса Российской Федерации) // *Ученые записки Казанского юридического института МВД России*. 2023. Т. 8, № 1. С. 7—14.

39. Еникеев М. И. Общая и социальная психология: учебник. Санкт-Петербург, 2001. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/enikeev/065.htm?ysclid=lshosgw2hy482613152> (дата обращения: 11.02.2024).

40. Ярославская М. А., Пфаф В. Ф., Николаенко Э. М. Медико-психологический подход в проблеме понимания феномена «боли» // *Медицина*. 2017. № 1. С. 56—79. URL: <https://fsmj.ru/download/17/07.pdf?ysclid=lt8zz38u7345877985> (дата обращения: 01.03.2024).

41. Лимарь А. С., Михайлова И. А. Особенности квалификации превышения должностных полномочий // *Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина*. 2023. № 2. С. 39—44.

31. Rogachyeva M. Yu. On some issues on «torture» in Russia. *Nauka.me*, 44—50, 2022. URL: <https://nauka.me/S241328880019662-2-1> (Available from: 17.02.2024).

32. Bardeyev K. A. Investigative torture as a criminal law phenomenon: A comparative study. Dissertation of candidate of juridical sciences. Krasnodar: the State University of Kuban; 2023: 221. (In Russ.).

33. Nagornaya M. Vladimir Putin recommended to consider the bill clarifying the concept of "torture" by 1, July. *Advocate newspaper*, 2022. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vladimir-putin-rekomendoval-do-1-iyulya-rassmotret-zakonoproekt-utochnyayushchiy-ponyatie-pytka/> (Available from: 09.02.2024).

34. Lane B. Encyclopedia of torture and executions. Moscow: Algorithm; 2018: 412. (In Russ.).

35. Romanovsky G. B., Romanovsky V. G. Transformation of the prohibition of torture in the context of increasing terrorist threats. *Journal of the Saint-Petersburg State University. Series "Law"*, 599—616, 2022. (In Russ.).

36. Etymological online dictionaries of the Russian language. URL: <https://lexicography.online/etymology/%D0%BF/%D0%BF%D1%8B%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C> (Available from: 24.11.2023).

37. Akelyev Ye. V., Babkova G. O. The practice of the search process in the detective order (1730—1750-s). *Historical and legal problems: New Perspective*, 9—22, 2011. (In Russ.).

38. Amirova D. K., Faizova D. L. Criminal-legal problems of qualification of torture (Article 117 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*, 7—14, 2003. (In Russ.).

39. Yenikeev M. I. General and social psychology. Textbook. Saint Petersburg; 2001. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/enikeev/065.htm?ysclid=lshosgw2hy482613152> (Available from: 11.02.2024).

40. Yaroslavskaya M. A., Pfaff V. F., Nikolaenko E. M. Medical and psychological approach to the problem of understanding the phenomenon of "pain". *Medicine*, 56—79, 2017. URL: <https://fsmj.ru/download/17/07.pdf?ysclid=lt8zz38u7345877985> (Available from: 01.03.2024).

41. Limar A. S., Mikhailova I. A. Specifics to qualify abuse of office powers. *Journal of the Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after I. D. Putilin*, 2003: 44. (In Russ.).

42. Gadzhiev Ye. S., Gusov K. N. Discrimination. In: *Great Russian Encyclopedia of 2004—2017*. URL: <https://old.bigenc.ru/law/text/1958348> (Available from: 13.02.2024).

42. Гаджиев Е. С., Гусов К. Н. Дискриминация // Большая российская энциклопедия 2004—2017. URL: <https://old.bigenc.ru/law/text/1958348> (дата обращения: 13.02.2024).

43. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2005. 491 с.

43. Gorelik A. S., Lobanova L. V. Crimes against justice. Saint Petersburg: Legal Center Press; 2005: 491. (In Russ.).

Егорова Наталья Александровна,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
egonatalex@yandex.ru

Yegorova Natalia Alexandrovna,
professor at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
egonatalex@yandex.ru;

Егоров Александр Георгиевич,
профессор кафедры основ
экспертно-криминалистической деятельности
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, профессор;
egonatalex@yandex.ru

Yegorov Alexander Georgiyevich,
professor at the department of foundations
of the forensic activity
for the educational and scientific complex
of the forensic science activity
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, full professor;
egonatalex@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 13.03.2024; одобрена после рецензирования 26.03.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 13.03.2024; approved after reviewing 26.03.2024; accepted for publication 14.05.2024.

* * *

УДК 343.25

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Алексей Юрьевич Зотов*, **Михаил Николаевич Кузьмин****, **Сергей Сергеевич Кравцов*****

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, b-a-baracus@mail.ru

** Ростовский институт защиты предпринимателя, Ростов-на-Дону, Россия, mihail_kuzmin@mail.ru

*** Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, Kravtsov-sss@yandex.ru

Аннотация. В статье авторы акцентируют внимание на том, что Международный пакт о гражданских и политических правах не запрещает смертную казнь, а только содержит ограничения на ее применение. К таким ограничениям, в частности, относятся: справедливое судебное разбирательство (с учетом презумпции невиновности и права на пересмотр приговора), применение данного вида наказания только за совершение наиболее тяжких преступлений, запрет на ретроактивное вынесение смертных приговоров.

Констатируется, что в декабре 2022 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, призывающую к установлению моратория на казни в целях полной отмены смертной казни, в результате чего в 2022 г. еще шесть стран отменили смертную казнь за совершение любых преступлений.

Авторы делают вывод о том, что, несмотря на глобальную тенденцию к отмене смертной казни и все возрастающее число стран, отказывающихся от этого вида наказания, в 2022 г. произошло значительное увеличение числа смертных казней во всем мире, в основном из-за резкого роста казней в Иране, Саудовской Аравии и Китае. Эти казни часто назначаются за совершение преступлений, связанных с наркотиками, что, безусловно, вызывает обеспокоенность международного сообщества.

Ключевые слова: смертная казнь, убийство, расстрел, повешение, электрический стул, наказание

Для цитирования: Зотов А. Ю., Кузьмин М. Н., Кравцов С. С. Глобальные тенденции применения смертной казни // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 39—45.

GLOBAL TRENDS TO IMPOSE THE DEATH PENALTY

Alexey Yurievich Zotov*, **Mikhail Nickolayevich Kuzmin****, **Sergey Sergeevich Kravtsov*****

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, b-a-baracus@mail.ru

** The Rostov Institute of Protection of Businessman, Rostov-on-Don, Russia, siniza007@mail.ru

*** Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, Kravtsov-sss@yandex.ru

Abstract. In the article the authors pay attention to the fact that the International Covenant on Civil and Political Rights does not prohibit the death penalty, but only contains restrictions to impose it. Such restrictions, in particular, include: a fair trial (taking into account the presumption of innocence and the right to review the sentence), the imposition of this type of punishment only for the most serious crimes, a ban on retroactive imposition of death sentences.

It is stated that in December 2022, the UN General Assembly adopted a resolution calling for a moratorium to impose the death penalty in order to completely abolish it, as a result of which in 2022 six countries abolished the death penalty for committing any crimes.

The authors conclude that, despite the global trend towards the abolition of the death penalty and the increasing number of countries abolishing this type of punishment, in 2022 there was a significant increase in the number of death penalties all over the world, mainly due to a sharp increase in death penalties in Iran, Saudi Arabia and China. These death penalties are often imposed for drug-related offences, which is certainly a matter of international concern.

Keywords: death penalty, murder, shooting, hanging, electric chair, punishment (penalty)

For citation: Zotov A. Yu., Kuzmin M. N., Kravtsov S. S. Global trends to impose the death penalty. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 39—45, 2024. (In Russ.).

Хотя смертная казнь не запрещена Международным пактом о гражданских и политических правах (далее — МПГПП)¹ или каким-либо другим международным договором, существует ряд действующих документов, отменяющих смертную казнь, подписанных лишь небольшим количеством государств-участников. Иными словами, международное право в настоящее время не запрещает смертную казнь, но то, как она применяется, свидетельствует о ее отмене во всем мире.

На международном уровне наиболее важным договорным положением, касающимся смертной казни, является ст. 6 МПГПП. На момент разработки данного нормативного акта (1947—1966 гг.) только десять стран отменили смертную казнь, но, тем не менее, в мировом сообществе велись дебаты относительно ее статуса согласно пакту.

Так, анализ ст. 6 МПГПП позволяет выделить ряд ограничений, касающихся вынесения смертного приговора:

- право на справедливое судебное разбирательство до вынесения смертного приговора;
- ограничение применения смертной казни — только за самые тяжкие преступления;
- запрет на вынесение смертного приговора в случае нарушения других прав МПГПП;
- запрет на ретроактивное вынесение смертного приговора;
- право просить о помиловании или замене смертного приговора;
- запрет на казнь лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста на момент совершения преступления;
- запрет на казнь беременных женщин.

В дополнение к этим ограничениям появляются и другие традиционные ограничения, включая (но не ограничиваясь ими) тенденции к отмене казней психически больных и матерей с младенцами-иждивенцами.

Первые три ограничения остаются расплывчатыми и противоречивыми, поэтому следует проанализировать их более глубоко.

«Произвольно лишен» — право на справедливое судебное разбирательство

Статья 6 требует справедливого судебного разбирательства перед вынесением смертного приговора по двум основаниям: 1) защита от «произвольного лишения» жизни и 2) требование о том,

чтобы смертный приговор не выносился в случае нарушения пакта иным образом. В интерпретации Комитета по правам человека (органа, ответственного за мониторинг соблюдения государствами — участниками МПГПП) это означает, что во всех судебных процессах, требующих смертной казни, должно проводиться справедливое судебное разбирательство с соблюдением всех положений МПГПП, без которого смертный приговор не может быть назначен.

Сюда входят признанные международные требования, включая своевременное и подробное информирование о предъявленных обвинениях, предоставление письменного или устного перевода на язык обвиняемого, презумпция невиновности; достаточное время для подготовки защиты; проведение судебного разбирательства без неоправданной задержки; проведение слушания независимым и беспристрастным судом и право пересмотра судом более высокой инстанции².

Это толкование было поддержано и расширено Европейским судом по правам человека, который заявил в своем решении 2005 г. следующее: «По мнению Суда, вынесение смертного приговора лицу после несправедливого судебного разбирательства означает неправомерное создание у него опасения, что оно будет казнено... Такие страдания нельзя отделить от несправедливости судебного разбирательства, лежащего в основе приговора, который, учитывая, что на карту поставлена человеческая жизнь, становится незаконным согласно Конвенции. Принимая во внимание отказ договаривающихся сторон от смертной казни, которая больше не рассматривается как имеющая какое-либо законное место в демократическом обществе, вынесение смертного приговора в таких обстоятельствах само по себе должно рассматриваться как форма бесчеловечного обращения»³.

Ограничение применения смертной казни — только за наиболее тяжкие преступления

Хотя ограничение, связанное с применением смертной казни за совершение наиболее тяжких преступлений, является устоявшимся принципом международного права, ему не хватает уточнения.

² Reid v Jamaica Communication № 250/1987, Views adopted on 20 July 1990 at para 11.5, U.N. Doc. CCPR/C/51/D/355/1989 (1994).

³ Ocalan v Turkey European Court of Human Rights (First Section) Application 46221/99, Judgement of 12 May 2005 at para 169.

¹ Действующее международное право. В 3 т. Т. 2. Москва: МНИМП, 1996.

Так, в 1984 г. Экономический и Социальный Совет ООН опубликовал Гарантии защиты прав лиц, приговоренных к смертной казни. Данный документ предусматривал, что наказание в виде смертной казни может быть назначено лишь за совершение преступлений, в результате которых умышленно причинялась смерть или иные особо тяжкие последствия. Хотя эти гарантии не имеют юридической силы, они были одобрены Генеральной Ассамблеей ООН, что свидетельствует о широком международном признании. Вместе с тем на заседаниях ООН неоднократно поднимался вопрос о невозможности и недопустимости назначения наказания в виде смертной казни за совершение преступлений в сфере экономики, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, а также преступлений, связанных с прелюбодеянием, проституцией и сексуальной ориентацией [1].

Однако эта интерпретация оспаривается рядом стран и поэтому не может считаться общепринятой. Например, некоторые исламские государства считают прелюбодеяние и вероотступничество одними из самых тяжких преступлений, в то время как другие к наиболее тяжким преступлениям относят политические и экономические преступления. В Сингапуре таковыми считают преступления, связанные с наркотиками. Многие из этих взглядов не поддерживаются на международном уровне, и Комитет по правам человека конкретно заявил, что «назначение... смертной казни за преступления, которые нельзя охарактеризовать как наиболее тяжкие, включая вероотступничество, совершение гомосексуального акта, незаконный секс, хищение должностными лицами и воровство с применением силы, несовместимы со статьей 6 Пакта» [1].

Другие области остаются спорными. Хотя выводы комитета не носят обязательного характера, они, тем не менее, весьма убедительны при интерпретации МПГПП, особенно если рассматривать их в сочетании с гарантиями, одобренными Генеральной Ассамблеей ООН (далее — ГА ООН). При любой интерпретации ясно, что это положение ограничивает применение смертной казни очень небольшим числом преступлений. Следовательно, согласно международному праву, смертная казнь должна применяться только как исключительная мера, осуществляемая при строгих условиях.

Нарушения других прав человека при вынесении смертного приговора

Утверждение о том, что смертная казнь представляет собой пытку или жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, полу-

чает все большее распространение. Эти нарушения прав человека могут происходить в период после вынесения приговора и до его казни (что широко известно в Соединенных Штатах как феномен камеры смертников) и проявляться в методе казни или в самой гибели людей.

Европейский суд по правам человека установил, что феномен камеры смертников в США свидетельствует о жестоким, бесчеловечном или унижающем достоинство обращении¹. Однако это вызвало обеспокоенность, поскольку Комитет по правам человека ООН и специальный докладчик по вопросу о внесудебных, суммарных и произвольных казнях отметили, что такая критика, скорее всего, приведет лишь к ограничению апелляций.

Различные методы казни также были признаны неприемлемыми в международном праве. Например, Комитет по правам человека ООН счел использование газовой камеры жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство обращением, а также пришел к выводу, что «публичные казни... несовместимы с человеческим достоинством» [1].

Публикация записей о казнях Саддама Хусейна и его соратников в 2006 г. подверглась широкой критике, как и насмешки, высказанные в его адрес в последние минуты жизни. Забивание камнями подвергается резкой критике как жестокое и бесчеловечное явление, особенно потому, что размер камней ограничен, чтобы продлить страдания и смерть осужденного. Случайное обезглавливание одного из соратников Саддама Хусейна также вызвало недовольство. В США в ряде штатов прекратили использование электрического стула, поскольку он считается слишком болезненным, а по поводу применения смертельных инъекций продолжаются дебаты. Это связано с опасениями, что при использовании смертельных инъекций коктейль лекарств может привести к чрезвычайно болезненной и медленной смерти в сочетании с параличом. Однако на данном этапе использование смертельной инъекции остается законным в международном праве.

Граница между жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство обращением и пытками может быть размыта. В юридической литературе бытует мнение [2, с. 171], что казнь аналогична пытке, поскольку она представляет собой крайнее психическое и физическое воздействие на человека, уже находящегося под полным контролем государства.

¹ Серинг против Соединенного Королевства и Германии, Пратт и др. против Генерального прокурора Ямайки и др. // 1989. 7 July. Series A. Vol. 161 11 EHRR 439.

В 1986 г. 46 стран отменили смертную казнь за преступления. К 2000 г. количество таких государств почти удвоилось, а 22 страны прекратили применять смертную казнь на практике. Однако в 2022 г. выявлен резкий рост числа казней во всем мире, включая казни за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Эта негативная тенденция контрастирует с противоречащей ей положительной: значительное число стран приняли решительные шаги в отказе от смертной казни в 2022 г., ознаменовав прогресс в борьбе с самым жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство видом наказания.

Количество известных казней, произошедших в Китае, увеличилось на 53 % по сравнению с 2021 г.: с 579 (2021 г.) до 883 (2022 г.). Количество казней, зафиксированных в 2022 г., стало самым высоким с 2017 г. (993). Секретность и ограничительная государственная практика продолжали препятствовать точной оценке применения смертной казни в ряде стран, включая Китай, Северную Корею и Вьетнам.

Резкий рост числа известных казней в мире в 2022 г. был главным образом обусловлен зафиксированным в регионе Ближнего Востока и Северной Африки частотой исполнения данного вида наказания, где количество казней выросло на 59 %, с 520 в 2021 г. до 825 в 2022 г. В Иране количество казней выросло до 576 с 314, зарегистрированных в предыдущем году, т. е. на 83 %. В Саудовской Аравии количество зарегистрированных казней утроилось с 65 (2021 г.) до 196 (2022 г.), что является самым высоким показателем роста за последние 30 лет¹.

В нарушение норм международного права, предусматривающих возможность назначения и исполнения наказания в виде смертной казни лишь за совершение убийств, четыре страны — Китай, Иран, Саудовская Аравия и Сингапур — в течение последних нескольких лет казнили людей за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков [3]. Казни за эти преступления были приведены в исполнение во Вьетнаме, однако официальные данные в свободном доступе об этом отсутствуют, выводы о казнях можно сделать лишь из интернет-источников [4]. За 12 месяцев 2022 г. во всем мире приведено в исполнение 325 смертных приговоров, что в 2,5 раза больше,

чем в 2021 г. (134 смертных казни во всем мире). Смертные казни за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, составили более трети от всех смертных приговоров (37 %) в 2022 г. Из 325 подтвержденных казней 255 были зарегистрированы в Иране, где на преступления, связанные с наркотиками, приходилось 44 % известных казней, проведенных в 2022 г. в стране; 57 случаев зафиксировано в Саудовской Аравии, где с 2020 по 2022 г. существовал мораторий на применение смертной казни за такие преступления; и 11 зарегистрировано в Сингапуре, где казни возобновились в 2022 г. Следует отметить, что все смертные казни, назначенные в Сингапуре в 2022 г., были назначены только за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств².

Amnesty International (международная организация, осуществляющая исследования в сфере нарушений прав человека) подтвердила, что в 2022 г. в Китае также проводились казни за преступления, связанные с оборотом наркотиков. Эскалация применения смертной казни за преступления, связанные с наркотиками, вызывает серьезную обеспокоенность у ведущих исследователей Amnesty International, поскольку они считают, что назначение и исполнение наказания в виде смертной казни является нарушением права на жизнь, подрывает устоявшиеся международно-правовые гарантии в области прав человека и представляет собой угрозу глобальному прогрессу, уже достигнутому в борьбе со смертной казнью³.

В 2022 г. был сделан большой шаг вперед в борьбе со смертной казнью, однако можно констатировать, что сокращение числа стран, применяющих этот вид наказания, не привело в итоге к сокращению числа самих смертных казней. Без сомнения, мир продолжал отходить от такого наказания, как смертная казнь, и только меньшинство стран, которые все больше изолируются, активно его применяли. В 2022 г. шесть стран полностью или частично отменили смертную казнь. Четыре страны — Казахстан, Папуа — Новая Гвинея, Сьерра-Леоне и Центральноафриканская Республика — отменили смертную казнь за все преступления. В Казахстане в январе был официально

¹ Amnesty International заявила о рекордном числе казней в мире в 2022 г. URL: <https://www.rbc.ru/society/16/05/2023/64638e289a7947482f8ab3b0?from=copy> (дата обращения: 10.12.2023).

² Обзор применения наказаний в виде смертной казни в мире в 2022 году. URL: <https://www.amnestyusa.org/issues/death-penalty/> (дата обращения: 10.12.2023).

³ Там же.

обнародован закон об отмене смертной казни¹. К апрелю в Папуа — Новой Гвинее вступили в силу поправки к Уголовному кодексу, отменившие смертную казнь за все преступления. 21 апреля 2022 г. был официально обнародован Закон об отмене смертной казни 2021 г., который исключил смертную казнь из законов Сьерра-Леоне. 27 июня 2022 г. президент Центральноафриканской Республики Фостен-Арканж Туадера подписал закон об отмене смертной казни, принятый Национальным собранием месяцем ранее. К концу 2022 г. две страны — Экваториальная Гвинея и Замбия — отменили смертную казнь только за «обычные преступления»².

Кроме того, Казахстан — без каких-либо оговорок — стал государством — участником Второго Факультативного протокола к МПГПП, направленного на отмену смертной казни. Гамбия, Мальдивы и Шри-Ланка продолжали соблюдать официальный мораторий на казни. В Азии власти Малайзии предприняли шаги по реформированию обязательной смертной казни; парламент Индонезии принял новый Уголовный кодекс, который, вступив в силу в 2026 г., позволит заменять смертные приговоры через 10 лет при соблюдении определенных условий. В регионе Африки к югу от Сахары были приняты законодательные меры по отмене смертной казни. Сенат Либерии в июле единогласно проголосовал за отмену смертной казни в законопроекте об уголовном кодексе, который находился на рассмотрении Палаты представителей в конце 2022 г. В Гане продолжалась работа над законопроектом о внесении поправок в Закон об уголовных преступлениях 1960 г. и Закон о вооруженных силах 1962 г. исключаящих положения о смертной казни из этих двух законов.

В декабре на пленарном заседании ГА ООН беспрецедентное количество государств — членов ООН поддержало принятие раз в два года резолюции, призывающей к установлению моратория на казни в целях полной отмены смертной казни. Около двух третей членов ООН — 125 государств — проголосовали за принятие девятой резолюции о моратории на применение смертной казни. Поддержка резолюции возросла с момента ее послед-

него принятия в декабре 2020 г., что свидетельствует о том, что сообщество государств — членов ООН неуклонно приближается к отказу от смертной казни как законного наказания в соответствии с международными гарантиями прав человека. Несколько государств положительно изменили свою точку зрения при голосовании по сравнению с декабрем 2020 г. Гана, Либерия и Мьянма проголосовали «за», воздержавшись на пленарном заседании ГА ООН в 2020 г.; Уганда изменила свой голос с «против» на «за», а Папуа — Новая Гвинея изменила свой голос с «против» на «воздержался». Палау и Соломоновы Острова проголосовали «за», не проголосовав на пленарном заседании в 2020 г.

С 2007 г. ГА ООН приняла девять резолюций, призывающих к введению моратория на казни в целях ее отмены при возросшей межрегиональной поддержке. Резолюции ГА ООН имеют значительный моральный и политический вес, и продолжающееся рассмотрение резолюций по данному вопросу позволило сохранить пристальное внимание к использованию этого жестокого наказания в качестве приоритета прав человека для международного сообщества.

Рассматривая вопрос исполнения наказания в виде смертной казни, следует отметить, что в 2022 г. было проведено не менее 883 казни по сравнению с 2021 г., когда было казнено 579 человек (рост на 53 %). Если в течение 2018—2020 гг. число приведенных в исполнение смертных казней сокращалось, то начиная с 2021 г. фиксируется их рост.

Общее количество казней, зарегистрированных в 2020 г., представляет собой один из самых низких показателей за любой год, начиная с 1979 г. Однако изменения в доступе к информации, конфигурации стран и методология исследований на протяжении десятилетий затрудняет точное сравнение этой цифры за более длительный период.

По сравнению с рекордами 2021 г. количество казней значительно сократилось в Египте (с 83 до 24), Ираке (с 17 до 11), Японии (с 3 до 1), Сомали (с 21 до 6), Южном Судане (с 9 до 5) и Йемене (с 14 до 4). Напротив, заметно увеличилось число казней в Иране (с 314 до 576), Кувейте (с 0 до 7), Мьянме (с 0 до 4), Палестине (с 0 до 5), Саудовской Аравии (с 65 до 196), Сингапуре (с 0 до 11) и США (с 11 до 18).

На три страны — Египет (24), Иран (не менее 576) и Саудовскую Аравию (196) — пришлось 90 % всех известных казней. Рост числа зарегистрированных казней за убийства и преступления, свя-

¹ О внесении изменений и дополнения в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросу отмены смертной казни: закон Республики Казахстан от 29 декабря 2021 г. № 89-VII // Казахстанская правда. 2021. 30 дек.

² Обзор применения наказаний в виде смертной казни в мире в 2022 г.

занные с наркотиками, во многом стал причиной резкого роста числа казней в Иране: количество зарегистрированных казней за убийства резко возросло — на 75 % (со 159 в 2021 г. до 279 в 2022 г.); и по преступлениям, связанным с наркотиками, — на 93 % (со 132 в 2021 г. до 255 в 2022 г.). 196 казней в Саудовской Аравии стали самым высоким показателем, зарегистрированным в стране за 30 лет. Увеличение количества зарегистрированных казней за преступления, связанные с терроризмом, и возобновление казней за преступления, связанные с наркотиками, были главным образом причиной значительного увеличения числа казней в Саудовской Аравии: число зарегистрированных казней за преступления, связанные с терроризмом, выросло с 9 в 2021 г. до 85 в 2022 г.; а по преступлениям, связанным с наркотиками, — с 0 в 2021 г. до 57 в 2022 г.

Смертная казнь назначается не только мужчинам, но и женщинам. Так, 13 женщин вошли в число 883 человек, о которых известно, что они были казнены в 2022 г.: 12 в Иране и 1 в Саудовской Аравии.

Получение информации о вынесенных смертных приговорах в некоторых странах сопряжено с определенными трудностями либо вовсе не представляется возможным. Так, официальная информация о количестве смертных приговоров, вынесенных в Нигерии и Шри-Ланке (странах, которые ранее официально сообщали о достаточно большом количестве смертных приговоров), не находится в открытом доступе. С другой стороны, власти Таиланда впервые предоставили данные о новых смертных приговорах, вынесенных судами первой инстанции, хотя ранее такая информация ими тщательно скрывалась.

В 2022 г. приговоры о назначении смертной казни были вынесены в 52 странах, что на четыре меньше, чем в 2021 г. В ходе проведенного нами исследования установлено, что пять стран вынесли смертные приговоры после перерыва в их вынесении — Бахрейн, Коморские Острова, Лаос, Нигер и Южная Корея. В некоторых странах в 2022 г. (в отличие от 2021 г.) смертные приговоры не выносились: Беларусь, Камерун, Япония, Малави, Марокко, Оман, Сьерра-Леоне, Уганда и Зимбабве.

В некоторых странах количество вынесенных смертных приговоров в 2022 г. в разы превысило количество аналогичных приговоров, вынесенных в 2021 г.: Алжир (с 9 до 54), Египет (с 356 до 538), Индия (с 144 до 165), Кения (с 14 до 79), Кувейт (с 5 до 16), Нигерия (с 56 до 77), Тунис (с 3 до 26). Следует при этом отметить страны, в которых произошло снижение числа вынесенных приговоров за тот же период: Бангладеш (с 181 до 169), Ирак (с 91 до 41), Ливан (с 12 до 2), Малави (с 11 до 0), Мали (с 48 до 8), Мавритания (с 60 до 5), Мьянма (с 86 до 37), Сьерра-Леоне (с 23 до 0), Сомали (с 27 до 10), Вьетнам (с 119 до 102), Йемен (с 298 до 78).

Кроме того, в четырех странах после вынесения смертных приговоров суды второй инстанции отменяли приговоры судов первой инстанции и выносили оправдательные приговоры: Кения (20), Марокко (1), США (2), Зимбабве (5).

Международное право быстрыми темпами движется к отмене смертной казни. Основной договор по правам человека — Международный пакт о гражданских и политических правах — призывает государства отменить смертную казнь, и Комитет по правам человека поддержал это поощрение решительными заявлениями, побуждающими к отмене смертной казни. Международные обычаи также изменяются, и все больше государств считают смертную казнь несовместимой с требованиями соблюдения прав человека.

Хотя в настоящее время смертная казнь остается законной в международном праве, весьма вероятно, что ее отмена продолжится. Аргументы в пользу сохранения смертной казни часто основаны на недоказанных утверждениях, таких как ее сдерживающий эффект, или сосредоточены исключительно на том, что решение об отмене или сохранении смертной казни остается в рамках национального суверенитета. Дополнительные аргументы, основанные на религиозных или культурных мотивах, подвергаются критике при тщательном изучении и, кроме того, не помешали другим странам отменить смертную казнь.

1. Prokosch E. The death penalty versus human rights in "Death Penalty: Beyond Abolition". Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2004. P. 23—35, 27.

2. См., например: Мутагиров Д. З. Является ли смертная казнь нарушением права человека

1. Prokosch E. The death penalty versus human rights in "Death Penalty: Beyond Abolition". Strasbourg: Council of Europe Publishing; 2004: 23—35, 27. (In Eng.).

2. Refer to: Mutagirov D. Z. Is the death penalty a violation of the human right to life? POLITEX,

на жизнь? // ПОЛИТЭКС. 2005. № 2. С. 166—180.

3. Куфлева В. Н., Литовченко А. И. Аболиционизм в рамках вопроса смертной казни // Теория и практика общественного развития. 2023. № 4 (182). С. 133—138.

4. Семенова О. Н., Петров А. М. Смертная казнь в зеркале транснационального конституционализма // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 3. С. 40—49.

166—180, 2005. (In Russ.).

3. Kufleva V. N., Litovchenko A. I. Abolitionism in the framework of the death penalty. Theory and practice of social development, 133—138, 2023. (In Russ.).

4. Semenova O. N., Petrov A. M. The death penalty in the mirror of transnational constitutionalism. The North Caucasian Legal Journal, 40—49, 2023. (In Russ.).

Зотов Алексей Юрьевич,

доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
b-a-baracus@mail.ru

Zotov Alexey Yurievich,

head of the department
of theory and history of law and state
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
b-a-baracus@mail.ru

Кузьмин Михаил Николаевич,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Ростовского института
защиты предпринимателя,
кандидат юридических наук;
mihail_kuzmin@mail.ru

Kuzmin Mikhail Nickolayevich,

associate professor at the department
of criminal-legal law
of the Rostov Institute
of Protection of Businessman,
candidate of juridical sciences;
mihail_kuzmin@mail.ru

Кравцов Сергей Сергеевич,

старший преподаватель
кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
кандидат экономических наук;
Kravtsov-sss@yandex.ru

Kravtsov Sergey Sergeyeovich,

senior lecturer at the department of criminal law
of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of economic sciences;
Kravtsov-sss@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 07.02.2024; одобрена после рецензирования 15.02.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 07.02.2024; approved after reviewing 15.02.2024; accepted for publication 14.05.2024.

* * *

УДК 343.2

**ОЦЕНКА ОТДЕЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
С ПОЗИЦИИ СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПОВ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНА И КРИМИНАЛИЗАЦИИ**

Кристина Олеговна Копшева

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, kristina25.80@mail.ru

Аннотация. Политические и социально-экономические преобразования, происходящие в обществе и государстве, напрямую влияют на необходимость внесения соответствующих изменений в законодательство, в том числе уголовное. Однако в последнее время отечественное уголовное законодательство меняется стремительно, часто без учета правил криминализации, с нарушением принципов уголовного законодательства, с игнорированием правил юридической техники. Отдельные нововведения имеют административную преюдицию, наличие которой в Уголовном кодексе Российской Федерации весьма спорно. Такое положение неприемлемо, поскольку уголовное право является самой репрессивной отраслью, и распространение ее действия на крайне широкий спектр общественных отношений недопустимо. Уголовный закон России тем эффективнее, чем он совершеннее.

В статье теоретически обосновывается наличие в отечественном уголовном законодательстве составов преступлений, противоречащих принципам криминализации и уголовного закона, нарушающих правила юридической техники. Автор попытался определить соответствие внесенных изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации принципам и основным критериям криминализации; выявить проблемы, возникшие вследствие криминализации отдельных общественно опасных деяний; раскрыть влияние установленных пробелов уголовного законодательства на эффективность его применения.

В качестве методологической основы были использованы общенаучные (диалектический, анализ, сравнение) и частнонаучные (юридико-догматический) методы.

Автором было установлено, что изменения уголовного законодательства, особенно те, которые связаны с дополнением Уголовного кодекса Российской Федерации новыми составами преступлений, не всегда тщательно разработаны, в большинстве своем не соответствуют принципам криминализации, некоторые из них не согласованы с принципами уголовного законодательства, отдельные — нарушают правила юридической техники. Недостаточная научная состоятельность таких преобразований приводит к явным недочетам формулирования диспозиций статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, нарушению принципа справедливости при конструировании санкций, их несоизмеримости. Уголовному законодательству необходимо меняться согласно социально-экономическим и политическим трансформациям, но для качественного применения уголовного закона, выполнения задач, стоящих перед ним, уголовно-правовые нововведения должны соответствовать правилам криминализации и уголовно-правовым принципам. Необоснованное расширение Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации приводит к излишней казуистичности и снижению эффективности его применения.

Ключевые слова: уголовный закон, принципы уголовного закона, криминализация, декриминализация, принципы криминализации, уголовно-правовая политика, административная преюдиция, побои, государственная измена, общественная опасность, распространенность, принцип справедливости, санкция, судимость

Для цитирования: Копшева К. О. Оценка отдельных изменений Уголовного кодекса Российской Федерации с позиции соблюдения принципов уголовного закона и криминализации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 46—51.

EVALUATION OF SPECIFIC AMENDMENTS TO THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION FROM THE POINT OF VIEW TO COMPLY WITH THE PRINCIPLES OF CRIMINAL LAW AND CRIMINALIZATION

Kristina Olegovna Kopsheva

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, kristina25.80@mail.ru

Abstract. Political, social and economic changes in society and the state directly affect the need to make appropriate amendments in legislation, including criminal law. Recently, however, domestic criminal legislation has been changing rapidly, often with no concern for the rules of criminalization, contrary to the principles of criminal law and with neglect of the rules of legal technique. Some innovations have administrative prejudice, but its presence in the Criminal Code of the Russian Federation is very controversial. This situation is unacceptable, since criminal law is the most repressive branch, and its extension to an extremely wide range of social relations is inadmissible. The more advanced the criminal law is, the more effective it is.

The article theoretically substantiates the existence of crimes in the domestic criminal law that are contrary to the principles of criminalization and criminal law and violate the rules of legal techniques. The author tried to determine the compliance of the amendments to the Criminal Code of the Russian Federation with the principles and basic criteria of criminalization; to identify the problems caused by the criminalization of certain socially dangerous acts; to emphasize the impact of the criminal legislation gaps on the effectiveness of its application.

General scientific methods (dialectical method, methods of analysis and comparison) and specific scientific methods (juridical-dogmatic) are used as a methodological basis.

The author found that amendments to criminal law, especially relating to new crimes added to the Criminal Code, are not always thoroughly developed. The most of the amendments do not comply with the principles of criminalization, the others are inconsistent with the principles of criminal law, and some of them violate the rules of legal techniques.

The insufficient scientific validity of such amendments leads to obvious disadvantages concerning the formulation of dispositions of articles in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, to the violation of the principle of justice in developing sanctions and their incomparability. It is necessary for the criminal law to be amended according to social, economic and political changes; criminal law innovations, however, require compliance with criminalization rules and principles of criminal law in order for the criminal law to be applied effectively and to fulfil its objectives. Unjustified amendments to the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation results in unnecessary casuistry and reduces the effectiveness of its application.

Keywords: criminal law, principles of criminal law, criminalization, decriminalization, principles of criminalization, criminal policy, administrative prejudice, battery, treason, social danger, prevalence, principle of justice, penalty, criminal records

For citation: Kopsheva K. O. Evaluation of specific amendments to the Criminal Code of the Russian Federation from the point of view to comply with the principles of criminal law and criminalization. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 46—51, 2024. (In Russ.).

Одним из направлений уголовно-правовой политики является криминализация и декриминализация деяний. За последнее десятилетие уголовное законодательство России изменялось беспрецедентное количество раз, при этом основные поправки были связаны с дополнением Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) новыми составами преступлений. Безусловно, подобная законодательная активность не лишена оснований, поскольку продиктована многочисленными социально-экономическими и политическими преобразованиями, произошед-

шими в обществе и государстве. Вместе с тем в этой деятельности прослеживаются определенные «промахи», что требует тщательного анализа и критического подхода.

Только за 2021 — начало 2024 г. в российский уголовный закон было внесено более 40 поправок, большинство из которых связано с криминализацией новых общественно опасных деяний. Уголовное законодательство должно совершенствоваться и соответствовать современным реалиям, но для эффективного применения УК РФ, выполнения задач, стоящих перед ним, уголовно-правовые

нововведения должны отвечать принципам криминализации. Еще А. Ф. Зелинский отмечал, что криминализация и пенализация преступлений должны не зависеть от изменений политики, а осуществляться в соответствии с представлениями морали, принципами гуманизма, справедливости, законности и милосердия [1]. Иными словами, деяние должно приобрести статус преступления только в случае, если оно объективно согласуется со всеми принципами криминализации.

Одним из таких принципов является достаточно высокая степень общественной опасности содеянного. По сути, это один из главных показателей будущего преступления, и свидетельством тому выступает общество, которое еще до возведения деяния в ранг преступления называет его таковым. Следовательно, чтобы деяние было криминализовано, требуется, чтобы его общественная опасность была настолько высокой, чтобы возникла необходимость в признании его преступлением и установлении за его совершение соответствующего уголовно-правового запрета. Вместе с тем немалый процент нововведений в УК РФ имеет административную преюдицию (так, она предусмотрена в ст. 201.1, 201.2, 201.3, 116.1, 264.2, 264.3, 274.2, 280.3, 282.4, 284.1, 284.2, 285.5, 285.6, 321.1), которая сама по себе весьма спорна и указывает не столько на высокую общественную опасность содеянного, сколько на недостаточное воздействие административной ответственности и наказания на виновное лицо.

Наличие в Особенной части УК РФ значительного количества составов преступлений, включающих административную преюдицию, отсутствие в Общей части каких-либо правил, обосновывающих наличие преюдиции в уголовном законодательстве, свидетельствуют о явном несоблюдении данного принципа криминализации. В качестве оправдания наличия норм с административной преюдицией в УК РФ можно было бы сослаться на тезис о том, что повторность совершения одного и того же деяния после привлечения лица к административной ответственности создает некий накопительный эффект, повышающий степень общественной опасности содеянного, но с этим сложно согласиться. Как верно отмечали И. Я. Козаченко и Д. Н. Сергеев, накопительный эффект и увеличение общественной опасности могут иметь место только при широкой распространенности и причинении массового вреда содеянным, как в свое время это произошло с мелким хищением. Однако при криминализации новых составов преступле-

ний, предусматривающих административную преюдицию, распространенность отсутствует [2].

Для криминализации деяния необходима его относительная распространенность, т. е. оно не должно быть разовым (хотя в данном случае речь также может идти и, напротив, о широко распространенных, повсеместно совершаемых деяниях, и некоторые авторы полагают, что нет смысла криминализировать то, что является массовым поведением [3]). Подтверждением несоблюдения принципа достаточной распространенности выступают статистические данные Департамента Верховного Суда Российской Федерации, анализ которых показал, что за время существования, например, ст. 124.1, 185.4, 185.6 (двое осужденных в 2023 г.), 199.3, 199.4, 200.6, 207.2 (один осужденный в 2023 г.) УК РФ количество лиц, осужденных за совершение данных преступлений, равно нулю, т. е. указанные общественно опасные деяния имели разовый характер и, по всей видимости, не являлись настолько распространенными, чтобы их криминализировали, а новые статьи были внесены в УК РФ в предупредительных целях¹. Здесь же можно говорить о нарушении возможности позитивного воздействия новой уголовно-правовой нормы на общественно опасное деяние [4], а вместе с ним и о нарушении принципа своевременности проведения криминализации деяния, без осуществления тщательного исследования и прогнозирования появления новых общественно опасных деяний в целях дальнейшего признания их преступлениями.

К спорным моментам криминализации можно отнести необходимость устранения пробелов уголовного законодательства и, напротив, необоснованное расширение Особенной части УК РФ, которое приводит к ее излишней казуистичности, в результате чего осуществляется повторная криминализация похожих общественно опасных деяний. Подтверждением тому служат одни из последних изменений уголовного закона. Большая их часть коснулась установления уголовной ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, мира и безопасности человечества (например, новыми составами преступлений явились добровольная сдача в плен и мародерство), что вполне обоснованно и актуально

¹ См.: Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации. 2009–2024 // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7900> (дата обращения: 21.02.2024).

на сегодняшний момент, однако и здесь имеются определенные спорные аспекты.

Так, УК РФ был дополнен статьей 275.1, предусматривающей ответственность за установление и поддержание российским гражданином отношений сотрудничества с представителем иностранного государства, международной либо иностранной организации в целях оказания им содействия в деятельности, заведомо направленной против безопасности России. В то же время одной из форм совершения государственной измены является оказание нашим соотечественником консультационной и иной помощи тем же субъектам в тех же целях. Таким образом, деяния, предусмотренные ст. 275.1 УК РФ, выступают не чем иным, как видом оказания помощи, направленной против безопасности Российской Федерации, и государственной измены в целом, а ст. 275.1 УК РФ является специальной нормой по отношению к ст. 275 УК РФ. Подобные изменения уголовного закона не только его загромождают, но и значительно усложняют правоприменение, вследствие чего можно говорить о несоблюдении преобладания позитивных последствий при установлении уголовной ответственности как одного из принципов криминализации. Кроме того, установление отношений сотрудничества с иностранным государством или организацией, тем более в целях оказания содействия в деятельности, заведомо направленной против безопасности России, является подготовительной стадией к совершению государственной измены и должно квалифицироваться по ст. 275 со ссылкой на ч. 1 ст. 30 УК РФ. Сравнение санкций показывает, что приготовление к преступлению, предусмотренному ст. 275 УК РФ, может быть наказано лишением свободы на срок до десяти лет, в то время как за совершение преступления, предусмотренного ст. 275.1 УК РФ, максимально строгое наказание возможно в виде восьми лет лишения свободы. Следовательно, помимо того, что деяния, предусмотренные ст. 275.1 УК РФ, и ранее являлись преступными, санкция, предусмотренная за их совершение, снижена по сравнению с санкцией ст. 275 УК РФ. И вместо усиления уголовной ответственности за враждебную деятельность в отношении Российской Федерации, нацеленной на предотвращение данных общественно опасных деяний, ответственность была необоснованно смягчена. Таким образом, недостаточная научная разработанность преобразований уголовного закона приводит к явным пробелам в формулировании диспозиций статей, нарушению принципа справедливости при оформлении санкций, их несоизмеримости.

Интенсивная криминализация характеризуется и другими недочетами, а иногда и откровенными ошибками юридической техники. Так, Федеральным законом от 3 февраля 2014 г. № 15-ФЗ статья 263.1 УК РФ, устанавливающая ответственность за неисполнение требований по соблюдению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах и предполагающая неосторожную форму вины, была дополнена частями 3 и 4, предусматривающими ответственность за совершение указанного преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Таким образом, законодатель отступил от понятия соучастия, закрепленного в ст. 33 УК РФ, и допустил возможность совершения неосторожного преступления группой лиц. На данную проблему указывают и некоторые ученые, справедливо предполагая, что закрепление в чч. 3 и 4 ст. 263.1 УК РФ названных квалифицирующих признаков может свидетельствовать о правовой неопределенности и способно вызвать споры, в том числе касающиеся дефиниции понятия «неосторожное сопричинение вреда» [5, с. 14]. Это законодательное упущение требует устранения, в частности исключения квалифицирующих признаков — группа лиц по предварительному сговору и организованная группа — из чч. 3 и 4 ст. 263.1 УК РФ.

Нарушение правил юридической техники наблюдается в ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за нанесение побоев лицом, имеющим судимость за преступление, совершенное с применением насилия¹. Прежде всего данный квалифицирующий признак не согласуется с правилами ст. 86 УК РФ, предписывающими учитывать судимость только при назначении наказания и установлении рецидива. Кроме того, наличие такогоотягчающего обстоятельства усиливает уголовную ответственность всех лиц, ранее осуждавшихся за любые насильственные преступления.

Вызывает сомнение и формулировка «имеющее судимость за преступление, совершенное с применением насилия». Что законодатель имел в виду и насколько широко можно трактовать данную позицию? Семантическое толкование термина «насилие» свидетельствует о том, что должны

¹ Судимость за предыдущее аналогичное деяние предусмотрена также в п. «а» ч. 5 ст. 131, п. «а» ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135, ч. 2 ст. 204.2, ч. 2 ст. 264.1, ч. 2 ст. 264.2, ч. 2 ст. 264.3, ч. 1 ст. 284.1, ч. 2 ст. 291.2, ст. 321, ч. 1 ст. 330.3 УК РФ.

учитываться любые составы преступлений, как основные, так и квалифицированные, в которых применение насилия выступает и составообразующим, иотячающим обстоятельством, а кроме того, составы не только умышленных, но и неосторожных преступлений (например, ст. 118 УК РФ). Так, согласно словарю С. И. Ожегова, насилие означает применение физической силы к кому-либо [6]. Не исключают применение силы в неосторожных преступлениях против жизни и здоровья (например, ст. 109 и 118 УК РФ) А. Г. Безверхов и Ю. С. Норвартьян [7]. Таким образом, законодатель официально позволяет учитывать при установлении уголовной ответственности за квалифицированные побои преступления, совершенные в том числе по неосторожности, что не только нарушает принципы справедливости и равенства граждан перед законом, но и противоречит нормативным установлениям уголовного закона России (ст. 18 УК РФ).

Напомним, что Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323–ФЗ побои были частично декриминализованы путем введения в основной состав дополнительных условий наступления уголовной ответственности, а в дальнейшем ст. 116 УК РФ подвергалась изменениям минимум трижды. В результате были образованы два самостоятельных состава преступления, предусмотренных ст. 116 и 116.1 УК РФ. Безусловно, новая редакция диспозиции ст. 116 УК РФ привела к снижению количества лиц, осужденных за совершение побоев, практически в десять раз, однако в связи с появлением ч. 2 ст. 116.1 УК РФ все может вернуться на прежний уровень, что только подтвердит непродуманность внесения указанных изменений.

Учитывая, что применение того или иного насилия характерно для более чем одной десятой всех совершаемых преступлений (согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, из общего количества осужденных за 2022 г. — 578 751 чел. — 61 956 чел. было осуждено за совершение насильственных преступлений или тех либо иных преступлений, сопровождающихся применением насилия¹), можно спрогнозировать рост количества осужденных за совершение преступлений, предусмотренных

ч. 2 ст. 116.1 УК РФ (за 2022 г. было осуждено 1 919 чел., а за I полугодие 2023 г. — 1 718 чел.²).

Анализ нововведений, внесенных в ст. 116 и 116.1 УК РФ, практика применения данных статей, учащение случаев совершения насильственных преступлений в семье указывают на необходимость возврата к первоначальной редакции диспозиции ст. 116 УК РФ, не предусматривающей каких-либо дополнительных условий привлечения к уголовной ответственности.

Таким образом, помимо того, что большинство дополнений, внесенных в УК РФ, имеют административную преюдицию, которая свидетельствует об отсутствии достаточной степени общественной опасности деяния как одного из главнейших оснований криминализации, наблюдаются недостаточная разработанность и обоснованность изменений отечественного уголовного законодательства, противоречие принципам уголовного закона, принципам криминализации деяний. Такое положение неприемлемо, так как уголовное законодательство является самым репрессивным, и распространение его действия на крайне широкий спектр общественных отношений недопустимо.

Уголовный закон не должен содержать положений, предусматривающих административную преюдицию, поскольку ее наличие в УК РФ противоречит как социально-правовому понятию преступления, основанию уголовной ответственности, так и концепции отечественного уголовного законодательства в целом. Вносимые изменения в УК РФ, особенно касающиеся криминализации, должны быть обоснованными, тщательно продуманными; установление уголовной ответственности за новые деяния должно иметь место только в том случае, если другие отрасли законодательства не могут обеспечить охрану общественных отношений от общественно опасных посягательств. Для того чтобы новая уголовно-правовая норма не стала фикцией, криминализируемое деяние должно иметь определенную распространенность. Как верно отметила О. В. Волкова, установление уголовной ответственности за новые составы преступлений и внесение других поправок в УК РФ не должны носить бессистемный характер и не могут возникать только как реакция на произошедшее резонансное преступление [8]. При дополнении

¹ См.: Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации. 2009—2023 // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Statistika_2022_godovaya/k3-svod_vse_sudy-2022.xls (дата обращения: 19.04.2023).

² См.: Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации. 2009—2024 // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7900> (дата обращения: 21.02.2024).

УК РФ новыми составами преступлений следует точно и неуклонно соблюдать правила криминализации,

принципы уголовного закона России и избегать его излишней казуистичности.

1. Зелинский А. Ф. Криминология. Харьков: Рубикон, 2000. 240 с.

2. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и не преступного. Екатеринбург: Лаборатория Sapientia, 2020. 254 с.

3. Лунеев В. В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции: Мировой криминологический анализ / Ин-т государства и права Рос. акад. наук. Москва: Норма, 1997. 497 с.

4. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. Москва: Волтерс Клувер, 2009. 608 с.

5. Ивнева Е. В., Кавшбая Л. Л. К вопросу о соучастии в преступлении в теории уголовного права и законодательстве России на примере статьи 263.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 4 (46). С. 13—16.

6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1997. С. 1431. URL: https://studylib.ru/doc/6331068/tolkovyj-slovar_-russkogo-yazyka-s.i.-ozhegova-i-n.yu.-shvedova (дата обращения: 10.03.2024).

7. Безверхов А. Г., Норвартян Ю. С. Соотношение категорий «насилие» и «угроза» в современном уголовном праве России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9, вып. 4. С. 522—534.

8. Волкова О. В. Реализация уголовной политики путем криминализации и декриминализации отдельных преступных посягательств // Вопросы российской юстиции. 2022. № 7. С. 516—525.

Копшева Кристина Олеговна,

доцент кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной
юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент;
kristina25.80@mail.ru

1. Zelinskiy A. F. Criminology. Kharkov: Rubicon, 2000: 240. (In Russ.).

2. Kozachenko I. Ya., Sergeev D. N. New criminalisation: a philosophical and legal guide to the world of criminal and non-criminal. Yekaterinburg: Laboratoria Sapientia; 2020: 254. (In Russ.).

3. Luneev V. V. Crime of the XX century: world, regional and Russian trends: world criminological analysis. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Norma; 1997: 497. (In Russ.).

4. Lopashenko N. A. Criminal Policy. Moscow: Wolters Kluwer; 2009: 608. (In Russ.).

5. Ivneva Ye. V., Kavshbaia L. L. To the issue on crime complicity in the theory of criminal law and Russian legislation on the example of Article 263.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA, 13—16, 2019. (In Russ.).

6. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. Available from: https://studylib.ru/doc/6331068/tolkovyj-slovar_-russkogo-yazyka-s.i.-ozhegova-i-n.yu.-shvedova. Accessed: 10 March 2024. (In Russ.).

7. Bezverhov A. G., Norvartyan Yu. S. The ratio of the categories "violence" and "threat" in modern criminal law of Russia. Vestnik of Saint Petersburg University. Law, 522—534, 2013. (In Russ.).

8. Volkova O. V. Implementation of criminal policy through criminalization and decriminalization of certain criminal offenses. Russian justice issues, 516—525, 2022. (In Russ.).

Kopsheva Kristina Olegovna,

associate professor at the department
of criminal and criminal executive law
of the Saratov State Law Academy,
candidate of juridical sciences, docent;
kristina25.80@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.03.2024; одобрена после рецензирования 13.03.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 11.03.2024; approved after reviewing 13.03.2024; accepted for publication 14.05.2024.

* * *

УДК 343.2

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА СПЕЦИАЛЬНЫХ ВИДОВ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ**

Александр Александрович Лихолетов

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, A.Likholetov@mail.ru

Аннотация. Российский законодатель в ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации определил задачи, стоящие перед отечественным Уголовным кодексом, приоритетной из которых, безусловно, является охранительная, позволяющая оградить общество от преступных посягательств и обеспечить соблюдение прав и свобод человека и гражданина, неприкосновенность собственности, поддержание общественного порядка и общественной безопасности, нормальное состояние окружающей среды, незыблемость конституционного строя Российской Федерации, мир и безопасность человечества. Отдельного внимания требует рассмотрение содержания охранительной функции уголовного закона применительно к сфере предпринимательской деятельности как основы современной экономики страны. Особенность специальных видов предпринимательской деятельности как объекта уголовно-правовой охраны заключается в их содержании, связанном с наличием потенциальной опасности для наиболее важных общественных отношений, находящихся под защитой Уголовного кодекса Российской Федерации. В статье на основе изучения существующих теоретических положений проведен анализ сформированных в науке позиций относительно понятия «уголовно-правовая охрана», предложено авторское определение указанной категории, сформулирована дефиниция «уголовно-правовая охрана специальных видов предпринимательской деятельности», а также определены ее элементы.

Ключевые слова: задачи уголовного закона, охранительная функция уголовного закона, предпринимательская деятельность, уголовно-правовая охрана

Для цитирования: Лихолетов А. А. Уголовно-правовая охрана специальных видов предпринимательской деятельности: понятие и содержание // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 52—58.

**CRIMINAL-LEGAL PROTECTION OF SPECIAL TYPES
OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY: NOTION AND CONTENT**

Alexander Alexandrovich Likholetov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, A.Likholetov@mail.ru

Abstract. The Russian legislator in part 1 of article 2 of the Criminal Code of the Russian Federation has determined the tasks facing the Domestic Criminal Code. The priority of them is, definitely, protective, allowing to protect the society from criminal trespass and to provide the observance of human and civil rights and freedoms, inviolability of property, maintenance of public order and public safety, normal condition of the environment, inviolability of the constitutional system of the Russian Federation, peace and safety of humanity. The consideration of the content of the protective function of the criminal law in relation to the sphere of entrepreneurial activity as the base of the modern economy of the country requires special attention. The peculiarity of special types of entrepreneurial activity as an object of criminal-legal protection lies in their content connected with the presence of potential danger for the most important social relations being protected by the Criminal Code of the Russian Federation. In the article on the basis of the research of present theoretical theses the analysis of the positions formed in science concerning the notion of "criminal-legal protection" is carried out, the author's definition of the designated category is suggested, the definition of "criminal-legal protection of special types of entrepreneurial activity" is defined, and also its elements are determined.

Keywords: tasks of the criminal law, the protective function of the criminal law, entrepreneurial activity, criminal-legal protection

For citation: Likholetov A. A. Criminal-legal protection of special types of entrepreneurial activity: notion and content. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 52—58, 2024. (In Russ.).

Для эффективного решения сформулированной в ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) охранительной задачи уголовного закона требуется уяснение понятия «уголовно-правовая охрана», ее структуры и содержания. Несмотря на широкое использование обозначенной категории учеными, ее сущность и содержание недостаточно рассмотрены [1].

Действительно, изучение диссертационных исследований, в наименовании которых фигурирует словосочетание «уголовно-правовая охрана», позволило прийти к выводу, что анализ этого ключевого понятия проводился только в 10 % научных работ¹.

Не содержит дефиниции уголовно-правовой охраны и действующее законодательство.

Этимологически термин «охрана» связан с действием от однокоренного глагола и означает «охранять, стеречь, защищать, принимая меры для безопасности, для сохранения» [2, с. 432], «относиться бережно» [3, с. 486]. Таким образом, основное лексическое наполнение анализируемого понятия связано с обеспечением безопасности, сохранности чего-либо, а в контексте уголовно-правовой охраны — общественных отношений, закрепленных в качестве объектов преступных посягательств в УК РФ.

Сложно согласиться с мнением В. Е. Бондаренко, что охрана, являясь задачей уголовного права, представляет собой не только состояние, но и результат [4]. Отталкиваясь от лексического значения термина «задача», означающего «вопрос, требующий разрешения, то, что задано для решения, разрешения» [2, с. 149], приходим к выводу, что результатом можно признать только итог ее (задачи) решения, а не сам «вопрос». Результатом решения задачи Уголовного кодекса России можно назвать лишь полное искоренение преступности в стране, чего на данном этапе развития общества добиться практически невозможно.

Б. Т. Разгильдиев уголовно-правовой охраной называет «уголовно-правовое сохранение личности, общества, государства, мира и безопасности человечества от возможного преступного воздействия на них, осуществляемое на определенной территории и за определенный отрезок времени посредством неперсонифицированной угрозы наказанием правоисполнителей» [5, с. 112].

Представленная дефиниция обладает тем же недостатком, что и положения ч. 1 ст. 2 УК РФ, — в качестве объектов «сохранения» указаны не все общественные отношения, находящиеся в настоящее время под защитой уголовного закона. Кроме того, представляется излишним указание в предложенном ученым определении пространственно-временного свойства охраны, поскольку уголовный закон может решать свои охранительные задачи исключительно в границах его действия (временных и пространственных), установленных гл. 2 УК РФ.

По мнению В. С. Ткаченко, под уголовно-правовой охраной необходимо понимать «меры по сохранению существующих общественных отношений и интересов, удержание граждан от преступных посягательств на них путем определения в уголовном законе опасных для личности, общества и государства деяний, являющихся преступными, и установления за их совершение уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера» [6, с. 49]. Представленная дефиниция слишком абстрактна, поскольку «меры по сохранению существующих общественных отношений и интересов...» выступают в качестве элемента инструментария не только уголовного, но и других отраслей права. В. Е. Бондаренко, не соглашаясь с таким подходом, справедливо указывает, что уголовным законом под охрану поставлены не все существующие общественные отношения, а только те, которые прямо обозначены в УК РФ [4].

А. Н. Сайгашкин определяет уголовно-правовую охрану как «возникшую на определенном этапе исторического развития объективно необходимую общественно полезную деятельность специально уполномоченных государственных органов по обеспечению безопасности охраняемых объектов посредством реализации уголовно-правовых предписаний» [7, с. 42].

¹ Всего было изучено 39 диссертационных исследований по проблемам уголовно-правовой охраны по специальности 12.00.08 (ныне — 5.1.4 — Уголовно-правовые науки), среди которых 10 — на соискание ученой степени доктора юридических наук, 29 — кандидата юридических наук.

Критикуя предложенную автором дефиницию, Д. Ю. Макаров обоснованно обращает внимание на ряд содержащихся в ней дискуссионных признаков анализируемого феномена. В частности, возникновение уголовно-правовой охраны на отдельной стадии антропогенеза, а также ее объективную обусловленность нельзя признать специфическими характеристиками, относящимися конкретно к данной категории [1]. Следует согласиться с тем, что названные признаки, содержащиеся в предложенном А. Н. Сайгашкиным определении понятия «уголовно-правовая охрана», излишни, а также характерны и для других государственно-правовых явлений.

Изложенная А. Н. Сайгашкиным позиция позволяет констатировать, что изучаемая им категория рассматривается в качестве «деятельности», т. е. длящегося во времени процесса. Между тем в науке существует мнение, что уголовно-правовая охрана представляет собой не только активную форму поведения уполномоченных органов по реализации мер, обеспечивающих сохранность указанных в УК РФ общественных отношений, но и отказ со стороны членов социума от совершения преступлений.

Так, В. Е. Бондаренко по этому поводу указывает, что лица, исполняя уголовно-правовую обязанность воздерживаться от совершения общественно опасных деяний, также обеспечивают сохранность общественных отношений, выступающих в качестве объектов охраны, поскольку не причиняют им вреда сознательно [4].

Возникает вопрос, насколько обоснованно отождествление охраны перечисленных в УК РФ общественных отношений и воздержания от посягательства на них. Представляется, что лицо, которое предпочитает не осуществлять противоправные действия, вряд ли обеспечивает охрану. Сложно утверждать, что человек, не совершающий хищения из незапертого по забывчивости собственника автомобиля, обеспечивает охрану собственности. Тем более нецелесообразно об этом говорить в случаях добровольного отказа от совершения преступления. Лицо, из жалости передумавшее насильствовать женщину, нельзя признать обеспечивающим охрану ее половой свободы.

Этимологически слово «охрана», как отмечалось выше, производно от глагола, означающего действие. В связи с этим бездействие, т. е. воздержание от совершения преступления, априори признать охраной невозможно.

Позднее А. Н. Сайгашкин предложил иное определение изучаемого понятия, в котором выделил

следующие признаки и компоненты уголовно-правовой охраны:

1) комплекс уголовно-правовых и тесно связанных с уголовным правом норм, основополагающей задачей которых выступает противодействие преступности;

2) особый вид деятельности государства, направленной на создание, изменение соответствующих норм, а также реализации функций по контролю за соблюдением уголовно-правового запрета;

3) принятие соответствующих мер реагирования в случаях нарушения уголовно-правовых предписаний [8, с. 75].

Вряд ли можно поддержать идею о том, что уголовно-правовая охрана включает в себя совокупность уголовно-правовых норм, поскольку таковые являются только элементом охраны, основанием ее возникновения и определяют ее объект. Еще более дискуссионным представляется отнесение автором к уголовно-правовой охране норм отраслей права, тесно связанных с уголовным правом, поскольку единственным источником уголовного права, а следовательно, источником охраны, выступает исключительно УК РФ. Никакие нормы смежных отраслей права не могут обеспечить безопасность наиболее важных общественных отношений от преступных посягательств. Так, статьями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ) не поставлены под охрану, например, жизнь или половая неприкосновенность и половая свобода. Даже если рассматривать составы преступлений, содержащие преюдиционные нормы, то можно утверждать, что корреспондирующие положения КоАП РФ скорее имеют отношение к признакам субъекта преступления, нежели охраняют объекты, указанные в уголовном законе.

Следует согласиться с тем, что уголовно-правовая охрана представляет собой законотворческую, контролирующую и правоприменительную деятельность уполномоченных органов государства, направленную на обеспечение безопасности объектов, названных в ч. 1 ст. 2 УК РФ.

В. Е. Бондаренко под уголовно-правовой охраной понимает «режим удержания лица от совершения преступных посягательств на обозначенные уголовным законом объекты под угрозой уголовного наказания» [4, с. 33]. Это определение представляется вполне удачным, передающим сущность анализируемого явления и вместе с тем лишенным избыточности.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что меры уголовно-правовой охраны принимаются государством путем издания федеральных законов, устанавливающих преступность и наказуемость того или иного деяния (определение объекта охраны), контроля за их соблюдением, превенции и «запуска» механизма правоприменения уполномоченными государственными органами в случае совершения преступления (деятельность субъектов охраны).

Таким образом, под *уголовно-правовой охраной* следует понимать принимаемые со стороны государства меры, создающие режим обеспечения безопасности общественных отношений, закрепленных в качестве объектов в УК РФ.

Побуждает к дискуссии точка зрения Б. Т. Разгильдиева, согласно которой уголовно-правовая охрана наличествует только до момента совершения преступления, поскольку в противном случае совершенным посягательством охраняемые общественные отношения уничтожаются [9, с. 42].

В поддержку приведенной позиции Н. Э. Мартыненко приводит в качестве примера охрану права собственности. По мнению автора, в случае совершения кражи похищается «собственность и охранять ее уже невозможно. Теперь потерпевшему уже не нужна охрана именно той собственности, которой уже нет, и ему требуется уголовно-правовая защита нарушенных имущественных прав» [10, с. 161].

Представляется, что приведенный пример не совсем корректен, исходя из следующих соображений:

— во-первых, при совершении кражи предметом хищения выступает не собственность, а чужое имущество;

— во-вторых, даже после незаконного изъятия и (или) обращения чужого имущества в пользу виновного, в соответствии с положениями ст. 235 Гражданского кодекса Российской Федерации (ч. 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, право собственности на похищенное у потерпевшего не прекращается и по-прежнему охраняется уголовным законом.

Таким образом, приведенный подход сложно признать бесспорным. Несмотря на то что в некоторых случаях охраняемые уголовным законом общественные отношения в результате совершения определенного преступления применительно к ситуации перестают существовать (например, в случае убийства утрачивается жизнь конкретного лица и охранять ее уже невозможно), говорить о невозможности их уголовно-правовой охраны

все же рано, поскольку их безопасность по-прежнему обеспечивается УК РФ.

Основанием правовой охраны являются закрепленные в действующих нормах права и свободы, поэтому она осуществляется постоянно, а в основании правовой защиты лежит совершение неправомерного действия в отношении охраняемого правом объекта.

Согласимся с мнением В. Е. Бондаренко о том, что представленный выше подход Б. Т. Разгильдиева, согласно которому уголовно-правовая охрана возможна до момента совершения общественно опасного деяния, применим в случае уголовно-правовой охраны только на уровне отдельно взятого субъекта и при совершении им конкретного преступного посягательства, поскольку сама охрана объекта продолжает существовать ввиду того, что объект прямо указан в уголовном законе в качестве охраняемого [4].

Таким образом, охрана общественных отношений УК РФ не прекращается с совершением конкретного преступления, а продолжает существовать. Совершение уголовно наказуемого деяния приводит к реализации государством мер защиты общественных отношений (стадия правоприменения) как одной из форм их уголовно-правовой охраны.

Как справедливо отметил А. А. Баукен, «правовая охрана осуществляется постоянно, поскольку ее основанием являются закрепленные в действующих нормах права и свободы, а основанием возникновения правовой защиты выступает акт противоправного действия в отношении охраняемого законом объекта» [11, с. 14].

Таким образом, существующие в теории уголовного права разногласия относительно соотношения понятий «уголовно-правовая защита» и «уголовно-правовая охрана» должны быть решены в пользу сторонников отнесения защиты к форме (фазе, части) охраны.

С учетом изложенного под уголовно-правовой охраной специальных видов предпринимательской деятельности [12] следует понимать *принимаемые со стороны государства меры в виде законотворчества, правоприменения и предупреждения преступлений, создающие режим обеспечения безопасности общественных отношений, возникающих в сфере осуществления на свой риск самостоятельной деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, реализуемой с момента государственной регистрации в уста-*

новленном законом порядке на основании специального разрешения или лицензии, от преступных посягательств со стороны лиц, ее осуществляющих вопреки закрепленным в нормативных правовых актах требованиям и правилам ее осуществления.

Отметим, что уголовно-правовая охрана специальных видов предпринимательской деятельности направлена на обеспечение безопасности общественных отношений в рассматриваемой сфере от преступных посягательств со стороны лиц, осуществляющих данную деятельность вопреки закрепленным в нормативных правовых актах требованиям и правилам ее осуществления.

Относительно элементов уголовно-правовой охраны в науке уголовного права также отсутствует единое мнение. Б. Т. Разгильдиев указывает, что ее структура включает объект, субъекты (правоприменителей и правоисполнителей) охраны, а также уголовную ответственность (поощрительную и принудительную) [13].

Предложенная структура уголовно-правовой охраны имеет ряд спорных моментов. Во-первых, возникает вопрос о целесообразности выделения в качестве ее элемента субъектов-правоисполнителей, т. е. лиц, от которых осуществляется охрана общественных отношений, поскольку указанный вид участников правоотношений имеет место не во всех случаях. Как было сказано выше, уголовно-правовая охрана существует самостоятельно, вне зависимости от факта совершения преступления, т. е. безопасность общественных отношений, перечисленных в УК РФ, обеспечивается постоянно, пока действует та или иная уголовно-правовая норма, без учета того, посягал ли на них субъект-правоисполнитель. Совершение лицом преступления является отправной точкой для следующего этапа охраны — уголовно-правовой защиты.

Г. В. Верина, предлагая исключить из содержания уголовно-правовой охраны указанный вид субъекта, справедливо подчеркивает, что таковой может быть потенциальным, а отсутствие противоправной деятельности «свидетельствует о высоком уровне уголовно-правовой защищенности» [14, с. 163] объектов, охраняемых уголовным законом.

Таким образом, включение в содержание уголовно-правовой охраны в качестве ее элемента субъекта-правоисполнителя представляется излишним.

Во-вторых, вызывает сомнения обоснованность выделения в качестве составной части

охраны поощрительной уголовной ответственности. В частности, Б. Т. Разгильдиев предлагает дополнить нормы о необходимой обороне, крайней необходимости, задержании лица санкциями, наполнив их позитивной уголовной ответственностью, которые стимулировали бы граждан к реализации указанных прав [13].

Не вступая в дискуссию о целесообразности и возможности существования позитивной уголовной ответственности, под которой понимается «обязанность правосубъектного гражданина не нарушать запреты, установленные в уголовном законе» [15, с. 200], отметим, что отказ от совершения противоправного действия не свидетельствует о наступлении ответственности. В статье 8 УК РФ провозглашено, что единственным основанием уголовной ответственности является именно «совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления». Таким образом, уголовная ответственность за несовершение деяния, запрещенного УК РФ, в принципе невозможна.

И. Я. Козаченко, отмечая, что в отношении законопослушных лиц уголовный закон не может быть применен, называет ответственность без применения уголовного закона (т. е. позитивную ответственность) нонсенсом [16].

Представляется спорным и предложение Б. Т. Разгильдиева о целесообразности включения в нормы о необходимой обороне, крайней необходимости, задержании лица стимулирующих санкций, поскольку данный элемент уголовно-правовой нормы имеет негативную (карательную) природу.

Под санкцией в общей теории права понимается часть правовой нормы, в которой перечислены неблагоприятные последствия, наступающие для нарушителя в случае совершения деяния, указанного в диспозиции [17]. Уголовно-правовое значение термина «санкция» сводится также к описанию неблагоприятных последствий (вид и размер наказания) для лица, совершившего преступление [18]. Изложенное позволяет признать невозможность существования позитивных (стимулирующих) санкций в принципе.

Д. Ю. Макаров наряду с объектом и субъектами охраны в качестве ее элемента называет содержание уголовно-правовой охраны, под которой понимает «осуществление таких мероприятий, вследствие которых будет обеспечена целостность, неприкосновенность охраняемого объекта» [1, с. 70].

Возникает вопрос, является ли содержание уголовно-правовой охраны ее элементом. Под содержанием понимается «единство всех основ-

ных элементов, его свойств и связей» [3, с. 743]. Таким образом, исходя из этимологии термина «содержание», можно заключить, что одним из элементов уголовно-правовой охраны является совокупность элементов, что представляется нелогичным.

Продолжая рассуждения, Д. Ю. Макаров приходит к обоснованному выводу, что уголовно-правовая охрана сводится к предупреждению преступлений и непосредственному правоприменению, образующих, по мнению автора, два уровня охраны [1]. Однако такая позиция подтверждает мысль о невозможности отнесения содержания уголовно-правовой охраны к ее элементам.

Представляется, что содержание уголовно-правовой охраны — это те конкретные меры, принимаемые государством для обеспечения безопасности общественных отношений, закрепленных в качестве объектов в УК РФ, к которым как раз и относится предупреждение преступлений и правоприменение. Другими словами, содержание охраны есть ее суть, а не элемент.

В. Е. Бондаренко, частично поддерживая точку зрения Б. Т. Разгильдиева, в качестве элементов

уголовно-правовой охраны называет объект, субъект, от которого осуществляется охрана, субъект, который обеспечивает уголовно-правовую охрану объекта от преступных посягательств на него [4]. Выделение в качестве элемента охраны субъекта, от которого она осуществляется, на наш взгляд, излишне по причинам, изложенным выше, суть которых заключается в том, что указанный субъект возникает только после совершения посягательства на охраняемые общественные отношения. Удержание лица от совершения преступления представляет собой своего рода определенный критерий качества уголовно-правовой охраны, ее эффективности. Возвращаясь к этимологии термина «охрана», вновь констатируем, что бездействующий субъект (т. е. воздержавшийся от уголовно наказуемого деяния) не может быть одним из элементов уголовно-правовой охраны, представляющей собой активную деятельность.

Таким образом, предлагается в структуру уголовно-правовой охраны специальных видов предпринимательской деятельности в качестве элементов включать объект охраны, субъект охраны, уголовную ответственность.

1. Макаров Д. Ю. Уголовно-правовая охрана конституционных прав, связанных с получением вознаграждения за труд и социальных выплат: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 239 с.

2. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. Москва: Аделант, 2013. 800 с.

3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: А ТЕМП, 2006. 944 с.

4. Бондаренко В. Е. Основание уголовно-правовой охраны и ее прекращение: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 265 с.

5. Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б. Т. Разгильдиева. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2004. Т. 1, кн. 1. 320 с.

6. Ткаченко В. С. Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих общественный порядок и общественную безопасность: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1998. 219 с.

7. Сайгашкин А. Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 244 с.

8. Сайгашкин А. Н. Сущность уголовно-правовой охраны // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 1. С. 71—75.

1. Makarov D. Yu. Criminal-legal protection of the constitutional rights related to the receiving a reward for labor and social payments. Dissertation of candidate of juridical sciences. Saratov; 2016: 239. (In Russ.).

2. Ushakov D. N. The explanatory dictionary of the modern Russian language. Moscow: Adelant; 2013: 800. (In Russ.).

3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. The explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological units. Russian Academy of Sciences, Institute of the Russian Language named after V. V. Vinogradov. 4th ed., add. Moscow: A TEMP; 2006: 944. (In Russ.).

4. Bondarenko V. E. The basis of criminal-legal protection and its termination. Dissertation of candidate of juridical sciences. Saratov; 2014: 265. (In Russ.).

5. Criminal law of Russia. A course of lectures. In 6 vols. Vol. 1, book 1. Ed. by B. T. Razgildiev. Saratov: Publishing house of Saratov State Law Academy; 2004: 320. (In Russ.).

6. Tkachenko V. S. Criminal-legal protection of the personality of law enforcement officers ensuring public order and public safety. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 1998: 219. (In Russ.).

7. Saygashkin A. N. Criminal-legal protection of the rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation. Dissertation of candidate of juridical sciences. Saratov; 2006: 244. (In Russ.).

9. Разгильдиев Б. Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. 232 с.

10. Мартыненко Н. Э. Уголовно-правовая охрана потерпевшего: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2015. 509 с.

11. Баукен А. А. Правовая защита собственности в Российской Федерации: вопросы теории: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 177 с.

12. См. подробнее: Лихолетов А. А. Понятие и виды преступлений в сфере специальных видов предпринимательства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 1 (44). С. 81—87.

13. Разгильдиев Б. Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1994. 36 с.

14. Верина Г. В. Системные связи объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления: анализ и синтез научной мысли // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 2 (36). С. 159—171.

15. Южанин В. Е. О позитивной уголовной ответственности // Человек: преступление и наказание. 2020. № 2. С. 200—206.

16. Уголовное право. Общая часть / под ред. В. Н. Петрашева. Москва: ПРИОР, 1999. 542 с.

17. Теория государства и права: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. А. Клишаса. Москва: Статут, 2019. 512 с.

18. Энциклопедия уголовного права. Т. 2: Уголовный закон. Изд. проф. Малинина. Санкт-Петербург, 2005. 847 с.

8. Saygashkin A. N. The essence of the criminal-legal protection. Legal policy and legal life, 71—75, 2009. (In Russ.).

9. Razgildiev B. T. Tasks of criminal law of the Russian Federation and their realization. Saratov: Publishing house of Saratov University; 1993: 232. (In Russ.).

10. Martynenko N. E. Criminal-legal protection of the victim. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2015: 509. (In Russ.).

11. Bauken A. A. Legal protection of property in the Russian Federation: questions of theory. Dissertation of candidate of juridical sciences. Chelyabinsk; 2006: 177. (In Russ.).

12. Refer to: Likholetov A. A. The notion and types of crimes in the sphere of special types of entrepreneurs. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 81—87, 2018. (In Russ.).

13. Razgildiev B. T. Tasks of criminal law of the Russian Federation and their realization. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 1994: 36. (In Russ.).

14. Verina G. V. System links of the object of criminal-legal protection and the object of crime: analysis and synthesis of scientific thought. Leningrad law journal, 159—171, 2014. (In Russ.).

15. Yuzhanin V. E. About positive criminal responsibility. Man: crime and punishment, 200—206, 2020. (In Russ.).

16. Criminal Law. General part. Ed. by V. N. Petrashev. Moscow: PRIOR; 1999: 542. (In Russ.).

17. Theory of state and law. Textbook. Ed. by doctor of juridical sciences, prof. A. A. Klishas. Moscow: Statut; 2019: 512. (In Russ.).

18. Encyclopedia of criminal law. Vol. 2: Criminal law. Saint Petersburg: Publishing house of professor Malinin; 2005. 847. (In Russ.).

Лихолетов Александр Александрович,

профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
A.Likholetov@mail.ru

Likholetov Alexander Alexandrovich,

professor at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
A.Likholetov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.03.2024; одобрена после рецензирования 01.04.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 26.03.2024; approved after reviewing 01.04.2024; accepted for publication 14.05.2024.

* * *

УДК 343.346

О КОНСТРУИРОВАНИИ САНКЦИЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 264.2 И ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 264.3 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Александр Сергеевич Первухин

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, ann.alexandr@mail.ru

Аннотация. В статье обращается внимание на проблему, которая не теряет своей актуальности в связи с увеличением в уголовном законе количества норм с так называемой административной преюдицией, а именно на отсутствие единого системного подхода законодателя к конструированию санкций таких норм. На основе анализа трудов отечественных ученых предпринимается попытка обосновать наличие зависимости общественной опасности преступлений, предусмотренных указанными уголовно-правовыми нормами, от общественной опасности предикатных административных правонарушений. Такая зависимость должна быть учтена законодателем при конструировании санкций. На основе проведенного анализа формулируется вывод о том, что санкция ч. 1 ст. 264.3 Уголовного кодекса Российской Федерации должна быть строже, чем санкция ч. 1 ст. 264.2. По мнению автора, законодателю следует использовать единые правила конструирования составов преступлений с административной преюдицией, что позволит более точно устанавливать их общественную опасность.

Ключевые слова: административная преюдиция, общественная опасность, санкция, наказание, транспортные преступления

Для цитирования: Первухин А. С. О конструировании санкций уголовно-правовых норм с административной преюдицией (на примере части 1 статьи 264.2 и части 1 статьи 264.3 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 59—65.

ON THE CONSTRUCTION OF SANCTIONS OF CRIMINAL LAW NORMS WITH ADMINISTRATIVE PREJUDICE (AS AN EXAMPLE, PART 1 OF ARTICLE 264.2 AND PART 1 OF ARTICLE 264.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Alexander Sergeevich Pervukhin

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia, ann.alexandr@mail.ru

Abstract. The article draws attention to the problem still relevant in the connection with the increasing number of norms with so-called administrative prejudice in the criminal law, namely the lack of a unified legislators' systematic approach to the construction of such norms sanctions. Basing on the analysis of domestic scientists' works, the author attempts to substantiate the dependence of public danger of crimes provided by the above criminal-law norms on the public danger of predicate administrative offenses. Such dependence should be taken into account by the legislator in constructing sanctions. The conclusion is that the sanction of part 1 of article 264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation should be more strict than the sanction of part 1 of article 264.2. In author's opinion, the legislator should use uniform rules in constructing corpus delicti of crimes with administrative prejudice to establish their public danger more accurately.

Keywords: administrative prejudice, public danger, sanction, punishment, traffic offenses

For citation: Pervukhin A. S. On the construction of sanctions of criminal law norms with administrative prejudice (as an example, part 1 of article 264.2 and part 1 of article 264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 59—65, 2024. (In Russ.).

В последнее время наметилась устойчивая тенденция к увеличению в Особенной части уголовного закона количества норм, содержащих так называемую административную преюдицию, идейных противников которой предостаточно. Вместе с тем рассчитывать на то, что законодатель откажется от ее использования, не приходится.

Анализ действующего уголовного и административного законодательства приводит к выводу о том, что при определении видов и размеров наказаний, установленных в санкциях указанных уголовно-правовых норм, законодатель часто допускает нарушение принципа справедливости (сказанное будет проиллюстрировано на примере ст. 264.2, 264.3 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ), а также смежных норм административного законодательства). Обозначенная проблема, на наш взгляд, обусловлена отсутствием системного подхода законодателя к конструированию санкций таких норм.

Для начала сделаем небольшое отступление. В научных трудах акцентируется внимание на том, что понятие «административная преюдиция» не соответствует тому содержанию, которое в него вкладывают ученые. На это обращает внимание Л. А. Воскобитова. По ее мнению, административная преюдиция — это «вульгаризм, который не наполнен юридическим содержанием, а употребляется лишь как условное обозначение для краткости описания неправомерно возрождаемого института уголовной ответственности за повторно совершенные административные правонарушения» [1, с. 47]. По этой причине ученые нередко вводят собственные понятия.

Обозначенной проблеме в своем монографическом исследовании уделил внимание Д. В. Мирошниченко, по мнению которого «факт административной наказанности в научной доктрине именуется преюдициальным, и только относительно него следует вести речь об уголовно-правовой норме, содержащей преюдицию. Это означает, что норма административно-деликтного права сама по себе не является преюдициальной, она выступает как необходимое условие наступления факта, влекущего применение уголовно-правовой нормы с преюдицией. Поэтому норму, являющуюся условием преюдициального факта, следует именовать преюдируемой, а норму, содержащую указание на преюдицию, — преюдирующей. <...> Соответственно, состав правонарушения, предусмотренный преюдируемой нормой, следует обозначать аналогично — преюдируемыми составами. Составы,

содержащие указание на преюдицию, — преюдирующими составами» [2, с. 9].

Терминология, предложенная Д. В. Мирошниченко, представляется нам довольно удачной, поэтому в рамках настоящей статьи будем оперировать именно ею.

Возвращаясь к ключевой проблеме, заявленной в начале статьи, отметим, что общественная опасность — это признак преступления, характеризующий его как способность причинить вред общественным отношениям или создать угрозу его причинения. Из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» от 22 декабря 2015 г. № 58 следует, что характер общественной опасности преступления определяется направленностью деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред, а ее степень, среди прочих, зависит от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, формы вины, обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание¹. Указанная позиция разделяется большинством ученых [3].

Нам импонирует точка зрения, согласно которой общественная опасность присуща как административным правонарушениям, так и преступлениям, а водоразделом служит ее степень [4].

О. Ю. Бунин утверждает, что «для справедливого законодательного установления видов и размеров уголовных наказаний имеет значение характер и степень общественной опасности преступлений, которые выражаются в признаках их составов» [5, с. 33]. Вместе с тем ученый, соглашаясь с Н. С. Малеиным в том, что «для достижения соответствия между правонарушением и ответственностью нужны критерии, которые позволяли бы если не измерить, то сопоставить преступление и наказание, деликт и меру ответственности», утверждает, что «таким главным критерием может и должен выступать сравнительный анализ составов преступлений по признакам, характеризующим их элементы» [5, с. 82].

В целом мы разделяем представленную позицию. Вместе с тем изучение различных аспектов преюдирующих уголовно-правовых норм не может осуществляться в отрыве от норм административного права.

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.02.2024).

Составы преюдирующих преступлений имеют существенное сходство с составами предикатных административных правонарушений. Часто отличие заключается лишь в том, что преюдирующие составы преступлений наравне с совпадающими признаками включают в себя характеристику общественно опасного поведения личности, которая находит свое формальное отражение в признаке субъекта. Общественно опасное поведение представляет собой совокупность юридически значимых противоправных актов, через которые познается общественная опасность личности, положенная в основу криминализации преюдирующих преступлений [2]. Другими словами, состав преюдирующего преступления, если так можно выразиться, состоит из «суммы» признаков административного правонарушения и характеристики общественно опасного поведения личности, формально закрепленной в признаке субъекта.

Оценка общественной опасности предикатного административного правонарушения уже дана законодателем в санкции нормы, предусматривающей ответственность за его совершение, поэтому отсутствует необходимость в ее повторной оценке. Гораздо важнее постараться найти ответ на вопрос: от чего зависит разница в количественной характеристике общественной опасности преюдирующего преступления и предикатного административного правонарушения, обусловленная указанным выше отличием в признаках субъекта?

Как уже было сказано, общественная опасность личности познается через юридически релевантные противоправные акты. В преюдирующих составах преступлений законодатель, отражая в признаках субъекта общественно опасное поведение, использует три характеристики: качественную, количественную и временную. Полагаем, что от этих характеристик зависит разница в степени общественной опасности преюдирующего преступления и предикатного административного правонарушения.

На эту мысль наталкивают и результаты исследований ученых, которые посвятили свои труды изучению рецидива преступлений. Так, по мнению С. В. Карташова, рецидив «свидетельствует об общественной опасности личности виновного лица», «именно число и категории преступлений говорят об общественной опасности личности виновного» [6, с. 117]. Ю. В. Бышевский пишет, что существенно повышают общественную опасность рецидива такие его черты, как многократность и интенсивность. Под интенсивностью уче-

ный предлагает понимать частоту совершения преступлений [7].

Итак, качественная характеристика общественно опасного поведения определяется сущностью совершенных противоправных актов, составляющих общественно опасное поведение, и служит индикатором деформации личности — больше общественная опасность того лица, которое совершило более общественно опасные правонарушения. Для законодателя мерилom качественной характеристики может выступать общественная опасность этих правонарушений, которая отражается в санкциях норм, предусматривающих ответственность за их совершение.

Количественная характеристика общественно опасного поведения определяется количеством юридически релевантных правонарушений, его образующих.

Временная характеристика общественно опасного поведения определяется временным промежутком между первым предикатным административным правонарушением и преюдирующим преступлением.

Количественная и временная характеристики общественно опасного поведения личности не должны изучаться отдельно, ввиду того что об общественной опасности личности свидетельствует не просто количество совершенных правонарушений, а определенная степень их интенсивности (количество совершенных правонарушений за промежуток времени). Представляется, что большей общественной опасностью обладает то лицо, которое совершило больше правонарушений за меньший период времени.

Из сказанного можно предположить, что влияние признака субъекта, в котором находит формальное отражение общественно опасное поведение, на общественную опасность преюдирующего преступления определяется общественной опасностью правонарушений, составляющих это поведение, и их интенсивностью.

Итак, нам известна законодательная оценка влияния на общественную опасность перенимаемых преюдирующим преступлением признаков. Мы также выяснили, от чего зависит разница в количественной характеристике общественной опасности преюдирующего преступления и предикатного административного правонарушения, обусловленная отличием в признаках субъекта. Теперь мы имеем возможность сопоставить общественную опасность преюдирующих преступлений и административных правонарушений между собой.

Вернемся к изначально обозначенной нами проблеме и проиллюстрируем отсутствие единого системного подхода законодателя к конструированию санкций уголовно-правовых и административно-правовых норм.

Часть 1 ст. 264.2 УК РФ предусматривает ответственность за нарушение Правил дорожного движения Российской Федерации (далее — ПДД РФ)¹, выраженное в превышении установленной скорости движения транспортных средств или выезде на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления, за исключением случаев объезда препятствия лицом, подвергнутым административной ответственности за аналогичное деяние, совершенное повторно.

Часть 1 ст. 264.3 УК РФ предусматривает ответственность за управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, совершенное повторно.

Санкции ч. 1 ст. 264.2 и ч. 1 ст. 264.3 УК РФ содержат одинаковый перечень видов наказаний, при этом в первом случае размеры наказаний больше, следовательно, по мнению законодателя, преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 264.2.2 УК РФ, обладает большей общественной опасностью.

Сначала оценим влияние на общественную опасность указанных выше преступлений перенимаемых ими признаков предикатных административных правонарушений.

В случае с ч. 1 ст. 264.2 УК РФ таковыми являются правонарушения, предусмотренные ч. 4 ст. 12.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ) — превышение установленной скорости движения транспортного средства на величину более 60, но не более 80 км/ч; ч. 5 ст. 12.9 КоАП РФ — превышение установленной скорости движения транспортного средства на величину более 80 км/ч; ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ —

выезд в нарушение ПДД РФ на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления, за исключением случаев объезда препятствия². Наиболее строгое административное наказание установлено санкциями ч. 4 ст. 12.9, ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ — лишение права управления транспортными средствами на срок от четырех до шести месяцев — и ч. 5 ст. 12.9 КоАП РФ — лишение права управления транспортными средствами сроком на шесть месяцев.

В случае с ч. 1 ст. 264.3 УК РФ необходимо обратиться к ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ — управление транспортным средством водителем, лишенным права управления транспортными средствами. Наиболее строгое административное наказание, установленное санкцией названной статьи, — обязательные работы сроком от ста до двухсот часов.

Д. Н. Бахрах пишет, что подобно тому, как это сделано в уголовном и трудовом праве, в КоАП РФ перечень административных наказаний имеет определенную последовательность: сначала идут менее, а затем более суровые (цит. по: [8]). Если придерживаться такой логики и обратиться к ст. 3.2 КоАП РФ «Виды административных наказаний», то можно заключить, что наказание в виде обязательных работ является более строгим, чем наказание в виде лишения права управления транспортными средствами. Анализ приведенных в таблице видов и размеров наказаний, предусмотренных за совершение предикатных для целей ч. 1 ст. 264.2 и ч. 1 ст. 264.3 УК РФ административных правонарушений, приводит к выводу о том, что наибольшей общественной опасностью обладает административное правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ.

¹ О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»): постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.03.2024).

² Следует обратить внимание, что для оценки влияния перенимаемых признаков на общественную опасность преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264.2 УК РФ, не подходят составы административных правонарушений и санкции, предусмотренные ч. 7 ст. 12.9, ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ. Сказанное обусловлено тем, что составы указанных правонарушений содержат признак повторности (повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного чч. 4, 5 ст. 12.9, ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ), который не перенимается преступлением, предусмотренным ч. 1 ст. 264.2 УК РФ. По той же причине при изучении санкции ч. 1 ст. 264.3 УК РФ ориентироваться необходимо на ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ.

**Наиболее строгие виды и размеры административных наказаний,
предусмотренные за совершение предикатных правонарушений
(ч. 1 ст. 264.2, ч. 1 ст. 264.3 УК РФ)**

Преюдицирующее преступление	Административное правонарушение	Наиболее строгое административное наказание, предусмотренное административным законодательством
Ч. 1 ст. 264.2 УК РФ	Ч. 4 ст. 12.9 КоАП РФ	Лишение права управления транспортными средствами на срок от четырех до шести месяцев
	Ч. 5 ст. 12.9 КоАП РФ	Лишение права управления транспортными средствами на срок шесть месяцев
	Ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ	Лишение права управления транспортными средствами на срок от четырех до шести месяцев
Ч. 1 ст. 264.3 УК РФ	Ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ	Обязательные работы на срок от 100 до 200 часов

Теперь перейдем к оценке влияния на общественную опасность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 264.2 и ч. 1 ст. 264.3 УК РФ, признака субъекта, в которой находит свое формальное отражение общественно опасное поведение.

Начать следует с качественной характеристики общественно опасного поведения. Правонарушения, которые составляют общественно опасное поведение в случае с ч. 1 ст. 264.3 УК РФ (ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ), обладают большей общественной опасностью, чем в случае с ч. 1 ст. 264.2 УК РФ (чч. 4, 5 ст. 12.9, ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ). Сказанное следует из проведенного нами анализа санкций норм, предусматривающих ответственность за совершение указанных административных правонарушений.

Из диспозиций ч. 1 ст. 264.2 и ч. 1 ст. 264.3 УК РФ следует, что субъектом указанных преступлений является лицо, подвергнутое административной ответственности за совершение повторного административного правонарушения. Таким образом, количественная характеристика общественно опасного поведения лиц, совершающих указанные выше преступления, совпадает.

Гораздо сложнее определить временную характеристику применительно к ч. 1 ст. 264.2 и ч. 1 ст. 264.3 УК РФ. Попытаемся определить максимальный временной период между первым предикатным правонарушением и преюдицирующим преступлением. Полагаем, что в этом случае допустимо не принимать во внимание факторы, которые влияют на увеличение данного промежутка времени.

Изучим временную характеристику общественно опасного поведения для целей ч. 1 ст. 264.2 УК РФ. Общественно опасное поведение лица в данном случае проявляется в совершении трех релевантных правонарушений в период соответствующих сроков. Первое — чч. 4, 5 ст. 12.9, ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ; второе — ч. 7 ст. 12.9, ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ; третье — ч. 1 ст. 264.2 УК РФ.

Период между первым и вторым правонарушением определяется сроком административной наказанности лица за совершение (первого) административного правонарушения, предусмотренного чч. 4, 5 ст. 12.9, ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ. Согласно ст. 4.6 КоАП РФ лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления. Лицам, совершившим указанные выше (первые) правонарушения, может быть назначено наказание в виде лишения права управления транспортными средствами сроком до 6 месяцев. Таким образом, максимальный временной период между первым и вторым релевантными правонарушениями может составлять один год шесть месяцев.

Определим аналогичный период между вторым и третьим релевантными правонарушениями. Субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264.2 УК РФ, является лицо, подвергнутое административному наказанию и лишенное права управления транспортными средствами за любое

из деяний, предусмотренных ч. 7 ст. 12.9 и ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ. То есть период между вторым и третьим релевантным правонарушением определяется сроком назначенного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами и составляет один год.

Таким образом, временной промежуток между первым предикатным правонарушением и преступлением применительно к ч. 1 ст. 264.2 УК РФ может составлять два года шесть месяцев.

Теперь изучим временную характеристику общественно опасного поведения для целей ч. 1 ст. 264.3 УК РФ. Общественно опасное поведение лица в данном случае также проявляется в совершении трех релевантных правонарушений. Первое — ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ; второе — ч. 4 ст. 12.7 КоАП РФ; третье — ч. 1 ст. 264.3 УК РФ.

Период между первым и вторым правонарушением определяется сроком административной наказанности лица за совершение (первого) административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ. Лицам, совершившим указанное выше (первое) правонарушение, может быть назначено наказание в виде обязательных работ сроком до 200 часов. Согласно ч. 2 ст. 3.13 КоАП РФ обязательные работы по общему правилу отбываются не более четырех часов в день. Иными словами, на исполнение данного вида наказания потребуется 50 дней. Таким образом, временной период между первым и вторым релевантными правонарушениями может составлять около 13,5 месяцев.

Определим аналогичный период между вторым и третьим релевантными правонарушениями. Субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264.3 УК РФ, является лицо, лишенное права управления транспортными средствами и подвергнутое административному наказанию за правонарушение, предусмотренное ч. 4 ст. 12.7 КоАП РФ. То есть период между вторым и третьим реле-

вантными правонарушениями определяется сроком административной наказанности. За совершение правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 12.7 КоАП РФ, может быть назначено административное наказание в виде обязательных работ сроком до 200 часов. Следовательно, временной период между вторым и третьим релевантными правонарушениями также может составлять около 13,5 месяцев.

Установленные временные промежутки отражают временную характеристику — два года и шесть месяцев (ч. 1 ст. 264.2 УК РФ) и два года и три месяца (ч. 1 ст. 264.3 УК РФ).

Таким образом, общественно опасное поведение в случае с ч. 1 ст. 264.3 УК РФ предполагает совершение того же количества правонарушений, что и в случае с ч. 1 ст. 264.2 УК РФ, но за меньший период времени и обладающих большей общественной опасностью. Это означает, что признаки субъекта первого преступления «несут в себе больший заряд общественной опасности», чем признаки субъекта второго.

Подводя итог, заключим следующее.

Общественная опасность преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264.3 УК РФ, выше, чем преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264.2 УК РФ, а значит, в первом случае санкция должна быть строже.

Учитывая, что приведенный пример является далеко не единственным, полагаем, что санкции административного и уголовного законодательства, предусматривающие ответственность за совершение предикатных административных правонарушений и преюдицирующих преступлений, нуждаются в переоценке.

Законодателю следует использовать единые правила конструирования преюдицирующих составов преступлений, что позволит более точно устанавливать их общественную опасность.

---

1. Воскобитова Л. А. Судебная власть как фактор взаимодействия теории, нормотворчества, практики // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 2018. № 2. С. 38—50.

2. Мирошниченко Д. В. Преюдиция в уголовном праве России: теоретико-прикладное исследование: монография. Москва: Юрлитинформ, 2022. 208 с.

3. Ищенко И. В. Характер и степень общественной опасности преступлений и неправомерных деяний: проблемы понятия и критериев определения // Ученые записки Крымского федерального

---

1. Voskobitova L. A. Judicial power as a factor of interaction among theory, rule-making and practice. Journal of Moscow University. Ser. 11. "Law", 38—50, 2018. (In Russ.).

2. Miroshnichenko D. V. Prejudice in the criminal law of Russia: theoretical and applied research. Monograph. Moscow: YurLitinform; 2022. (In Russ.).

3. Ishchenko I. V. Nature and degree of public danger of crimes and non-criminal acts: problems of the concept and criteria for determination. Scientific notes of the Crimean Federal University

университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. № 3-2. С. 133—147.

4. Костенников М. В. К вопросу об определении оснований административной ответственности — в продолжение дискуссии // Теория и практика административного права и процесса: материалы IX Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. В. Д. Сорокина (Небугские чтения). Челябинск: Цицеро, 2016. С. 72—80.

5. Бунин О. Ю. Реализация принципа справедливости при установлении санкций уголовно-правовых норм: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. 200 с.

6. Карташов С. В. Общественная опасность рецидива преступлений // Актуальные проблемы государства и права. 2020. № 13. С. 111—121.

7. Бышевский Ю. В. Характеристика осужденных, отбывающих наказание за кражи: монография. Омск: Омская акад. МВД России, 2008. 175 с.

8. Андреев Д. С. Строгость административного наказания // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2018. № 2 (33). С. 217—232.

Первухин Александр Сергеевич,
преподаватель кафедры уголовного права
Уральского юридического института
МВД России,
ann.alexandr@mail.ru

named after V. I. Vernadsky. Legal sciences, 133—147, 2021. (In Russ.).

4. Kostennikov M. V. To the problem of determining the grounds of administrative responsibility: continuing discussion. In: Theory and practice of administrative law and process. Materials of the IX All-Russian scientific and practical conference, dedicated to the memory of prof. V. D. Sorokin (Nebug readings). Chelyabinsk: Cicero; 2016: 72—80. (In Russ.).

5. Bunin O. Yu. Realization of the principle of justice in the establishment of sanctions of criminal law norms. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2006: 200. (in Russ.).

6. Kartashov S. V. Public danger of recidivism of crimes. Topical problems of state and law, 111—121, 2020. (In Russ.).

7. Byshevsky Y. V. Characteristics of convicts serving a sentence for theft. Monograph. Omsk: the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2008: 175. (In Russ.).

8. Andreev D. S. Strictness of administrative punishment. Journal of the Voronezh State University. Ser. "Law", 217—232, 2018. (In Russ.).

Pervukhin Alexander Sergeevich,
lecturer at the department of criminal law
of the Ural Law Institute
of the Ministry of the Interior of Russia;
ann.alexandr@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.04.2024; одобрена после рецензирования 28.04.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 16.04.2024; approved after reviewing 28.04.2024; accepted for publication 14.05.2024.

* * *

УДК 343.8

**ИНСТИТУТ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ:
СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**

Олег Валентинович Стрилец

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, oleg-strilez@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы генезиса и эволюции института исправления осужденных, а также раскрываются его современные проблемы.

В эпоху Просвещения на основе гуманистических идей меняется вектор отношения к наказанию. Захватывающая своими идеями и реформами, эта эпоха, охватывающая XVII—XVIII вв., оказала огромное влияние на дальнейший путь развития человеческой цивилизации, в частности на исправление лиц, совершивших деяния, приносящие вред обществу. Теория исправления в дореволюционной России изменила отношение к карательной сущности наказания как платы за преступление и осуществила переход к перевоспитанию осужденного в целях его возврата в общество. Развитие института исправления в советский период характеризуется тем, что основным средством в процессе исправления осужденного являлось исправительно-трудовое воздействие. Преобразования, которые произошли в России в 1990-е гг., оставили незабываемый след в истории страны. Это был период глубоких изменений, повлиявших на все сферы жизни российского общества. Перемены затронули институт исправления и обусловили ряд вопросов, связанных с его современным состоянием.

Основываясь на исторических фактах и анализе современных проблем института исправления осужденных, автор приходит к выводу, что содержание данного института напрямую зависит от политического и экономического состояния общества в целом.

Ключевые слова: исправление, наказание, исправительные учреждения, труд, преступник, исправительно-трудовое воздействие, законодательство

Для цитирования: Стрилец О. В. Институт исправления осужденных: становление, развитие и современное состояние // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 66—74.

**INSTITUTE OF CORRECTING OF THE CONDEMNED:
FORMATION, DEVELOPMENT AND A CURRENT STATE**

Oleg Valentinovich Strilets

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia
oleg-strilez@rambler.ru

Abstract. The given article deals with the issues of the genesis and evolution of the institution of correction of convicts and examines its modern problems.

During the Age of Enlightenment based on humanistic ideas, the vector of attitude towards punishment changed. Fascinating with its ideas and reforms and covering the 17th — 18th centuries this era had a huge impact on the further development of the human civilization, in particular on the correction of persons who committed acts harmful to the society. The theory of correction in the pre-revolutionary Russia changed the attitude to the punitive nature of punishment as payment for a crime and made the transition to the re-education of the convicted person in order to return him to the society. The development of the institution of correction in the Soviet period is characterized by the fact that the main means in the process of correction of the convicted person was correctional labor influence. The transformations that took place in Russia in the 1990s left an unforgettable mark on the history of the country. It was a period of profound changes that influenced all spheres of life of the Russian society. The changes affected the institution of correction and determined a number of issues related to its current state.

Based on the historical facts and the analysis of modern problems of the institution of correction of convicts, the author concludes that the content of the mentioned institution directly depends on the political and economic state of society as a whole.

Keywords: corrections, punishment, correctional institutions, labor, a criminal, correctional labor influence, legislation

For citation: Strilets O. V. Institute of correcting of the condemned: formation, development and a current state. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 66—74, 2024. (In Russ.).

Первое условие исправления —
сознание своей вины.

Сенека Луций Анней

Человеку в процессе жизнедеятельности свойственно допускать определенные ошибки, в некоторых случаях они бывают фатальными. Многие люди, сталкиваясь с проблемами в своей жизни, стремятся исправить себя самостоятельно. Однако часто им не хватает для этого мотивационного поведения, а в определенных случаях и знания закона.

Институт исправления осужденных имеет долгую историю, начиная с древних времен, когда уголовное наказание в основном было связано с карой за преступление.

Гуманизация общества в эпоху Просвещения изменила отношение к наказанию как мести за совершенное деяние, приносящее вред. Многие мыслители того времени — И. Кант, Ч. Беккариа, Ф. Вольтер, Д. Бентам, Ф. Пинель — высказывали прогрессивные идеи относительно понимания исправления осужденных. Так, Чезаре Беккариа отмечал: «Содеянное и неисправленное зло может быть наказано обществом в той мере, насколько оно пробуждает в других надежду на безнаказанность» [1, с. 122].

В российском государстве во время правления Екатерины II также наличествовали гуманистические начала. Несмотря на то что цели наказания впервые были закреплены в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., к которым законодатель прошлых времен относил удовлетворение, исправление и устрашение¹, в указах и наказах российской самодержицы отражались просветительские подходы к наказанию и его целям. В Наказе Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения 1767 г. предписывалось, что наказание не преследует цель мучения, необ-

ходимо, чтобы наказания были не только справедливыми, но и образовательными, помогая людям понять свои ошибки и исправить свое поведение. По мере того как люди просвещаются и осознают совершенное деяние, необходимо снижать строгость наказания².

М. Филиппов подчеркивал, что идеи, которые были заложены в этом наказе, «опередили все европейские законодательства почти на целое столетие» [2, с. 60].

Нельзя не отметить и роль в формировании института исправления осужденных нормативных актов той эпохи, которые имели непосредственное отношение к процессу исполнения наказания. Прежде всего это проект Устава о тюрьмах 1787 г., где императрица собственноручно, увлекшись идеями человеколюбия, закладывает основу для всего пенитенциарного законодательства царской России.

В соответствии с данным проектом вся тюремная система подчинялась государственному надзирателю правосудия. Он утверждал уездного надзирателя, который контролировал исправительные учреждения (тюрьмы) отдельно взятой губернии. Конкретная тюрьма управлялась тюремщиком. В штат тюрьмы могли входить тюремщики отделений, сторожа, слуги и другие лица. Особым достижением этого документа являлась четкая регламентация должностных обязанностей работников тюрьмы, главным образом тюремщиков. В уставе была предусмотрена присяга, в которой отражалось, что «тюремным пищу, житие, одежду и проч. содержание доставлять без малейшего ущерба, сурово с ними поступать не буду, но человеколюбиво, без послабления» [2, с. 78—79].

Этот проект был направлен на повышение эффективности работы российской тюремной

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Свод законов Российской империи: в 16 т. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.03.2024).

² Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения 1767 г. // Официальный сайт Совета законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации. URL: <http://szrf.km.duma.gov.ru/> (дата обращения: 15.03.2024).

системы, улучшение условий содержания заключенных и предотвращение нарушений и злоупотреблений в сфере исполнения наказаний.

Таким образом, предложенная Екатериной II реформа тюремной системы, предполагавшая переход к подчинению государственного надзирателя правосудия, обуславливала внедрение новых позиций по управлению, контролю над тюрьмами и созданию условий для исправления осужденных.

В ракурсе рассматриваемой темы обращает на себя внимание и указ «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи», который утверждал в России такие пенитенциарные учреждения, как смирительные и работные дома. Положения этого указа о смирительных домах («чтобы сосланные, кроме нужного человеку времени для сна и пищи, отнюдь праздны не были, но обращались в непрерывной работе внутри дома, а оттуда ни под каким видом отнюдь выпускаемы не были; ленивых же принуждать к работе»¹) полностью пронизаны идеей исправления лиц, в них помещенных, а труд выходит на первое место как средство исправления.

В работных домах, в которых находились не только малоимущие граждане, получавшие здесь работу, но также лица, совершившие различные правонарушения — от грабежей и краж до нарушений законов о торговле спиртными напитками или утере паспорта и т. д., особое внимание уделялось труду, а за проступки применялись соответствующие наказания.

В начале XIX в. в Уставе о ссыльных 1822 г., Тюремной инструкции 1831 г., Своде законов Российской империи 1832 г., включавшем в себя Устав о содержащихся под стражей, начинается процесс формирования воспитательной цели наказания. С точки зрения правовой мысли эта цель достигается через исправление и перевоспитание личности, уделяется внимание не только наказанию преступника, но и его возможности измениться и стать полезным членом общества.

Вектор пенитенциарной политики в отношении преступников начал меняться под влиянием передовой правовой и психолого-педагогической мысли, а также благодаря личной позиции царствующей династии. Это привело к формированию новых подходов к исправлению и перевоспитанию пре-

ступников в рамках действующей тогда системы исполнения наказания [3].

А. П. Куницын, ученый-правовед того времени, в своей работе «Право естественное» писал: «...содействует ли какое-либо деяние к нравственному совершенству человека или нет, как, напр., наказание одного человека делает лучшим, а другого худшим» [4, с. 31].

С течением времени Н. Д. Сергеевский, обосновывая теорию исправления, утверждал, что исправление осужденного возможно только внешнее, а не нравственное в тесном смысле. Задаваться целью превратить преступников в людей высшей нравственности и добродетели было бы смешно; речь может идти лишь о том, чтобы повлиять на личность преступника тем или другим способом настолько, чтобы был поворот в нем мотив, ведущий к преступному деянию, или стимулировать правомерное поведение [5].

Вместе с тем стоит выделить и религиозную составляющую исправления осужденных в императорской России.

В. В. Есипов отмечал, что учение Иисуса Христа пролило совершенно новый свет на отношение к преступнику. Оно раскрыло идеалы Бога, отца людей, который хочет не смерти грешника, а его исправления и жизни [6]. В то время основной концепцией было формирование духовности у осужденных через религиозные обряды и учение церкви. Заключенные подвергались духовному воспитанию и регулярным богослужениям в тюрьмах и других исправительных учреждениях. Они посещали церковные службы и исповедовались перед священниками. Система указанных учреждений включала церковнослужителей, которые не только следили за дисциплиной, но и предоставляли возможность осужденным принимать святое причастие и учиться религиозным обрядам.

Религиозные идеи использовались для формирования у виновных в «злодеяниях» лиц моральных ценностей и учения о добродетелях и социальных образцах. Церковь поддерживала позицию, что исправление осужденных возможно через развитие духовности и обращение к Богу, призывала их к покаянию, исповеди, прощению и обретению душевного спасения.

Однако рассуждая о теории божественного возмездия, Н. С. Таганцев задавался вопросом: «Какой законодатель решится утверждать, что, назначая какую-либо ответственность за то или другое преступление, он осуществлял волю Всевышнего, какой судья осмелится думать, что, опре-

¹ Учреждение для управления губерний Всероссийской империи 1775 г. // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина: сайт. URL: <http://музейреформ.рф/about/> (дата обращения: 17.03.2024).

деляя меру наказания за известное преступление, он уразумел и оценил всю глубину религиозного падения преступника?» [7, с. 56].

Тюрьма старого времени, по словам С. В. Познышева, не преследовала и не могла преследовать никаких целей исправления. Ее главная задача заключалась в том, чтобы содержать преступника внутри своих стен до тех пор, пока власть не осуществит его освобождения, а иногда и до конца его жизни. Однако автор утверждал, что если исправление человека в принципе возможно, то оно также возможно и в тюрьме. По его мнению, тюрьма должна исправлять заключенных, и это означает, что человек, отбывающий наказание, должен быть выпущен на свободу таким образом, чтобы он изменился и стал социально полезным, способным жить по закону и честно трудиться. По его словам, нравственное исправление осужденных означает умение управлять собой, что предполагает развитие способности сдерживать появляющиеся мысли о противоправном поведении, а также умение правильно руководить своим поведением. Кроме того, основным элементом нравственного исправления является формирование конкретных мотивов поведения, которые бы помогли заранее обдумывать поступки и предупреждать возникновение решимости совершить преступление. Что касается юридического исправления, то, по мнению ученого, оно неотделимо от применения к осужденным наказания, которое должно быть связано с сознанием неизбежной связи между определенным поведением и неблагоприятными последствиями [8].

В эпоху Временного правительства в государстве были приняты решительные меры по гуманизации системы исправительного воздействия на преступников. Карательная сущность наказания была прошлым, сменяясь важной задачей перевоспитания. Несмотря на сохранение практически всех тюремных учреждений, правительство уделяло основное внимание именно процессу воспитания и исправления осужденных.

Октябрьская революция 1917 г. была значимым событием в истории России. Это был переломный момент, который привел к свержению русской монархии и установлению власти рабочих и крестьян. Была провозглашена советская власть и начали осуществляться радикальные реформы, в том числе законодательства. Революция стала одним из важнейших событий XX в. и оказала огромное влияние на дальнейшее развитие мирового сообщества. Острота дискуссий по данному

историческому событию различна, но его историческая значимость остается неоспоримой.

С 1917 г. начинается период утверждения исправительно-трудового законодательства, одним из ключевых моментов которого стало «исправление через труд». Необходимо отметить, что в первых законодательных актах советского государства содержались прогрессивные идеи при организации процесса исполнения наказания и исправления осужденных. Так, Декрет «О лишении свободы и о порядке условно-досрочного освобождения заключенных» от 21 марта 1921 г. одной из целей закреплял возможность «исправления и приспособления к трудовой жизни»¹.

В период становления советской власти, когда возникали новые подходы к развитию уголовного права, возникала сложность в определении целей наказания и поиске баланса между карательной и воспитательной функцией наказания. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, утвержденные в 1919 г., закрепляли, что наказание является формой репрессии (ст. 3), но при этом оно «не есть возмездие за „вину“, не есть искупление вины» (ст. 10)².

В Уголовном кодексе РСФСР (далее — УК РСФСР) 1922 г. также не было регламентации исправления преступника как цели наказания, говорилось только, что наказание имеет целью «приспособление нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия» (ст. 8)³. В Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. это положение утратило элемент приспособления и основывалось только на исправительно-трудовом воздействии. Однако в УК РСФСР 1926 г. законодатель возвращается к термину «приспособление», ставя также целью «воздействие на других неустойчивых членов общества»⁴. Данные законодательные

¹ О лишении свободы и о порядке условно-досрочного освобождения заключенных: декрет Совета Народных Комиссаров от 21 марта 1921 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

² Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

³ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

⁴ Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

акты, несмотря на то что не содержали исправление нарушителя как цель наказания, в полной мере оперировали терминологией в виде «исправительно-трудового воздействия»; «исправления преступника»; «меры социальной защиты судебно-исправительного характера» и т. п.

Немаловажный вклад в развитие института исправления осужденных внес первый советский Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (далее — ИТК РСФСР) 1924 г.¹ Нужно обратить внимание на название этого документа, которое подразумевает, что его основной целью является прежде всего исправление преступника. Несмотря на то что в ИТК РСФСР 1924 г. главным средством (мерой) исправления являлось исправительно-трудовое воздействие на лиц, осужденных к лишению свободы и принудительным работам без содержания под стражей (ст. 2), в нем была предусмотрена прогрессивная система труда и культурно-воспитательного воздействия. В статье 51 кодекса подчеркивалось, что занятие заключенных трудом имеет воспитательно-исправительное значение и нацелено на приучение их к труду и предоставление возможности получить профессиональное образование, чтобы вести трудовую жизнь после освобождения. Активная работа и профессиональное развитие, позволяющие заключенным успешно адаптироваться к условиям труда, поощрялись зачетом двух дней работ за три дня срока лишения свободы или принудительных работ без содержания под стражей (ст. 52). В обязанности администрации учреждений входила организация школьной и внешкольной культурно-просветительной работы с заключенными (ст. 82—99).

В отличие от ИТК РСФСР 1924 г. в ИТК РСФСР 1933 г. более детально формировались основные принципы исправления и перевоспитания осужденных, а также уточнялись средства воздействия на них, делался акцент на исправительно-трудовую направленность наказания и процесса его исполнения [9]. На смену культурно-воспитательного воздействия приходит политико-воспитательная работа (ст. 4 ИТК РСФСР 1933 г.²).

Исправительно-трудовое законодательство в 30-е гг. XX в. представляло собой сложный меха-

низм, регулирующий процесс исполнения наказаний и исправления заключенных через трудовое воздействие. Время, которое было отмечено политическими потрясениями и экономической нестабильностью, требовало четкого законодательного регулирования средств исправления в учреждениях, исполняющих наказание. В тот период закон основывался на идеологии, что труд является важной составляющей социалистического строя.

В период с 1940-х по 1960-е гг. институт исправления осужденных остался без должного развития, и это обусловлено объективными факторами. Те нормативные акты, которые были приняты в это время, сконцентрировались на усилении репрессивной составляющей в работе исправительных учреждений. Некоторые из этих актов оказались весьма неэффективными и в конечном итоге причинили больше вреда, чем пользы для государства.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. принесли с собой новые перспективы в области исправления осужденных. Принятие этих законов было важным шагом в развитии исправительно-трудовой системы, поскольку они уделяли больше внимания реабилитации и адаптации осужденных к обществу после отбытия наказания. Благодаря этому осужденные получили больше возможностей для обучения и профессионального развития, что помогло им успешно реинтегрироваться в общественные отношения.

Законодательство СССР в 60-е гг. XX в. и последующее развитие основанного на нем уголовного и исправительно-трудового права не было в полной мере свободно от идеологического влияния данной эпохи. Однако следует отметить, что реформы законодательства в 1950-х—1970-х гг. были вызваны, в первую очередь, изменением государственной политики. Политика, направленная на признание значения общечеловеческих ценностей и обеспечение прав и свобод человека, определяла цели, принципы и направления государственной политики в социальной сфере, которые находили свое отражение в конкретных отраслях права.

В ИТК РСФСР 1970 г. впервые в нормативном акте четко регламентировались основные средства исправления и перевоспитания осужденных: «...режим отбывания наказания, общественно полезный труд, политико-воспитательная работа,

¹ Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

² Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1933 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

общеобразовательное и профессионально-техническое обучение» (ст. 7)¹.

Характеризуя законодательство того времени в области исполнения уголовных наказаний, М. А. Кириллов подчеркивает важное значение исправления для общественной защиты от противоправных действий. Автор указывает, что идея защиты общества от таких посягательств переплеталась сразу с исправительно-трудовой политикой, составляя ее фундаментальный элемент [10]. При всей гуманизации политики на первом месте остаются общественные и государственные интересы. И. С. Ной отмечает, что исправление и перевоспитание могут быть рассмотрены как процесс «перековки» осужденного — превращение его из индивидуалиста в человека, способного правильно сочетать свои личные интересы с общими интересами общества. Это процесс, который помогает человеку научиться контролировать себя, разумно управлять своими потребностями, вместо того чтобы их удовлетворять за счет нарушения прав других граждан [11].

В 1970—1990-е гг. регламентация исполнения наказаний была урегулирована не только кодексом, но и широким комплексом нормативных актов. Однако частые изменения и дополнения в ИТК РСФСР 1970 г. привели к его несостоятельности как кодифицированного акта.

В отличие от дореволюционного и послереволюционного права, когда институт исправления ставил перед собой задачу исправления осужденного через приспособление его к условиям жизни в обществе, советское право в области наказания ставило задачу сделать осужденного безопасным для общества путем перевоспитания, переделки коренным образом его сознания, превращения его в сознательного и активного члена общества. Вместе с тем в процессе перевоспитания преступника использовалось основное средство — исправительно-трудовое воздействие.

В середине 1990-х гг. Россия столкнулась с глобальными преобразованиями, которые поменяли политический и экономический уклад страны. Эти коренные изменения непосредственно повлияли на российское законодательство. Процесс реформирования начался с принятия ряда законов, целью которых было привнесение демократических принципов и защита прав граждан. Был существенно

трансформирован и уголовный закон в соответствии с новыми социально-экономическими реалиями.

Смена политического и экономического строя в России предопределила необходимость пересмотра норм уголовного и исправительно-трудового законодательства. С принятием Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ) началась новая эра института исправления осужденного.

Современное уголовное и уголовно-исполнительное законодательство направлено на исправление осужденного (ст. 43 УК РФ и ст. 1 УИК РФ) и неразрывно связывает его с наказанием и процессом его исполнения.

Законодатель в ч. 1 ст. 9 УИК РФ определяет: «Исправление осужденных — это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения». К основным средствам достижения обусловленной уголовно-правовой и уголовно-исполнительной цели, в соответствии с ч. 2 ст. 9 УИК РФ, относятся: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие.

Предоставленное законодательное определение исправления осужденных является сложным (в правовом контексте) понятием. Исправление — это прежде всего процесс, который, в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 9 УИК РФ, должен развивать в осужденном определенные свойства личности, утраченные в результате преступной деятельности. При исправлении осужденный должен доказать, что он обладает такими человеческими качествами, как уважительное отношение к людям, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития. По мнению законодателя, наличие этого комплекса характеристик личности свидетельствует о достижении цели исправления. Однако как понимать законодательную терминологию «формирование у них уважительного отношения», «стимулирование правопослушного поведения» и какие критерии оценки можно использовать при определении степени исправления? Скорее всего, предполагается, что уважительное отношение проявляется в нормальной жизнедеятельности личности в социуме, в соблюдении правил и традиций общества,

¹ Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1970 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

во взаимоотношениях с другими людьми и в уважении их ценностей. В то же время нельзя не согласиться с мнением С. В. Полубинской, утверждающей, что единственным показателем исправления можно считать только характер и поведение человека после освобождения от наказания, даже если при этом невозможно определить истинную причину такого поведения — либо это страх перед повторным наказанием, либо это результат изменения взглядов и убеждений человека [12]. Не вдаваясь в полемику о значимости нравственной и юридической составляющей исправления, отметим, что основным критерием исправления осужденного является его поведение после отбытия наказания и несвершение новых общественно опасных деяний.

Характеризуя современные средства исправления осужденных, А. И. Зубков и В. А. Уткин пишут, что при их использовании акцент делается на тех, которые соединены с исправительным воздействием [13].

В правовой доктрине существуют различные мнения об эффективности и преобладании одного средства над другим. Так, М. А. Кириллов считает, что «режим занимает центральное место среди других основных средств, применяемых в исправительных учреждениях» [10, с. 137]. С. А. Ветошкин, оспаривая данную позицию, говорит о режиме как о способе достижения дисциплины. По мнению автора, режим и общественно полезный труд «не являются основными средствами исправления осужденных, а могут быть только факторами нравственно-правового и трудового воспитания». Ученый считает, что главенствующее место занимают «воспитательная работа, получение общего, профессионального образования и профессионального обучения» [14, с. 7, 8, 11].

Безусловно, труд как средство исправления осужденных утратил свое значение, и это связано с экономическими преобразованиями, произошедшими в нашей стране. Возникли проблемы в организации трудовой занятости осужденных и с качеством выпускаемой ими продукции.

В целом использование труда как средства исправления осужденных имеет большое значение в процессе исправления. Обеспечение осужденным возможности трудиться позволяет им приобретать профессиональные навыки, повышать свою квалификацию, а также получать возможность трудоустроиться после освобождения. Труд способен направить энергию осужденных в полезное русло, помимо приобретения профессиональных навыков, развивает у них ответственность и дисциплину. Несмотря на то что труд как средство исправления не является ведущим (на первые места вышли режим и воспитательная работа), он играет важную роль в обеспечении полноценного исправления лица, преступившего закон.

Отметим, что в современных реалиях только при комплексном применении средств исправления возникает возможность исправить осужденного.

Действенность института исправления осужденных, изменчивость его содержания тесно связаны с историческими событиями, политическими и экономическими реформами, которые значительно влияют на функционирование данного института. Законодательство, регулирующее процесс исправления осужденных, обычно отражает текущую политическую доктрину и концепцию власти. Экономическое состояние общества определяет эффективность условий для применения всего комплекса средств исправления в исправительных учреждениях. Недостаток финансирования может привести к ограниченным возможностям в области общественно-трудового воздействия на осужденных, профессиональной подготовки, воспитательной работы и других аспектов их исправления.

Таким образом, содержание института исправления на различных этапах развития нашего государства определялось и определяется результатом взаимодействия политических и экономических факторов. Для обеспечения эффективности исправления осужденных необходимо учитывать эти обстоятельства.

---

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. Москва: Стелс, 1995. 304 с.

2. Филиппов М. Тюрьмы в России. Собственноручный проект императрицы Екатерины II (1787) // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. 1873. Т. VIII. С. 60—85.

---

1. Beccaria C. On crimes and punishments. Moscow: Stels; 1995: 304. (In Russ.).

2. Philippov M. Prisons in Russia. Personal project of Empress Catherine II (1787). Russkaya Starina. Monthly historical publication, 60—85, 1873. (In Russ.).

3. Дворцов В. Б., Коголь Т. Н. Зарождение и утверждение идей исправления и перевоспитания заключенных в России в конце XVIII — первой половине XIX века // *Пенитенциарная наука*. 2019. Т. 13, № 3. С. 441—448.
4. Куницын А. П. *Право естественное*. Санкт-Петербург: Тип. Иос. Иоаннесова, 1818. 144 с.
5. Сергеевский Н. Д. *Русское уголовное право. Часть общая: пособие к лекциям*. Санкт-Петербург, 1887. 434 с.
6. Есипов В. В. *Грех и преступление, святотатство и кража*. Санкт-Петербург: Тип. А. Ф. Маркса, 1894. 204 с.
7. Таганцев Н. С. *Русское уголовное право*. В 2 ч. Ч. 2. Москва: Юрайт, 2024. 446 с.
8. Познышев С. В. *Очерки тюрьмоведения*. Москва: Г. А. Леман и Б. Д. Плетнев, 1915. 302 с.
9. Астемиров З. А. *История советского исправительно-трудового права: лекция*. Рязань: НИИРИО РВШ МВД СССР, 1975. 52 с.
10. Кириллов М. А. *Социальная обусловленность норм уголовно-исполнительного права и проблемы его совершенствования: дис. ... д-ра юрид. наук*. Москва, 2002. 241 с.
11. Ной И. С. *Вопросы теории наказания в советском уголовном праве*. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1962. 156 с.
12. Полубинская С. В. *К вопросу о целях наказания // Проблемы совершенствования уголовного закона: сб. ст.* Москва: Ин-т государства и права Академии наук, 1984. С. 96—104.
13. *Уголовно-исполнительное право России. Теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика XX века: учеб. для юрид. вузов и факультетов*. Москва: НОРМА: ИНФРА-М, 1997. 614 с.
14. Ветошкин С. А. *Основные средства исправления осужденных в российском уголовно-исполнительном законодательстве // Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2020. № 7. С. 4—12.
3. Dvortsov V. B., Kogol T. N. Emergence and establishment of Ideas for correction and re-education of prisoners in Russia in the late 18th — first half of the 19th century. *Penitentiary Science*, 441—448, 2019. (In Russ.).
4. Kunitsyn A. P. *Natural law*. Saint Petersburg: Publishing I. Ioannesova; 1818: 144. (In Russ.).
5. Sergeevsky N. D. *Russian criminal law. General part. Manual for lectures*. Saint Petersburg; 1887: 434. (In Russ.).
6. Yesipov V. V. *Sin and crime, sacrilege and theft*. Saint Petersburg: Type. A. F. Marx; 1894: 204. (In Russ.).
7. Tagantsev N. S. *Russian criminal law*. In 2 parts. Part 2. Moscow: Yurait; 2024: 446. (In Russ.).
8. Poznyshev S.V. *Essays on prison studies*. Moscow: G. A. Leman and B. D. Pletnev; 1915: 302. (In Russ.).
9. Astemirov Z. A. *History of soviet correctional labor law. Lecture*. Ryazan: Research Institute of Criminal Procedure and Organization of the Russian Higher School of the Ministry of the Internal Affairs of the USSR; 1975: 52. (In Russ.).
10. Kirillov M. A. *Social determination of the norms of criminal-executive law and problems of its improvement. Dissertation of doctor of juridical sciences*. Moscow; 2002: 241. (In Russ.).
11. Noy I. S. *Issues of theory of punishment in the soviet criminal law*. Saratov: Publishing House of Saratov University; 1962: 156. (In Russ.).
12. Polubinskaya S. V. *On the problem related to the purposes of punishment*. In: *Problems of improving criminal law. Collection of articles*. Moscow: Institute of State and Law of the Academy of Sciences; 1984: 96—104. (In Russ.).
13. *Criminal-executive law of Russia. Theory, Legislation, international standards, domestic practice of the 20th century. Textbook for law universities and faculties*. Moscow: NORMA: INFRA-M; 1997: 614. (In Russ.).
14. Vetoshkin S. A. *The main means of correction of convicts in the Russian criminal-executive legislation*. *Bulletin of the criminal-executive system*, 4—12, 2020. (In Russ.).

Стрилец Олег Валентинович,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
oleg-strilez@rambler.ru

Strilets Oleg Valentinovich,
professor at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
oleg-strilez@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 29.03.2024; одобрена после рецензирования 10.04.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 29.03.2024; approved after reviewing 10.04.2024; accepted for publication 14.05.2024.

* * *

УДК 343.139

**ФОРМУЛА ВОЗМЕЩЕНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА
КАК СРЕДСТВО ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДОМ
РАЗМЕРА ЕГО КОМПЕНСАЦИИ****Екатерина Сергеевна Азарова**

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, aes2404@yandex.ru

Аннотация. В статье освещены вопросы, связанные с применением искусственного интеллекта при осуществлении правосудия, поскольку научно-технический прогресс затронул и судебную систему. Автор на примере формулы возмещения морального вреда исследует современные аспекты использования при усмотрении суда электронного алгоритма, а именно какую роль он может сыграть в процессе возмещения морального вреда в ходе судебного разбирательства. В связи с этим автор говорит об усмотрении суда как способе установления такой истины, в частности об удовлетворении или отказе в удовлетворении иска о возмещении морального вреда и размере денежной компенсации. Применение формулы в рамках судебного усмотрения обеспечивает совершение действий и принятие решений, направленных на эффективность работы суда. При разработке данной формулы учитывается наличие перечня процессуальных возможностей, которые имеются в распоряжении судьи.

Методологическую основу исследования составили теоретико-методологические положения о сущности судебного усмотрения в отечественной уголовно-правовой науке. Применяя в своем исследовании общенаучные, частнонаучные и эмпирические методы познания социально-правовой действительности, автор приходит к выводу, что алгоритм действия формулы учитывает различные ситуации. Это позволяет прогнозировать вероятность принятия решений при наборе условий.

Ключевые слова: усмотрение суда, мораль, формула возмещения морального вреда, формула, моральный вред, допустимость доказательств

Для цитирования: Азарова Е. С. Формула возмещения морального вреда как средство определения судом размера его компенсации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 75—80.

**MORAL DAMAGES FORMULA AS A MEANS
TO DETERMINE THE AMOUNT OF ITS COMPENSATION
BY COURT****Yekaterina Sergeevna Azarova**

Volograd State University, Volgograd, Russia, aes2404@yandex.ru

Abstract. In the article the issues related to the application of artificial intelligence when dispensing justice are highlighted, as scientific and technological progress has affected the justice system. The author, on the example of the formula for compensation for moral damage, investigates modern aspects of the use of an electronic algorithm in the discretion of the court, and namely what role it can play in the process of compensation for moral damage in the course of the trial. In this regard, the author says about the discretion of the court as a way of establishing such truth, in particular, about the satisfaction or denial of the claim for compensation for moral damage and the amount of monetary compensation. The application of the formula in the exercise of judicial discretion enforces actions and decision making aimed at the efficiency of the court's work. While developing this formula the list of procedural options at the judge's disposal are taken into consideration.

The theoretical and methodological statements about the essence of judicial discretion in domestic criminal-legal science formed the methodological basis of the research. In her study using general scientific, particular scientific and empirical methods of cognition of social and legal reality, the author comes to the conclusion that the algorithm of the formula action takes into account different situations. This allows predicting the probability of decision making with a set of conditions.

Keywords: discretion of the court, morality, the formula for compensation for moral damage, formula, moral damage, admissibility of evidence

For citation: Azarova Ye. S. Moral damages formula as a means to determine the amount of its compensation by court. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 75—80, 2024. (In Russ.).

Институт возмещения морального вреда действует в России с 1995 г. и является межотраслевым, так как расположен на стыке гражданского и уголовного судопроизводства. За такой длительный период накоплен большой теоретический и эмпирический опыт в данной сфере судебной деятельности.

В реалиях информационного общества изменяется структура различных социальных институтов, в том числе жизнедеятельности человека. В этом плане научно-технический прогресс напрямую затронул судебную систему Российской Федерации. Так, согласно Федеральному закону «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ, его действия направлены на отношения, связанные с доступом участников судопроизводства к информации о деятельности судов.

Иск о возмещении морального вреда носит субъективный характер. По мнению отечественных ученых, в уголовном судопроизводстве суд вправе не рассматривать его, так как эксклюзивное рассмотрение такого иска является прерогативой гражданского процесса [1]. На это указывает императив статьи 12 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (далее — ГК РФ). В то же время разрешение такого иска основано на теории судебных доказательств, что, в свою очередь, позволяет нам говорить о таких понятиях, как внутреннее убеждение и усмотрение суда. Правоприменительная практика Волгоградской области показывает, что вопросы по возмещению морального вреда не имеют однозначных решений. Как в уголовных, так и в гражданских делах внутреннее убеждение непосредственно связано с оценкой доказательств (ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ), ст. 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (далее — ГПК РФ)). Однако такая оценка проводится по итогам судебного заседания, в ходе которого суд руководствуется своим усмотрением [2, с. 321]. Понятие о том, что представляет собой судебное усмотрение и его пределы, имеет огромное значение для уголовно-процессуальной деятельности, поскольку деятельность судебных органов сопряжена с той или иной мерой усмотре-

ния, позволяющей учесть индивидуальные особенности рассматриваемого уголовного дела на досудебных и судебных стадиях.

Правоприменительная практика по исковому процессу возмещения морального вреда показывает, что выступление сторон и других участников уголовного и гражданского процессов и исследованные материалы свидетельствуют о том, что вопросы по возмещению морального вреда не имеют однозначных решений. Юридическая наука трактует данное расхождение как субъективизм усмотрения суда.

Указанный субъективизм рассматривают в своих теориях так называемые психологическая и реалистическая школы права. Так, психологическая школа права рассматривает его как продукт различного рода психологических установок [3]. Вследствие этого главным в праве являются не нормы, а судебные решения. Сторонники реалистической школы рассматривают нормы права как мнение законодателя о нем, которое суд может принимать во внимание при вынесении решений. Последователи данного направления пришли к вульгарному пониманию права в свете требований неограниченной свободы судебного усмотрения. Главным недостатком правового субъективизма являются его идеалистические трактовки субъективно-волеутилитаристских тенденций в процессе применения права.

В этом и состоит проблема возмещения морального вреда в части вопросов компенсационного разрешения таких исков, что проверяется в ходе усмотрения суда при определении относимости и допустимости аргументов со стороны истца, а также их достоверности.

Относимость доказательства морального вреда определяется по схеме, т. е. по причинно-следственной связи: где присутствует имущественный и физический вред, соответственно, возможен и вред моральный. Допустимость доказательства не является обязательным элементом доказывания при возмещении морального вреда, потому что связано напрямую с доказыванием обстоятельств дела и в гражданском, и в уголовном процессе [4]. При доказывании морального вреда достоверность доказательства устанавливается по усмотрению суда, так как не существует критериев оценки доказательства в сфере морали.

Однако сама мораль, как константный субъективизм, имеет эти критерии, которые устанавливаются через производные понятия.

Одним из таких производных понятий является личность, под которой понимается устойчивая система социально значимых черт, характеризующих индивида как члена общества. В связи с этим следует выделить такое понятие, как «индивидуальность», т. е. совокупность черт, характерных для каждой отдельной личности [5]. Мораль регулирует поведение и сознание человека в той или иной степени во всех без исключения сферах общественной жизни. В силу обобщенности моральных принципов нравственность отражает глубинные слои социально-исторических условий бытия человека, его сущностные потребности. Требования нравственности формируются в практике массового поведения, в процессе взаимного общения индивидов и являются отображением жизненно-практического и исторического опыта непосредственно в коллективных и индивидуальных представлениях, чувствах и воле.

Моральные нормы осуществляются практически и воспроизводятся повседневно силой массовых привычек, оценок, общественного мнения, воспитываемых убеждений и побуждений в личности. Роль сознания в сфере моральной регуляции выражается также в том, что санкция имеет идеально-духовный характер, т. е. оценка, которую человек должен сам осознать. Имеет значение при этом не просто факт эмоционально-волевой реакции, а соответствие оценки общим принципам, нормам и понятиям добра и зла. В морали оцениваются не только практические действия людей, но и их мотивы, побуждения и намерения. Моральные требования к человеку в отдельно взятом случае подразумевают не только следование общим нормам и принципам поведения, но и практический результат действия, который может быть различным и зависеть от разных обстоятельств. Выполнение той или иной моральной нормы отвечает общественным потребностям, отображаемым в обобщенном виде данной нормы, поэтому форма выражения нравственной нормы представляет собой не правило внешней целесообразности, а императивное требование, которому человек должен следовать при достижении своих целей.

Антиподом морали является аморализм, который представляет собой принцип практической или идейной ориентации, отрицающий моральные устои и общепринятые нормы поведения в обществе. На практике аморализм может быть связан с нравственной неразрывностью того или иного индивида

и социальными противоречиями, приводящими к деградации личности и ее духовному разложению. В теории аморализм обычно подменяет моральные критерии: утилитарно-прагматические, конъюнктурно-политические, эстетические. В сущности, к аморализму ведут попытки упразднить принципы общественной нравственности.

Константный субъективизм морали опирается на такие базовые критерии, как личность, сознание и самосознание. На основе данных критериев мы можем судить о морали антиморали с точки зрения объективного идеализма. Это объясняется тем, что в судопроизводстве установлена не объективная истина, а процессуальная. В связи с этим мы говорим об усмотрении суда как способе установления такой истины, в данном случае об удовлетворении или отказе в удовлетворении такого иска и размере денежной компенсации. Применение формулы при усмотрении суда обеспечивает совершение действий и принятие решений, направленных на эффективность его работы. При разработке подобной формулы учитывается наличие перечня процессуальных возможностей, которые имеются в распоряжении судьи. Данный перечень условий определяет выбор альтернативы.

Иными словами, алгоритм действия формулы учитывает различные ситуации, что позволяет пересчитывать вероятность принятия решений при наборе условий. Данная технология формализует не только предусматриваемый законодателем выбор, но и дает возможность суду представить сложные механизмы: осознание им законности, целесообразности, общественной полезности выбираемого решения. Исходя из проделанного анализа, выводится формула компенсации морального вреда [6]. Прежде всего необходимо дать определение математическим понятиям, которые используются в данном исследовании. Под формулой понимается система математических знаков, выражающих какие-либо смыслы. Формулы не являются истинными или ложными, но становятся типовыми при замещении переменных конкретными объектами из какой-либо заранее выбранной области.

Коэффициентом является числовой множитель при буквенном выражении; известный множитель при той или иной степени неизвестности или постоянный множитель при переменной величине. Следовательно, коэффициент возмещения морального вреда представляет собой числовой множитель при буквенном выражении формулы возмещения морального вреда, который определяется по степени деяния (действия, бездействия) субъек-

тами возмещения вреда. Степень данного нанесенного морального вреда представляет собой кратность от 0 до 10, в зависимости от степени и условий нанесения страданий и других сопутствующих факторов причинения вреда или при причинении тяжкого вреда.

Коэффициент возмещения вреда вычисляется путем установления критериев или признаков, с помощью которых производится определение по конкретной ситуации. Коэффициент основывается на базовом утверждении, что суд должен учитывать как степень физических и нравственных страданий, так и индивидуальные особенности гражданина, которому причинен вред. Оценивать эти страдания можно только с учетом индивидуальных особенностей организма человека [7]. Соответственно, первый коэффициент будущей формулы — это коэффициент индивидуальных особенностей личностного вреда, который состоит из критерия физического подобия двух явлений. А именно необходимость условий, характеризующих личность в качестве «объекта», которой нанесен вред, и «модели», в которой данный вред отражается в виде страданий субъекта [8]. Объект состоит из таких характеристик, как пол, возраст, физическое и психическое здоровье. Модель субъекта, которому причинен вред, отражает степень физической боли или последствий психической травмы.

Коэффициент вреда, причиненного самосознанию личности, представляет собой следующий компонент формулы. Он включает в себя критерий оптимальности оценки нанесенного морального вреда самосознанию личности. Данный критерий предполагает системный подход к методу оценки тех или иных изменений в индивидуальном сознании и поведении личности с позиции нравственности, а также выявленных признаков аморализма в качестве альтернатив моральных устоев и общепринятых норм поведения, к которым можно отнести такие понятия, как позор, невыполнение своих частных обязательств, превышение публичных и частных полномочий [9].

К третьему коэффициенту относятся последствия вреда, причиненного системе общественных отношений в сфере морали. Данный коэффициент включает в себя совокупность критериев правовой оценки вреда, причиненного индивидуальному и общественному сознанию, в системе морального образа жизни общества [10]. Применяется в уголовном судопроизводстве при наличии категории преступлений против личности.

Заключительный коэффициент относится к понятию ретроспективности понесенного вреда и предс-

тавляет собой временное значение продолжительности страданий, их давность, длительность, последствия для личности.

Необходимость модернизации судейского законодательства связана с развитием судебного процесса. Для совершенствования любой науки требуются научные средства, к которым в современном обществе относится электронный алгоритм. Внедрение информационных технологий постепенно меняет отношение общества к методологии компьютерных наук. Как уже отмечалось выше, правоприменительная практика по исковому процессу возмещения морального вреда свидетельствует о том, что вопросы по возмещению морального вреда однозначно не решаются. Юридическая наука трактует данное расхождение как субъективизм усмотрения суда.

Так как возмещать моральный вред в гражданском и уголовном судопроизводстве должен субъект, причинивший вред, то необходимо перечислить возможных участников процесса. К ним относятся граждане, иностранные граждане, лица без гражданства, индивидуальные предприниматели, коммерческие, некоммерческие, унитарные организации. Данные субъекты должны возмещать вред, и вследствие этого возникает вопрос о базовой ставке дохода. В рамках исследования установлена базовая ставка за один месяц с учетом коэффициента ретроспективности.

Разрабатываются следующие базовые ставки формулы возмещения морального вреда:

- для коммерческих организаций;
- некоммерческих организаций;
- индивидуальных предпринимателей и самозанятых профессионалов;
- служащих государственных и муниципальных органов власти, сотрудников государственных и муниципальных организаций и предприятий;
- сотрудников коммерческих организаций;
- сотрудников некоммерческих организаций;
- пенсионеров, безработных, несовершеннолетних;
- Российской Федерации и ее субъектов.

Итак, результат нашего исследования мы видим в выведении формулы возмещения морального вреда, которая призвана преодолеть субъективизм усмотрения суда в процессе вынесения решения:

$$СБ = БС + К1 + К2 + К3 + К4,$$

- где СБ — субъект возмещения морального вреда в гражданском и уголовном судопроизводстве;
БС — базовая ставка дохода за один месяц;
К1 — коэффициент индивидуальных особенностей личностного вреда;

K2 — коэффициент вреда, причиненного самосознанию личности;

K3 — коэффициент последствий вреда, причиненного системе общественных отношений в сфере морали;

K4 — коэффициент ретроспективности нанесенного вреда.

Применение формулы при усмотрении суда обеспечивает совершение действий и принятие

решений, направленных на эффективность работы суда. При разработке подобной формулы учитывается наличие перечня процессуальных возможностей, которые имеются в распоряжении судьи. Данный перечень условий определяет выбор альтернативы. Иными словами, алгоритм действия формулы учитывает различные ситуации, что позволяет пересчитывать вероятность принятия решений при наборе условий.

---

1. Библер В. С. Мышление как творчество: (введение в логику мысленного диалога). Москва: Политиздат, 1975. 398 с.

2. Арсеньев А. С., Библер В. С., Кедров Б. М. Анализ развивающегося понятия. Москва: Наука, 1967. 439 с.

3. Азарова Е. С. Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность и перспективы развития // Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Цили Моисеевны Каз / редкол.: Ю. В. Францифоров [и др.]. Саратов, 2020. С. 5—7.

4. Марфицин П. Г. Усмотрение следователя: уголовно-процессуальный аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2003. 58 с.

5. Балакшин В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания: важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 62 с.

6. Азарова Е. С. Понятие «усмотрение суда» в праве // Legal Concept = Правовая парадигма. 2019. Т. 18, № 2. С. 69—73.

7. Азарова Е. С. Усмотрение суда как часть структуры уголовно-процессуальной парадигмы // Legal Concept = Правовая парадигма. 2019. Т. 18, № 4. С. 166—173.

8. Татаров Л. А. Методические и методологические проблемы доказывания обстоятельств преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 194 с.

9. Вопленко Н. Н. Правоприменительная квалификация и юридическая справедливость // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Социология. Право. Политика. 2000. № 3. С. 48—53.

10. Воробьева Ю. Ю. Современные проблемы процесса доказывания в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2006. 22 с.

---

1. Bibler V. S. Mind as creativity: (introduction to the logic of mental dialog). Moscow: Politizdat; 1975: 398. (In Russ.).

2. Arseniev A. S., Bibler V. S., Kedrov B. M. Analysis of the developing notion. Moscow: Nauka; 1967: 439. (In Russ.).

3. Azarova Ye. S. Evidence and proving in criminal proceedings: history, modernity and prospects of development. In: Collection of articles on the materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 95th anniversary of the birth of Tsili Moiseevna Kaz. Ed. by Y. V. Frantsiforov [et al.]. Saratov; 2020: 5—7. (In Russ.).

4. Marfitsin P. G. Discretion of the investigator: criminal-procedural aspect. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2003: 58. (In Russ.).

5. Balakshin V. S. Evidence in the theory and practice of criminal-procedural proving: the most important problems in the light of the CPC of the Russian Federation. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Ekaterinburg; 2005: 62. (In Russ.).

6. Azarova Ye. S. The concept of "discretion of the court" in law. Legal Concept = Pravovaya paradigma, 69—73, 2019. (In Russ.).

7. Azarova Ye. S. Court discretion as part of the structure of the criminal procedural paradigm. Legal Concept = Pravovaya paradigma, 166—173, 2019. (In Russ.).

8. Tatarov L. A. Methodical and methodological problems of proving the circumstances of a crime. Dissertation of candidate of juridical sciences. Rostov-on-Don; 2006: 194. (In Russ.).

9. Voplenko N. N. Law enforcement qualification and legal justice. Science journal of VolSU. Sociology. Law. Politics, 48—53, 2000. (In Russ.).

10. Vorobyeva Yu. Yu. Modern problems of the process of proving in Russian criminal proceedings. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Orenburg; 2006: 22. (In Russ.).

Азарова Екатерина Сергеевна,
доцент кафедры процессуального права
и криминалистики Волгоградского
государственного университета,
кандидат юридических наук;
aes2404@yandex.ru

Azarova Yekaterina Sergeyevna,
associate professor at the department
of procedural law and criminalistics
of the Volgograd State University,
candidate of juridical sciences;
aes2404@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 26.01.2024; одобрена после рецензирования 03.02.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 26.01.2024; approved after reviewing 03.02.2024; accepted for publication 14.05.2024.

* * *

УДК 343.13(09)

**ГЕНЕЗИС КАТЕГОРИИ «УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ»
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ДОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА
И ЭПОХИ ВЕЛИКОЙ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ**

Мария Михайловна Бондарь

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, bondar02082014@yandex.ru

Аннотация. Автор на основе анализа источников права Российской империи и произведений российских ученых середины XIX в. изучает историю появления и развития в научной и законодательной лексике категории «уголовное преследование». В статье обосновывается, что близкий по смыслу к этой категории термин «преследовать преступления» получил в России законодательное закрепление еще в 1860 г.

В целях исследования использованной законодателем лексики при регламентации уголовно-процессуальной деятельности властных субъектов и частных лиц по уголовному делу, соответствующей по своему содержанию и направленности современным представлениям об уголовном преследовании, автор проанализировал Свод законов Российской империи, в том числе Устав уголовного судопроизводства 1864 г. В статье приводятся взгляды ведущих ученых-процессуалистов и представителей юстиции Российской империи на феномен уголовного преследования, иллюстрируется их вклад в развитие категориального аппарата современного уголовно-процессуального учения об уголовном преследовании.

Ключевые слова: уголовное преследование, уголовный иск, изобличение преступника, Устав уголовного судопроизводства, Свод законов Российской империи

Для цитирования: Бондарь М. М. Генезис категории «уголовное преследование» в российском уголовном процессе дореформенного периода и эпохи Великой судебной реформы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 81—90.

**GENESIS OF THE CATEGORY OF "CRIMINAL PROSECUTION"
IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE OF THE PRE-REFORM PERIOD
AND THE ERA OF THE GREAT JUDICIAL REFORM**

Maria Mikhailovna Bondar

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, bondar02082014@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of sources of law of the Russian Empire and works of Russian scientists of the middle of the XIX century the author studies history of the emergence and development of the category of "criminal prosecution" in scientific and legislative lexis. In the article it is substantiated, that close to this category in meaning the term "to prosecute crimes" was recognized (fixed) in legislature in Russia as early as 1860.

In order to research the lexis used by the legislator while regulating the criminal procedural activity of powerful subjects and private citizens in a criminal case, corresponding to its content and orientation to modern understanding related to criminal prosecution, the author analyzed the Code of Laws of the Russian Empire, including the Statute of Criminal Procedure of 1864. Viewpoints of leading scientists in the criminal procedure and representatives of justice of the Russian Empire on the phenomenon of criminal prosecution are given in the article, as well as their contribution to the development of the categorical apparatus of the modern criminal procedure doctrine related to criminal prosecution is illustrated.

Keywords: criminal prosecution, criminal suit, exposing the criminal, the Statute of Criminal Procedure, the Code of Laws of the Russian Empire

For citation: Bondar M. M. Genesis of the category of "criminal prosecution" in Russian criminal procedure of the pre-reform period and the era of the Great judicial reform. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 81—90, 2024. (In Russ.).

История употребления категории «уголовное преследование» в российской законодательной лексике весьма богата, однако прямому введению в текст нормативных актов данного термина предшествовал период описания иными словами той самой деятельности, которую мы в современных условиях ассоциируем с уголовным преследованием.

Следует согласиться с Р. В. Мазюком, принявшим специальное историческое исследование данного вопроса [1]. Он установил, что уже Артикул воинский от 26 апреля 1715 г. содержал терминологию, которая отражает сущность уголовного преследования. В частности, в тексте этого документа шесть раз в различных вариациях упоминается слово «обличен» и один раз слово «уличен»¹.

В Своде законов Российской империи, где закреплены Законы уголовные и, в частности, «Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках» (Книга вторая)², уголовное преследование как термин не находит регламентации. Тем не менее законодатель использует лексику, описывающую деятельность, именуемую ныне уголовным преследованием. Так, в ст. 42, 64, 67, 68 Книги второй говорится об *уголовном иске* (здесь и далее курсив наш. — М. Б.), в ст. 100 описываются основания для вовлечения личности в процесс в случае ее подозрения: «Брать кого-либо для допроса и исследования надлежит только в таком случае, когда улика в преступлении основана на обстоятельствах, возбуждающих сильное подозрение». В этом законодательном акте много внимания уделяется процедуре «следствия» (ст. 2 определяла: «Производство следствия и все меры, оному относящиеся, принадлежат полиции») и гарантиям его объективности (в ст. 165—166 говорится о роли прокуроров и стряпчих в обеспечении быстрого и объективного следствия). Кроме того, ст. 102 названного документа закрепила «подвергнуть его уголовному следствию», что явно

перекликается со знакомым нам словосочетанием «подвергнуть его уголовному преследованию».

Свод законов уголовных продолжает традицию Артикулов воинских в части использования категории «обличение». Однако мы не согласны с утверждением Р. В. Мазюка, что в Своде законов уголовных (т. XV, ст. 882) дается описание следствия со всеми сущностными признаками, показывающими сходство с деятельностью по уголовному преследованию [1]. Автор в данном случае ссылается на работу известного процессуалиста той эпохи В. А. Линовского [2], а не на *сам исторический документ*. Изучение же собственно светоконий самого акта под названием «Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках» показывает, что ст. 882 посвящена регулированию совершенно иных процессуальных отношений и регламентирует вопросы оценки «показаний лиц, пойманных в противозаконном провозе подлежащих питейному сбору или акцизу питей»³.

Что же касается нормы, раскрывающей сущность следствия, к которой апеллирует Р. В. Мазюк как к ст. 882, то эта норма открывает главу 1 раздела I анализируемого нами нормативного правового акта и является составной частью ст. 1, определяющей содержание уголовного судопроизводства тех времен:

«Ст. 1. Производство уголовных дел состоит:

1) в следствии или в изыскании всех обстоятельств дела или происшествия, составляющего преступление, и в собрании доказательств к открытию и *обличению* виновного;

2) в суде, который состоит в поверке следствия, в суждении, по силе доказательств и улик, о вине или невинности подсудимого и в постановлении приговора по делу;

3) в исполнении приговора».

Термин «обличен в преступлении» использован в ст. 180, а в ст. 195, посвященной собиранию доказательств, говорится об «улике обвиняемого», что, по сути, означает изобличительную деятельность. Сходные термины («уличен») использованы в этом акте относительно доказательственной деятельности в суде (ст. 314, 315, 344).

Очевидно, что по причине неразвитости юридической науки в этот период употребление тер-

¹ См.: Артикул воинский. Утвержденный царем Петром I 26 апреля 1715 г. // Российское законодательство X—XX вв. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. Москва: Юрид. лит., 1986. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения: 30.08.2023).

² См.: Свод законов Российской империи. Том пятнадцатый. Законы уголовные. Санкт-Петербург: Изд-во Тип. Второго Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1857. 964 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book7372/388232/> (дата обращения: 01.09.2023).

³ Свод законов Российской империи. Том пятнадцатый. Законы уголовные. Книга вторая. Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках. Раздел VII. Санкт-Петербург: Изд-во Тип. Второго Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1857. С. 175.

минологии отличается от современного формата (например, ассоциирование следствия с деятельностью полиции). Но, во всяком случае, приведенные установления регулируют ту самую деятельность, которая в актуальном правопонимании является именно уголовным преследованием.

Справедливости ради стоит подчеркнуть, что за 20 лет до принятия Устава уголовного судопроизводства (далее — УУС)¹ в трудах Я. И. Баршева [3] рассматривались вопросы уголовного преследования, как частного, так и по должности — с анализом истории этого вопроса. А в 1847 г. была издана работа П. И. Дегаля, в которой параграф 59 именовался «О лицах, на коих возложено преследование и исследование преступлений» и проводится «различие между частным обвинением и преследованием по должности, *ex officio*» [4, с. 47]. Аналогичные научные положения о видах уголовного преследования и их влиянии на историческую форму уголовного процесса можно обнаружить в монографии В. А. Линовского [5].

Принятию УУС, в котором уже регулярно употребляется термин «преследование», предшествовала реформа органов предварительного расследования, ознаменовавшаяся подписанием 8 июня 1860 г. трех значимых указов Александра II, два из которых касались регламентации деятельности судебных следователей, а третий — организации осуществления дознания полицией. «Учреждение Судебных Следователей» от 8 июня 1860 г. в ст. 9 закрепляло основные компоненты следственной деятельности: «К обязанности Судебных следователей относятся все дальнейшие следственные действия, необходимые для того, чтобы изыскать, получить и сохранить все те сведения и доказательства, которые нужны суду для произнесения правильного приговора и о лицах, обвиняемых в совершении преступления или проступка»². «Наказ Судебным Следователям» от 8 июня 1860 г. в ст. 7—11 регламентирует начало и порядок производства следствия («исследования преступлений»), определяет сущность следствия и способы его осуществления: «Исследование происшеств-

вия, заключающего в себе преступление или проступок, для приведения в известность свойства и признаков преступления и для открытия виновного, производится преимущественно посредством осмотров, обысков и выемок, и через расспросы всякого, кто может иметь сведения о преступлении или проступке»³. Как видим, эти нормы раскрывают правовую природу уголовно-процессуальной деятельности следователя в контексте современного понимания уголовного преследования.

А в ст. 11 «Наказа полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок» от 8 июня 1860 г. говорится о том, что «Полиция, преследуя преступления по горячим следам, имеет право в случаях, нетерпящих отлагательства» применять к уклоняющимся от следствия преступникам ряд мер пресечения по своему усмотрению⁴.

Непосредственно в ключевом нормативно-правовом акте Великой Судебной реформы 1864 г., регулирующем уголовное судопроизводство (УУС), термин «преследование» встречается 30 раз, где употребляется, прежде всего, в форме «судебное преследование» — ст. 1, 2, 5, 16, 17, 18, 27, 356, 782, 1001, 1043, 1130, 1219—1222, 1243; «преследование без жалоб частных лиц» («независимо от жалоб частных лиц»), «преследование в частном порядке» — ст. 42, 49, 511; «преследование прокурорской властью» — ст. 479, 511, 893; «уголовное преследование» — ст. 529, 542, 772.

В этом законе можно найти и использование словосочетания «уголовный иск» в контексте начала производства по делам, возбуждаемым не иначе как на основании жалобы потерпевшего, — «возбуждение уголовного иска» (ст. 5 УУС). В статье 593 УУС данный термин применяется для обозначения притязаний потерпевшей стороны перед судом: «Неприбытие в суд частного обвинителя или его поверенного без законных на то причин признается отречением от уголовного иска и имеет последствием прекращение дела». Следует согласиться с Р. В. Мазюком в том, что «понятие „уголовный иск“ использовалось в УУС 1864 г. исклю-

¹ См.: Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения 13.02.2024).

² Учреждение Судебных Следователей: именной указ, данный Правительствующему Сенату 8 июня 1860 г. // Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание (1825—1881). Т. 35. 1860. С. 713. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 01.09.2023).

³ Наказ Судебным Следователям 8 июня 1860 г. // Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание (1825—1881). Т. 35.

⁴ Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок от 8 июня 1860 г. // Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание (1825—1881). Т. 35.

чительно в случаях, предусматривающих реализацию частного начала в уголовном судопроизводстве по делам частного и частно-публичного обвинения» [1, с. 14].

В тексте УУС употреблялись и интересующие нас с точки зрения проблематики настоящей статьи термины, пришедшие из Свода законов Российской империи — из «Законов о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках»:

— «изобличение» (ст. 21, 24, 771, 963) в смысле обвинения на основе доказательств совершения преступления;

— «обличение» (ст. 3, 4, 5, 696) в смысле доказывания вины обвиняемого *перед судом*;

— «улики» (ст. 298, 421, 520, 739, 797) в смысле доказательств, подтверждающих вину обвиняемого;

— «улика» в значении «изобличение» — «служить к обнаружению преступления и к улике преступника» (ст. 371).

Встречается три раза оборот «обстоятельства, уличающие обвиняемого» (ст. ст. 265, 666, 739), а также «*вопросы*, уличающие его самого» (ст. 772). И здесь мы должны возразить Р. В. Мазюку в связи с неточностью его интерпретации смысла конструкции, заложенной в ст. 772, когда он утверждал, что *во всех четырех* случаях использования слова «уличающие» «оно всегда употреблялось в конструкции „обстоятельства, уличающие“ обвиняемого (подсудимого)» [1, с. 26]. В последнем случае речь идет не об *обстоятельствах* как познанных фрагментах действительности, относящихся к криминальному событию, а исключительно о *вопросах*, на которые вправе не отвечать свидетель (в контексте привилегии против самообличения).

Вызывает также несогласие его вывод, «что понятие „изобличение“ не носило обвинительного характера (доказывание только виновности); „изобличение“ подразумевало установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию» [1, с. 27]. Анализ контекста, в который интегрировано слово «изобличение», показывает, что данное слово, произошедшее от термина «обличать» (процесс, заключающийся в действии по предоставлению доказательств вины) путем добавления префикса «из-», означающего в русском языке исчерпанность действия¹, приобретает иную смысловую нагрузку — как *завершенный* в судебном порядке процесс доказывания вины (например: «если он изобличен в убийстве» — ч. 2 ст. 963).

¹ См.: URL: <https://grammatika-rus.ru/glavnaya/morfemnyj-razbor/slovoobrazovatelnyj-analiz/1667-2/> (дата обращения: 30.09.2023).

Использование данных терминов в смысле «доказывание» в большей степени просматривается при оперировании законодателем термином «обличение» — в смысле процесса представления суду доказательств (ст. 3, 4, 5), и то в одном случае это слово означало именно доказывание обвинительного характера: «Вещественные доказательства, могущие служить к обнаружению преступления или же к *обличению* или к оправданию подсудимого» (ст. 696).

Тем не менее справедливости ради следует согласиться с тезисом Р. В. Мазюка, что приведенные выше термины использованы законодателем в УУС именно для регламентации доказательственной деятельности [1], хотя она носит и обвинительный уклон, что мы продемонстрировали выше.

Итак, мы видим, что в УУС выделялось наряду с нейтральным названием «уголовное преследование»² еще и преследование судебное, подразумевающее действия суда по преданию обвиняемых суду, разрешению уголовных дел, а также процессуальную деятельность публичных субъектов (прокуроров, товарищей прокуроров — ст. 5 УУС) в связи с изобличением обвиняемого (подозреваемого).

Возникает вопрос о реализации судебного преследования в деятельности судебных следователей, которых Р. В. Мазюк также относит к субъектам, осуществляющим «судебное преследование» [1, с. 18]. Сопоставление текста статей УУС, посвященных судебному преследованию, с нормами, регламентирующими процессуальную деятельность судебного следователя, показывает, что эти законоустановления не «пересекаются» друг с другом: ни разу «судебное преследование» не упомянуто в связи с судебными следователями. Означает ли это, что вывод Р. В. Мазюка в этой части ошибочный? Думается, нет. Полагаем, идейную основу для формулирования данного вывода указанный автор черпал не в буквальном толковании конкретных предписаний УУС, а в сущности следственной власти. И здесь уместно процитировать С. А. Шейфера, который констатировал, что «следственная власть представляла собой специфическое средоточие между *властью судебной*, т. е. проверкой обвинения, выдвинутого прокуратурой и *властью обвинительной*, состоя-

² По мнению Р. В. Мазюка, «термин „уголовное преследование“ являлся более узким по значению, чем термин „судебное преследование“, и включал в себя только предъявление и поддержание обвинения в суде» [1, с. 28].

щей в обнаружении преступлений и преследовании виновных. Учитывая значимость каждой из этих составляющих, Вл. Случевский считал возможным именовать *власть следователя следственно-судебной*, что, на наш взгляд, точно выражает содержание этой власти, демонстрируя органическое единство различных направлений ее реализации» [6].

Подводя итог анализу употребления исследуемого термина в УУС, отметим, что в зависимости от инициатора преследования выделялось прокурорское и частное преследование, что соответствует представлению об указанном виде деятельности, отраженному в трудах вышеупомянутых российских ученых дореформенной эпохи (Я. И. Баршев, П. И. Дегай, В. А. Линовский). Это свидетельствует о высоком уровне теоретического обоснования данных видов преследования в юридической литературе предреформенного периода, что нашло закономерное воплощение в построении соответствующих норм УУС.

Вопросы уголовного преследования после принятия УУС не утратили своей актуальности: их можно также обнаружить в работах Н. А. Неклюдова [7], в широком компаративистском исследовании К. Ю. А. Миттермайера [8], где давался анализ уголовному процессу и уголовному преследованию в государствах Европы того периода, в трехтомном солидном издании А. А. Квачевского «Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года» [9—11].

А. А. Квачевский ассоциировал преследование преступников и преступлений с уголовным иском, с которым были тесно связаны все части уголовного судопроизводства (и дознание, и предварительное следствие, и судебное следствие, и исполнение приговора), которые в той или иной степени «удовлетворяют потребности его». Поэтому, по его мнению, «в учении об уголовном судопроизводстве уголовное преследование составляет его неотъемлемую часть» [9, с. 47]. Исследуя соотношение частного и публичного в уголовном преследовании, А. А. Квачевский пишет о двух видах уголовных исков, проистекающих из одного источника (нарушения закона, выразившегося в преступлении): это иск уголовный, общественный, направленный на наказание виновного (в нем проявляется публичный интерес), и иск гражданский по взысканию с преступника вреда и убытков, причиненных его деянием (отражает частный интерес) [9]. «Рядом с отдельным уголовным иском,

преследованием официальным, может стоять преследование добровольное, соединяемое с иском о вознаграждении за вред и убытки или с побуждением личного нематериального интереса искать уголовного взыскания за нарушение» [9, с. 60]. В его подходе мы видим отголоски теории, нашедшей описание в ранее упомянутых работах Я. И. Баршева и П. И. Дегай, — в вопросе выделения публичной и частной форм уголовного преследования. Но, в отличие от этих авторов, А. А. Квачевский придерживается курса на понимание уголовного преследования именно как *уголовного иска* в связи с запрещенным уголовным законом деянием, причинившим вред общественным и личным интересам. Такую же позицию относительно восприятия уголовного преследования как уголовного иска занимал и С. И. Викторский [12], а также М. В. Духовской, который подчеркивал сущность уголовного иска как «предъявление лицом, имеющим на это право, с соблюдением известных условий, *требования начать уголовное дело*» [13, с. 79]. Об уголовном иске, но несколько в ином контексте существа требований инициатора уголовного преследования писал В. К. Случевский: как о «*требовании, предъявленном уголовному суду о применении наказания*» [14, с. 406—407] (т. е. речь идет не о начале преследования за совершенное деяние, а о справедливом воздаянии государством лицу за его преступление).

Об уголовном преследовании по делам частного обвинения — как уголовном *личном иске* — писал А. П. Чебышев-Дмитриев [15]. Вместе с тем в научном сообществе и среди деятелей отечественной юстиции осознавали приоритет публичного начала в деле уголовного преследования. Так, министр юстиции Российской империи генерал-прокурор Н. В. Муравьев, описывая «Общие основания устройства и уголовной деятельности прокурорского надзора», подчеркивал особую значимость прокурора в реализации законного преследования: «Являясь обвинителем, прокурор, как орган правительства, обязан *преследовать преступления в общественных интересах*; но, будучи в то же время блюстителем закона, он ведет это *преследование во имя закона*, исключительно для раскрытия истины» [16, с. 538]. Он утверждал, что «По самой природе прокурорского обвинения, возложенное на прокуратуру уголовное преследование есть преследование *публичное*, производимое в публичном, т. е. государственном и общественном интересе» [16, с. 548], оно «есть акт государственного правосудия» [16, с. 552].

Понимание ведущей роли прокуратуры в реализации уголовного преследования находим в статьях видного юриста пореформенной эпохи К. Д. Анциферова, который называл прокуратуру «ординарным органом общего уголовного преследования» [17, с. 507—508]. «Право уголовного преследования есть функция исполнительной власти» [18, с. 78], — утверждал в томе 1 своего «Курса уголовного судопроизводства» И. Я. Фойницкий. Однако даже министр юстиции Н. В. Муравьев понимал, что сосредоточение в руках прокуратуры всего уголовного преследования чревато для нашего процесса проблемами: «Но, требуя для прокуратуры свободного распоряжения преследованием, наука вместе с тем горячо восстает против монополии его в прокурорских руках, называя ее даже худшею из всех монополий» (цит. по: [18, с. 487]). Поэтому, анализируя обвинительную задачу прокуратуры, он подчеркивал особую значимость ее «законоохранительной» задачи, которая реализуется в целях обеспечения законности уголовного преследования [16].

В учебной литературе того времени можно найти упоминания и о начатии уголовного преследования представителями судейского сообщества — единоличными судьями — как об исключении из правила «отделения власти судебной от обвинительной», что было обусловлено «невозможностью требовать от судьи, чтобы он, являясь очевидцем преступления, оставался пассивным и не мог начать *судебного преследования*» [19, с. 217]. Это созвучно высказываниям А. Ф. Кони о судебной власти, которая должна «преследовать все нарушения закона в государстве» [20, с. 40].

Различные аспекты уголовного преследования изучались известными российскими процессуалистами анализируемого периода с учетом их специализации и научных интересов. Так, один из авторов Великой судебной реформы, сенатор Н. А. Буцковский, исследовал вопросы уголовного преследования применительно к уголовно-правовым отношениям, вытекающим из гражданско-правовой сферы [21].

Возбуждение уголовного преследования как *судебного преследования* анализировал в своих трудах видный историк российской адвокатуры П. В. Макалинский: «Под возбуждением *судебного преследования* разумеется предъявление подлежащей власти, т. е. следователю или суду, мировому или общему, а также земскому участковому начальнику, городскому судье или уездному члену окружного суда, или получение такую властью за-

конного и *обязательного повода к начатию дела* в уголовно-судебном порядке» [22, с. 36]. Сходную позицию находим у С. И. Викторского: «Возбуждение *уголовного преследования* — это такой акт в процессе, которым доводится до судебной власти о совершении преступного факта, указывается вероятный виновник сего деяния и предъявляется *требование расследовать дело*» [12, с. 211]. К. Д. Анциферов так писал о цели возбуждения уголовного преследования: «Всякое уголовное преследование возбуждается в видах доведения его *до судебного решения*, с целью наказания виновника преступления. Преследование признается проведенным до конца, коль скоро оно завершено судебным решением» [17, с. 396—397]. Как видим, понимание цели возбуждения уголовного преследования и цели самого уголовного преследования разнятся.

Что касается возбуждения уголовного преследования, то в работах П. В. Макалинского и С. И. Викторского в таком смысле речь идет именно об *иницировании* уголовного процесса (причем в тексте УУС такое словосочетание отсутствует). Отличие этого «возбуждения уголовного преследования» от собственно обвинительной деятельности в суде дается в цитате из работы Н. А. Неклюдова [7], приведенной А. Т. Тимановским в своем сборнике толкований [23]. М. В. Духовской также различал возбуждение преследования и обличение виновного перед судом [24]. С. И. Викторский в понятие *уголовного преследования* включал «не только возбуждение преследования, но и обличение обвиняемых на суде» [12, с. 210—211].

Анализируя материал об уголовном преследовании, изложенный в томе 2 «Курса уголовного судопроизводства» И. Я. Фойницкого, можно утверждать, что ученый не разграничивал понятия уголовного преследования, обвинения и уголовного иска: «*Обвинение*, следовательно, есть тот же *иск*¹, но не частный и материальный, как иск гражданский, а публичный и индивидуальный, особенно особым свойствам уголовного дела» [25, с. 2], обращаемый к судебной власти, в связи с чем «возбуждение уголовного преследования перешло

¹ Следует при этом отметить, что на с. 10 тома 2 «Курса уголовного судопроизводства» И. Я. Фойницкий разграничивает уголовный иск и возбуждение преследования, которое у него предстает первым этапом этого иска: «Возбуждением преследования открывается уголовный иск» [25].

от суда к обвинителю» [25, с. 3]. Мы видим, что в его работе уголовное преследование включает в себя обвинение: «Возбуждение *уголовного преследования* по смыслу действующего законодательства слагается из двух процессуальных актов: 1) *предъявление обвинения* суду и 2) принятие его судом» [25, с. 8]. Однако ученый четко разграничивает возбуждение преследования и начало дела в судебном порядке: «Начатие дела есть акт судебный, возбуждение преследования — акт обвинителя» [25, с. 8], расчленяет «обвинение на первоначальное и окончательное, или... на возбуждение уголовного преследования и обличение перед судом» [25, с. 10].

Изучение взглядов видного российского процессуалиста М. В. Духовского на возбуждение уголовного преследования позволило заключить, что этот ученый ассоциировал поводы для возбуждения уголовного преследования с «законными поводами к начатию предварительного следствия», при этом одним из поводов к началу следствия, согласно ст. 297 УУС, он указывал «5) возбуждение дела по непосредственному усмотрению судебного следователя» [24, с. 167]. И далее в его учебнике говорится о возбуждении дела прокурором. Таким образом, М. В. Духовской не разделял эти понятия. В учебнике применяется и термин «уголовный иск»: «Вчиненный уголовный иск должен получить настоящее движение, т. е. должен быть выяснен (собраны доказательства) и разрешен, если только нет оснований к прекращению его ранее окончания или к приостановке» [24, с. 170]. Рассуждая «о приостановке» *обвинения*, автор говорил о приостановлении *следствия* [24]. На с. 287 он писал о прекращении *уголовного дела* в разделе «Производство по прекращению преследования».

В совокупности это указывает на синонимичность употребляемых в анализируемой книге понятий, что было типично для того времени. Так, С. В. Познышев в элементарном учебнике русского уголовного процесса употреблял слова «уголовное дело» и «преследование» как синонимы¹:

¹ Такое же заключение находим у В. П. Горбачева, исследовавшего функции российской прокуратуры пореформенного времени: «В науке и на практике термины „возбуждение уголовного дела“ (следствия) и „возбуждение уголовного преследования“ часто употреблялись как взаимозаменяемые синонимы» (Горбачев В. П. Обвинение (уголовное преследование) как функция прокуратуры Российской Империи после судебной реформы 1864 года // Lex Russica. 2023. № 2 (195). С. 108).

«Существуют обстоятельства, при которых, несмотря на наличность события с признаками преступления, *уголовное дело не возбуждается*, а если *преследование уже возбуждено*, то оно или прекращается, или, по крайней мере приостанавливается» [19, с. 223].

Таким образом, труды российских ученых-правоведов и деятелей юстиции Российской Империи заложили теоретическую основу для введения в реформируемое законодательство категории «уголовное преследование», создали перспективные направления для изучения различных аспектов проявления правоприменительной деятельности, обозначаемой этой категорией. Их изыскания явились ориентиром для создания нормативных основ уголовного преследования в молодой советской республике при принятии нормативных правовых актов, регулирующих уголовно-процессуальную деятельность. Они вдохновили современных российских ученых-процессуалистов и законодотворцев на возрождение в научной литературе и тексте уголовно-процессуального закона категории «уголовное преследование».

Кстати, ранее, в 2005 г., Ю. В. Деришев на основе анализа практики использования в УУС анализируемых нами терминов пришел к выводу, что «в Уставе уголовного судопроизводства (УУС) Российской империи 1864 г. уголовно-процессуальная деятельность описывалась посредством трех, не различаемых принципиально терминов: „уголовное судопроизводство“, „уголовное преследование“ и „судебное преследование“, которые в законе использовались субсидиарно» (Деришев Ю. В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2005. С. 20).

1. Мазюк Р. В. Возникновение, становление и развитие понятия «уголовное преследование» в российском уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. 79 с.

2. Линовский В. А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / науч. ред.: В. В. Крылов. Москва: ЛексЭст, 2001. 240 с.

3. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству / соч. орд. проф. уголов. и полиц. законов в Имп. С.-Петерб. ун-те, д-ра прав Я. Баршева. Санкт-Петербург: Тип. 2 отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1841. 297 с.

4. Дегай П. И. Взгляд на современное положение уголовного судопроизводства. Санкт-Петербург: Тип. М-ва Гос. Имуществ, 1847. 335 с.

5. Линовский В. А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / соч. В. Линовского. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1849. 262 с.

6. Шейфер С. А. Следственная власть: история и современность // Уголовная юстиция: связь времен: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 6—8 октября 2010 г.). URL: <https://www.iuaj.net/taxonomy/term/38> (дата обращения: 30.08.2023).

7. Неклюдов Н. А. Руководство для мировых судей. Устав уголовного судопроизводства. Санкт-Петербург: Тип. В. Демакова, 1872. Т. 1. 852 с.

8. Миттермайер К. Ю. А. Законодательство и юридическая практика в новейшем их развитии в отношении к уголовному судопроизводству / соч. К. Ю. А. Миттермайера; пер. [и предисл.] В. Бартенева. Санкт-Петербург: Ред. Журн. М-ва юст., 1864. 580 с.

9. Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: Теоретическое и практическое руководство. Об уголовном преследовании и об иске о вознаграждении за вред и убытки от преступления. Ч. 1 / сост. А. Квачевский. Санкт-Петербург: Тип. Ф. С. Сущинского, 1866. 352 с.

10. Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: Теоретическое и практическое руководство. О дознании и розыске. Ч. 2 / сост. А. Квачевский. Санкт-Петербург: Тип. Ф. С. Сущинского, 1867. 375 с.

1. Mazyuk R. V. The emergence, formation and development of the concept of "criminal prosecution" in Russian criminal proceedings. Textbook. Irkutsk: Publishing house BSUEP; 2007: 79. (In Russ.).

2. Linovsky V. A. Experience of historical research related to investigative criminal proceedings in Russia. Ed. by V. V. Krylov. Moscow: Lex-Est; 2001: 240. (In Russ.).

3. Barshev Ya. I. Fundamentals of criminal proceedings with application to the Russian criminal proceedings. Works by professor of criminal and police laws in the St. Petersburg Emperor's University, doctor of laws Ya. Barshev. Saint Petersburg: Printing house of the 2nd branch of the Office of His Majesty's Own; 1841: 297. (In Russ.).

4. Degay P. I. Viewpoint at the acting position of criminal proceedings. Saint Petersburg: Printing house of the Ministry of State Property; 1847: 335. (In Russ.).

5. Linovsky V. A. Experience of historical research on investigative criminal proceedings in Russia. Works by V. Linovsky. Odessa: Printing house of L. Nitche; 1849: 262. (In Russ.).

6. Sheifer S. A. Investigative power: history and modern state. In: Criminal Justice: the connection of times. Materials of the international scientific conference, 6—8 October 2010, Saint Petersburg, Russia. Available from: <https://www.iuaj.net/taxonomy/term/38>. (Accessed: 30 August 2023).

7. Neklyudov N. A. Guidance for Magistrates. Statute of criminal proceedings. Saint Petersburg: Printing house of V. Demakov; 1872: 852. (In Russ.).

8. Mittermaier K. Yu. A. Legislation and legal practice in their newest development in relation to criminal proceedings. Works by K. Yu. A. Mittermaier. Transl. and pref. by V. Bartenev. Saint Petersburg: Ed. by Journal of Ministry of Justice; 1864: 580. (In Russ.).

9. Kvachevsky A. A. On criminal prosecution, inquiry and preliminary investigation of crimes under the judicial statutes of 1864. Theoretical and practical guidance. On criminal prosecution and the claim to compensate harm and damages as a result of a crime. Part I. Collected by A. Kvachevsky. Saint Petersburg: Printing house of F. S. Sushchinsky; 1866: 352. (In Russ.).

10. Kvachevsky A. A. On criminal prosecution, inquiry and preliminary investigation of crimes under the judicial statutes of 1864. Theoretical and practical guidance. On inquiry and detection. Part II. Collected by A. Kvachevsky. Saint Petersburg: Printing house of F. S. Sushchinsky; 1867: 375. (In Russ.).

11. Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: Теоретическое и практическое руководство. О предварительном следствии. Ч. 3 / сост. А. Квачевский. Санкт-Петербург: Тип. Ф. С. Сушчинского, 1869. 645 с.

12. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Изд. А. А. Карцева, 1912. 438 с.

13. Духовской М. В. Из лекций по уголовному процессу. Москва: Тип. О-ва распространения полезных книг, 1895. 218 с.

14. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство — судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. 683 с.

15. Чебышев-Дмитриев А. П. Русское уголовное судопроизводство по судебным уставам 20 ноября 1864 г. / [соч.] А. Чебышева-Дмитриева, орд. проф. С.-Петерб. ун-та. [Ч. 1]. Санкт-Петербург: В. П. Печаткин, 1875. 756 с.

16. Муравьев Н. В. Из прошлой деятельности. Речи и сообщения: в 2 т. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. Т. 1. 564 с.

17. Анциферов К. Д. Сборник статей и заметок по уголовному праву и судопроизводству / Изд. Юрид. о-вом при Импер. С. П. Б. ун-те под наблюдением д. чл. О-ва В. М. Володимирова и А. Ф. Кони. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1898. 587 с.

18. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. 2-е изд.. Санкт-Петербург: Сенатская тип., 1896. 594 с.

19. Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. Москва: Изд. Г. А. Лемана, 1913. 328 с.

20. Кони А. Ф. Краткий конспект курса уголовного судопроизводства, читаемого воспитанникам 1 кл. Александровского лицея доктором уголовного права А. Ф. Кони. Санкт-Петербург: Типолит. Санкт-Петербургской тюрьмы, 1907. 206 с.

21. Буцковский Н. А. О возбуждении уголовного преследования по гражданским сделкам // Журнал Гражданского и Уголовного Права. Санкт-Петербург: Тип. А. Котомина, 1873. Книжка 3 (Май). С. 75—105.

22. Макалинский П. В. Практическое руководство для судебных следователей состоящих при окружных судах / сост. П. В. Макалинским. Санкт-Петербург: Тип. А. Бенке. 1871. Ч. II. 207 с.

11. Kvachevsky A. A. On t criminal prosecution, inquiry and preliminary investigation of crimes under the judicial statutes of 1864. Theoretical and practical guidance. On preliminary investigation. Part III. Collected by A. Kvachevsky. Saint Petersburg: Printing house of F. S. Sushchinsky; 1869: 645. (In Russ.).

12. Viktorsky S. I. Russian criminal procedure. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Publishing house of A. A. Kartsev; 1912: 438. (In Russ.).

13. Dukhovskoy M. V. From lectures on criminal procedure. Moscow: Printing house of Community of distribution of useful books; 1895: 218. (In Russ.).

14. Sluchevsky V. K. Textbook of the Russian criminal procedure. Judicial administration is a judicial procedure. 4th ed., add. and rev. Saint Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich; 1913: 683. (In Russ.).

15. Chebyshev-Dmitriev A. P. Russian criminal proceedings on judicial statutes 20 November 1864. Works by A. Chebyshev-Dmitriev, prof. of Saint Petersburg University. Part 1. Saint Petersburg: V. P. Pechatkin; 1875: 756. (In Russ.).

16. Muravyev N. V. From past activities. Speeches and messages. In 2 vols. Vol. 1. Saint Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich; 1900: 564. (In Russ.).

17. Antsiferov K. D. Collection of articles and notes on criminal law and proceedings. Publishing house of the Juridical Society of the Saint Petersburg Emperor's University under the supervision of V. M. Volodimirov and A. F. Koni, acting members of society. Saint Petersburg: State printing house; 1898: 587. (In Russ.).

18. Foyntsky I. Ya. Course of Criminal Procedure. 2nd ed. Saint Petersburg: Senate printing house; 1896: 594. (In Russ.).

19. Poznyshv S. V. Elementary textbook of the Russian criminal procedure. Moscow: Publishing house of G. A. Lehman; 1913: 328. (In Russ.).

20. Koni A. F. Brief abstract of the course of criminal proceedings, read to the pupils of the 1st class of the Alexander Lyceum by A. F. Koni, doctor of criminal law. Saint Petersburg: Tipolit. of Saint Petersburg Prison; 1907: 206. (In Russ.).

21. Butskovsky N. A. On the initiation of criminal prosecution on civil deals. Journal of Civil and Criminal Law. Saint Petersburg: Printing house of A. Kotomin; 75—105, 1873. (In Russ.).

22. Makalinsky P. V. Practical guidance for court investigators of district courts. Collected by P. V. Makalinsky. Saint Petersburg: Printing house of A. Benke; 1871: 207. (In Russ.).

23. Тимановский А. Т. Сборник толкований русских юристов к судебным уставам императора Александра Второго. За двадцать пять лет (1866—1891). 2-е изд. Варшава, 1892. 651 с.

24. Духовской М. В. Русский уголовный процесс: Издание для студентов. Тип. А. П. Поплавского, 1910. 448 с.

25. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. 3-е изд. Санкт-Петербург: Сенатская тип., 1910. 573 с.

23. Timanovsky A. T. Collection of interpretations of Russian lawyers to the judicial statutes of Emperor Alexander the Second. For twenty-five years (1866—1891). 2nd ed. Warsaw: 1892: 651. (In Russ.).

24. Dukhovskoy M. V. Russian criminal procedure. Edition for students. Printing house of A. P. Poplavsky; 1910: 448. (In Russ.).

25. Foynitsky I. Ya. Course of Criminal Procedure. 3rd ed. Saint Petersburg: Senate printing house; 1910: 573. (In Russ.).

Бондарь Мария Михайловна,

старший преподаватель кафедры
уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
bondar02082014@yandex.ru

Bondar Maria Mikhailovna,

senior lecturer at the department
of criminal procedure of the educational
and scientific complex for preliminary
investigation in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
bondar02082014@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 28.03.2024; одобрена после рецензирования 08.04.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 28.03.2024; approved after reviewing 08.04.2024; accepted for publication 14.05.2024.

* * *

УДК 343.296

**ПРИЧИНЕННЫЙ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ ВРЕД
И ОБЯЗАННОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ:
ВОЗМЕЩАТЬ ИЛИ ОБЕСПЕЧИВАТЬ ВОЗМЕЩЕНИЕ?****Сергей Владимирович Валов**

Москва, Россия, valov-s@rambler.ru

Аннотация. В статье изложен вариант разрешения порожденной положениями теории уголовного процесса и правоприменительной практикой антиномии, выраженной в различиях содержания уголовно-процессуального законодательства и управленческих решений, определяющих вид и меру должного поведения следователя по отношению к вреду, причиненному преступлением. Разграничены возмещение причиненного преступлением вреда и обеспечение его возмещения по содержанию, субъектам социальной активности, получаемым результатам, правовым последствиям. Система аргументов, обосновывающих цель и содержание обязанности следователя обеспечивать в досудебном производстве по уголовному делу возмещение вреда, причиненного преступлением, построена на основе принципа презумпции невиновности, предварительном характере процессуальных решений следователя, целевом назначении мер принуждения, исключительной компетенции суда в разрешении правовых вопросов ограничения и лишения права собственности, возможности пересмотра решения суда и объективных препятствиях удовлетворения требований истца. Приведен перечень мер, реализуемых следователем для выполнения обязанностей (процессуальных и согласованных с ними служебных) и достижения целей. Управленческие модели деятельности следователя, выступающего одновременно участником уголовного судопроизводства и должностным лицом государственного органа, не могут подменять содержание его процессуальных обязанностей, определенных в федеральном законе.

Ключевые слова: вред, преступление, виновный, следователь, обязанность, возмещение, обеспечение возмещения, управленческие решения

Для цитирования: Валов С. В. Причиненный преступлением вред и обязанность следователя: возмещать или обеспечивать возмещение? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 91—103.

**DAMAGE CAUSED BY CRIME
AND RESPONSIBILITIES OF THE INVESTIGATOR:
WHETHER TO COMPENSATE IT OR TO ENSURE COMPENSATION?****Sergey Vladimirovich Valov**

Moscow, Russia, valov-s@rambler.ru

Abstract. The article views upon a solution to the issue spawned by the criminal procedure theory provisions and the law-enforcement practice of antinomy expressed in disparities between the criminal procedure guidelines and the managerial decisions defining the investigator's behavioural patterns in terms of damage caused by crime. The paper draws the line between the compensation of the damage caused by crime and the compensation assurance by content, social activity subjects, given results and legal consequences. The system of arguments justifying the aim and the essence of the investigator's responsibility to ensure the compensation of damage caused by crime in pre-trial crime investigation process is based on the presumption of innocence principle, preliminary character of the investigator's procedural decisions, the purpose of punishment, the exceptional competency of the court with regard to legal matters solutions to restrict or strip from ownership, the review possibilities and objective obstacles to granting the plaintiff's claims. The article provides a list of measures, taken by the investigator to fulfil the duties (procedural and consecutive service-related) and achieve the goals. The investigator's managerial models him or her being both a criminal procedure participant and a governmental body official cannot replace his or her procedural duties stated in the federal law.

Keywords: damage, crime, guilty, investigator, responsibility, compensation, compensation assurance, managerial decisions

For citation: Valov S. V. Damage caused by crime and responsibilities of the investigator: whether to compensate it or to ensure compensation? Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 91—103, 2024. (In Russ.).

Государство, руководствуясь ст. 17, 18, ч. 2 ст. 19, ст. 35 и другими нормами Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), *обеспечивает* (курсив здесь и далее наш. — С. В.) потерпевшим *доступ* к правосудию и *компенсацию* причиненного *ущерба* (ст. 52 Конституции Российской Федерации). На основе данной конституционной нормы правовая модель уголовного судопроизводства предусматривает, что потерпевшему *обеспечивают возмещение имущественного вреда*, причиненного преступлением, а также расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде (ч. 3 ст. 42, ст. 131 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ)).

Конституционный Суд Российской Федерации усматривает в этой обязанности государства значительно больший объем. Согласно его правовой позиции государство, руководствуясь вытекающими из Конституции Российской Федерации принципами правового государства, верховенства права и справедливости, *обязано способствовать* максимально возможному *возмещению вреда*, причиненного потерпевшему преступлением¹.

Обеспечение возмещения вреда входит в *комплекс восстановительных мер*, реализуемых государством в целях приведения нарушенных прав и свобод человека и гражданина в состояние, в котором они находились до нарушения их преступлением².

¹ По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 г. № 45-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024).

² По делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. С. Аринушенко, Г. С. Бересневой и других: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 марта 2017 г. № 6-П // СЗ РФ. 2017. № 12. Ст. 1780.

Верховный Суд Российской Федерации указывает на обязанность государства *обеспечивать* потерпевшему от преступления возможность отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами³.

Следователь, согласно возложенным на него процессуальным (ст. 21, 38, 86 и другими статьями УПК РФ) и служебным⁴ обязанностям, должен в ходе производства предварительного расследования доказать характер и размер вреда, причиненного преступлением (п. 4 ч. 1 ст. 73, п. 3 ч. 2 ст. 434 УПК РФ), и посредством применения предусмотренных в законе мер установить имущество, принадлежащее подозреваемому, обвиняемому либо лицам, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации несут ответственность за причиненный подозреваемым, обвиняемым вред, в *целях обеспечения* возмещения причиненного преступлением имущественного вреда, других имущественных взысканий, а также принять меры по наложению ареста на данное имущество с учетом ограничений, установленных законом (ст. 160.1 УПК РФ, ст. 446 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (далее — ГПК РФ)).

Определение содержания обязанности следователя и ее закрепление в нормативных правовых актах составляют предмет дискуссии в научных источниках. Отсутствие однозначного мнения влияет на содержание задач и деятельности следователей, выбор критериев, показателей и индикаторов оценки результатов их работы, разработку и изложение методических рекомендаций.

³ См.: О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17. П. 1 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024).

⁴ См.: Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 15 января 2011 г. № 2. П. 1.19 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024).

В юридической литературе укрепилось два мнения. Одни ученые полагают, что задача следователя состоит в том, чтобы *возместить* вред, причиненный преступлением [1].

Другие, обращая внимание на предварительный характер его правоприменительных решений, обосновывают вывод о том, что следователь своей процессуальной и служебной деятельностью *обеспечивает возмещение* вреда, внося свой посильный вклад в своевременное восстановление правового положения жертв (потерпевшего и связанных с ними лиц), используя предоставленные ему полномочия и имеющиеся в его распоряжении правовые средства с учетом полученных в досудебном производстве доказательств. Такое понимание обязанности не исключает выполнения следователем действий, которые прямо или опосредованно (например, в результате убеждения и разъяснения) могут привести к восстановлению прежнего положения потерпевшего еще в период досудебного производства по уголовному делу.

Даже те, кто предлагает возмещение вреда, причиненного преступлением, возвести в ранг самостоятельной уголовно-процессуальной функции, видят содержание публичного компонента в «принятии необходимых мер по обеспечению возмещения такого вреда» [2, с. 10].

Между изложенными антиномиями [3; 4] балансируют источники, авторы которых в достаточной степени не определили для себя содержание обязанности следователя. Так, Н. И. Газетдинов, объявляя предметом своего научного труда *деятельность следователя по возмещению материального ущерба*, раскрывает ее содержание посредством термина «*обеспечение*» [5]. Д. А. Иванов, наряду с разработанной им моделью *алгоритма обеспечения* возмещения вреда, предлагает внести в ст. 11 и 21 УПК РФ изменения, посредством которых на следователя будет возложена обязанность принять *меры по возмещению* вреда, причиненного преступлением, но при этом, согласно его предложениям, руководитель следственного органа будет вправе давать следователю указания о принятии процессуальных решений и производстве следственных действий, направленных на *обеспечение* возмещения вреда, причиненного преступлением [6].

Двойственность научной позиции находит отражение в методических рекомендациях, адресованных следователям. Объявляя *возмещение* материального ущерба, причиненного преступлениями, одним из *приоритетных направлений*

деятельности следственных органов, авторы утверждают, что «*следователь совершает действия, направленные на обеспечение* реального восстановления нарушенных преступлением прав потерпевшего», и определяют основные направления деятельности следователя *по обеспечению возмещения* вреда¹.

Поддерживая научную позицию о том, что обязанность следователя состоит в обеспечении возмещения вреда, но никак не в его возмещении, приведем дополнительные аргументы в отстаивание изложенной в ней точки зрения.

Во-первых, вред есть социально-правовое явление, характеризующее вызванные преступлением изменения в благе, интересе или ценности, в связанных с ними субъективных правах, в основанных на правах общественных отношениях и в действующей системе их правоохраны со стороны государства. Измененное преступлением состояние вышеперечисленных объектов посягательства может обладать свойством *необратимости*, что влечет за собой объективную невозможность приведения поврежденных объектов правоохраны в исходное состояние. Из этого объективного положения объекта правоохраны следует необходимость применения для восстановления правового, социального, физического, имущественного, репутационного и иных состояний таких форм и способов возмещения вреда, которые только в определенной степени могут сгладить, компенсировать негативные изменения в объекте. В таких случаях, довольно часто встречающихся в правоприменительной практике, процессуальные действия и решения следователей могут только способствовать восстановлению прежнего состояния объекта правоохраны.

Во-вторых, согласно действующему законодательству, *обязанность возмещения* вреда *всегда* лежит на *виновном* лице (том, кто совершил противоправное деяние и причинил вред) или иных лицах, которые в силу закона несут ответственность за его действия (последствия действий причинителя вреда) или обязаны активно участвовать в восстановлении правового положения потерпевшего в силу иных закрепленных в законе об-

¹ Возмещение вреда (имущественного ущерба), причиненного в результате преступлений, совершенных против личности и собственности / ВНИИ МВД России, Следственный департамент МВД России: доведены письмом Следственного департамента МВД России от 30 сентября 2014 г. № 17/3-25648.

стоятельств¹. При этом *виновный обязан возместить* потерпевшему *любой вред*, причиненный противоправным деянием, посягающим на блага и ценности, интересы и права, находящиеся под охраной государства и закона². Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации полное или частичное *освобождение* причинителя вреда от имущественной ответственности одновременно *означало бы лишение* потерпевшего *возможности* компенсации причиненного ему вреда и тем самым — лишение его имущества, ущемление гарантированного ему Конституцией Российской Федерации права собственности³.

По обязательствам, возникшим вследствие причинения вреда, виновный несет ответственность по общему правилу в пределах принадлежащего ему имущества за исключениями, установленными законом⁴ (ст. 24 Гражданского кодекса

¹ См.: Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи от 29.11.1985 № 40/34. Ст. 8. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения: 05.07.2023); Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 24.07.2023, с изм. и доп, вступ. в силу 01.08.2023). Абз. 1 п. 1 ст. 1064; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2010 г. № 4-В10-11 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.03.2024); Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10 сентября 2009 г. № 5-В09-106 // Там же.

² По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 г. № 45-П // СЗ РФ. 2021. № 45. Ст. 7615.

³ По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2017 г. № 39-П // Там же.

⁴ См. также: По делу о проверке конституционности положения абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикинова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 г. № 11-П //

Российской Федерации (часть 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (далее — ГК РФ), ст. 446 ГПК РФ).

Следователь (ни как участник досудебного производства, ни как должностное лицо государственного органа) не входит в состав субъектов, на которых законодатель возложил перечисленные выше обязанности по возмещению вреда, причиненного преступлением.

В-третьих, лицо, обвиняемое правоприменительным актом следователя в совершении преступления, *считается невиновным*, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ч. 1 ст. 11 Всеобщей декларации прав человека⁵, ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации). Собранные в досудебном производстве доказательства и выводы следователя, изложенные в правоприменительных актах, подлежат всесторонней проверке в ходе рассмотрения уголовного дела в судебном заседании. Вывод следователя, обоснованный в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении, подкрепленный сформированной системой доказательств, не имеет для суда преюдициального значения.

Из этого вытекает, что следователь не правомочен возлагать на какое-либо лицо обязанности отторжения принадлежащего ему имущества или выполнения иных действий, направленных на возмещение вреда, поскольку вина данного лица в совершении преступления не доказана вступившим в законную силу приговором. Следователь разъясняет подозреваемому (обвиняемому) позитивные последствия добровольного возмещения вреда, причиненного преступлением, и скорейшего восстановления прежнего положения потерпевшего. Разъяснение (при оказании соответствующего воздействия на сознание и волю собеседника) может содействовать изменению позиции участника уголовного судопроизводства и совершению непосредственно им действий, направленных на возмещение вреда.

Согласие обвиняемого с процессуальным решением следователя о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям (с условием или без усло-

Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.03.2024).

⁵ Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. № 217 А (III). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 04.09.2023).

вия возмещения вреда, причиненного преступлением) означает его добровольное принятие возможности последующего (после прекращения уголовного судопроизводства) взыскания с него вреда, причиненного преступлением, и удовлетворения требований имущественного характера, хотя и связанных с преступлением, но относящихся к последующему восстановлению нарушенных прав потерпевшего и иных заинтересованных лиц¹.

После прекращения следователем уголовного дела по результатам досудебного производства вопрос о возмещении вреда подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства (ч. 4 ст. 213 УПК РФ) только в том случае, если такое производство будет инициировано заинтересованными лицами новым иском заявлением, поданным уже не следователю, а непосредственно в суд.

В-четвертых, никто не может быть лишен своего имущества произвольно (ч. 2 ст. 17 Всеобщей декларации прав человека), иначе как по решению суда (ч. 3 ст. 35 Конституции Российской Федерации), равно как никто не может быть произвольно лишен жилища (ч. 1 ст. 40 Конституции Российской Федерации).

Отступление от этих норм Основного Закона и в УПК РФ, и в правоприменительной практике в досудебном производстве по уголовным делам получило соответствующую оценку Конституционного Суда Российской Федерации² и привело к изменению модели правового режима обраче-

ния правомочных органов (должностных лиц) государства с вещественными доказательствами [7].

Следователь правомочен только инициировать перед судом ходатайство об ограничении на определенное время права собственности на имущество или иных связанных с ним вещных прав для защиты прав и законных интересов потерпевшего и обеспечения рассмотрения уголовного дела по существу. Следователь применяет меры процессуального принуждения — наложение ареста на имущество (ч. 1 ст. 115 УПК РФ), наложение ареста на ценные бумаги (ч. 1 ст. 116 УПК РФ) — *в целях обеспечения* возмещения вреда (обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска). Данные меры *способствуют* восстановлению прежнего правового положения потерпевшего. Согласно позиции Генеральной прокуратуры Российской Федерации, наложение ареста на имущество *не является* в полном объеме *реальным возмещением* ущерба, выступая лишь мерой его обеспечения, поскольку окончательное решение в отношении арестованного имущества выносит суд³.

В-пятых, в силу чч. 1, 2 ст. 82 УПК РФ любые *принадлежащие потерпевшему* предметы, на которые были направлены преступные действия или которые сохранили на себе следы преступления; деньги, ценности и иное имущество, полученные обвиняемым в результате совершения преступления, и предметы, которые служили орудиями преступления⁴, следователь должен признать вещественными доказательствами. Форму и содержание правового режима обращения с принадлежащими потерпевшему предметами — вещественными доказательствами следователь определяет, принимая во внимание цели доказывания (подп. «б» п. 1, подп. «б» п. 4, подп. «б» п. 9 ч. 2, ч. 2.1 ст. 82 УПК РФ) и учитывая, что решения, затрагивающие право собственности и связанные с ним вещные права в отношении предметов, признанных вещественными доказательствами, может принять только суд (п. 10.1, 10.2 ч. 2 ст. 29, ч. 4.1, 4.2 ст. 82 УПК РФ). Следователь обязан хранить вещественное доказательство в установленном порядке, а не пере-

¹ См.: По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2017 г. № 39-П. П. 6 описательно-мотивировочной части // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.03.2024); О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 23. П. 12 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.03.2024).

² По делу о проверке конституционности положений статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Костылева: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2008 г. № 9-П // СЗ РФ. 2008. № 30. Ч. 2. Ст. 3695.

³ См.: Инструкция по составлению отчетности по формам федерального статистического наблюдения № 1-Е, 1-ЕМ, утв. приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 22 декабря 2017 г. № 858. П. 114, 178 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.03.2024).

⁴ И в дальнейшем были перемещены обвиняемым с места происшествия, например в целях сокрытия следов преступления.

давать его потерпевшему, если между ним и добросовестным владельцем возник спор о праве на имущество, признанное вещественным доказательством (п. 6 ч. 3 ст. 81, ч. 1 ст. 82 УПК РФ). Новый регуляторный порядок установил приоритет полного учета вещественных доказательств в соответствующих книгах или информационных системах над передачей предметов на ответственное хранение их законным владельцам¹.

Согласно правовой позиции Генеральной прокуратуры Российской Федерации, изъятие есть единственное предусмотренное действующим УПК РФ действие следователя по возмещению материального ущерба². С таким утверждением нельзя согласиться, поскольку изъятие не предусматривает обязательной передачи имущества в пользование владельцу. Предметы, признанные вещественными доказательствами, могут быть возвращены их законному владельцу, если это возможно без ущерба для доказывания.

Юридический факт передачи следователем потерпевшему вещи, которая была предметом хищения и признана вещественным доказательством, следует отличать по своим последствиям от юридического факта возвращения такой же вещи потерпевшему непосредственно лицом, совершившим преступление. В первом случае передачу оформят актом приема-передачи. Передача означает выполнение правоприменительного решения следователя о месте хранения вещественного доказательства, права владения, пользования и распоряжения которым могут быть ограничены. Во втором случае — это факт возмещения виновным лицом причиненного вреда, за которым последуют процессуальные действия, производи-

мые следователем в целях установления относимости вещи к расследуемому событию, определения ее состояния, наличия возможных изменений, выяснения обстоятельств возврата вещи, отсутствия претензий у потерпевшего, а также принятия процессуальных решений о признании предмета вещественным доказательством и определении содержания правового режима его сохранности на оставшийся период уголовного судопроизводства.

В-шестых, судья должен *выяснить* по каждому уголовному делу, поступившему в суд, и в отношении каждого из обвиняемых (т. е. в отношении лиц, которые в случае признания виновными будут обязаны возместить вред), *приняты ли* органами предварительного расследования *меры по обеспечению* возмещения вреда, причиненного преступлением (п. 5 ч. 1 ст. 228 УПК РФ). Непринятие таких мер может быть рассмотрено в качестве основания для внесения судом частного определения в адрес следственного органа.

В-седьмых, суд указан в качестве *единственного субъекта*, который при рассмотрении уголовного дела или в порядке гражданского судопроизводства *определяет размер возмещения* по иску потерпевшего о компенсации в денежном выражении причиненного ему морального вреда (ч. 4 ст. 42 УПК РФ)³. Суд по ходатайству потерпевшего, гражданского истца, их представителей либо прокурора вправе вынести постановление *о принятии мер по обеспечению возмещения* вреда, причиненного преступлением (ч. 2 ст. 230 УПК РФ). Действия суда в этой части сходны с его полномочиями в гражданском судопроизводстве при рассмотрении гражданского иска (ст. 139—140 ГПК РФ).

Действуя в пределах предоставленных ему дискреционных полномочий, суд первой инстанции *может изменить* юридически определенную и закрепленную в правоприменительном решении следователя *сумму* полагающегося потерпевшему *возмещения*, приняв во внимание степень вины нарушителя и пострадавшего; имущественное положение лица, признанного виновным; степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред; более разумный и распространенный способ восстановления правового

¹ См.: Правила учета и хранения изъятых в ходе судебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов и документов до признания их вещественными доказательствами по уголовным делам или до их возврата лицам, у которых они были изъяты, и арестованного имущества, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, а также возврата вещественных доказательств по уголовным делам в виде денег их законному владельцу: утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2023 г. № 1589. П. 17 // СЗ РФ. 2023. № 41. Ст. 7316.

² См.: Инструкция по составлению отчетности по формам федерального статистического наблюдения № 1-Е, 1-ЕМ: утв. приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 22 декабря 2017 г. № 858. П. 177 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.03.2024).

³ Полагаем, что нормы, изложенные в п. 3.1 ч. 2 ст. 29, ч. 2, 4, 5 ст. 135 УПК РФ, в их системном толковании хоть и применимы только к фактам реабилитации, но подтверждают исключительные права суда на определение вида и размера возмещения вреда, поскольку они затрагивают право собственности.

положения и иные заслуживающие внимания обстоятельства (ч. 1 ст. 151, п. 3 ст. 1083 ГК РФ). Данное право суда при рассмотрении уголовных дел разных категорий отмечено в решениях Конституционного Суда Российской Федерации¹ и постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации². На принятие судом решения влияют требования разумности и справедливости, а также сведения о поведении потерпевшего, его моральная и правовая оценка³. Так, суд, приняв во внимание имущественное положение лица, причинившего вред, вправе уменьшить подлежащую взысканию сумму, с учетом степени вины потерпевшего, действиями которого было вызвано причинение вреда⁴.

Аналогичные подходы, предусматривающие возможность уменьшения суммы возмещения, демонстрируют модельные законы⁵, нормативные и рекомендательные акты в иных правовых системах⁶.

¹ См., например: По делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. С. Аринушенко, Г. С. Бересневой и других: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 марта 2017 г. № 6-П // СЗ РФ. 2017, № 12. Ст. 1780.

² См., например: О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 июня 2002 г. № 14. П. 14 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 8; О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19. П. 29 // Там же. 2012. № 11.

³ См.: О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу. П. 26.

⁴ См.: О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление. П. 29.

⁵ См.: Модельный закон «О возмещении причиненного вреда гражданам, потерпевшим от преступлений»: приложение к постановлению Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 27 ноября 2020 г. № 51-28. Ч. 4 ст. 13 // Информ.-правовой портал «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 10.02.2024).

⁶ См.: Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений: Страсбург, 24 ноября 1983 г. Ст. 7, 8. URL: <https://docs.cntd.ru/document/>

Возможна ситуация, при которой следователь: а) вменит сумму ущерба, имеющего значение для квалификации преступления; б) установит сумму, подлежащую взысканию в целях возмещения всех видов вреда; в) исходя из ее размера, обеспечит возмещение, но *суд уменьшит размер* причитающихся потерпевшему *выплат*, опираясь на предоставленные сторонами доказательства об имущественном положении лица, совершившего *неосторожное* уничтожение имущества. Суд имеет право принять такое решение, поскольку, согласно п. 3 ст. 1083 ГК РФ, уменьшение суммы возмещения возможно только в случаях, когда вред причинен действиями, совершенными неумышленно.

Только суд может обязать лицо выполнить действия по восстановлению нарушенного состояния (например, разместить объявление об опровержении сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию заявителя), признать сведения не соответствующими действительности, обязать удалить такие сведения владельца сайта в сети Интернет, не зарегистрированного в качестве средства массовой информации, или уполномоченное им лицо, которое ответственно за размещение информации на этом сайте⁷.

Стадии обращения решения суда к исполнению в части удовлетворения гражданского иска и возмещения вреда может предшествовать рассмотрение уголовного дела в апелляционной инстанции. Суд при изменении приговора и иного судебного решения в апелляционном порядке по итогам проверки законности, обоснованности и справедливости приговора в пределах предоставленных ему полномочий (ст. 389.9, 389.19 УПК РФ) наделен *правом уменьшить либо увеличить размер возмещения* материального ущерба (если это не окажет влияния на квалификацию действий осужденного и объем обвинения) *и компенсации* морального вреда по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца, их законных представителей и (или) представителей *в пределах суммы ранее предъявленного гражданского иска* (п. 3 ч. 1

8318841?marker (дата обращения: 19.09.2023).

⁷ См.: По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Крылова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 18-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.03.2024).

ст. 389.26 УПК РФ)¹. После вступления приговора в законную силу на реальное возмещение вреда может повлиять рассмотрение уголовного дела в судах кассационной (ст. 401.16 УПК РФ) и надзорной инстанций (ст. 412.9 УПК РФ).

В-восьмых, суд при рассмотрении уголовного дела по существу может вынести решение о признании за гражданским истцом права на удовлетворение гражданского иска с передачей вопроса о размере возмещения для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства. В 2022 г. 3 284 гражданских иска (в 2021 г. — 4 205) переданы судами для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства в связи с признанием в ходе уголовного судопроизводства права истца на их удовлетворение (ч. 2 ст. 309 УПК РФ)².

В рассматриваемых случаях фактическое возмещение возможно только при последовательном наступлении следующих юридических фактов: подачи в суд заинтересованными субъектами нового искового заявления; его рассмотрению по существу; удовлетворении требований и обращении решения суда к исполнению. Возможности влияния следователя на данные процессы ограничены. В этой модели возмещения вреда многое зависит от собранных следователем доказательств, подтверждающих искомые требования заинтересованных лиц [8] и возможности лица, признанного обвинительным приговором виновным в совершении преступления, возместить вред. Значимость собранных следователем доказательств возрастает по мере временного удаления решения суда о возмещении вреда и обращении его к исполнению от итогового решения по уголовному делу.

В 2014 г. Р. Г. Хасаншина предложила изменить нормы, определяющие порядок действий суда, который признал за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и оставил иск без рассмотрения. Суть изменений состояла в возложении на постановивший приговор суд обязанности передать в заверенных копиях искомое заявление и все документы, подтверждающие

право на удовлетворение иска, в суд, который правомочен рассмотреть гражданский иск по существу [9].

На законодательном уровне предложение не реализовано, но оно нашло свое воплощение в 2020 г. в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации³.

В-девятых, признанное судебным решением право на возмещение вреда может быть не реализовано в определенных пределах, т. е. реального возмещения вреда может не произойти — например, по причине нахождения имущества в юрисдикции другого государства, которое по политическим и (или) правовым основаниям не желает быть участником процесса восстановления правового положения пострадавшего от преступления.

Согласно докладу Фонда поддержки пострадавших от преступлений, из 818 986 выявленных лиц, совершивших преступления, значительная часть не может возместить причиненный ими имущественный и моральный вред по причине низкого финансового достатка⁴.

Вред не возмещают в связи с отказом от гражданского иска в судебном производстве — например, по причине родственных отношений между потерпевшим и обвиняемым. В 2022 г. 9 229 потерпевших (–23 % к уровню 2021 г.) пострадали от деяний, совершенных их родственниками, 107 527 (–2,7 % к уровню 2021 г.) — от деяний членов семьи, две трети из них — от деяний родителей, а 2 637 родителям (–6,1 % к уровню 2021 г.) вред причинен в результате совершения их детьми преступлений против собственности⁵.

Исходя из вышеизложенного, следователь выступает правомочным представителем государства, которое взяло на себя конституционную обязанность *обеспечивать* потерпевшим *доступ* к пра-

¹ См. дополнительно: О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу. П. 31.

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 года // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: офиц. сайт. Разд. «Судебная статистика». URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 01.09.2023); Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2022 года // Там же.

³ См.: О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу. П. 28.

⁴ Оценка современного состояния государственной сферы защиты прав потерпевших от преступлений: аналитический доклад / Фонд поддержки пострадавших от преступлений. Москва: ФПП, 2023. С. 30. URL: <https://fondpp.org/doc/analiticheskij-doklad-ocenka-sovremennogo-sostojanija-gosudarstvennoj-sfery-zashhity-prav-poterpevshih-ot-prestuplenij-2022-g/> (дата обращения: 04.09.2023).

⁵ Сведения о потерпевших и совершенных в отношении их преступлениях: сводный отчет по России за январь — декабрь 2021 года. Москва: ГИАЦ МВД России, 2022. Л. 13, 74; Сведения о потерпевших и совершенных в отношении их преступлениях: сводный отчет по России за январь — декабрь 2022 года. Москва: ГИАЦ МВД России, 2023. Л. 13, 74.

восудию и компенсацию причиненного ущерба. В нормативную модель обеспечения доступа к правосудию в качестве неотъемлемого компонента входит обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением. Однако решение о возложении обязанности возместить потерпевшему вред будет принято только в том случае, если в установленном законом порядке будет доказана обоснованность выдвинутых обвинений в совершении преступления и причинении вреда.

В нормативной модели обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлениями, следователь не является ни субъектом, на которого возложена обязанность возместить причиненный преступным деянием вред, ни субъектом окончательного определения формы и способа, вида и размера возмещения, в конкретизированном виде выражающего определенную составляющую бремени, налагаемого на лицо, признанное вступившим в законную силу приговором суда виновным в совершении преступления.

Цель следователя на данном направлении его процессуальной и согласованной с ней служебной деятельности в досудебном производстве — обеспечить возмещение причиненного преступлением вреда, применяя предоставленные ему государством полномочия и доступные правовые средства с учетом полученных доказательств. Целевая установка деятельности следователя должна соответствовать его объективным возможностям, предоставленным полномочиям, возложенным обязанностям и подкреплена обдуманной системой оценки на индивидуальном, коллективном и ведомственном уровнях.

Слово «обеспечить» восходит к «оріека», пришедшему в XVI в. из польского языка, основанному на чешском «ресе», производном от латинского «сиго» — забочусь, «сигаге» — проявлять заботу [10, с. 143]. В русском языке слово «обеспечить» применяют в значении гарантировать, сделать что-нибудь верным, несомненным, снабдить всем нужным [11, с. 558]. Исходя из этого, «обеспечить возмещение вреда, причиненного преступлением», означает сделать все необходимое, все, от следователя зависящее, для того чтобы вред, причиненный преступлением, был возмещен лицом, которое причинило такой вред, или иным другим лицом, которое в силу закона несет ответственность за действия субъекта и непосредственно причинило вред. Обеспечение необходимо рассматривать в виде активного целенаправленного процесса создания следователем всего необходимого и достаточного, что позволило бы по-

терпевшему при посредничестве государства (в лице правомочных или уполномоченных лиц или органов) получить с лица, признанного приговором суда виновным, соответствующее потерям воздаяние и восстановить попорченное преступлением правовое, социальное, имущественное, репутационное и иное положение.

Содержание обязанности следователя образуют следующие процессуальные действия и решения:

1) обеспечение реализации участниками уголовного судопроизводства своих прав на возмещение вреда, причиненного преступлением;

2) разъяснительная работа в целях побуждения виновных лиц или лиц, несущих по закону ответственность за их деяния, к добровольному возмещению вреда в установленных законом формах и правомерными способами;

3) получение информации об имущественном положении подозреваемого, обвиняемого;

4) поиск похищенного имущества, обеспечение сохранности найденного и при наличии оснований возврат потерпевшим вещественных доказательств;

5) формирование и процессуальное закрепление правового режима обращения с вещественными доказательствами, обеспечение их сохранности до решения суда;

6) формирование и процессуальное закрепление правового режима имущества (прав на имущество), за счет которого по решению суда будут решаться задачи возмещения в натуральном или стоимостном выражении вреда посредством обращения на него взыскания, поскольку имущество принадлежит подозреваемому, обвиняемому или лицам, несущим по закону ответственность за их действия, а равно находится у третьих лиц, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования определенной преступной деятельности или функционирования запрещенных преступных социальных образований.

Действия следователя, приводящие в процессе досудебного производства к частичному фактическому восстановлению прежнего правового положения потерпевшего, подчинены решению задачи обеспечения возмещения данному участнику уголовного судопроизводства вреда от преступления. Восстановление прежнего правового положения в форме восполнения имущественного состояния, принесения извинений, устранения созданных пре-

пятствий или предоставления иных благ во многом зависит от достижения потерпевшим степени удовлетворенности результатами действий, совершенных разными субъектами в ходе досудебного производства по уголовному делу.

Обозначенное содержание целевой установки предопределяет не только содержание процессуальной и служебной деятельности следователя, видовой состав процессуальных, организационно-тактических, организационно-технических и иных действий, но и разрабатываемые руководством следственных органов или иных государственных органов, в состав которых входят следственные органы, управленческих решений и систем оценки деятельности сотрудников на рассматриваемом направлении.

Вместе с тем принимаемые управленческие решения, направленные на упорядочение деятельности следователей, *подменяют обеспечение возмещением* вреда. Одной из основных функций органов предварительного следствия в системе МВД России на региональном и районном уровне определена организация *деятельности по возмещению* материального ущерба, причиненного преступлениями¹. В период с 2013 по 2017 г. в качестве одной из задач программно-целевого развития органов предварительного следствия в системе МВД России было определено возмещение потерпевшим причиненного ущерба². В дальнейшем подпрограмма 1 «Предварительное следствие» была свернута, а в перечень целевых индикаторов и показателей подпрограммы «Реализация полномочий в сфере внутренних дел» введена доля возмещенного ущерба от фактически причи-

ненного ущерба по уголовным делам, оконченным следователями. Игнорирование нормативного определения обязанности следователей и недооценка их реальных возможностей достигать установленные программой параметры заданных целей привели к неоднократному занижению численных значений показателей-индикаторов для 2020 г. с 85 % (в редакции 2013 г.) до 40,2 % (в редакции 2017 г.), а для 2024 г. — до 40,4 % (в редакции 2021 г.). В период действия программы субъекты управления следственными органами настойчиво требовали от нижестоящих руководителей обеспечить действенный контроль за полнотой реализуемых следователями мер, *направленных на возмещение* ущерба³. За весь период реализации программы целевые показатели возмещения вреда не были достигнуты, а в 2021 г. при утверждении очередной редакции программы от них и вовсе отказались⁴.

Аналогичные целевые установки характерны и для управленческих решений регионального уровня. Так, руководителям правоохранительных органов Ивановской области предписано исключить факты направления прокурору с обвинительным заключением, обвинительным актом уголовных дел, по которым не принят достаточный комплекс мер *по возмещению* причиненного ущерба⁵.

Однозначное толкование содержания обязанности следователя, обуславливающее связанные с ней ожидания лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, и целевые установки субъектов

¹ См.: п. 10.7 приложения № 1, п. 10.6 приложения № 4 к приказу МВД России от 9 января 2018 г. № 1 «Об органах предварительного следствия в системе МВД России» // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.03.2024).

² Паспорт подпрограммы «Предварительное следствие» государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 марта 2013 г. № 313-р // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.03.2024); О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и их отдельных положений»: постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2017 г. № 385 // Там же.

³ Указание Следственного департамента МВД России от 28 февраля 2015 г. № 17/2-4568; указание Следственного департамента МВД России от 27 сентября 2017 г. № 17/2-30022; указание Следственного департамента МВД России от 29 марта 2018 г. № 17/2-10004. Документы не были опубликованы.

⁴ О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»: постановление Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2021 г. № 1541 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.03.2024).

⁵ См. п. 2.5 постановления координационного совещания руководителей правоохранительных органов Ивановской области от 30 сентября 2022 г. «О состоянии работы правоохранительных органов по возмещению ущерба, причиненного преступлениями, мерах по улучшению качества работы оперативных служб и органов предварительного расследования по установлению и изъятию незаконного нажитого имущества, в том числе находящегося за рубежом». Документ не был опубликован.

управления следственными органами, противопоставлено присущей действиям правоохранительных органов дискретности, вызванной их функциональной специализацией и организационно-структурной обособленностью. Цель обеспечения возмещения вреда определена *для всей системы уголовной юстиции*, в которой государство играет ведущую, системообразующую роль и выполняет множество функций, отдельно или совокупно возложенных им на организационно обособленных субъектов. Восстановление состояния потерпевшего до уровня, предшествовавшего совершению преступления, есть *общая забота* всех государственных органов и должностных лиц от момента получения информации о противоправном деянии до окончательного исполнения приговора. Как невозможно достичь этой цели действиями исполнителя одной функции государства, так неприемлемо скрывать характеристики результата в разрозненных, несогласованных и многочисленных формах отчетности всех субъектов, на которых государство возложило свои функции.

Оценку действий следователя по выполнению возложенной на него обязанности в процессуальном (в ходе процессуального контроля руководителя, прокурорского надзора или судебного контроля) и служебном поле (рейтинговая оценка эффективности, служебные расследования) необходимо производить с точки зрения выполнения им всех предусмотренных УПК РФ и иными нормативными правовыми актами действий, своевременного и законного принятия обоснованных и мотивированных решений, направленных *на обеспечение возмещения* потерпевшим или иным субъектам, предъявившим в досудебном производстве иски требования, *любого вида вреда*, причиненного преступными действиями лиц, которые привлечены в качестве подозреваемых и обвиняемых с учетом обстоятельств каждого конкретного уголовного дела, или лиц, которые в соответствии с законом обязаны или изъявили добровольное согласие нести ответственность за вред, причиненный деянием обвиняемого.

Обозначенный подход не исключает введения в систему оценки деятельности следователей и следственных органов показателей и индикаторов, характеризующих полноту возмещения вреда в досудебном производстве. Они будут отражать действенность в досудебном производстве созданного государством механизма обеспечения возмещения вреда, используемых в нем форм и способов, а также средств, стимулирующих обвиняемых к своевременному и полному возмещению

вреда, причиненного их противоправными действиями. Главное — система оценки должна действовать в фоновом режиме, без отвлечения следователя от его процессуальных обязанностей и возложения на него управленческими решениями дополнительных обязанностей. Разумно выстроить систему на основе сведений, отраженных следователем в составленных им документах (обвинительном заключении, документах первичного учета о результатах расследования уголовного дела) или в соответствующих полях программного обеспечения, без предоставления дополнительных отчетных форм.

На основании изложенного сформулируем следующие выводы. Возмещение причиненного преступлением вреда и обеспечение его возмещения различны по своему содержанию, субъектам социальной активности, получаемым результатам, правовым последствиям. Возмещение вреда — исключительная обязанность лица, совершившего преступление, и составная часть неблагоприятных последствий признания его виновным в совершении преступления. *Обеспечение возмещения вреда*, причиненного преступлением, входит в качестве неотъемлемого компонента *в нормативную модель обеспечения доступа* к правосудию. Обеспечение возмещения вреда входит в комплекс восстановительных мер, реализуемых правомочными государственными органами и должностными лицами в целях приведения нарушенных прав и свобод человека и гражданина, законных интересов общества и государства в состояние, в котором они находились до нарушения их преступлением.

В нормативной модели обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлениями, следователь не является ни субъектом, на которого возложена обязанность возместить причиненный преступным деянием вред, ни субъектом окончательного определения формы и способа, вида и размера возмещения, в конкретизированном виде выражающего определенную составляющую бремени, налагаемого на лицо, признанное вступившим в законную силу приговором суда виновным в совершении преступления.

Следователь, реализуя предоставленные ему процессуальные и служебные полномочия и действуя в соответствии с его объективными возможностями в досудебном производстве, обеспечивает возмещение причиненного преступлением вреда, применяя предоставленные ему государством правовые средства.

Целевая установка, определенная в уголовно-процессуальном законодательстве, должна быть

подкреплена соответствующими законам управленческими решениями субъектов управления процессуальной и служебной деятельностью сле-

дователей, а также обдуманной системой оценки достигнутых результатов на индивидуальном, коллективном и ведомственном уровнях.

1. Темушкин Е. П., Филиппов П. М. Деятельность следователя по возмещению материального ущерба и обеспечению конфискации: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1982. 48 с.

2. Туров С. А. Возмещение причиненного преступлением вреда как уголовно-процессуальная функция: теоретико-методологический анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 32 с.

3. Френкель А. А., Бар-Хиллел И. Основания теории множеств / пер. с англ. Ю. А. Гастева; под ред. А. С. Есенина-Вольпина. Москва: Мир, 1966. 555 с.

4. Щедровицкий Г. П. О некоторых моментах в развитии понятий // Щедровицкий Г. П. Избр. тр. Москва: Шк. культ. политики, 1995. С. 577—589.

5. Газетдинов Н. И. Деятельность следователя по возмещению материального ущерба / науч. ред. З. З. Зинатуллин. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. 96 с.

6. Иванов Д. А. Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2018. 63 с.

7. Валов С. В. Правовой режим обращения с вещественными доказательствами в досудебном производстве: учеб. пособие. Москва: Проспект, 2021. 96 с.

8. Саньков В. И., Санькова Е. В. Процессуальные и криминалистические аспекты возмещения вреда в уголовном судопроизводстве // Возмещение вреда потерпевшему в уголовном судопроизводстве: организационные, правовые и криминалистические проблемы: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Москва: Акад. управления МВД России, 2016. Ч. II. С. 194—199.

9. Хасаншина Р. Г. Сущность и значение возмещения вреда потерпевшему при принятии процессуальных решений по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2014. 215 с.

10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд., стер. Москва: Прогресс, 1987. Т. III (Музн-Сят). 832 с.

11. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. Москва: Дом слав. кн., 2008. 959 с.

1. Temushkin Ye. P., Filippov P. M. Investigator's activities in material damage compensation and seizure provision. Volgograd: HIS MIA USSR Publishing; 1982: 48. (In Russ.).

2. Turov S. A. Compensation of damage caused by crime as a criminal procedure function: theoretical and methodological analysis. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Chelyabinsk; 2013: 32. (In Russ.).

3. Fraenkel A. A., Bar-Hillel Y. Foundations of Set Theory. Moscow: Mir; 1966: 555. (In Russ.).

4. Shchedrovitskiy G. P. To the question of notion development. In: Shchedrovitskiy G. P. Selected papers. Moscow: School of Policy in Culture; 1995: 577—589. (In Russ.).

5. Gazetdinov N. I. Investigator's activity to compensate material damage. Scientific ed. Z. Z. Zinatullin Kazan: Kazan University Publishing, 1990: 96. (In Russ.).

6. Ivanov D. A. Pre-trial procedure to compensate damage caused by crime: theoretical and legal foundations and law enforcement issues. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2018: 63. (In Russ.).

7. Valov S. V. Legal framework for handling physical evidence in the pre-trial procedure. Training manual. Moscow: Prospect; 2021: 96. (In Russ.).

8. Sankov V. I., Sankova E. V. Procedural and forensic aspects of damage compensation in criminal procedure. In: Damage compensation to a complainant in criminal procedure: organisational, legal and forensic issues. Materials compilation of international scientific practical conference. In 2 vols. Vol. II. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2016: 194—199. (In Russ.).

9. Khasanshina R. G. The essence and notion of damage compensation to a complainant in terms of criminal adjudication procedure. Dissertation of a candidate of juridical sciences. Kazan; 2014: 215. (In Russ.).

10. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vols. Vol. III. 2nd ed., ster. Moscow: Progress; 1987: 832. (In Russ.).

11. Ushakov D. N. Great dictionary of the contemporary Russian language. Moscow: Slavic Book House; 2008: 959. (In Russ.).

Валов Сергей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент;
valov-s@rambler.ru

Valov Sergey Vladimirovich,
candidate of juridical sciences, docent;
valov-s@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 26.01.2024; одобрена после рецензирования 07.02.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 26.01.2024; approved after reviewing 07.02.2024; accepted for publication 14.05.2024.

* * *

УДК 343.14

**ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА:
ПРОБЛЕМЫ ДОПУСТИМОСТИ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Сергей Евгеньевич Квасница*, Святослав Юрьевич Бирюков**

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, kvasnitsa1313@mail.ru

** Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, Bir.slav@yandex.ru

Аннотация. Информация в электронной форме прочно вошла в нашу жизнь: она отражает разные аспекты деятельности индивида и общества. Феномен электронной информации в течение непродолжительного времени проник как в теорию уголовного процесса, так и в судебно-следственную правоприменительную практику, что нашло свое выражение в появлении нового вида доказательств — электронных. Это стало существенным толчком в развитии теории доказательств в науке уголовного процесса. Очевидно, что в первую очередь теоретиков и правоприменителей заинтересовала возможность использования данного вида доказательств для установления всех обстоятельств расследуемого уголовно наказуемого деяния. А это имеет непосредственное отношение к оценке такого рода доказательств, возможности применения «классических» критериев оценки, их дальнейшей жизнеспособности или, другими словами, их способности и дальше качественно выполнять свои функции. В противном случае возникает необходимость в модернизации либо выработке новых критериев. Решение обозначенной проблемы предполагает концептуально иной подход к формированию новой, соответствующей современным реалиям теории оценки доказательств, в том числе электронных, которая, с одной стороны, могла бы аккумулировать в себе тот необходимый объем знаний, включающих в себя и сведения об указанном выше феномене, а с другой — обеспечила бы достижение целей уголовного судопроизводства на качественном уровне. В статье авторы делают попытку установить эффективность критерия допустимости в ходе оценки новых доказательств. Подтверждено, что названный критерий применительно к электронным доказательствам является собой законодательно определенное условие, соответствие которому дает субъекту расследования возможность их применения в своей деятельности, направленной на разрешение уголовного дела по существу, в качестве доказательств.

В целях определения специфики критерия допустимости применительно к рассматриваемым доказательствам авторы обратились к теоретическим изысканиям по данному вопросу, а также к судебно-следственной правоприменительной практике, в результате анализа которых были высказаны отдельные требования допустимости этого вида доказательств.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, уголовно-процессуальное законодательство, доказательства, критерии допустимости, оценка доказательств, электронные доказательства

Для цитирования: Квасница С. Е., Бирюков С. Ю. Электронные доказательства: проблемы допустимости в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 104—111.

**ELECTRONIC EVIDENCE: ADMISSIBILITY ISSUES
IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Sergey Yevgenievich Kvasnitsa*, Svyatoslav Yurievich Biryukov**

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, kvasnitsa1313@mail.ru

** Volgograd State University, Volgograd, Russia, Bir.slav@yandex.ru

Abstract. Information in electronic form has become ingrained in our everyday lives: it reflects various aspects of the activities of the individual and society. Within a short time the phenomenon of electronic information has entered both the theory of criminal proceedings and judicial investigative law enforcement practice, what was

expressed in introducing a new type of evidence — electronic. This became a significant impulse for developing the evidence theory in the science of criminal proceedings. Obviously, academicians and law enforcers were primarily interested in the possibility of using this type of evidence to establish all the circumstances of the criminal offense under investigation. And this is directly relevant to the evaluation of this type of evidence, the possibility of applying "classical" evaluation criteria, their further viability or, in other words, their ability to continue to perform their functions efficiently. Otherwise, there is a need for revision or development of new criteria. The solution to the identified problem presupposes a conceptually different approach to the formation of a new theory of evidence evaluation, including electronic evidence, corresponding to modern realities, which, on the one hand, could accumulate the necessary amount of knowledge, including information about the above-mentioned phenomenon, and, on the other hand, it would ensure the goals achievement in criminal proceedings at a high-quality level. In the article, the authors attempt to establish the effectiveness of the admissibility criterion in the evaluation of new type of evidence. The mentioned criterion in relation to electronic evidence has been confirmed to be a legally defined condition, and compliance with this condition allows the investigating subject to use it as admissible evidence for resolving a criminal case on the merits.

In order to determine the specifics of the admissibility criterion in relation to the evidence under consideration, the authors turned to theoretical research on this issue, as well as to judicial and investigative law enforcement practice, and as a result of this analysis certain requirements for the admissibility of this type of evidence were stated.

Keywords: criminal procedural law, criminal procedural legislation, evidence, admissibility criteria, evaluation of evidence, electronic evidence

For citation: Kvasnitsa S. Ye., Biryukov S. Yu. Electronic evidence: admissibility issues in criminal proceedings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 104—111, 2024. (In Russ.).

Анализ и оценка полученных в ходе производства по уголовному делу доказательств по своей сути являются интеллектуальной деятельностью субъектов расследования и в связи с этим всегда вызывали определенный интерес у правоведов.

В настоящее время данное направление научных исследований приобрело повышенную актуальность в связи с существенным проникновением результатов научно-технического прогресса во все сферы жизнедеятельности современного общества, что, в частности, выразилось в появлении в современном уголовном процессе феномена электронных доказательств. Последнее же выступило причиной пересмотра устоявшихся в теории уголовного процесса и правоприменительной практике критериев, присущих доказательствам: относимости, допустимости, достоверности в контексте определения специфики, формы и порядка работы с такого рода новыми доказательствами.

Очевидно, что решение указанных задач предопределяет проведение достаточно сложных исследований, требующих от научного сообщества серьезных усилий. Вместе с тем границы данной статьи, как представляется, могут позволить нам попытаться осветить отдельные черты такого важного, определяющего критерия любого доказательства, как его допустимость применительно к указанной нами выше новой форме доказательств — так называемых электронных доказательств.

Говоря о допустимости как об основополагающем критерии любого доказательства, мы полностью солидарны с высказываниями, имеющимися в теории уголовного процесса, о том, что данный критерий дает жизнь доказательству как определенному результату уголовно-процессуальной деятельности; он трансформирует информацию, полученную в результате производства следственных действий в соответствии с установленной процедурой, в доказательственную, наделяя ее особым значением [1].

Законодатель в ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) определенным образом раскрыл содержание рассматриваемого нами критерия, однако применительно к феномену электронных доказательств редакция указанной статьи должна быть, как представляется, скорректирована в целях добавления неких условий, которые бы в полной мере обеспечивали действие указанного критерия и применительно к вышеназванным доказательствам, обеспечивая тем самым их адекватное восприятие правоприменителем.

Анализ содержания ст. 75 УПК РФ дает основание говорить об отнесении к категории недопустимых доказательств тех из них, которые получены с нарушением требований законодательства. Законодатель выделил определенные требования, соблюдение которых в своей совокупности гарантирует признание доказательства допустимым

и, следовательно, его дальнейшее использование в качестве такового правоприменителем.

В теории уголовно-процессуального права имеется точка зрения, согласно которой в качестве вышеуказанных требований, раскрывающих в своей совокупности критерий допустимости доказательств в уголовно-процессуальном праве, выступают следующие:

- надлежащий источник получения доказательств;
- надлежащий субъект процесса собирания доказательств;
- надлежащий вид способа собирания доказательств;
- надлежащая процессуальная форма собирания доказательств;
- надлежащая, установленная законодателем процедура проверки доказательств [2].

Представляется важным отметить тот факт, что указанные требования в той или иной редакции, но схожие по своей сути были предложены и другими учеными-процессуалистами [3]. Считаем вполне очевидным тот факт, что электронное доказательство, которое стало достоянием субъекта расследования, в определенной законодателем форме будет расцениваться последним в качестве допустимого. И это подтверждается судебной правоприменительной практикой, где в качестве рассматриваемых нами доказательств, например, часто выступают «скриншоты» различных сообщений в тех или иных мессенджерах.

В связи с этим в теории уголовного процесса также имеется точка зрения, согласно которой рассматриваемый вид электронного доказательства может быть расценен как допустимый в случае его соответствия следующим условиям:

- источником приобретения данного доказательства субъектом расследования должно быть лицо, являющееся стороной в данной переписке;
- факт получения указанного доказательства должен быть оформлен в соответствии с установленными законодателем требованиями к процедуре и форме;
- данное электронное доказательство должно быть исследовано субъектом расследования посредством производства следственного осмотра и возможного назначения соответствующих судебных экспертиз в целях установления факта отсутствия монтажа представленного скриншота [4].

Считая описанную выше точку зрения вполне оправданной, полагаем уместным акцентировать внимание на том обстоятельстве, что в судебной правоприменительной практике (в том числе выс-

шей судебной инстанции нашей страны) часто встречаются факты признания в качестве допустимых электронных доказательств при одном лишь условии их введения в уголовный процесс протоколом того или иного следственного действия, которое предусмотрено в законе. Никто из заинтересованных сторон уголовного процесса не подвергает сомнению достоверность подобного рода доказательств.

Такая практика правоприменителя в полной мере поддерживается достаточно большим количеством представителей научного сообщества, которые, в частности, изучая доказательственное значение рассматриваемых электронных доказательств, говорят о том, что указанные скриншоты либо иные данные могут соответствовать установленным законодателем критериям допустимости доказательств при условии, что они надлежащим образом изъяты и оформлены в соответствии с требованиями закона [5]. Схожая позиция изложена и многими другими процессуалистами, указывающими, что критерий допустимости рассматриваемых нами доказательств раскрывается в требовании законодателя соблюсти форму доказательства, а кроме этого в следовании тем процедурам, которые определены в УПК РФ [6].

Анализируя изложенные и аналогичные позиции авторов, мы склонны считать абсолютно справедливым высказанное в научной литературе мнение о том, что указанный подход к определению допустимости новых видов доказательств можно отнести к категории традиционных, который в полной мере распространяется на все перечисленные законодателем в ст. 74 УПК РФ источники получения доказательственной информации и не учитывает современных реалий.

Раз так, то логично отделить особенности оценки электронных доказательств в контексте определения их допустимости от всех иных видов доказательственной информации. И в связи с этим в теории уголовно-процессуального права имеет место точка зрения, которая содержит следующие критерии определения допустимости рассматриваемых нами новых видов доказательств:

- аутентичность (предполагает возможность точного определения источника появления рассматриваемых сведений);
- целостность (предполагает отсутствие каких-либо искажений рассматриваемых сведений);
- достоверность (предполагает верное отображение интересующих следствие сведений о тех или иных фактах и (или) явлениях);

— доступность (предполагает возможность адекватного восприятия интересующих следствие сведений, в том числе посредством использования соответствующих технических средств, которое не влечет их (сведений) последующее изменение) [7].

Вместе с тем, анализируя представленные выше критерии, сделаем оговорку, что, с нашей точки зрения, автор указанных критериев в определенной степени продублировал законодателя, который в ст. 88 УПК РФ определил достоверность как один из критериев допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве.

Теоретические изыскания в области уголовного процесса, посвященные электронным доказательствам, содержат в себе, кроме прочего, указания на обстоятельства, которые в определенных ситуациях могут оказывать подчас существенное влияние на оценку допустимости имеющихся в распоряжении правоохранительных органов доказательств рассматриваемого нами вида. К их числу относятся:

— неограниченный доступ к соответствующей электронной информации (данное обстоятельство предполагает возможность ее редактирования, замены либо уничтожения);

— многократный обмен соответствующей электронной информацией (такого рода обмен характерен между различными электронными устройствами (пользователями) и (или) соответствующими программами (приложениями) на такого рода устройствах (данное обстоятельство также предполагает возможность ее изменения, что в конечном счете вызывает сомнения в достоверности указанных сведений));

— возможность уничтожения электронной информации в случае выключения соответствующих электронных технических устройств и др. [8]

Кроме того, в специальной литературе высказывается мнение, что раз рассматриваемый нами вид доказательств характеризуется изменчивостью, то и использование их в процессе доказывания по уголовному делу представляется нецелесообразным, так как данная черта этих доказательств существенно снижает их значимость. Однако полагаем, что высказанная точка зрения грешит излишним скепсисом, а наличие электронных доказательств должно использоваться в установлении всех обстоятельств совершенного противоправного деяния, что, с одной стороны, в полной мере подтверждается судебной правоприменительной практикой, а с другой — отсутствием другого вида доказательств.

Здесь уместно вспомнить очень правильное утверждение, согласно которому любые следы преступного деяния дают намного больше сведений и намного ярче показывают механизм совершения преступления, нежели другие виды доказательств, например показания участников уголовного процесса. Представляется, что правильное компетентное обращение с рассматриваемыми электронными доказательствами, в частности в момент их обнаружения, изъятия и исследования, даст намного более криминалистически-значимой и доказательственной информации, а их источники, мы уверены в этом, будут восприниматься субъектами расследования более серьезно, так как гарантируют невозможность субъективного влияния на содержащиеся в них сведения.

Общеизвестно, что все источники доказательственной информации в любом случае характеризуются своими особенностями, в частности связанными с оценкой получаемых от них сведений. В настоящем исследовании считаем важным остановиться еще на одном мнении в теории уголовно-процессуального права, которое предполагает обязательное соотнесение имеющихся в распоряжении правоохранительных органов электронных доказательств со следующими критериями:

- аутентификации;
- идентификации;
- верифицируемости;
- воспроизводимости [9].

Указанные критерии должны быть использованы субъектом расследования в ходе изучения электронных доказательств, важна их конечная оценка в том числе в контексте решения вопроса об их допустимости для дальнейшего использования в качестве доказательств по уголовным делам.

Говоря об изучении допустимости как основополагающего критерия доказательства, а в нашем случае критерия электронного доказательства, используемого в уголовном судопроизводстве, представляется уместным определиться с вопросом возможного нарушения прав и законных интересов лиц в ходе изъятия и последующего изучения их переписки, которая, скорее всего, носит личный характер. Очевидно, что если такие действия субъекта расследования нарушают установленные требования закона, то доказательственная информация, полученная в результате исследования какого-либо электронного устройства, будет впоследствии признана недопустимой и потеряет статус доказательства по уголовному делу. Следовательно, возникает еще и вопрос проверки

субъектом доказывания факта соответствия требованиям закона действий по получению данной доказательственной информации.

В уголовно-процессуальной литературе, посвященной данной проблеме, говорится о том, что в ходе следственного осмотра электронного носителя информации, принадлежащего конкретному гражданину, очевидно, имеет место ущемление его конституционных прав и прав иных лиц, связанных с гарантией конфиденциальности личной переписки, а также иных сношений [10].

Для того чтобы разобраться в вышеуказанных вопросах, нужно обратиться за разъяснениями к высшим судебным инстанциям страны и проанализировать их ответы. Так, в своем определении «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 25 января 2018 г. Конституционный суд Российской Федерации однозначно указал на ущемление гарантированных Конституцией нашей страны таких прав гражданина, как тайна переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, что связано с действиями, которые по своей сути предполагают возможность доступа правоохранительных органов к сведениям, содержащим информацию о соединениях между абонентами, текстах их переписки, почтовых и иных сообщениях, в ходе производства таких следственных действий, как следственный осмотр, судебная компьютерно-техническая экспертиза изъятых абонентских устройств, без получения судебного решения¹.

Конституционный Суд, опираясь на положения Конституции нашей страны и уголовно-процессуальный закон, акцентировал внимание правоприменителя на цели производства вышеназванных следственных действий — обнаружение следов преступления, а также установление иных обстоятельств, имеющих значение для правильного и всестороннего разрешения уголовного дела по существу. Суд отметил, что проведение следственного осмотра и судебной экспертизы инфор-

мации, которая содержится в электронной памяти технических средств и является значимой для установления всех обстоятельств расследуемого уголовно наказуемого деяния, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения. И в связи с этим мы считаем правильным согласиться с мнением о том, что в ходе расследования преступления имеется противоречие между задачей раскрытия преступления, стоящей перед правоохранительными органами, и необходимостью соблюдения ими гарантированных законом прав участников уголовного судопроизводства, в отношении которых осуществляется такого рода деятельность [11].

Исходя из изложенного, сформулируем следующие выводы.

Электронные доказательства могут быть использованы в процессе доказывания по уголовному делу при условии их получения в строгом соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, регламентирующими те следственные действия, в результате производства которых данные сведения становятся достоянием субъекта расследования. Здесь же нужно отметить и то обстоятельство, что часто для производства следственных действий, результатом которых предполагается получение электронных доказательств, как правило, необходимо получение судебного решения, так как главным критерием определения степени соответствия действий уполномоченных лиц правоохранительных органов, производивших указанное следственное действие и получивших сведения, как правило, личного характера, требованиям законодательства, является их правомерное изъятие, предполагающее четкое следование всем требованиям уголовно-процессуального закона [12]. Другими словами, деятельность субъекта расследования по поиску и изучению электронных доказательств в ходе производства по уголовному делу должна быть надлежащим образом обоснована имеющимися фактическими данными и осуществлена в строгом соответствии с законом. Законность и обоснованность таких действий гарантируют признание получаемых доказательств рассматриваемой нами категории допустимыми.

В заключение отметим, что история человечества, так же как и история развития права, подлежит изменению в результате воздействия разных, но, тем не менее, неслучайных обстоятельств [13]. В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство уже испытывает на себе воздействие таких обстоятельств, определенных самим развитием общества, его движением вперед

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 189-О // Информ.-правовой портал «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/71875840/> (дата обращения: 18.03.2024).

к дальнейшему совершенству; уголовно-процессуальный закон столкнулся с неизбежностью переосмысления пока отдельных его положений, касающихся как самого процесса оценки получаемых в ходе производства тех или иных следственных действий доказательств, так и критериев оценки последних. Об этом явно свидетельствует, в частности, введение в судебно-следственную правоприменительную практику электронных доказательств, а также появление в теории уголовного-процессуального права данного феномена. Очевидно, назрела необходимость пересмотра имеющихся и выработки новых подходов к оценке получаемых доказательств. Общеизвестно, что неправильная оценка рассматриваемых нами новых видов доказательств и их «классических» видов, полученных в ходе деятельности правоохранительных органов, может повлечь не только ущемление конституционных прав граждан, но и гораздо более плачевные последствия, которые, с одной стороны, будут способствовать отрицательному отношению общества к праву, а с другой — дискредитировать государственную правоохранительную и судебную систему.

Следовательно, перед научным юридическим сообществом стоит задача чутко реагировать на изменения в жизни общества и своевременно, совместно с правоприменителями адаптировать научную мысль к требованиям времени и выработать новые теоретические знания, которые бы нашли свое выражение в отвечающих реалиям нормам права, регламентирующим в том числе особенности оценки электронных доказательств.

В результате тщательного рассмотрения содержания такого критерия оценки и использования

доказательств в уголовном процессе, как допустимость, применительно к новому виду — электронным доказательствам, а также требований, которым как представляется, должно соответствовать само процессуальное право, мы имеем возможность попытаться определить черты вышеуказанного условия оценки доказательств.

Представляется верным утверждение, что условие допустимости электронных доказательств — это законодательно закрепленный критерий, определяющий соответствие полученного в ходе осуществления предварительного расследования или судебного следствия по уголовному делу электронного доказательства требованиям, определенным законодателем, о надлежащем источнике получения доказательственной информации, а также способе и процессуальной форме ее получения, соблюдении процедуры проверки доказательств и установлении аутентичности, идентификации, верифицируемости и воспроизводимости такой информации [14].

Полагаем, что указанное определение показывает специфические черты, которые должны быть учтены субъектом расследования при оценке электронного доказательства. Нередкие случаи признания судами электронных доказательств недопустимыми доказательствами по уголовному делу подчеркивают актуальность исследуемой нами темы.

Кроме того, рассматриваемый критерий, учитывая его основополагающее значение и отсутствие в теории уголовно-процессуального права подходов к определению его сущности и содержания в уголовно-процессуальной деятельности субъекта доказывания, представляет собой особый интерес.

---

1. Терехин В. В. Допустимость доказательств в уголовном процессе (методологический, правовой, этические аспекты): дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2016. 510 с.

2. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Кнорус, 2008. 704 с.

3. Кипнис Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / отв. ред. П. А. Лупинская. Москва: Юрист, 1995. 127 с.

4. Воронин М. И. Недопустимая допустимость электронных доказательств. Судебная практика и пробелы в УПК // Уголовный процесс. 2020. № 10. С. 46—55.

5. Клевцов К. К. Переписка в мессенджерах как доказательство. Способы получения и

---

1. Terekhin V. V. Admissibility of evidence in criminal proceedings (methodological, legal, ethical aspects). Dissertation of doctor of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2016: 510. (In Russ.).

2. Smirnov A. V., Kalinovskiy K. B. Criminal procedure: textbook. Ed. by A. V. Smirnov. 4th ed., rev. and add. Moscow: Knorus; 2008: 704. (In Russ.).

3. Kipnis N. M. Admissibility of evidence in criminal proceedings. Resp. ed. P. A. Lupinskaya. Moscow: Jurist; 1995: 127. (In Russ.).

4. Voronin M. I. Inadmissible admissibility of electronic evidence. Judicial practice and gaps in the Criminal Procedure Code. Criminal procedure, 46—55, 2020. (In Russ.).

5. Klevtsov K. K. Correspondence in instant messengers as evidence. Methods of obtaining and registration. Criminal procedure, 42—45, 2020.

оформления // Уголовный процесс. 2020. № 10. С. 42—45.

6. Янин М. Г., Кочедыкова К. М. Проблемы сбора, проверки и оценки электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Управление в современных системах. 2019. № 2 (22). С. 28—31.

7. Балашова А. А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2020. 216 с.

8. Желева О. В. К вопросу о понятии электронных доказательств и критериях допустимости их использования // Уголовная юстиция. 2021. № 17. С. 44—49.

9. Зуев С. В. О современной концепции развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве (РИТВУС) // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 618—629.

10. Хисматуллин И. Г. Проблемные вопросы допустимости электронных доказательств в уголовном процессе России // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 65-2. С. 136—139.

11. Хайдаров А. А. Незаконная практика фиксации личной переписки граждан на мобильных устройствах // Уголовный процесс. 2017. № 5. С. 36—41.

12. Гаас Н. Н. Осмотр изъятого мобильного устройства: проблемы правоприменения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 4. С. 28—32.

13. Поляков М. П. Доказательства и цифровая запись в уголовном процессе: ожидание волшебства // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. — № 1 (49). С. 229—231.

14. Количенко А. А. Допустимость электронных доказательств в современном уголовном процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (95). С. 80—85. (In Russ.).

6. Yanin M. G., Kochedykova K. M. Problems of collecting, examining and evaluating electronic evidence in criminal proceedings. Management in modern systems, 28—31, 2019. (In Russ.).

7. Balashova A. A. Electronic storage media and their use in criminal procedural proving. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2020: 216. (In Russ.).

8. Zheleva O. V. On the issue of the concept of electronic evidence and the criteria for their use admissibility. Criminal justice, 44—49, 2021. (In Russ.).

9. Zuev S. V. About the contemporary concept of development of information technologies in criminal prosecution (RITVUS). Perm legal almanac, 618—629, 2019. (In Russ.).

10. Khismatullin I. G. Problematic issues of admissibility of electronic evidence in the criminal process of Russia. Trends in the development of science and education, 136—139, 2020. (In Russ.).

11. Khaidarov A. A. Illegal practice of recording personal correspondence of citizens on mobile devices. Criminal procedure, 36—41, 2017. (In Russ.).

12. Gaas N.N. Inspection of a seized mobile device: problems of law enforcement. Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 28—32, 2019. (In Russ.).

13. Polyakov M. P. Evidence and digital writing in criminal proceedings: waiting for magic. Legal science and practice: journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 229—231, 2020. (In Russ.).

14. Kolichenko A. A. Admissibility of electronic evidence in modern criminal proceedings. Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii, 80—85, 2022. (In Russ.).

Квасница Сергей Евгеньевич,

профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент; kvasnitsa1313@mail.ru

Kvasnitsa Sergey Yevgenievich,

professor at the department of preliminary investigation of educational and scientific complex for preliminary investigation in the law enforcement bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent; kvasnitsa1313@mail.ru

Бирюков Святослав Юрьевич,
доцент кафедры процессуального права
и криминалистики Волгоградского
государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент;
Bir.slav@yandex.ru

Biryukov Svyatoslav Yurievich,
associate professor at the department
of procedural law and criminalistics
of the Volgograd State University,
candidate of juridical sciences, docent;
Bir.slav@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 20.04.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 15.04.2024; approved after reviewing 20.04.2024; accepted for publication 14.05.2024.

* * *

УДК 343.13

**ГЕНЕЗИС (КОНСТРУКЦИЯ), КОНСЕРВАЦИЯ, ВЫЯВЛЕНИЕ
И ИСПРАВЛЕНИЕ (ДЕКОНСТРУКЦИЯ) ОШИБОК,
ДОПУЩЕННЫХ СУБЪЕКТАМИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
(ДЕТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)
(ЧАСТЬ 2)**

Никита Александрович Колоколов

Московский университет имени А. С. Грибоедова, Московский педагогический государственный университет, журнал «Уголовное судопроизводство», журнал «Мировой судья», Москва, Россия, nikita_kolokolov@mail.ru

Аннотация. В статье, состоящей из трех частей, исследуется общая система конструкции, консервации, выявления и деконструкции следственных, прокурорских и судебных ошибок. В рамках данной публикации автор придерживается признаваемой большинством теоретиков процесса позиции, согласно которой любая из вышеперечисленных ошибок — не более чем рядовое добросовестное заблуждение конкретного должностного лица, судебного состава в сборе и оценке доказательств, а также в применении норм материального и процессуального права. Автор, опираясь на обширную практику различных судебно-контрольных инстанций, а также личный опыт, утверждает, что четверть ошибок, допускаемых субъектами уголовного процесса, обусловлена их крайне низкой квалификацией. В то же время констатируется, что природа оставшихся трех четвертей процессуальных ошибок кроется в основном в глубинах процессуального усмотрения этих субъектов. Критерием истины в процессе выявления, исправления процессуальных ошибок автор считает итоговые решения самых высших судебных инстанций (Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации). Вместе с тем признается тот факт, что указанные инстанции время от времени могут принимать взаимоисключающие решения. Все суждения и умозаключения автора иллюстрируются посредством детального анализа конкретных судебных решений.

Ключевые слова: процессуальная (следственная, прокурорская и судебная) ошибка, конструкция процессуальных ошибок, консервация судебных ошибок, выявление судебных ошибок, деконструкция судебных ошибок, критерий истинности; судебная ошибка и результаты судебного (судейского) усмотрения — парная категория в процессуальном праве

Для цитирования: Колоколов Н. А. Генезис (конструкция), консервация, выявление и исправление (деконструкция) ошибок, допущенных субъектами уголовного процесса (детальный анализ судебной практики) (часть 2) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 112—122.

**GENESIS (CONSTRUCTION), PRESERVATION,
IDENTIFICATION AND CORRECTION (DECONSTRUCTION)
OF ERRORS MADE BY SUBJECTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS
(DETAILED ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE)
(PART 2)**

Nikita Alexandrovich Kolokolov

A. S. Griboyedov Moscow University, Moscow Pedagogical State University, "Criminal Justice" journal, "Justice of the Peace" journal, Moscow, Russia, nikita_kolokolov@mail.ru

Abstract. The general system of construction, preservation, identification and deconstruction of investigative, prosecutorial and judicial errors is examined in the article, consisting of three parts. Within this publication, the author shares the position recognized by the majority of criminal proceedings theorists. According to it any of

the mentioned above errors is nothing more than an ordinary honest misconception / error of a specific official, the judicial staff while collecting and assessing evidence, as well as applying substantive and procedural rules of law. Based on the extensive practice of various judicial control authorities, as well as personal experience, the author argues that a quarter of the errors made by subjects of criminal proceedings is due to their extremely low qualifications. At the same time, it is stated that the nature of the remaining three-quarters of procedural errors lies mainly in the depths of the procedural discretion of these subjects. The author considers the final decisions of the highest courts (the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation) to be the criterion of truth while identifying and correcting procedural errors. At the same time, it is recognized that from time to time these mentioned authorities may take mutually exclusive / antagonistic decisions. All the author's judgments and conclusions are illustrated by a detailed analysis of specific court decisions.

Keywords: procedural (investigative, prosecutorial and judicial) error, construction of procedural errors, preservation of judicial errors, identification of judicial errors, deconstruction of judicial errors, criterion of truth; judicial error and results of judicial discretion as a category in procedural law forming a pair

For citation: Kolokolov N. A. Genesis (construction), preservation, identification and correction (deconstruction) of errors made by subjects of criminal proceedings (detailed analysis of judicial practice) (part 2). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 112—122, 2024. (In Russ.).

12. Деконструкция процессуальных ошибок

12.1. Цели уголовной политики

Это только принято считать, что цели уголовной политики вообще-то предельно просты и понятны всем и каждому (вор должен сидеть в тюрьме¹). Хотя речь идет о чем-то очевидном, для многих специалистов уголовная политика — нечто одновременно очевидное и загадочное [1]. Вместе с тем никогда не следует забывать народную мудрость: «Простота хуже воровства». Не случайно профессор Л. В. Головкин в своей книге «Государство и уголовное судопроизводство» пишет: «...если сегодня и есть в уголовно-процессуальной науке что-то по-настоящему актуальное, то это проблема государства и его роли в организации и функционировании судопроизводства» [2, с. 5].

Если учесть, что по данной проблеме на рубежах сначала XIX—XX вв. [3; 4, с. 5, 17, 21, 27, 29, 31, 32], а затем XX—XXI вв. [5] было написано более чем достаточно, то констатируем: в понимании конкретных целей уголовного процесса, которые рядовому правоприменителю приходится разрешать, наука нисколько не продвинулась.

12.2. «Беспомощное государство»

Мы уже неоднократно писали, что уголовно-правовые возможности государства (объект, который изолировать ни одному исследователю пока не удавалось [6, с. 22—23]), ввергнутого действиями своих собственных граждан в постпреступный синдром, невелики. Профессор В. В. Лунеев

(1932—2022) любил спрашивать читателя, что следует сделать в случае кражи ценной вещи в изолированной аудитории: 1) «всех обыскать, найти предмет и виновного» или 2) «расследовать дело в течение многих месяцев и ничего не найти» [7, с. 40].

Уважаемый профессор лукавил (подмена основания в споре): подвергнуть всех присутствующих полному обыску можно, унизив тем самым всех и каждого. Возможно, и найдется искомая вещь, а вот что касается выявления виновного, то надежда на успех рискует так и не превратиться в реальность, так как опытный воришка всегда найдет способ своевременно избавиться от краденного.

Вспомним образ Кирпича все из того же кинофильма «Место встречи изменить нельзя». Чтобы изобличить хорошо известного всем оперативникам карманного вора, главный герой картины — капитан милиции Глеб Жеглов вынужден идти на дерзкую и явно незаконную конструкцию, именуемую в уголовном праве фальсификацией: подбрасывает Кирпичу предмет кражи (кошелек) в карман.

Глеб Жеглов в своей одержимости поймать преступника любой ценой далеко не одинок. Будем надеяться, что, также добросовестно заблуждаясь, полковник полиции Г. (официально исходил из ложно понимаемых интересов службы) последовательно подбрасывал сити-менеджерам Смоленска один и тот же «входной билет» на участие в благоустройстве города (пакет с 5 000 000 руб.), после чего от изобличенных таким образом чиновников требовалось нести деньги дальше, включая губернатора. Запущенный Г. механизм провокации заработал без сбоев, испуганные

¹ Воспринимаемая на ура большинством населения фраза-лозунг главного героя сотрудника МУРа, капитана милиции Г. Жеглова из популярного сериала «Место встречи изменить нельзя».

сотрудники администрации, спеша оказать «содействие» органам правоохраны, безропотно несли деньги дальше. Один только глава города отказался участвовать в этом фарсе, деньги губернатору не понес, за что в отличие от двух первых лиц и реально пострадал физически, длительное время дожидаясь решения свой участи в СИЗО. Осуждение С.¹ — руководителя Г. за аналогичные действия позволило наконец-то привлечь Г. к уголовной ответственности и наказать его (пусть и не с первого раза) по закону².

13. Конструкция и деконструкция — парная совокупность

Официальному уголовному судопроизводству известна прямо предусмотренная Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) парная совокупность двух взаимоисключающих направлений процессуальной деятельности. Первое из них основное, желательное, целевое — конструкция (от лат. *constructio* — сооружение) обвинения. Второе, также официальное, — деконструкция (от лат. *deconstruction* — разрушение, ломка) обвинения, которое проявляется в форме отмены (полностью или в части). Отмена обвинительного приговора за отсутствием события преступления, за отсутствием состава преступления в действиях конкретного лица — очевидный брак в работе органов предварительного расследования, прокуроров и судей.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что в процессе деконструкции обвинения судебно-контрольным инстанциям, как правило, удается выявить момент зарождения следственных, прокурорских и судебных ошибок. К анализу проблем, связанных с явным злоупотреблением процессуальными правами [8], грубой умышленной фальсификацией уголовных дел [9; 10], мы отсылаем читателя к некоторым нашим предыдущим публикациям.

14. «Отделить зерна от плевел»

На первом месте в генезисе процессуальных ошибок стоит отсутствие у конкретных представителей юридической профессии надлежащего знания уголовного закона и практики его применения.

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. №5-АПУ17-103сс // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2017 г.

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 апреля 2017 г. № 36-АПУ17-10сс // Там же.

На втором месте исследователи обнаруживают отсутствие у правоприменителя умения «отделить зерна от плевел»: преступное от непроступного (ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее — УК РФ). Наконец, на третьем месте отсутствие у правоприменителей навыков в расследовании нетипичных, редких, уникальных составов преступлений.

Отсутствие необходимых знаний о преступлении вообще объясняется явно неудовлетворительной работой высшей школы. На 90-е гг. прошлого столетия пришелся бум ее развития. Массовой подготовкой юристов занялись неспециализированные учебные заведения, заведомо не имевшие необходимой совокупности преподавательских мощностей, кафедры возглавили лица, не обладающие ни крайне необходимой теоретической подготовкой, ни обязательными теоретическими знаниями. Ожидать, что правоприменитель разберется в мало-мальски сложной ситуации, не приходится.

15. Нотариус — жертва юридической безграмотности

11 декабря 2006 г. прокурором Пролетарского района г. Тулы в отношении нотариуса С-ной был возбужден ряд уголовных дел по признакам преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159, ч. 1 ст. 202 и ст. 292 УК РФ, которые расследовались до 17 декабря 2007 г., пока не были прекращены ввиду «исчерпания всех возможных способов для собирания дополнительных доказательств виновности нотариуса С-ной»³, за которой в соответствии со ст. 134 УПК РФ признали право на реабилитацию.

Причина длительной следственно-прокурорской «суеты» (предварительным расследованием назвать их работу просто невозможно) — отсутствие у должностных лиц необходимой суммы знаний о процедурах нотариальной деятельности [11].

16. В деле предпринимателя смог разобрататься только Президиум Верховного Суда Российской Федерации

Уголовное дело в отношении Ф., прекращенное постановлением Президиума Верховного Суда РФ⁴, — наглядное свидетельство того, что в орга-

³ Постановление следователя по особо важным делам следственного отдела по городу Тула следственного управления Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Тульской области юрист о прекращении уголовного преследования от 17 декабря 2007 г. Материалы уголовного дела № 05-1-0982-2006

⁴ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2017 г. № 227-П17 // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2017 г.

нах предварительного расследования, прокуратуре и судах отсутствует достаточное количество специалистов, которые смогли бы своевременно дать надлежащую оценку правоотношениям в сфере предпринимательской деятельности [12].

Аналогичные ошибки были допущены и в отношении другого предпринимателя, уголовное дело которого было прекращено Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ¹ [13].

17. Прийти к единому знаменателю?

Пусть и крайне редко, но в практике встречаются случаи, когда самые высшие судебные инстанции по одному делу выносят сначала одно судебное решение², которое тут же отменяется их следующим актом³. Нами подробно описана как данная уникальная ситуация [14], так и одновременное автономное существование в высшем судебном органе государства двух взаимоисключающих судебных решений: софизм вместо категорического силлогизма [15].

18. «Даурский курьез»

Чтобы не портить статистику, спорное процессуальное действие могут просто перенести на следующий календарный год. Незаконно приостановленные дела могут «висеть» десятилетиями, и только запоздалая попытка их незаконного прекращения по нереабилитирующим основаниям деконструирует «карточный домик» идеальной статистики.

Уголовное дело в отношении П. и других органами внутренних дел на транспорте возбуждено 30 октября 1993 г., производство по нему приостановлено уже 31 декабря 1993 г., а 31 июля 2014 г. в деле появилось постановление о его прекращении. Данным документом втайне от участников процесса (формально обвиняемых) начальник следствия перед выходом на пенсию попытался по нереабилитирующим основаниям прекратить

уголовное дело в отношении П. Заинтересованные лица об акте этого процессуального произвола узнали лишь в 2018 г. и сразу же обжаловали явно незаконное следственное решение прокурору. Заместитель Даурского транспортного прокурора нарушений в действиях поднадзорного ему органа предпочел не выявлять (еще бы, где он был 28 лет?) и постановлением от 12 апреля 2018 г. в удовлетворении жалобы отказал. Справедливость в отношении П. восторжествовала, как только надзорные органы уяснили, что шила в мешке не утаить, факт игнорирования ими норм права получил самую широкую огласку [16].

Впрочем, обвинение, не выдерживающее никакой критики, иногда «толкают» в суд в надежде, что тот «разберется». Результаты такого разбора могут, по крайней мере на первоначальном этапе, следствие и удовлетворить (вышеприведенный пример: дело Смоленских сити-менеджеров), а могут и огоршить (пример оправдания егеря М. Мурманским областным судом⁴) [17; 18].

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что органы предварительного расследования, прокуратуры и в некоторых случаях нижестоящие суды не имеют надлежащего представления о действительности либо таковое лишено глубины (тривиально), а то и вовсе навязано репрессивной энергией органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность.

Анализ конкретных примеров из судебной практики позволяет уяснить, как процессуальные ошибки зарождаются, эволюционируют и консервируются, в том числе какова роль в появлении данных негативных процессов некоторых адвокатов [19; 20].

19. Волгоград: а был ли мальчик?

В подзаголовок вынесено устойчивое выражение русского языка, означающее сомнение говорящего в самом факте существования предмета обсуждения⁵.

⁴ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 34-АПУ17-1сп от 9 февраля 2017 г. // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2017 г.

⁵ В российской литературе принято считать, что данная фраза родом из романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина» (часть 1), впервые напечатана в 1927 г. «Да был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?». По тексту книги этот вопрос был задан главному герою персонажем, не верящим в то, что мальчик утонул во время катания на коньках. Некоторые литературные критики образ мальчика выводят из исторической драмы «Борис Годунов» А. С. Пушкина (1825).

¹ Постановление заместителя Председателя Верховного Суда РФ В. А. Давыдова об отмене постановления судьи и передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции от 17 марта 2016 г. № 31-УД16-3; Постановление президиума Верховного суда Республики Чувашия от 21 мая 2016 г. № 44-У-26/16, которым все состоявшиеся по делу судебные постановления были отменены, а уголовное дело направлено на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции.

² Постановление Президиума Верховного Суда РФ о возобновлении производства по делу ввиду новых обстоятельств от 5 декабря 2018 г. № 126-П18 // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2018 г.

³ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2017 г. № 227-П17 // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2017 г.

19.1. Похищение человека (*kidnapping*)

Похищение человека (*kidnapping*) — это всегда противоправные умышленные действия, направленные на тайное или открытое (в том числе путем обмана) перемещение человека в какое-то определенное место с последующим его там удержанием (ст. 126 УК РФ). Основной мотив таких похитителей — корысть, конечная цель — получение выкупа от родственников похищенного, различных организаций, а то и самого государства.

19.2. Умысел на хищение ребенка у осужденного отсутствовал

По приговору суда Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа от 29 мая 2006 г. П. был осужден по п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ к 13 годам лишения свободы.

В кассационных жалобах осужденный утверждал, что умысла на похищение ребенка у него не было.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ (далее — Судебная коллегия) установила, что П. вместе с Г. и ее малолетним сыном пришел к матери П. Когда Г. уснула, П. взял ее сына на руки, вышел из квартиры, заперев дверь на ключ и лишив тем самым мать мальчика возможности догнать его. Поднимаясь по лестнице в подъезде своего дома, пребывающий в состоянии алкогольного опьянения П. споткнулся и упал на ребенка, чем причинил последнему смерть по неосторожности.

Правильно установив действия П., суд дал им ошибочную юридическую оценку. Судебная коллегия приговор изменила, переквалифицировав действия осужденного на ч. 1 ст. 109 УК РФ, по которой ему назначено два года лишения свободы в колонии-поселении¹ [21].

19.3. Суд нашел умысел

По приговору Ленинского районного суда г. Тюмени по п. «д» ч. 2 ст. 126 УК РФ осуждена С., которая, будучи в состоянии алкогольного опьянения, «укатила» от магазина детскую коляску с чужим ребенком. Буквально через пару минут мать последнего догнала С., забрала у нее коляску с ребенком. Будучи допрошенной по существу обвинения, С. заявила, что она своим поведением хотела наказать мать ребенка за то, что та оставила коляску без присмотра.

Что осужденная собиралась делать с похищенным ребенком, ни органы предварительного расследования, ни суд устанавливать не стали. Дело

«спустили на тормозах», назначив С. наказание в пять лет лишения свободы с применением ст. 73 УК РФ².

19.4. Фабула дела

2 июля 2019 г. М. — владелец домовладения, расположенного в х. Водянский Октябрьского района Волгоградской области, договорился с К. — лицом без определенного места жительства о том, что последний будет ему «помогать по строительству». М. поселил К. в своем домовладении, накормил и угостил его спиртным. После этого К. «потянуло на приключения»: совместно с трехлетним сыном М. — Х. — он ушел за пределы хутора.

19.5. Версия обвинения

Согласно версии обвинения, К. «добровольно написал явку с повинной», в которой указал, что похитил малолетнего Х. в целях получения от М. выкупа в размере от 10 000 руб. до 100 000 руб.

19.6. Версия К.

От своих слов, зафиксированных в явке с повинной, К. сразу же отказался и заявил, что был вынужден себя оговорить, так как его избил сотрудник полиции. Рентгенография выявила у К. (в данном случае потерпевшего) перелом двух ребер. Факты избия К. сначала М., а затем и сотрудниками полиции были зарегистрированы в книге учета сообщений о преступлениях.

19.7. Первый приговор

Опираясь фактически только на явку с повинной К., органы предварительного расследования выдвинули исключительно смелую версию, согласно которой последний из корыстных побуждений похитил малолетнего, поэтому содеянное виновным было квалифицировано по пп. «д», «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ.

В нарушение закона суд первой инстанции, признавая наличие корыстного мотива в действиях К., не только сослался на показания работников полиции о похищении К. ребенка в целях последующего выкупа, но и, признавая авторитет органов дознания и предварительного расследования, утвердил в приговоре выкуп пусть и не 100 000 руб., но в размере 10 000 руб. Таким образом, за совершение преступления, по приговору Октябрьского районного суда Волгоградской области от 17 апреля 2020 г., К. осужден к шести годам лишения свободы³.

¹ Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2006 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 9. С. 30.

² Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 29 сентября 2017 г. № 1-863/2017 // Электронный архив Ленинского районного суда г. Тюмени за 2017 г.

³ Приговор Октябрьского районного суда Волгоградской области от 17 апреля 2020 г. № 1-3/2020.

Позволим себе высказать суждение: определи Октябрьский суд наказание К., как то сделал в вышеуказанном случае судья Ленинского районного суда г. Тюмени в отношении С., примени к осужденному ст. 73 УК РФ, о деле К. никто бы никогда не услышал.

19.8. Исследуем доводы осужденного о его невиновности

Не веря в объективность Волгоградской апелляции, осужденный обжаловал приговор только в кассационном порядке. Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции (далее — КСОЮ № 4) от 30 июня 2021 г. приговор в отношении К. был оставлен без изменения.

19.9. Объективно установлено

В то же время анализ материалов уголовного дела в отношении К. позволяет сделать вывод: бесспорно доказано лишь то, что он шел куда-то с мальчиком. Данный факт осужденный никогда не отрицал, излагал свою версию событий: попросил ребенка показать, где продают самогон.

Несмотря на это, органы предварительного расследования, прокурор, поддерживавший обвинение, а затем и суд пришли к однозначному выводу, что осужденным мог двигать только корыстный мотив. Что касается механизма истребования названных выше сумм К. с М., то прояснить данный вопрос никто из вышеперечисленных субъектов уголовно-процессуального доказывания даже и не пытался.

В связи с этим примечательны два обстоятельства. Во-первых, следователи территориального отдела СК РФ выезжать на анализируемое в статье преступление не спешили, объясняя это тем, что в содеянном К., который только куда-то шел с мальчиком, ничего преступного они не усматривают. Следователи СК РФ делом К. заинтересовались лишь тогда, когда сотрудники полиции представили им явку последнего с повинной.

Во-вторых, в суде было установлено, что даже в отдаленной перспективе у К. совершенно отсутствовал механизм истребования денег от М., поскольку:

1) у осужденного на примете не было места, в котором он мог бы на какое-то время спрятать «похищенного» ребенка;

2) не имелось также у К. никаких защищенных каналов связи с М.

Общее правило: если похищение человека сопряжено с требованием передачи чужого имущества (права на него), совершением других действий имущественного характера, то действия виновного квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ,

но и одновременно по соответствующим пункту и части ст. 163 УК РФ. Органы предварительного расследования об этом прекрасно знали, поэтому, следуя данному общему правилу, добросовестно оценили действия К. на предмет наличия в них признаков вымогательства. Не обнаружив таковых, 11 октября 2019 г. по данному факту, ссылаясь на п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о вымогательстве» от 17 декабря 2015 г. № 56, вышеупомянутые органы вынесли постановление об отказе в возбуждении уголовного дела¹, которое торпедировало базовую версию о похищении ребенка в целях вымогательства.

19.10. Первые «метания» государственного обвинителя

Полное отсутствие доказательств наличия у К. корыстного умысла подвигло государственного обвинителя по итогам судебного разбирательства подать апелляционное представление, в котором он указал, что выявленного следствием корыстного мотива в действиях К. нет, следовательно, п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ из осуждения последнего должен быть исключен. Поскольку осужденный не решился обжаловать приговор в апелляционном порядке, вышеозначенный документ прокурором в конечном итоге был отозван². Ясное дело, кто будет рубить сук, на котором он сидит, ибо исключение из объема гипотетического требования денег в будущем ставило жирный крест на всем комплексе мотивов в деянии К.

19.11. Факт применения насилия к К. установлен

Примечательно и то, что по фактам причинения сотрудниками полиции телесных повреждений К., а также оказания ими на него психологического давления своевременно были проведены многочисленные ведомственные и вневедомственные проверки с подключением сотрудников ФСБ, СК РФ и даже заместителя прокурора Волгоградской области. Подозреваемых в причастности к нарушению норм права в отношении задержанного К. даже подвергли испытаниям на детекторе лжи³.

¹ Постановление старшего следователя первого отдела по расследованию особо важных дел Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Волгоградской области от 11 октября 2019 г.

² Апелляционное представление государственного обвинителя — заместителя прокурора Октябрьского района Волгоградской области от 23 апреля 2020 г. № 12-58-2020.

³ Заключение служебной проверки, проведенной в отношении сотрудников Отделения МВД России по Октябрьскому району от 2 сентября 2019 г., утвержденное начальником ГУ МВД по Волгоградской области.

В материалах уголовного дела можно найти очень много поучительного, однако применительно к теме фальсификации материалов доследственной проверки нас предметно интересует только один документ: постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенного старшим следователем 1-го отдела по расследованию особо важных дел СУ СК РФ по Волгоградской области от 19 сентября 2019 г. А если более конкретно, то:

— на видеозаписи с камеры наблюдения, изъятой из ОМВД, зафиксированы следующие действия начальника участковых Г.: толкает К. левой ногой, а затем правой толкает его же в область лица;

— Г. совершение данных действий признал, однако заявил, что они явились ответом на нецензурную брань К. в его адрес.

Ниже из текста названного постановления следует, что проверка в отношении Г. проводилась в связи с подозрением о наличии в его действиях преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, т. е. действий, явно выходящих за пределы компетенции конкретного должностного лица, однако выяснилось, что эти его «толчки», объективно зафиксированные камерой, во-первых, имели место во внеслужебное время последнего, во-вторых, сам Г. в это время был в шортах и шлепанцах, в-третьих (и это главное), они явились ответом на противоправное поведение самого К.

С учетом совокупности приведенных суждений старший следователь пришел к умозаключению, что факт причинения Г. побоев К. бесспорен, однако сделал он это не как офицер полиции, а как частное лицо на почве личной неприязни, поэтому действия виновного следует квалифицировать по ст. 116 УК РФ¹.

Ничего особо предосудительного в действиях Г. не увидели и лица, проводившие ведомственную проверку. В заключении отмечено, что за содеянное он предупрежден².

Необходимо ли данные документы, в первую очередь постановление следователя, расценивать как форму фальсификации материалов доследственной проверки — судить читателю. Во всяком случае, судья Верховного Суда РФ, рассмотрев

кассационную жалобу осужденного К., счел необходимым подвергнуть критическому анализу все процессуальные решения по данному уголовному делу³.

19.12. Позиция Судебной коллегии

Уголовное дело в отношении К. в порядке выборочной кассации было рассмотрено в судебном заседании Судебной коллегией. Участвующий в процессе прокурор Генеральной прокуратуры РФ сразу же поддержал первоначальную позицию своего коллеги — государственного обвинителя и поставил вопрос об исключении из осуждения К. п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ.

Отменяя определение КСОЮ № 4, Судебная коллегия констатировала, что судом «первой» кассационной инстанции нарушены ч. 3 ст. 401.14, чч. 3 и 4 ст. 389.28 УПК РФ. Доводы кассационной жалобы в судебном решении изложены в самом обобщенном виде, без указания конкретных обстоятельств дела, на которые ссылался осужденный, а доводы, содержащиеся в дополнениях к кассационной жалобе, не приведены вовсе.

В частности, не указано, что явка с повинной и первоначальные объяснения К. были с нарушением его процессуальных прав, в отсутствие адвоката. Указание в приговоре о том, что он похитил ребенка, опровергаются показаниями свидетелей и видеозаписями, из которых видно, что ребенок шел сам, впереди него (К.). Не было дано оценки утверждениям К. о том, что он себя оговорил в результате примененного к нему насилия сотрудниками полиции, у него были зафиксированы переломы ребер.

Вопреки требованиям уголовно-процессуального закона в определении суда кассационной инстанции указано, что доводы и жалобы осужденного с изложением собственной оценки доказательств не подлежат рассмотрению, поскольку предметом производства в суде кассационной инстанции является законность приговора.

В определении КСОЮ № 4 также указано, что обстоятельства, при которых К. совершил преступление, подтверждаются совокупностью допустимых и достоверных доказательств, собранных на предварительном следствии, надлежащим образом исследованных в судебном заседании. Корыстный мотив преступления установлен верно. Никакого давления со стороны сотрудников полиции на К. оказано не было. При таких обстоятельст-

¹ Постановление старшего следователя первого отдела по расследованию особо важных дел Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Волгоградской области от 12 сентября 2019 г.

² Заключение служебной проверки, проведенной в отношении сотрудников Отделения МВД России по Октябрьскому району, от 2 сентября 2019 г., утвержденное начальником ГУ МВД по Волгоградской области.

³ Постановление судьи Верховного Суда РФ Кочина И. Г. о передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции от 28 января 2022 г. № 16-УД21-32-К4 // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2022 г.

вах решение КСОЮ № 4 отменено с передачей дела на новое кассационное рассмотрение¹.

19.13. КСОЮ № 4 прислушался к мнению вышестоящей инстанции

Кассационным определением КСОЮ № 4 приговор в отношении К. отменен, дело направлено в тот же суд на новое судебное разбирательство.

19.14. Второй приговор — оправдательный

С участием того же обвинителя, что и в 2020 г., Октябрьский районный суд, рассмотрев дело во второй раз 1 августа 2022 г., постановил в отношении К. оправдательный приговор. Незаконно отбывший к этому моменту три года в заключении оправданный из-под стражи был освобожден, за ним было признано право на реабилитацию².

Мотив оправдания? Полное отсутствие доказательств виновности К. как в похищении ребенка, так и в намерении требовать выкуп, поскольку и по первому, и по второму элементу обвинения суд первой инстанции в 2020 г. располагал только словами сотрудников полиции, которые свидетелями быть не могут.

19.15. Вторые «метания» государственного обвинителя и позиция апелляции

Прокурор, который поддерживал обвинение по делу К. в 2020 г. и не без оснований сомневался в законности и обоснованности приговора (тогда представление им было отозвано, скорее всего, ввиду отсутствия апелляционной жалобы), не только уверенно поддержал обвинение, но и принес на приговор апелляционное представление.

Определением суда второй инстанции в удовлетворении данного преставления было отказано³. Мотив: доказательств вины К. — не то что в намерении получить хоть какой-то выкуп за мальчика, но в похищении — нет. Рассматривая дело во второй раз, суд первой инстанции привел в приговоре показания свидетелей, которые пояснили, что ребенок весело болтал с «дядей К.» и шел «вприпрыжку».

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 февраля 2022 г. № 16-УД21-32-К4 // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2022 г.

² Приговор Октябрьского районного суда Волгоградской области от 1 августа 2022 г. № 1-55/2022 // Электронный архив Октябрьского районного суда Волгоградской области за 2022 г.

³ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда от 20 сентября 2022 г. № 22-3779/2022 // Электронный архив Волгоградского областного суда за 2022 г.

19.16. Еще не вечер...

Оправдание К. — безусловно, удар по авторитету прокуратуры, которая оказалась не в состоянии сразу же разобраться в самом элементарном деле, а именно:

1) прокуроры не смогли «отделить зерна от плевел», понять, что доказательства допустимые отличаются от таковых, данным важным свойством не обладающих, так как изначально было видно, что явка с повинной у К. отобрана с нарушением ст. 51 Конституции РФ, а сумму выкупа придумали сами сотрудники полиции;

2) прокуроры в силу каких-то причин прекратили расследование факта причинения К. телесных повреждений, согласились на перевод данного публичного конфликта в разряд частных.

Признать свои ошибки прокуратура не спешит, поэтому, обращаясь с кассационным представлением в первый раз, заместитель прокурора Волгоградской области пишет, что судам следовало бы руководствоваться не только законом, но и совестью, ибо в законодательстве нет ни одной нормы, на основании которой можно считать разрешенными действия, когда чужой человек отводит в неизвестном направлении за несколько километров от дома ребенка без ведома его родителей.

Первый заместитель прокурора Волгоградской области на второй приговор Октябрьского районного суда и апелляционное определение Волгоградского областного суда в КСОЮ № 4 принес кассационное представление, в котором, не вдаваясь в анализ мотивов К., ничего не упоминая про сумму выкупа, просил реабилитировать К. судебные постановления отменить, дело возратить в первую инстанцию.

КСОЮ № 4 рассмотрел данное представление в отсутствие стороны защиты (очевидно, что участие в процессе адвоката по назначению по видеосвязи таковым назвать крайне трудно), сделав упор на данные о личности К., полностью выполнит «указание» прокурора: отменил оба обжалуемых судебных решения, избрав в отношении подсудимого меру пресечения в виде заключения под стражу, поручил прокурору организовать розыск К.⁴

При таких обстоятельствах вопрос о том, а был ли мальчик, все еще открыт...

*(Окончание статьи
в следующем номере журнала.)*

⁴ Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Четвертого КСОЮ от 20 апреля 2023 г. № 77-1417/2023 // Электронный архив Четвертого КСОЮ за 2023 г.

1. Колоколов Н. А. Уголовная политика: загадочная очевидность. Москва: Юрлитинформ, 2014. 114 с.
2. Головкин Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство. Москва: Городец, 2022. 458 с.
3. Тагер А. С. О предмете и пределах науки об уголовном суде // Право и жизнь / под ред. А. М. Винавера, М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина. Москва, 1924. С. 50—74.
4. Полянский Н. Н. Цель уголовного процесса. Ярославль: [Тип. Ярославского кредитного союза кооперативов], 1919. 36 с. Оттиск из «Сборника Ярославского государственного университета».
5. Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. Москва: Юрист, 2003. 352 с.
6. Стоилов Я. Принципы права: понятие и применение. Москва: Проспект, 2023. 312 с.
7. Лунеев В. В. Очерк 1. Проблемы уголовного права и других наук криминального цикла // Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сборник очерков / под ред. В. В. Лунеева. Москва: Юрайт, 2010. С. 15—52.
8. Колоколов Н. А. Злоупотребление уголовно-процессуальным правом: анализируем следственную и судебную практику // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 128—141.
9. Колоколов Н. А. Как следствие маскировало незаконное получение признательных показаний // Уголовный процесс. 2021. № 12. С. 58—63.
10. Колоколов Н. А. Фальсификация материалов уголовного дела: вопросы теории, анализ судебной практики // Российский правовой журнал. 2021. № 4 (9). С. 104—109.
11. Колоколов Н. А. Нотариус: профессиональный риск // Бюллетень нотариальной практики. 2016. № 3. С. 41—44.
12. Колоколов Н. А. Президиум Верховного Суда РФ оправдал предпринимателя, обвиненного в мошенничестве // Уголовный процесс. 2018. № 8. С. 66—73.
13. Колоколов Н. А. ВС РФ отменил приговор предпринимателю. Обвинение не увидело ошибки в квалификации // Уголовный процесс. 2020. № 1. С. 55—59.
14. Колоколов Н. А. Президиум Верховного Суда РФ: два взгляда на одну проблему = Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation Two Views on One Problem // Международный журнал «Уголовное судопроизводство. Проблемы теории и практики» = International journal «Criminal Procedure. Problems of Theory and Practice». 2019. № 3. С. 73—91.
1. Kolokolov N. A. Criminal policy: mysterious obviousness. Moscow: Yurlitinform; 2014: 114. (In Russ.).
2. Golovko L. V. State and its criminal proceedings. Moscow: Gorodets; 2022: 458. (In Russ.).
3. Tager A. S. On the subject and limits of the criminal court science. In: Law and life. Ed. by A. M. Vinaver, M. N. Gernet and A. N. Trainin. Moscow; 50—74, 1924. (In Russ.).
4. Polyansky N. N. Purpose of the criminal procedure. Yaroslavl: [Typ. Of the Yaroslavl Credit Union of Cooperatives]; 1919: 36. An impression from the "Collection of Yaroslavl State University".
5. Kudryavtsev V. N. Strategies for combating crime. Moscow: Jurist; 2003: 352. (In Russ.).
6. Stoilov Ya. Principles of law: concept and usage. Moscow: Prospekt; 2023: 312. (In Russ.).
7. Luneev V. V. Essay 1. Problems of criminal law and other sciences of the criminal cycle / sphere. In: Criminal law. Topical problems of theory and practice. A collection of essays. Ed. by V. V. Luneev. Moscow: Yurait; 15—52, 2010. (In Russ.).
8. Kolokolov N. A. Abuse of criminal procedure law: analyzing investigative and judicial practice. Bulletin of Economic Security, 128—141, 2022. (In Russ.).
9. Kolokolov N. A. How (ways) the investigation disguised the illegal receipt of confessions. Criminal procedure, 58—63, 2021. (In Russ.).
10. Kolokolov N. A. Falsification of criminal case materials: problems of theory, analysis of judicial practice. Russian legal journal, 104—109, 2021. (In Russ.).
11. Kolokolov N. A. Notary: professional risk. Bulletin of notary practice, 41—44, 2016. (In Russ.).
12. Kolokolov N. A. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation acquitted an entrepreneur / a businessman accused of committing a fraud. Criminal procedure, 66—73, 2018. (In Russ.).
13. Kolokolov N. A. The Supreme Court of the Russian Federation overturned the sentence of the entrepreneur. The prosecution saw no mistake in the qualification. Criminal proceeding, 55—59, 2020. (In Russ.).
14. Kolokolov N. A. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation: two views on one problem. International Journal of Criminal Proceedings. Problems of theory and practice, 73—91, 2019. (In Russ.).
15. Kolokolov N. A. Critical analysis of the resolution of an ordinary civil claim in a criminal case:

15. Колоколов Н. А. Критический анализ разрешения рядового гражданского иска в уголовном деле: случайные проблемы преюдициального характера или когнитивный диссонанс в головах правоприменителей? // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 111—125.

16. Колоколов Н. А. Незаконное прекращение дела по нереабилитирующим основаниям: как исключить ошибки в надзоре и контроле // Уголовный процесс. 2018. №7. С. 54—61.

17. Колоколов Н. А. Право на самооборону // Человек и закон. 2017. № 8. С. 35—44.

18. Колоколов Н. А. Суд с участием присяжных заседателей: особое внимание к доказательствам, допустимость защиты путем обвинения других лиц // Уголовный процесс. 2018. № 5. С. 32—43.

19. Колоколов Н. А. Спорное обвинение в похищении ребенка. ВС РФ выявил недоказанность умысла // Уголовный процесс. 2022. № 7. С. 48—54.

20. Колоколов Н. А. А был ли похищен мальчик? Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила траекторию движения уголовного дела // Российский судья. 2023. № 5. С. 7—14.

21. Комментарий к ст. 126 УК РФ // Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев. Москва, 2017. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII—VIII.

accidental problems of a prejudicial nature or cognitive dissonance in the minds of law enforcement officers? Journal of the Moscow University of the Ministry of Interior of Russia, 111—125, 2022. (In Russ.).

16. Kolokolov N. A. Unlawful dismissal on non-rehabilitative grounds: how to eliminate oversight and control errors. Criminal proceeding, 54—61, 2018. (In Russ.).

17. Kolokolov N. A. The right to self-defense. Man and the law, 35—44, 2017. (In Russ.).

18. Kolokolov N. A. Trial by jury: special attention to evidence, the admissibility to defend by accusing other persons. Criminal procedure, 32—43, 2018. (In Russ.).

19. Kolokolov N. A. Controversial accusation of child kidnapping. The Armed Forces of the Russian Federation revealed failure to prove intent. Criminal procedure, 48—54, 2022. (In Russ.).

20. Kolokolov N. A. Was the boy kidnapped? The Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation changed the trajectory of the criminal case. Russian judge, 7—14, 2023. (In Russ.).

21. Commentary to Article 126 of the Criminal Code of the Russian Federation. In: Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. Vol. 2. Special part. Sections VII—VIII. Ed. by V. M. Lebedev, the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation. Moscow; 2017: 90. (In Russ.).

Колоколов Никита Александрович,
судья Верховного Суда Российской Федерации
в почетной отставке;
заведующий кафедрой судебной
и прокурорско-следственной деятельности
Московского университета
имени А. С. Грибоедова;
профессор кафедры теории и истории
государства и права Московского
педагогического государственного университета,
председатель редакционного совета
журнала «Уголовное судопроизводство»,
председатель редакционного совета
журнала «Мировой судья»
nikita_kolokolov@mail.ru

Kolokolov Nikita Alexandrovich,
judge of the Supreme Court
of the Russian Federation, honorably retired;
head of the department of judicial
and prosecutor-investigative activities
of the Moscow University
named after A. S. Griboyedov;
professor at the department
of theory and history of state and law
of the Moscow State Pedagogical University;
chairman of the editorial board
of the "Criminal Justice" journal,
chairman of the editorial board
of the "Justice of the Peace" journal;
nikita_kolokolov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.02.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 11.02.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 14.05.2024.

* * *

УДК 343.125

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ,
ОГРАНИЧИВАЮЩИХ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА
ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ****Эльдар Кяримович Кутуев***, **Андрей Сергеевич Виноградов**, **Марина Сергеевна Колосович*****

* Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия, kutuev@inbox.ru

** Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, anvin@inbox.ru

*** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, 270619@mail.ru

Аннотация. Уголовное судопроизводство, которое в силу своей специфики сопряжено с государственным принуждением, во многих случаях вторгается в сферу прав и законных интересов участников процесса — в том числе прав, закрепленных Основным законом российского государства. Строгое соблюдение требований закона при избрании и применении мер пресечения, ограничивающих конституционные права подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, является особенно важным, поскольку такие права носят фундаментальный, основополагающий характер. Общественные отношения динамично развиваются, в связи с чем актуальным является и вопрос о дальнейшем совершенствовании таких мер пресечения, как запрет определенных действий, залог, домашний арест и заключение под стражу. В статье авторы анализируют нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующие порядок применения указанных мер пресечения, выявляют некоторые проблемы в этой области и на основе проведенного анализа вносят предложения по совершенствованию рассматриваемых мер.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, меры пресечения, ограничение конституционных прав, запрет определенных действий, залог, домашний арест, заключение под стражу

Для цитирования: Кутуев Э. К., Виноградов А. С., Колосович М. С. Совершенствование мер пресечения, ограничивающих конституционные права подозреваемых и обвиняемых // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 123—129.

**IMPROVEMENT OF PREVENTIVE MEASURES
RESTRICTING THE CONSTITUTIONAL RIGHTS
OF SUSPECTS AND ACCUSED PERSONS****Eldar Kyarimovich Kutuev***, **Andrei Sergeyevich Vinogradov****, **Marina Sergeyevna Kolosovich*****

* Saint-Petersburg State Economic University, Saint Petersburg, Russia, kutuev@inbox.ru

** RANEPА Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia, anvin@inbox.ru

*** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, 270619@mail.ru

Abstract. Criminal proceedings, being by virtue of their specific nature associated with state compulsion, in many cases invade the sphere of rights and legitimate interests of the parties to the proceedings, including the rights established by the Constitution of the Russian State. It is crucial to comply strictly with the requirements of the law while selecting and applying preventive measures that restrict the constitutional rights of suspects and accused of crimes committed, because these rights are of a fundamental, underlying nature. Social relations are dynamically developing, and therefore an issue of concern is the further improvement of preventive measures such as prohibition of certain actions, bail, domestic arrest and detention. In the article the authors analyze the rules of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which regulate the procedure for the application

of these preventive measures, identify some problems in this sphere and, based on the analysis, suggest improvements to the measures under consideration. the measures under consideration.

Keywords: criminal procedure, criminal proceedings, preventive measures, restriction of constitutional rights, prohibition of certain actions, bail, home arrest, remand detention

For citation: Kutuev E. K., Vinogradov A. S., Kolosovich M. S. Improvement of preventive measures restricting the constitutional rights of suspects and accused persons. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 123—129, 2024. (In Russ.).

Уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая в сфере противодействия преступности, подкреплена силой государственного принуждения. Государственное принуждение в данном случае представляет собой совокупность мер, которые могут применяться при производстве по уголовным делам к различным участникам судопроизводства против их воли.

Российский уголовно-процессуальный закон (Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ)) классифицирует меры принуждения на три группы, которым посвящены нормы глав 12—14. В одну из групп законодатель выделяет меры пресечения (гл. 13 УПК РФ), в число которых он включает восемь видов конкретных мер. Меры пресечения как самостоятельную группу мер уголовно-процессуального принуждения характеризует то, что они могут быть применены только к лицам, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, и только при наличии определенных законом оснований, связанных с необходимостью обеспечения нормального хода предварительного расследования и судебного разбирательства. Именно данная группа мер связана с возможностью применения наиболее строгих ограничений. Под угрозой ограничения при этом ставятся права тех участников, чья судьба решается по итогам конкретного производства. Незаконное, необоснованное применение мер пресечения с большой долей вероятности негативно отразится на реализации права на защиту, повлечет нарушение других принципов уголовного судопроизводства и, как следствие, не позволит реализовать его назначение.

Как и меры уголовно-процессуального принуждения в целом, все меры пресечения носят ограничительный характер относительно прав и законных интересов тех участников, к которым они применяются. Вместе с тем отдельные меры пресечения сопряжены с вторжением в сферу конституционных прав, что обуславливает особый порядок их применения, установленный российским уголовно-процессуальным законом. К таким мерам УПК РФ относит запрет определенных действий, залог, домашний

арест и заключение под стражу. Представляется, что дальнейшее совершенствование механизма применения именно этих мер с точки зрения усиления гарантий охраны прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых имеет повышенное значение для решения уголовно-процессуальных задач.

Далее в статье мы последовательно, применительно к каждой из указанных мер пресечения, предложим некоторые пути по их совершенствованию.

1. Запрет определенных действий.

Данная мера пресечения является самой «молодой» из предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Будучи включенной в УПК РФ в 2018 г.¹, она дала в руки правоприменителю действенные рычаги, позволяющие достигать цели применения мер пресечения без задействования наиболее строгих из них — связанных с изоляцией от общества. Стоит отметить, что позиция законодателя в части размещения запрета определенных действий в перечне мер пресечения в ст. 98 УПК РФ, где данная мера оказалась выше залога, выглядит небезупречной. Как видится, правоограничительный характер залога является менее строгим, чем у запрета определенных действий, в связи с чем рассматриваемая мера логически должна быть расположена между залогом и домашним арестом. Однако данный вопрос носит технический характер и не имеет особого практического значения, поэтому мы не будем останавливаться на нем подробнее.

Как справедливо отмечают А. А. Усачев и Л. Н. Котлярова, запрет определенных действий призван более эффективно обеспечивать конституционные права лица на свободу и личную неприкосновенность, нежели домашний арест и заключение под стражу [1]. За 2022 г. судами было

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: федер. закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 17. Ст. 2421.

удовлетворено 3 085 ходатайств об избрании данной меры, а за первое полугодие 2023 г. — 1 939¹.

Посредством введения запрета определенных действий впервые в истории отечественного уголовно-процессуального законодательства у лиц, ведущих производство по делу, появилась практически значимая возможность одновременно применять более одной меры пресечения [2]. В настоящее время УПК РФ прямо предусматривает возможность сочетания запрета определенных действий с залогом и домашним арестом. Однако именно вопросы такого сочетания и лежат сейчас в основе наиболее дискутируемой проблемы применения запрета определенных действий. В частности, одним из предусмотренных ст. 105.1 УПК РФ запретов является запрет покидать свое жилище в установленные временные интервалы. Однако аналогичное ограничение входит и в содержание домашнего ареста. Возникает вопрос: как разграничить данные меры, если они допускают применение одинаковых ограничений?

Запрет определенных действий, в отличие от домашнего ареста, не является мерой пресечения, связанной с изоляцией от общества. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно установить максимальный период времени, в течение которого лицо на протяжении суток может ограничиваться в праве покидать свое жилое помещение. Представляется, что адекватным сроком в этом случае могли бы стать восемь часов, условно приравненные к здоровому сну среднестатистического человека. В противном случае недопустимо избирать запрет определенных действий с задействованием запрета, установленного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в качестве самостоятельной меры пресечения, поскольку большой срок ограничения конституционного права на личную неприкосновенность будет связан с изоляцией лица от общества, а для этого необходимо избирать домашний арест. В подтверждение обоснованности этого предложения можно опереться и на позицию Конституционного Суда, указавшего, что свобода и личная неприкосновенность, как важнейшие конституционные права, могут быть ограничены только исходя из критериев соразмерности и разумности и в тех случаях, которые прямо предусмотрены Основным Законом госу-

дарства². С учетом этого необходимо также внести изменения в подп. 1.1 п. 1 ч. 10 ст. 109 УПК РФ в части зачета совокупного срока применения запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в срок содержания под стражей.

2. Залог.

Данная мера пресечения впервые появилась в истории российского законодательства одновременно с принятием УПК РФ 2001 г. Избрание данной меры обусловлено необходимостью получения судебного решения, так как ее применение существенно ограничивает право собственности залогодателя на те ценности, которые явились предметом залога. Залог задумывался законодателем как альтернатива заключению под стражу, однако статистика его применения на протяжении всего 22-летнего периода действия УПК РФ остается крайне низкой. Так, в 2022 г. залог был избран в отношении 71 человека, а в первом полугодии 2023 г. — в отношении 27. В то же время, как отмечают А. И. Цыреторов и А. Г. Анисимов, в сравнении с другими мерами пресечения залог является достаточно эффективным, так как только 6 % лиц, в отношении которых он избран, в итоге скрываются от органов расследования и суда. Для сравнения, применительно к домашнему аресту данный показатель выше более чем в 3 раза [3].

И. Б. Тутынин видит главную причину низкого числа случаев избрания залога в невысоком уровне благосостояния потенциальных залогодателей [4], однако на наш взгляд, причину прежде всего следует искать в сложности механизма применения рассматриваемой меры. Помимо необходимости задействования института судебного контроля, при применении залога требуется также переводить денежные средства между счетами, где для должностного лица, ведущего производство по делу, есть риск совершить какую-либо ошибку. Кроме того, согласно ч. 1 ст. 106 УПК РФ, предметом залога могут быть не только деньги, но и другое имущество, что неизбежно ставит вопросы относительно дополнительной оценки таких объектов. В силу этого мы поддерживаем позицию Ю. Б. Плоткиной и О. В. Химичевой в том, что предметом залога должны являться только денежные средства [5]. Это оградило бы лиц, ведущих производство

¹ Статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7041> (дата обращения: 24.12.2023).

² По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Костромина: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2018 г. № 12-П // СЗ РФ. 2018. № 14. Ст. 2027.

по делу, от втягивания в отношения по оценке имущества и, как следствие, отвлечения их от решения непосредственно процессуальных задач.

Следует отметить, что позиция законодателя, установившего минимальные пороговые значения суммы залога в конкретном рублевом выражении, видится нам не совсем удачной. Связано это прежде всего с инфляционными процессами. Как отметил Президент России В. В. Путин, только в 2023 г. уровень инфляции в стране составил около 7,5 %¹. Если в 2014 г.², когда минимальная сумма залога была установлена в 50 тысяч рублей, это была достаточно весомая сумма, то по прошествии почти 10 лет ее покупательная способность существенно снизилась. Кроме того, единая рублевая сумма залога не учитывает различия доходов населения в российских регионах. Представляется, что минимальная сумма залога должна быть привязана к показателю, который принимал бы в расчет эти нюансы — например, к минимальному размеру оплаты труда (МРОТ) по субъекту. Так, в Санкт-Петербурге на 2024 г. установлен МРОТ в размере 25 тысяч рублей³. В других регионах эта сумма варьируется, как правило, в меньшую сторону, но не ниже 16 242 рублей. Таким образом, в ч. 3 ст. 106 УПК РФ можно было бы внести изменения следующего характера: «...по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести размер залога не может быть менее трехкратной суммы МРОТ по соответствующему субъекту Российской Федерации, а по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях — менее тридцатикратной суммы этого МРОТ».

3. Домашний арест.

Данная мера пресечения — так же, как и залог — впервые на законодательном уровне появилась в УПК РФ 2001 г. Она представляет собой гуманную альтернативу заключению под стражу, при котором лицо находится в условиях изоляции от общества, но в привычных для себя условиях.

Достаточно продолжительное время после своего появления в уголовно-процессуальном законе домашний арест практически не применялся ввиду отсутствия отработанного механизма его применения. К примеру, как отмечает Ю. Ю. Ахминова, в 2005 г. применение домашнего ареста составило 518 случаев [6]. Однако постепенно число случаев избрания этой меры стало неуклонно возрастать. В 2022 г. российскими судами было удовлетворено 7 407 ходатайств об избрании домашнего ареста. За первые 6 месяцев 2023 г. этот показатель составил 3 869.

По нашему мнению, в целях совершенствования законодательной регламентации порядка применения рассматриваемой меры пресечения в ч. 2 ст. 107 УПК РФ целесообразно предусмотреть уточнение, согласно которому в случае, если избранию домашнего ареста предшествовало задержание подозреваемого, срок домашнего ареста должен исчисляться не с момента удовлетворения судом ходатайства о его избрании, а с момента фактического задержания подозреваемого. Аналогичное положение предусмотрено в ст. 109 УПК РФ применительно к сроку заключения под стражу.

Мы также критически относимся к положению, закрепленному в ч. 5 ст. 107 УПК РФ, согласно которому суд по своему усмотрению вправе избрать лицу запрет определенных действий или залог в случае отказа в удовлетворении ходатайства о домашнем аресте. Как представляется, такая норма подрывает саму суть института судебного контроля. В стадии предварительного расследования инициатором избрания меры пресечения по уголовному делу, находящемуся в его производстве, всецело является следователь или дознаватель. Он полностью несет ответственность за качество осуществляемой им процессуальной деятельности, и поэтому именно он, оценивая все обстоятельства, должен определять, какая мера пресечения будет достаточной для обеспечения нормального хода проводимого расследования. Однако, следуя логике ч. 5 ст. 107 УПК РФ, получается, что суд по своей воле навязывает лицу, ведущему производство по делу, ту меру, об избрании которой он не ходатайствовал. Как видится, такое полномочие суда не входит в предмет судебного контроля за законностью ограничения конституционных прав подозреваемого и обвиняемого. Таким образом, мы считаем, что суд, отказывая в избрании домашнего ареста, не должен иметь возможности заменять его какими-либо иными мерами пресечения по собственной инициативе. В досудебном производстве это

¹ Президент России подвел итоги 2023 года // Российская газета: сайт. URL: <https://rg.ru/2023/12/19/samyj-vazhnyj-gazgovor.html> (дата обращения: 27.12.2023).

² О внесении изменения в статью 106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 4 июня 2014 г. № 141-ФЗ // СЗ РФ от 9 июня 2014 г. № 23. Ст. 2926.

³ Региональное соглашение о минимальной заработной плате в Санкт-Петербурге на 2023—2024 годы от 14 ноября 2023 г. № 382/23-С // Справ.-правовая система «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.12.2023).

полномочие должно принадлежать исключительно лицу, расследующему данное дело.

4. Заключение под стражу.

Данная мера пресечения является самой строгой, однако и самой применяемой на практике, наряду с подпиской о невыезде. Так, в 2022 г. судами было удовлетворено 87 687 ходатайств органов предварительного расследования об избрании заключения под стражу. За первые шесть месяцев 2023 г. было удовлетворено 41 700 таких ходатайств.

6 декабря 2023 г. в нижнюю палату российского Парламента был внесен законопроект, предполагающий дальнейшее совершенствование порядка применения заключения под стражу по направлению его гуманизации¹. Суть законопроекта сводится к двум основным положениям. Во-первых, планируется расширить перечень преступлений, за совершение которых возможность применения заключения под стражу будет ограничена. К таким преступлениям законодатель относит прежде всего противоправные деяния экономической направленности. Во-вторых, в ст. 108 УПК РФ предложено включить самостоятельную часть, предусматривающую составы преступлений, за которые заключать под стражу будет вообще нельзя. Главным образом это касается преступлений с неосторожной формой вины. Мы поддерживаем такие инициативы законодателя, так как действительно на практике заключение под стражу нередко применяется не потому, что это вызвано следственной необходимостью и коррелируется с основаниями, установленными УПК РФ, а потому, что российский уголовный процесс носит ярко выраженный карательный уклон.

В-третьих, по замыслу законодателя, следует установить предельный срок содержания под стражей в ходе досудебного производства. В настоящее время он составляет 18 месяцев, однако может быть продлен и дальше для ознакомления с материалами уголовного дела. В случае если законопроект будет принят, 18-месячный срок не будет подлежать продлению. Это предложение законодателя также выглядит вполне обоснованно, так как ситуация с возможностью практически бесконечного продления срока применения меры пресечения, ограничивающей важнейшее конституционное

право на личную неприкосновенность, представляется недопустимой.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

В российском уголовно-процессуальном законе содержится четыре меры пресечения, применение которых существенно вторгается в сферу конституционных прав подозреваемых и обвиняемых. Необходимость неуклонного соблюдения закона при их избрании подчеркивается задействованием института судебного контроля.

Применительно к такой мере пресечения, как запрет определенных действий, мы предлагаем установить максимальный период времени, в течение которого лицо на протяжении суток может ограничиваться в праве покидать свое жилое помещение, — восемь часов. В противном случае недопустимо избирать запрет определенных действий с задействованием запрета, установленного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, а следует применять домашний арест.

Относительно залога мы предлагаем предусмотреть привязку его минимальной суммы не к фиксированному денежному выражению, а к «плавающему», позволяющему учитывать инфляционные процессы. В качестве такого параметра мы считаем возможным использовать минимальный размер оплаты труда в том регионе, где проводится расследование или судебное разбирательство.

На основе анализа меры пресечения в виде домашнего ареста мы пришли к выводу о целесообразности исключения из УПК РФ положения, предусмотренного ч. 5 ст. 107 УПК РФ, так как недопустимо наделять суд возможностью по своей инициативе избирать меры пресечения в досудебном производстве.

Дальнейшее совершенствование меры пресечения в виде заключения под стражу на данном этапе во многом зависит от судьбы законопроекта № 504664-8, который в настоящее время внесен в Государственную Думу. Мы полностью поддерживаем законодательные инициативы о продолжении тенденций по гуманизации данной меры пресечения, считая их актуальными, своевременными и способствующими повышению эффективности применения самой строгой из мер пресечения.

¹ Законопроект № 504664-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/504664-8> (дата обращения: 28.12.2023).

1. Усачев А. А., Котлярова Л. Н. Запрет определенных действий как новая мера пресечения // Вестник РПА. 2019. № 4. С. 34—40.

2. Вастьянова О. Д. Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. 27 с.

3. Цыреторов А. И., Анисимов А. Г. Залог как мера пресечения: некоторые проблемы и пути повышения эффективности // Уголовная юстиция. 2021. № 17. С. 62—65.

4. Тутынин И. Б. Залог как мера пресечения: предложения по совершенствованию нормативного регулирования и практики применения // Академическая мысль. 2019. № 1 (6). С. 28—31.

5. Плоткина Ю. Б., Химичева О. В. О некоторых проблемах применения залога на досудебном производстве по уголовным делам // Российский следователь. 2008. № 11. С. 9—11.

6. Ахминова Ю. Ю. Домашний арест как мера пресечения: проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2017. 181 с.

Кутуев Эльдар Кяримович,

заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса
Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
доктор юридических наук, профессор;
kutuev@inbox.ru

Виноградов Андрей Сергеевич,

доцент кафедры
таможенного администрирования
Северо-Западного института управления —
филиала Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент;
anvin@inbox.ru

Колосович Марина Сергеевна,

профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел

1. Usachev A.A., Kotlarova L.N. Prohibition of certain actions as a new measure of restraint. Herald of the Russian Law Academy, 34—40, 2019. (In Russ.).

2. Vastianova O. D. The prohibition of certain actions as a preventive measure in Russian criminal proceedings. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Omsk; 2022: 27. (In Russ.).

3. Tsyretorov A. I., Anisimov A. G. Bail as a preventive measure: some issues and efficiency improvements. Criminal Justice, 62—65, 2021. (In Russ.).

4. Tutynin I. B. Bail as a preventive measure: proposals for improving regulatory and application practices. Academic thought, 28—31, 2019. (In Russ.).

5. Plotkina Yu. B., Khimicheva O. V. On some issues in the application of bail in pre-trial criminal proceedings. Russian investigator, 9—11, 2008. (In Russian).

6. Akhminova Y. Y. Detention as a preventive measure: problems of election and implementation at the stage of preliminary investigation. Dissertation of candidate of juridical science. Saint Petersburg; 2017: 181. (In Russ.).

Kutuev Eldar Kyarimovich,

acting head of the department of criminal law and criminal procedure
of the Saint-Petersburg State Economic University,
doctor of juridical sciences, full professor;
kutuev@inbox.ru

Vinogradov Andrei Sergeyeovich,

associate professor
at the department of customs administration
of RANEPA Saint Petersburg,
candidate of juridical sciences sciences, docent;
anvin@inbox.ru

Kolosovich Marina Sergeevna,

professor at the department of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for the preliminary investigation
in the internal affairs bodies

Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
270619@mail.ru

of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
270619@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.01.2024; одобрена после рецензирования 06.02.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 29.01.2024; approved after reviewing 06.02.2024; accepted for publication 14.05.2024.

* * *

УДК 343.13

**О НАРУШЕНИЯХ В СФЕРЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СОГЛАСОВАНИЯ
И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ**

Александр Александрович Насонов

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, tribalcrest@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются нарушения, допускаемые в сфере уголовно-процессуального согласования. Обосновывается, что данные нарушения могут причинять вред правам и законным интересам участников уголовного судопроизводства. Указанный вред наряду с другими факторами (причинной связью между соответствующим нарушением и вредом; виной нарушителя из числа субъектов, участвующих в согласовании) влияет на формирование системы оснований уголовно-процессуальной ответственности. Приводятся примеры санкций за нарушения, допускаемые в сфере согласования. Аргументируется, что упомянутые санкции играют важную роль в механизме правового регулирования. Они не только направлены на восстановление законности в соответствующей сфере, но и являются стимулом правомерного поведения участников уголовного судопроизводства в будущем. Показано, что одними только санкциями не минимизировать ошибок в сфере согласования. Поддержание состояния законности в указанной сфере предполагает надлежащую правовую регламентацию вопросов, охватываемых ею; полномасштабную работу по совершенствованию правоприменительной деятельности. Резюмируется, что устранение нарушений в сфере согласования имеет принципиальное значение для уголовного судопроизводства и его институтов.

Ключевые слова: согласование, участник уголовного судопроизводства, руководитель следственного органа, следователь, прокурор, обвиняемый, нарушения, уголовно-процессуальная ответственность, санкции, судебные решения

Для цитирования: Насонов А. А. О нарушениях в сфере уголовно-процессуального согласования и их последствиях // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 130—135.

**ON VIOLATIONS IN THE SPHERE
OF CRIMINAL PROCEDURAL COORDINATION
AND THEIR CONSEQUENCES**

Alexander Alexandrovich Nasonov

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, tribalcrest@yandex.ru

Abstract. The article deals with violations committed in the sphere of criminal procedural coordination. The author justifies these violations may infringe the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings. Along with other factors (the causal relationship between the relevant violation and harm; the guilt of the violator from the subjects involved in the coordination) mentioned harm affects the formation of a system of grounds for criminal procedural responsibility. Examples of sanctions for violations committed in the sphere of coordination are given. It is argued that mentioned above sanctions play an important role in the mechanism of legal regulation. They are not only aimed at restoring legality in the relevant sphere, but also serve as an incentive for the lawful behavior of participants in criminal proceedings in future. The author demonstrates it is impossible to minimize mistakes in the sphere of coordination by using sanctions only. To maintain the state of legality in this sphere involves proper legal regulation of the issues covered by it; large-scale work to improve law enforcement activities. It is summarized that the elimination of violations in the sphere of coordination is of fundamental importance for criminal proceedings and its institutions.

Keywords: coordination, participant in criminal proceedings, head of the investigative body, investigator, prosecutor, accused, violations, criminal procedural responsibility, sanctions, court decisions

For citation: Nasonov A. A. On violations in the sphere of criminal procedural coordination and their consequences. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 130—135, 2024. (In Russ.).

Согласование является неотъемлемой составляющей механизма процессуального регулирования в России. У этого есть свое объяснение, уходящее корнями в историю. Еще на заре становления отечественного права получение согласия было необходимой частью процедуры, сопровождающей отношения между людьми. Подтверждение тому можно найти в Двинской уставной грамоте 1397 г. (ст. 13)¹, Новгородской судной грамоте 1440—1471 гг. (ст. 21)², Судебнике 1550 г. (ст. 16)³, Воинском уставе 1716 г. «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» (часть третья, ст. 12)⁴. Наибольшая востребованность в механизмах согласия наблюдается в период Судебной реформы 1864 г. Категория «согласие» активно представлена в тексте Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. (далее — УУС) (например, ст. 97, 161—162, 180, 576 и др.)⁵. Анализ указанного нормативного акта позволяет утверждать, что согласительные средства пронизывают не один, а многие уголовно-процессуальные институты, охватывают собой не только властных, но и невластных субъектов. Вместе с тем в УУС уделяется особое внимание необходимости соблюдения основного свойства согласия — добровольности (например, ст. 102). В советский период процедура согласования была очень востребована в период действия УПК РСФСР 1960 г. [1] (например, ст. 251, 266, 283, 284 и др.). Но наибольшее применение

в уголовно-процессуальной деятельности согласительные механизмы получили в период действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ). Достаточно сказать, что термин «согласие» и его производные упоминаются в тексте данного кодифицированного акта около 180 раз.

Такое повышенное внимание государства к механизмам, обозначаемым указанным термином, не случайно. Благодаря им не только достигается консенсус между сторонами по тем или иным вопросам, сопровождающим производство по уголовному делу, но и осуществляется координация деятельности публичных субъектов, занятых в уголовном судопроизводстве. Наконец, с помощью согласования реализуется определенный сегмент контрольно-надзорной деятельности, который в уголовно-процессуальной сфере выступает важной гарантией реализации назначения уголовного судопроизводства, предусмотренного ст. 6 УПК РФ.

Именно в ходе контрольно-надзорной деятельности выявляются нарушения, совершаемые в сфере согласования. Устранение их имеет принципиальное значение для уголовного судопроизводства, поскольку сбой в системе согласования часто сопровождается нарушением прав его заинтересованных участников. Иными словами, речь идет о совершении соответствующими лицами процессуального правонарушения в сфере уголовно-процессуального согласования. Подобным же образом в науке уголовно-процессуального права к понятию правонарушения подходили и ранее. Правда, его рассматривали не применительно к согласованию, а в более общем формате. М. С. Строгович писал следующее: «Если действиями лица нарушен закон, это нарушение законности, нарушение права, т. е. правонарушение, и оно должно быть устранено» [2, с. 194—195].

Очевидно, что нарушение прав участников можно рассматривать в качестве вредного последствия несоблюдения законности в сфере согласования.

Вредные последствия, наступающие в результате нарушения правил получения согласия в уголовном судопроизводстве, — это одно из условий наступления уголовно-процессуальной ответственности в рассматриваемых случаях. Однако для возникновения уголовно-процессуальной ответственности

¹ Уставная грамота Василия Дмитриевича жителям Двинской земли в 1397 г. URL: <https://constitutions.ru/?p=5178> (дата обращения: 27.01.2024).

² Новгородская судная грамота 1440—1471 гг. // Памятники русского права. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII—XV вв. / под ред. С. В. Юшкова; сост. А. А. Зимин. Москва: Госюриздат, 1953. 442 с.

³ Судебник Царя и Великого Князя Иоанна VI Васильевича 1550 г. URL: <http://www.historyru.com/docs/rulers/ivan-4/ivan-4-doc-sudebnik.html#/overview> (дата обращения: 18.01.2024).

⁴ Воинский устав 1716 г. Краткое изображение процессов или судебных тяжб. URL: <http://www.adjudant.ru/regulations/1716-03.htm> (дата обращения: 27.01.2024).

⁵ Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Информ.-правовой портал «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/57791498/> (дата обращения: 27.01.2024).

указанного условия явно недостаточно. Для этого необходимы также причинная связь между соответствующим нарушением и вредом; а также вина нарушителя из числа субъектов, участвующих в согласовании. Вина применительно к рассматриваемой ситуации часто приобретает форму неосторожности, что типично для ситуации возникновения уголовно-процессуальной ответственности. З. Ф. Коврига в свое время справедливо отмечала следующее: «Неосторожная форма вины будет в том случае, когда должностное лицо понимает, что выводы, сделанные им в решении по делу, не вытекают в полной мере из имеющихся доказательств, являются сомнительными, но надеется, что, может быть, ошибки нет, или надзорная инстанция ее не заметит. Должностное лицо может преднамеренно нарушить требование процессуального закона, надеясь, что это не отразится на выводах по делу и останется незамеченным в вышестоящих инстанциях (самонадеянность в отношении последствий нарушения)» [3, с. 68].

Если же действия нарушителя носили умышленный характер, то впору говорить не только об уголовно-процессуальной, но и об уголовно-правовой ответственности.

Итак, система оснований уголовно-процессуальной ответственности за нарушения, допущенные в сфере согласования, охватывает действия субъектов согласования, нарушающие предписания закона в сфере согласования; наличие вредных последствий; причинную связь между соответствующим нарушением и вредными последствиями; вину нарушителя.

Формой выражения уголовно-процессуальной ответственности является санкция. Санкции за нарушения, допущенные в сфере согласования, могут быть различными. Среди них следует назвать отмену судом вышестоящей инстанции решения нижестоящего суда, которым:

а) либо признается законным и обоснованным согласие лиц, осуществлявших уголовное преследование, на выполнение действий, принятие решений, переход к определенным производствам, в то время как лицо не должно было его давать;

б) либо игнорируется отсутствие согласия участников уголовного судопроизводства, наличие которого необходимо для вынесения законного приговора.

Указанные последствия наступают в ответ на несоблюдение требований закона, предъявляемых к согласовательному процессу в уголовном судопроизводстве. В качестве санкции за нарушения в сфере согласования следует рассматривать

отмену вышестоящей инстанцией постановления суда о применении такой меры пресечения, как заключение под стражу, или о продлении ее срока. Так, по одному из уголовных дел апелляционная инстанция Амурского областного суда отменила постановление Свободненского городского суда Амурской области от 1 июля 2015 г. о продлении на срок, равный 24 суткам, а всего до 6 месяцев 24 суток, срока содержания под стражей Б., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ). Причиной послужило то, что ходатайство о продлении срока содержания под стражей на превышающий 6 месяцев срок, вопреки положениям ч. 2 ст. 109 УПК РФ, было согласовано не с руководителем следственного органа по субъекту Российской Федерации, а с начальником СО МО МВД России «Свободненский», у которого отсутствовали соответствующие полномочия. В результате Б. из-под стражи был освобожден¹.

В данном случае санкцией за нарушение условий согласования будет отмена судом вышестоящей инстанции решения нижестоящего суда, которым признается законным и обоснованным согласие должностного лица на обращение с ходатайством о продлении срока содержания под стражей, в то время как именно это лицо (начальник СО МО МВД России «Свободненский») не должно было его давать.

Еще один пример наступления уголовно-процессуальной ответственности за нарушение требований, предъявляемых законом к согласованию. Судебная коллегия по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 6 октября 2020 г. отменила апелляционное постановление в отношении А., осужденного по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, и передала уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение ввиду следующего. Приговор был постановлен в порядке главы 40 УПК РФ, требующей получения у лица согласия с обвинением. Применение указанной процедуры предполагает, что согласие обвиняемого должно быть осознанным. Лицо должно осознавать характер и последствия своего согласия. Однако заключение

¹ Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 января 2017 г. URL: https://vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=11238&ysclid=lrqgubmdiz573511673 (дата обращения: 27.01.2024).

экспертов, участвовавших в производстве комиссионной судебно-психиатрической экспертизы, проводимой в отношении А., содержит противоречивые выводы, ставящие под сомнение его возможность в полной мере осознавать характер и последствия заявленного им ходатайства о рассмотрении дела в особом порядке. Судом первой инстанции не была дана надлежащая оценка выводам из названного заключения¹. Судом апелляционной инстанции также не было проверено указанное обстоятельство. А согласие, полученное у лица при таких обстоятельствах, не соответствовало требованию законности. Данный дефект согласования свидетельствовал о том, что надлежащее согласие так и не было получено.

В этом случае нарушение условий согласования приравнивается к отсутствию требуемого согласия. Это повлекло уголовно-процессуальную санкцию в виде отмены судом вышестоящей инстанции решения нижестоящего суда, проигнорировавшего отсутствие согласия участника уголовного судопроизводства, наличие которого необходимо для вынесения законного приговора.

Все приведенные примеры не просто демонстрируют негативные последствия, наступающие вслед за нарушениями условий согласования. Они доказывают возможность и необходимость применения уголовно-процессуальной ответственности в случае отступления правоприменителя от процессуальных норм, регламентирующих вопросы согласования. Это необходимо для того, чтобы восстановить законность в соответствующей сфере.

Однако следствием нарушения норм, регламентирующих вопросы согласования, может быть не только наступление уголовно-процессуальной ответственности. Нередко соответствующие нарушения могут привести к упреждающим мерам, позволяющим не допустить урона законности. К таким мерам по праву можно отнести отказ лица в даче согласия по вопросам, относящимся к его компетенции. Таким лицом может быть как властный субъект, так и участник, не имеющий властных полномочий. Среди властных субъектов соответствующим полномочием в настоящее время пользуются руководители следственных органов, начальник органа дознания, прокурор. Суд, разрешая производство следственных и иных процессуальных

действий, предусмотренных ст. 29 УПК РФ, также выступает субъектом согласия, на что ориентирует ст. 165 УПК РФ. Отказ участника уголовного судопроизводства в даче согласия обратившемуся субъекту часто упреждает совершение последним действия, в проведении которого нет необходимости. Причины отказа могут быть разные, но лидирующим среди них является отсутствие основания для проведения соответствующих действий. Именно этим обстоятельством руководствовался Кировский районный суд г. Астрахани, когда своим постановлением от 3 июня 2016 г. отказал в удовлетворении ходатайства следователя о производстве обыска в жилище. Суд в своем постановлении указал, что «следователем ни в постановлении о производстве обыска, ни в материалах дела не приведено доводов и не представлено каких-либо материалов, из содержания которых можно было бы сделать вывод, что именно в этом жилище хранятся указанные выше документы и предметы, имеющие значение для расследуемого уголовного дела». Примечательно, что апелляционная инстанция поддержала позицию районного суда. Его постановление оставлено без изменений, а протест прокурора без удовлетворения². Очевидно, что данный шаг как районного суда, так и апелляционной инстанции, проверяющей законность и обоснованность его решения, является в первую очередь упреждающей мерой, благодаря которой соблюдается законность при производстве следственного действия. Лишь во вторую очередь обозначенное решение суда можно рассматривать как уголовно-процессуальную санкцию по отношению к согласию руководителя следственного органа на обращение следователя в суд с ходатайством разрешить производство обыска в жилище.

Упреждающей мерой можно считать также признание Нижневартковским городским судом и судом Ханты-Мансийского автономного округа обыска (апелляционная инстанция), проведенного в жилище без судебного решения, незаконным. Судебное разрешение на производство следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, является ничем иным как разрешением — видом уголовно-процессуального согласия. Оно берется согласно п. 5 ч. 2 ст. 29 УПК РФ. Однако по уголовному делу, возбужденному по пп. «а», «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ с последующей перекавалифи-

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 6 октября 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2. С. 22—23.

² Апелляционное определение Астраханского областного суда от 14 июля 2016 г. № 22-1342/16. URL: <https://advotax.ru/589-v-obyske-otkazano.html> (дата обращения: 22.01.2024).

кацией на п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, следователь произвел обыск только на основании своего постановления, ссылаясь на неотложность обыска в жилище Т. Упомянутые выше суды пришли к выводу о том, что представленные следователем материалы не содержат данных, указывающих на обоснованность неотложного производства обыска в жилище; проведение неотложного обыска в жилище не вызывалось срочной необходимостью обнаружения и изъятия у Т. имеющегося у него на законных основаниях огнестрельного оружия (у следователя было достаточно времени для обращения в суд и получения судебного разрешения на производство обыска в жилище)¹. В данном случае и суд, рассматривавший указанный вопрос, и суд вышестоящей инстанции не согласились ни с позицией следователя, ни с позицией прокурора. По указанному уголовному делу должно было быть получено судебное разрешение на производство обыска в жилище. То есть, с одной стороны, суд упредил узаконивание допущенных нарушений, с другой — эти действия, совершенные следователем, предопределили применение санкции. А они очевидны: признание доказательств, полученных в ходе указанного обыска, недопустимыми.

Именно этот результат является санкцией за неполучение такого вида уголовно-процессуального согласия, как судебное разрешение на производство следственного действия, связанного с ограничением конституционных прав граждан.

Упомянутые санкции за нарушение условий согласования играют важную роль в механизме правового регулирования. Они не только направлены на восстановление законности в соответствующей сфере, но и являются стимулом правомерного поведения участников уголовного судопроизводства на будущее.

Очевидно, что одними только санкциями не минимизировать ошибки в сфере согласования. Поддержание состояния законности в указанной сфере предполагает надлежащую правовую регламентацию вопросов, охватываемых ею. Анализ действующего законодательства не позволяет говорить о том, что все проблемы в сфере согласования решены. Наблюдаются как пробелы, так и противоречия в регламентации уголовно-процессуального согласования, о чем достаточно много

писалось в юридической литературе. Так, авторы отмечали, что назрела необходимость предусмотреть в УПК РФ основанную на согласовании процедуру медиации [4], позволяющую мягко осуществить примирение сторон, усовершенствовать дефиницию согласия, применяемую в уголовном судопроизводстве [5], расширить сферу согласования за счет наделения полномочиями по даче согласия начальника подразделения дознания для решения отдельных вопросов расследования в соответствующей форме [6], сделать обязательным получение у лица, подлинные сведения о котором скрываются, согласия на оглашение их в суде [7], предусмотреть процедуры получения и фиксации согласия [8] и др.

Все эти проблемы ждут своего решения.

Кроме того, должна проводиться полномасштабная работа по совершенствованию правоприменительной деятельности. Она предполагает улучшение качества толкования действующего уголовно-процессуального законодательства, грамотное применение на практике норм, регламентирующих вопросы согласования. Актуализируется вопрос о «надлежащих морально-психологических и деловых качествах правоприменяющего субъекта, его профессионализме и нравственности, которые немыслимы без уважительного отношения к закону» [9, с. 108]. Очевидно, что сказанное наводит в определенной мере на мысль об оптимизации кадровой политики в системе правоохранительной деятельности. В обозначенном контексте стоит уделять пристальное внимание особенностям профессионального сознания властных субъектов: их правовой подготовке; устойчивости положительной направленности правовых установок и ценностных ориентаций; умению применять закон; профессиональному усмотрению [10].

В заключение отметим, что изучение нарушений, допускаемых в сфере согласования, и уголовно-процессуальной ответственности, их сопровождающей, является актуальным аспектом исследования согласия как правового явления. Знания в указанных областях особенно необходимы для решения не только проблемы эффективности уголовно-процессуального согласования. Они жизненно важны и для других сегментов уголовно-процессуальной системы, важное место среди которых отводится уголовно-процессуальному доказыванию.

¹ Апелляционное постановление от 23 июля 2020 г. № 22К-943/2020 по делу № 3/3-265/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zbr4OelUcRl4/?ysclid=Iropu2q2wf508625460> (дата обращения: 22.01.2024).

1. Насонов А. А. Уголовно-процессуальное согласие: правовая и аксиологическая значимость: монография. Москва: Юрлитинформ, 2024. 224 с.

2. Строгович М. С. Основные вопросы советской социалистической законности. Москва: Наука, 1966. 252 с.

3. Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальная ответственность // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 25—123.

4. Градский В. Е. Теоретическая модель института медиации в современном российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2023. 193 с.

5. Мильтова Е. В. Согласительные процедуры в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. 198 с.

6. Зотова М. В. Допзнание в сокращённой форме в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2016. 237 с.

7. Колосович М. С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2019. 536 с.

8. Марфицин П. Г. Некоторые несогласия с понятием «согласие» в уголовном судопроизводстве // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 3. С. 65—68.

9. Насонова И. А., Халимоненко С. С. Запрет в уголовно-процессуальном праве России: монография. Москва: Юрлитинформ, 2022. 176 с.

10. Законность — гражданское общество — права и свободы граждан: монография / П. П. Баранов, И. А. Жуков, В. В. Захаренков, В. П. Сальников. Ростов-на-Дону, 2005. 358 с.

Насонов Александр Александрович,

старший преподаватель кафедры
уголовного процесса
Воронежского института МВД России,
кандидат юридических наук;
tribalcrest@yandex.ru

1. Nasonov A. A. Criminal procedural consent: legal and axiological significance. Monograph. Moscow: Yurлитinform; 2024: 224. (In Russ.).

2. Strogovich M. S. Main issues of the Soviet socialist legality. Moscow: Nauka; 1966: 252. (In Russ.).

3. Kovriga Z. F. Criminal procedural responsibility. Judicial power and criminal procedure, 25—123, 2016. (In Russ.).

4. Gradsky V. Ye. Theoretical model of the institute of mediation in modern Russian criminal proceedings. Dissertation of candidate of juridical sciences. Yekaterinburg; 2023: 193. (In Russ.).

5. Miltova Ye. V. Conciliation procedures in the Russian criminal process. Dissertation of candidate of juridical sciences. Tyumen; 2011: 198. (In Russ.).

6. Zotova M. V. Inquiry in a reduced form in the Russian criminal process. Dissertation of candidate of juridical sciences. Voronezh; 2016: 237. (In Russ.).

7. Kolosovich M. S. Procedural means to ensure transparency and secrecy in criminal proceedings: conceptual foundations. Dissertation of doctor of juridical sciences. Volgograd; 2019: 536. (In Russ.).

8. Marfitsin P. G. Some disagreements with the concept of "consent" in criminal proceedings. Journal of the Omsk Law Academy, 65—68, 2016. (In Russ.).

9. Nasonova I. A., Khalimonenko S. S. Prohibition in the criminal procedural law of Russia. Monograph. Moscow: Yurлитinform; 2022: 176. (In Russ.).

10. Baranov P. P., Zhukov I. A., Zakharenkov V. V., Salnikov V. P. Legality — civil society — rights and freedoms of citizens. Monograph. Rostov-on-Don; 2005: 358. (In Russ.).

Nasonov Alexander Alexandrovich,

senior lecturer at the department
of criminal procedure
of the Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences;
tribalcrest@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 25.01.2024; одобрена после рецензирования 31.01.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 25.01.2024; approved after reviewing 31.01.2024; accepted for publication 14.05.2024.

* * *

УДК 343.132

**МЕСТО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАДЛЕЖАЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ
ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО)
В СИСТЕМЕ ЗАДАЧ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА**

Антон Васильевич Павлов

Омская академия МВД России, Омск, Россия, pavlov_oma@mail.ru

Аннотация. Определенность цели является необходимым условием эффективности ее достижения, ясное понимание конечного результата способствует оптимальному формированию системы средств ее достижения. Цели досудебного производства по уголовным делам нормативно не закреплены, в подобных условиях сложно определить объем процессуальных полномочий органов предварительного расследования при реализации отдельных видов деятельности. В частности, такая неопределенность возникает при установлении процессуальных средств обеспечения надлежащего поведения подозреваемого (обвиняемого). Данный подход не способствует комплексному правовому регулированию системы профилактики уклонения преследуемых лиц от органов предварительного расследования; системы средств розыска; порядка ограничения свободы скрывающегося подозреваемого (обвиняемого). Изучение правоприменительной практики, интерпретация нормативных основ, теоретическое осмысление проблемы позволили автору рассматривать обеспечение надлежащего поведения подозреваемого (обвиняемого) в качестве самостоятельной задачи досудебного производства. Это позволит систематизировать и расширить систему процессуальных средств органов предварительного расследования и повысить эффективность ее деятельности.

Ключевые слова: надлежащее поведение, задачи досудебного производства, подозреваемый (обвиняемый), досудебное производство

Для цитирования: Павлов А. В. Место обеспечения надлежащего поведения подозреваемого (обвиняемого) в системе задач досудебного производства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 136—143.

**THE PLACE OF ENSURING PROPER BEHAVIOR
OF THE SUSPECT (ACCUSED)
IN THE SYSTEM OF TASKS OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS**

Anton Vasilyevich Pavlov

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, pavlov_oma@mail.ru

Abstract. The accurate character of the goal is a necessary condition for the effectiveness of its achievement, a clear understanding of the final result contributes to the optimal formation of the system of means of this achievement. The objectives of pre-trial proceedings in criminal cases are not fixed in legal norms, under such conditions it is difficult to determine the scope of procedural powers of preliminary investigation bodies in the realization of certain types of activities. In particular, such uncertainty arises while establishing procedural means of ensuring appropriate behavior of the suspect (accused). This approach does not contribute to the comprehensive legal regulation of the system of prevention of prosecuted persons' evasion from the bodies of preliminary investigation; the system of search means; the procedure for restricting the freedom of a hiding suspect (accused). The examination of law enforcement practice, interpretation of legal-normative bases and theoretical understanding of the problem gives the author an opportunity to consider the provision of proper behavior of a suspect (accused) as an independent task of pre-trial proceedings. This approach will contribute to systematize and expand the system of procedural means of pre-trial investigation bodies and increase the efficiency of its activity.

Keywords: appropriate behavior, tasks of pre-trial proceedings, suspect (accused), pre-trial proceedings

For citation: Pavlov A. V. The place of ensuring proper behavior of the suspect (accused) in the system of tasks of pre-trial proceedings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 136—143, 2024. (In Russ.).

Установление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, является необходимой гарантией реализации назначения уголовного судопроизводства. В этом случае создаются условия для решения уголовно-правовых вопросов в стадии судебного разбирательства (привлечение к уголовной ответственности, возмещение ущерба, причиненного преступлением). Процесс доказывания и постановки лица в соответствующее правовое положение — подозреваемого (обвиняемого) (далее — обвиняемый) детально регламентированы в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ). В законе предусмотрены требования к фактическим и юридическим основаниям, а также порядку принятия подобных решений. Обвинение, несомненно, является важным этапом уголовного преследования, но с его реализацией процессуальная деятельность не заканчивается. Следователю необходимо обеспечить участие обвиняемого в уголовно-процессуальных отношениях, в ином случае может быть поставлена под сомнение возможность отправления правосудия в разумные сроки. Статистические данные наглядно свидетельствуют о стабильно высоких показателях, касающихся скрывающихся от органов предварительного расследования лиц. Так, в 2020 г. установлено 42,9 тыс. разыскиваемых лиц, из которых 30,9 тыс. объявлено в розыск в отчетном периоде¹. В 2021 г. органами внутренних дел разыскивалось 82,9 тыс. обвиняемых, 39,7 тыс. из которых поставлено на централизованный учет в анализируемый период. Установлено местонахождение 42,7 тыс. лиц данной категории².

¹ Уточненный годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы за 2020 г. // Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности». URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/gosprogram/Gosprogramma> (дата обращения: 29.12.2023).

² Уточненный годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы за 2021 г. // Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности». URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/gosprogram/Gosprogramma> (дата обращения: 29.12.2022).

Помимо того, необходимо учитывать преследуемых лиц, которые скрылись еще до придания им статуса подозреваемых. Действующий УПК РФ не допускает «заочной» процедуры придания указанного статуса (кроме возбуждения уголовного дела в отношении лица), что исключает объявление данной категории лиц в розыск. С учетом решения Конституционного Суда Российской Федерации следует признать не соответствующей закону правоприменительную практику, согласно которой избрание меры пресечения является самодостаточным основанием для придания правового положения подозреваемому, чтобы объявить его в розыск. Придание данного статуса, в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, закон связывает с применением меры пресечения (п. 29 ч. 1 ст. 5 УПК РФ)³. В этих случаях предварительное расследование, как правило, приостанавливается в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Более того, нередко преследуемые лица скрываются еще на стадии возбуждения уголовного дела. С 2013 г. данный этап уголовного судопроизводства представлен таким участником, как лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Законодатель лишь «признал» данного субъекта, указав, что он имеет право пользоваться помощью защитника (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ). В условиях отсутствия законодательной регламентации процессуального статуса данного участника правоприменителю сложно идентифицировать комплекс его процессуальных прав и обязанностей. Фрагментарность регулирования правового статуса нового участника проявляется и в том, что законодатель обошел стороной вопросы обеспечения его надлежащего поведения на первоначальной стадии уголовного процесса. Факт уведомления о начале обвинительной деятельности существенно повышает вероятность

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Буйлова Алексея Вячеславовича на нарушение его конституционных прав статьями 101 и 210 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 66-О-О // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.01.2024).

уклонения лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Это обстоятельство может значительно затруднить деятельность органов предварительного расследования, эффективность их работы в подобных условиях ставится в зависимость от выбора поведения данного лица [1].

Эффективность реализации данного направления деятельности следователя во многом зависит от сбалансированного нормативного регулирования правового статуса обвиняемого, мер процессуального принуждения, системы средств розыска, приостановления и возобновления предварительного расследования, ограничения свободы разысканного лица и др. Так, в УПК РФ обязанность надлежащего поведения возлагается на обвиняемого лишь при применении к нему мер процессуального принуждения и не предусмотрена в качестве элемента его правового статуса. Вызывает интерес использованный законодателем прием, согласно которому подобная обязанность изначально возложена на участника уголовного судопроизводства. Например, в п. 1 ч. 5 ст. 56.1 УПК РФ указано, что лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, не вправе уклоняться от явки по вызовам следователя или в суд.

Требует дальнейшего совершенствования правовое регулирование розыска скрывшихся лиц. В УПК РФ используются разные термины: меры по розыску, установление местонахождения подозреваемого или обвиняемого, розыск обвиняемого, розыскные меры, розыскные действия, что вносит некоторую путаницу в правоприменительную деятельность. Не определен круг мер, применяемых для установления местонахождения скрывшегося обвиняемого, особенно явно этот недостаток проявляется после приостановления предварительного расследования. Кроме того, отсутствуют четкие правовые предписания по поводу ограничения свободы разысканного обвиняемого и последующего его этапирования к месту расследования. Указанные обстоятельства существенно снижают эффективность уголовно-процессуальной деятельности и часто приводят к тому, что следователь после приостановления расследования фактически устраняется от дальнейшей работы.

Акцентируем внимание на противоправном поведении, проявляющемся в том, что обвиняемый без уважительных причин не является по вызовам следователя, скрывается от органов предвари-

тельного расследования; оставляет место производства следственного действия, не выполняя законных требований следователя. Далее обратимся к нормам, в которых содержатся гарантии обеспечения правомерного поведения. Основные правила, регламентирующие профилактику уклонения обвиняемого, сосредоточены в разделе 4 УПК РФ. В зависимости от решаемых задач меры процессуального принуждения могут быть классифицированы на четыре группы. На первоначальном этапе лицо может быть задержано, кратковременное лишение свободы востребовано при условии высокой вероятности его уклонения и позволяет обеспечить реализацию долгосрочной меры пресечения. Вторая группа должна гарантировать надлежащее поведение в ходе всего расследования, представлена мерами пресечения, а также обязательством о явке. Третья группа направлена на обеспечение явки к следователю для участия в процессуальных действиях и включает такие меры, как привод и денежное взыскание. Выделение заключительной группы обусловлено введением запрета на заочный арест и востребовано при установлении местонахождения скрывающегося лица — задержание обвиняемого, находящегося в розыске (ч. 3 ст. 210 УПК РФ).

Уместно обратиться к другим нормам УПК РФ. Так, поведение участников уголовного судопроизводства, в нашем случае — возможное уклонение обвиняемого от органов предварительного расследования, будет учитываться при определении разумного срока уголовного судопроизводства. Предметом оценки при этом может стать достаточность и эффективность действий по обеспечению надлежащего поведения обвиняемого органами предварительного расследования (ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ). Определенные гарантии для обеспечения участия в процессе доказывания обвиняемого предусмотрены в статьях, посвященных производству следственных действий. В соответствии с ч. 8 ст. 182 УПК РФ следователь вправе запретить лицам, присутствующим в месте, где производится обыск, его покидать.

Имеются нормы, направленные на решение рассматриваемой задачи, и в других федеральных законах. В аспекте нашего исследования интерес представляют положения Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Так, полиция наделена правом доставлять граждан в служебное помещение территориального органа в целях решения вопроса о задержании гражданина; установления личности гражданина, если

имеются основания полагать, что он находится в розыске как скрывшийся от органов дознания, следствия или суда (п. 13 ч. 1 ст. 13).

Согласно п. «в» ч. 3 ст. 23 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ не подлежат призыву на военную службу граждане, в отношении которых ведется дознание либо предварительное следствие или уголовное дело в отношении которых передано в суд. В приказе о профилактике правонарушений в ОВД содержится требование о своевременном применении мер процессуального принуждения к лицам, в отношении которых ведется уголовное судопроизводство¹.

Интерес вызывают положения Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ, согласно которым предусмотрена возможность приостановления предварительного расследования по ходатайству командования воинской части (учреждения) (ст. 3). В данном случае речь идет о приостановлении предварительного следствия по п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Обзор нормативной основы, а также изучение правоприменительной практики² позволяет сделать ряд выводов: во-первых, обеспечение надлежащего поведения возможно лишь благодаря «включению» в данный процесс не одного, а нескольких институтов уголовно-процессуального права (правовое положение обвиняемого; меры процессуального принуждения; приостановление предварительного следствия, розыскные действия, розыск и др.). Комплексное использование процессуальных возможностей позволяет своевременно принять меры по обеспечению участия обвиняемого на разных этапах производства по уголовному делу (профилактика уклонения, установление оснований для розыска, розыскная деятельность и др.). Во-вторых, процессуальные средства обеспечения надлеж-

ащего поведения не в полной мере охватывают спектр возможных линий поведения. Уместно обратить внимание на проблемы, возникающие при обеспечении участия обвиняемых в следственных действиях. В частности, если лицо уклонялось от органов предварительного расследования и было принудительно доставлено к следователю, с этого момента оканчивается действие привода. Но как обеспечить его участие в следственном действии, если сохраняется высокая вероятность его уклонения и отсутствует возможность его задержания? Обратимся к ведомственному регулированию осуществления привода судебными приставами. Согласно п. 13 приказа Минюста России «Об утверждении Порядка осуществления привода судебными приставами по обеспечению установленного порядка деятельности судов» от 13 июля 2016 г. № 164 лицо, подлежащее приводу, после доставления в место вызова инициатором привода по его поручению находится под контролем судебного пристава до окончания судебного заседания, совершения процессуальных или исполнительных действий³. Лицо находится под контролем судебных приставов и не может покинуть место производства судебного действия до его окончания. Подобный подход учитывает потребности органов предварительного расследования и мог быть взят в качестве направления совершенствования правового регулирования принудительного доставления. В современных условиях следователь при необходимости обеспечения надлежащего поведения обвиняемого вправе привлечь к участию в следственном действии должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД) (ч. 7 ст. 167 УПК РФ). К сожалению, правовой статус этого участника в УПК РФ не регламентирован. Полагаем, что данные сотрудники будут руководствоваться положениями Федерального закона «О полиции». В юридической литературе высказаны предложения о необходимости законодательного регулирования взаимоотношений следователя и сотрудников, осуществляющих ОРД. В частности, предлагается урегулировать данные отношения в рамках совместной деятельности в составе следственной группы [2].

¹ См.: О некоторых организационных вопросах деятельности ОВД РФ по профилактике правонарушений: приказ МВД России от 24 августа 2023 г. № 619 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.01.2024).

² В целях исследования данной ситуации и установления актуальных проблем обеспечения участия преследуемого лица на предварительном расследовании было проведено анкетирование следователей (опрошено 60 следователей (дознателей), обучающихся в Омской академии МВД России на факультете заочного обучения, а также на курсах повышения квалификации).

³ Об утверждении Порядка осуществления привода судебными приставами по обеспечению установленного порядка деятельности судов: приказ Минюста России от 13 июля 2016 г. № 164 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.01.2024).

Другая ситуация связана с реализацией правила, согласно которому при производстве обыска должно участвовать лицо, в жилище которого он проводится. Участие обыскиваемого служит важной гарантией соблюдения законности процедуры и достоверности результатов следственного действия, а также реализации прав обвиняемого (право добровольно выдать искомые предметы; пользоваться услугами адвоката и др.). Но при этом законодатель не предусмотрел правового механизма реализации данного правила в случае уклонения лица от участия в этом следственном действии. В частности, в УПК РФ не предусмотрена мера процессуального принуждения, позволяющая доставить обвиняемого к месту производства обыска.

В этих условиях системообразующим становится вопрос о месте обеспечения надлежащего поведения обвиняемого на досудебном производстве в системе задач предварительного расследования. Решение данной проблемы затруднительно в силу того, что законодатель отказался от их нормативного закрепления. В юридической литературе по данному вопросу высказаны разные подходы. Так, К. А. Наумов предлагает включить задачи уголовного судопроизводства в УПК РФ [3]. Л. М. Володина к задачам уголовного судопроизводства относит: уголовное преследование виновных; возмещение ущерба, причиненного преступлением; назначение виновным справедливого наказания; отказ от уголовного преследования невиновных; реабилитация каждого, кто подвергся незаконному уголовному преследованию [4].

Можно предположить, что обеспечение участия обвиняемого в уголовном судопроизводстве охватывается решением такой задачи, как уголовное преследование. Вопрос о содержании деятельности по осуществлению уголовного преследования в настоящее время остается дискуссионным. Так, З. З. Зинатуллин в содержание уголовного преследования включает комплекс действий и отношений, связанных с задержанием лица по подозрению в совершении преступления, применением мер уголовно-процессуального пресечения, производством комплекса действий, связанных с собиранием, исследованием и оценкой средств доказывания, направленными на его изобличение, обоснование уголовной ответственности и осуждения, а также обеспечение правового режима отбывания назначенного по приговору суда наказания [5]. Подобный подход поддерживается и иными учеными [6].

Включение в содержание уголовного преследования мер процессуального принуждения в неко-

торой степени подтверждает высказанную гипотезу. Тем не менее это направление деятельности указанными авторами рассматривается ограниченно, без включения иных мер профилактики уклонения обвиняемого от органов предварительного расследования (кроме мер процессуального принуждения). За пределами обеспечительной деятельности оказался также розыск подозреваемых (обвиняемых).

Исходя из целеполагания уголовного преследования и понимания сущности рассматриваемой правовой категории, Н. В. Лантух в содержание данного института включает правовые нормы, регулирующие в том числе розыск скрывшегося обвиняемого; применение к нему мер процессуального принуждения [7]. Следует обратить внимание на то, что в розыск объявляются не только скрывающиеся обвиняемые, но и те, местонахождение которых не обнаружено по иным причинам. Кроме того, надлежащее поведение следует обеспечить и лицу, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.

Подход, согласно которому обеспечение участия обвиняемого на досудебном производстве включается в содержание уголовного преследования, не является общепризнанным [8]. В соответствии с п. 55 ст. 5 УПК РФ под уголовным преследованием понимается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Понятие «изобличение» в справочной литературе трактуется как «обличать, уличать, доказывать или обвинять уликой» [9, с. 210]. В юридической литературе данный термин отождествляют с такими понятиями, как «доказывать виновность, обвинять доказательствами обвинительного свойства» [10, с. 56]. Можно встретить и иной подход. Так, по мнению О. Т. Темираева, термины «доказывание» и «изобличение» не являются идентичными, поскольку несут разную смысловую нагрузку. Далее автор полагает, что виновность подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления должна быть доказана в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, и только после этого он может считаться изобличенным [11]. Нам представляется, что в данном случае речь ведется о двух разных терминах: «изобличение» и «изобличенный». Если в первом случае говорится о процессе установления причастности лица к совершенному преступлению, который, как правило, начинается с небольшого объема информации, то во втором случае отражаются

результаты данной деятельности, т. е. обладание достаточной совокупностью доказательств о виновности лица.

Н. Н. Китаев считает, что термин «изобличение» в значительной степени беллетризован; на уровне логических определений и строгих научных дефиниций у него нет эквивалента [12]. Подход, согласно которому изобличение определяется лишь как научная дефиниция, не позволяет определиться с содержанием изобличительной деятельности (субъекты, начала, средства) и не позволяет определить правовой статус преследуемого лица.

Полагаем, что понятие «изобличение» по своему содержанию и придаваемому законодателем значению аналогично термину «доказывание». Изобличить лицо в совершении преступления — значит доказать его виновность. Таким образом, в содержание уголовного преследования не вписывается деятельность по обеспечению участия обвиняемого в уголовном судопроизводстве. В связи с этим нам импонирует позиция, согласно которой обеспечение участия обвиняемого в уголовном процессе рассматривается в качестве самостоятельной задачи. Так, С. П. Бекешко и Е. А. Матвиенко в число задач включают как изобличение виновных, так и предотвращение их возможности уклониться от следствия, суда [13]. В. М. Савицкий в числе задач предварительного расследования выделял исключение возможности уклонения обвиняемого от суда [14]. А. Б. Судницын обозначает задачу по созданию предпосылок для участия обвиняемого в судебном разбирательстве и надлежащего его поведения при производстве по уголовному делу [15].

Находясь в «тени» задачи по изобличению лица, виновного в совершении преступления, обеспечение участия преследуемого лица в уголовном судопроизводстве не получило должного внимания. Данное направление деятельности следователя в силу разнородности его содержания требует к себе комплексного подхода. Позиционирование в качестве самостоятельной задачи обеспечения

участия обвиняемого в уголовном судопроизводстве обуславливает необходимость уяснения содержания и средства его решения. Для начала следует определиться с соотношением таких категорий, как цели и задачи. При реализации деятельности ее цель «как бы разворачивается в систему частных задач, каждая из которых реализуется путем выполнения отдельного действия» [16, с. 254]. Таким образом, цель с каждым таким «шагом трансформируется, выступая каждый раз как конкретная задача». Нам важна сама идея, согласно которой определяется некий конечный результат (цель), и затем выделяются этапы для его достижения (задачи). Исходя из изложенного, обеспечение участия преследуемого лица на досудебном производстве мы рассматриваем в качестве самостоятельной цели, для достижения которой требуется решить соответствующие задачи. По нашему мнению, в целях обеспечения участия обвиняемого, в зависимости от складывающейся ситуации, необходимо исходить из следующей системы задач: профилактика уклонения преследуемого лица от органов предварительного расследования; выяснение причин отсутствия обвиняемого и установление оснований для объявления розыска; розыск обвиняемого; пресечение противоправного поведения скрывающегося обвиняемого, краткосрочное ограничение свободы его передвижения; обеспечение дальнейшего участия обвиняемого и исключение его уклонения от органов предварительного расследования.

Таким образом, обеспечение надлежащего поведения обвиняемого в уголовно-процессуальных отношениях является такой же важной задачей, как и его изобличение в совершении преступления. Постановка подобной задачи позволяет комплексно подойти к определению средств ее решения, выявить и устранить недостатки правового регулирования, что будет способствовать реализации назначения уголовного судопроизводства в разумные сроки.

1. Павлов А. В. Обеспечение надлежащего поведения лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 3 (44). С. 24—31.

2. Колосович М. С. Современные вопросы процессуальной регламентации негласного производства и взаимодействия следователя с сотрудниками оперативных подразделений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 1 (23). С. 48—53.

1. Pavlov A. V. Ensuring appropriate behavior of a person in respect of whom the verification of a crime report is conducted. Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia, 24—31, 2021. (In Russ.).

2. Kolosovich M. S. Modern issues of the procedural regulation of covert proceedings and the interaction of the investigator with detective units' officers. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 48—53, 2016. (In Russ.).

3. Наумов К. А. Цели и задачи (назначение) уголовного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17, № 3. С. 386—393.

4. Тхакушинов М. А. Реализация принципов уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальной деятельности прокуратуры: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2003. 430 с.

5. Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Ижевск: Детектив-информ, 1997. 114 с.

6. Мазюк Р. В. Институт уголовного преследования в системе институтов российского уголовного судопроизводства // Сибирский юридический вестник. 2012. № 2 (57). С. 139—144.

7. Лантух Н. В. Роль уголовного преследования в системе уголовно-процессуальных институтов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 2. С. 47—52.

8. Халиулин А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (проблемы осуществления в условиях правовой реформы): дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1997. 261 с.

9. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: Рус. яз., 1986. 797 с.

10. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. Москва, 2003. 822 с.

11. Темираев О. Т. К вопросу о толковании термина «уголовное преследование» в международном и российском уголовно-процессуальном законодательстве // Общество и право. 2008. № 2. С. 226—229.

12. Китаев Н. Н. Вопросы теории и практики изобличения лиц, совершивших умышленное убийство: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 1993. 234 с.

13. Бекешко С. П., Матвиенко Е. А. Подозреваемый в советском уголовном процессе. Минск, 1969. 128 с.

14. Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора. Москва: Наука, 1975. 383 с.

15. Судницын А. Б. Задачи предварительного расследования: правовая природа, система, проблемы реализации и пути совершенствования: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. 176 с.

16. Ломов Б. Ф. Вопросы общей, педагогической и инженерной психологии. Москва: Педагогика, 1991. 295 с.

3. Naumov K. A. Goals and objectives (purposes) of criminal proceedings. Siberian legal review, 386—393, 2020. (In Russ.).

4. Tkhakushinov M. A. Realization of the principles of criminal proceedings in the criminal procedural activity of the prosecutor's office. Dissertation of doctor of juridical sciences. Saint Petersburg; 2003: 430. (In Russ.).

5. Zinatullin Z. Z., Zinatullin T. Z. General problems of prosecution and defense in criminal cases. Textbook. The 2nd ed. rev. and sup. Izhevsk: Detective-Inform; 1997: 114. (In Russ.).

6. Mazyuk R. V. Institute of criminal prosecution in the system of institutes of Russian criminal proceedings. Siberian legal journal, 139—144, 2012. (In Russ.).

7. Lantukh N. V. The role of criminal prosecution in the system of criminal procedural institutes. Theoretical and applied jurisprudence, 47—52, 2021. (In Russ.).

8. Khaliulin A. G. Criminal prosecution as a function of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (problems of implementation in the conditions of legal reform). Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 1997: 261. (In Russ.).

9. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow: Russky yazyk; 1986: 797. (In Russ.).

10. Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Ed. by D. N. Kozak, Ye. B. Mizulina. Moscow; 2003: 822. (In Russ.).

11. Temiraev O. T. To the issue of interpretation of the term "criminal prosecution" in international and Russian criminal procedural legislation. Society and law, 226—229, 2008. (In Russ.).

12. Kitaev N. N. Issues of theory and practice of exposing persons who committed premeditated murder. Dissertation of candidate of juridical sciences. Irkutsk; 1993: 234. (In Russ.).

13. Bekeshko S. P., Matvienko E. A. Suspect in the Soviet criminal process. Minsk; 1969: 128. (In Russ.).

14. Savitsky V. M. Sketch of the theory of prosecutorial supervision. Moscow: Science; 1975: 383. (In Russ.).

15. Sudnitsyn A. B. Tasks of preliminary investigation: legal nature, system, problems of realization and ways of improvement. Monograph. Krasnoyarsk: the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2019: 176. (In Russ.).

16. Lomov B. F. Issues of general, pedagogical and engineering psychology. Moscow: Pedagogy; 1991: 295. (In Russ.).

Павлов Антон Васильевич,

начальник кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
pavlov_oma@mail.ru

Pavlov Anton Vasilyevich,

head of the department of criminal procedure
of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
pavlov_oma@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.01.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 13.01.2024; approved after reviewing 20.01.2024; accepted for publication 14.05.2024.

* * *

УДК 343.123

**ЛИЧНЫЙ ДОСМОТР КАК СРЕДСТВО ОТЫСКАНИЯ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ,
ИМЕЮЩИХ ВОЗМОЖНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ
НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Татьяна Алексеевна Табункина

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, tatiana.tabunkina@yandex.ru

Аннотация. В статье поднимается вопрос о возможностях и формах использования в доказывании на стадии возбуждения уголовного дела личного досмотра, который часто может являться единственным основанием для возбуждения уголовного дела на этапе проверки по материалу, когда его необходимость возникает до возбуждения уголовного дела. Автором проанализированы судебные решения, сделаны обоснованные выводы по существующей проблематике. Кроме того, в статье указана позиция Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу проведения личного досмотра в рамках доказательственного значения на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, затронуты уголовно-процессуальные и неуголовно-правовые формы реализации личного досмотра. Особый интерес представляет проведение личного досмотра с учетом положений российского административного, уголовно-процессуального и оперативно-разыскного законодательства. Отдельно затрагивается проблема соблюдения прав и свобод лиц, подвергнутых личному досмотру на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, а также момента допуска защитника при проведении личного досмотра.

Ключевые слова: доказательство, личный досмотр, доказательственное значение на стадии возбуждения уголовного дела, обеспечение прав участников уголовного судопроизводства

Для цитирования: Табункина Т. А. Личный досмотр как средство отыскания предметов и документов, имеющих возможное доказательственное значение на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы теории и практики // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 144—152.

**FRISK AS A MEANS OF FINDING ITEMS AND DOCUMENTS
OF POSSIBLE EVIDENTIARY VALUE
AT THE STAGE OF CRIMINAL CASE INITIATION:
THEORY AND PRACTICE ISSUES**

Tatiana Alekseevna Tabunkina

Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhniy Novgorod, Russia, tatiana.tabunkina@yandex.ru

Abstract. The article raises the issues of feasibility and aspects of frisk use as means of proving at the stage of criminal case initiation, which might often be the only reason to bring the case into action during the preliminary survey necessary before the initiation. The author analyses various judgements and reasonably concludes on the current issues. Furthermore, the paper renders upon the Constitutional Court of the Russian Federation's viewpoint on the frisk procedures in terms of evidentiary value at the pre-trial criminal procedure and mentions criminal procedure and non-criminal law patterns of frisk. Particular interest is paid to the frisk procedure in accordance with the Russian administrative, procedural and investigative legislation. Special attention is given to the issue of ensuring the rights and freedoms to those subjected to frisk at the stages of pre-trial criminal procedure as well as the barrister's presence during the frisk.

Keywords: evidence, frisk, evidentiary value at the stage of criminal case initiation, ensuring the rights of the criminal procedure participants

For citation: Tabunkina T. A. Frisk as a means of finding items and documents of possible evidentiary value at the stage of criminal case initiation: theory and practice issues. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 144—152, 2024. (In Russ.).

Одной из тенденций оперативно-следственной практики последних десятилетий является перенос усилий по осуществлению уголовного преследования по большинству потенциальных общественно-опасных деяний со стадии предварительного расследования на первоначальный этап уголовного процесса. Когда принимался действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ), предназначение стадии возбуждения уголовного дела заключалось в сборе минимального объема информации в рамках незначительного по времени этапа (максимум 10 дней), для того чтобы в итоге прийти к выводу о возможной криминальности события либо отсутствии признаков такового и принятии в связи с этим соответствующего процессуального решения.

Закон не предусматривал (и не предусматривает) установления всех или даже большинства признаков состава преступления на этом этапе судопроизводства, для чего, по идее, предназначалась стадия предварительного расследования. М. Н. Меликян отмечает: «В создании института доследственной проверки присутствовала и своего рода правовая логика и здравый смысл, отсеивалось все, что вело к громоздкому, но бесполезному в данном случае предварительному следствию» [1, с. 69]. Однако такое положение дел, бывшее верным в эпоху действия УПК РСФСР 1960 г., к настоящему времени уже неактуально, так как именно на этапе доследственной проверки в порядке ст. 144 УПК РФ органы уголовного преследования в силу ряда обстоятельств вынуждены часто сосредоточивать свои усилия по установлению и доказыванию события преступления и причастности конкретных лиц к нему. Как отмечают специалисты, «стадия возбуждения стремительно утрачивает свое назначение: во-первых, быть гарантией прав личности от произвола властей путем разделения настоящей процессуальной и „альтер-процессуальной“ деятельности по выявлению и раскрытию преступлений, во-вторых, выступать своего рода информационным фильтром, т. е. поддерживать существующий режим уголовно-процессуального доказывания» [2].

В итоге одной из наиболее острых проблем досудебного производства в современном отече-

ственном уголовном процессе, в том числе в контексте использования результатов оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) в формировании доказательств, составляет диспропорция между задачами по осуществлению эффективного уголовного преследования на первой стадии уголовного процесса и ограниченностью оперативно-разыскных и процессуальных средств собирания и проверки доказательственной информации. В качестве одного из аспектов данной проблематики выступает вопрос об отыскании на теле, одежде, иных вещах живого человека предметов и документов, впоследствии используемых в качестве доказательств по уголовным делам. Такая необходимость может возникнуть как в ходе обнаружения признаков возможного преступления в ходе административной деятельности (например, при осуществлении мероприятий по охране общественного порядка), так и при целенаправленной деятельности по раскрытию и документированию преступления.

В любом случае без отыскания и изъятия указанных предметов и документов успешное противодействие преступности по многим преступлениям будет крайне затруднено, а часто и просто невозможно, так как данные объекты, во-первых, являются системообразующими доказательствами по целому ряду категорий уголовных дел, в частности по делам о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотиков, оружия и др., во-вторых, занимают далеко не последнее место в системе доказательств по имущественным, коррупционным и другим преступлениям. Все это обуславливает настоятельную и объективную практическую потребность в наличии у лица, осуществляющего раскрытие преступления, законного правового режима производства действий по отысканию и изъятию предметов и документов именно на стадии возбуждения уголовного дела. Однако законодатель не спешит учитывать реалии практики и такой режим не предусматривает. Специально предназначенное для этого следственное действие — «личный обыск», как известно, должно осуществляться только по возбужденному уголовному делу, что автоматически исключает его из возможного арсенала таких средств.

Вместе с тем действующая редакция ст. 144 УПК РФ содержит формулировку, предусматривающую право лица, осуществляющего доследственную проверку, изымать предметы и документы в порядке, «установленном настоящим Кодексом», однако не поясняет, что это за порядок. В итоге это только способствовало появлению противоречивой и непоследовательной следственной практики. Поскольку отдельного процессуального действия, в рамках которого предусмотрено отыскание у лица указанных выше предметов и документов, закон не выделяет, некоторые правоприменители, в том числе надзорные органы, исходят из того, что допустимо применять выемку как следственное действие на стадии возбуждения уголовного дела. Однако отыскание предметов и документов, имеющих возможное доказательственное значение, часто невозможно без проведения поисковых действий, в силу чего выемка как следственное действие здесь не подходит, не говоря уже о том, что вопрос о ее применении в рамках доследственной проверки остается дискуссионным.

В итоге в качестве пути решения данного проблемного вопроса правоприменительная практика, как известно, пошла по пути интеграции в уголовно-процессуальную и оперативно-разыскную деятельность такой меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, как личный досмотр. Последнее уже достаточно давно вошло, что называется, «в кровь и плоть» практики уголовного преследования, в том числе на уровне судебной усмотрения. Личный досмотр, досмотр вещей, а также иные досмотры, формально предусмотренные Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ) (досмотр транспортного средства и др.), осуществляемые в целях изобличения лица в возможной причастности к преступлению, уже давно и окончательно «прописались» в отечественном уголовном процессе как легальное средство добытия доказательственной информации, позволяющее, по сути, использовать поисковые действия принудительного характера еще до принятия решения о возбуждении уголовного дела. С другой стороны, такая практика в свою очередь породила немало вопросов, требующих решения, и неоднозначно трактуемых правоприменителями, и, увы, остающихся без внимания со стороны законодателя и высших судебных инстанций.

Осенью 2021 г. Конституционным Судом Российской Федерации (далее — КС РФ) было принято толкование по указанной проблеме, позволившее ответить на некоторые насущные вопро-

сы на уровне органа высшего конституционного контроля. Свою позицию КС РФ изложил в определении от 30 ноября 2021 г. № 2637-О¹, принятом по итогам рассмотрения жалобы заявителя, утверждавшего, что нормы КоАП РФ и Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ позволяют оперативным сотрудникам полиции проводить при задержании лица его досмотр (личный досмотр), в результате которого изымать имущество гражданина, а также предоставляют правоприменителям возможность использовать в качестве процессуального источника доказательств по уголовному делу протокол такого досмотра.

Рассмотрев указанное заявление, КС РФ отверг доводы заявителя, указав, что «гарантированное статьей 51 (часть 1) Конституции Российской Федерации право не исключает возможность проведения различных процессуальных действий с участием подозреваемого или обвиняемого, а также использования документов, предметов одежды, образцов биологических тканей и пр. в целях получения доказательств — при условии соблюдения установленной законом процедуры осуществления соответствующих действий, последующей судебной проверки и оценки полученных доказательств». Тем самым высший орган конституционного контроля поставил точку в споре о том, насколько допустимо применение личного досмотра и иных неуголовно-процессуальных средств собирания доказательств на стадии возбуждения уголовного дела, одоблив, по сути, сложившуюся задолго до этого практику. Полагаем, что с этого времени о том, почему и на каких основаниях личный досмотр, по идее проводящийся «в целях обнаружения орудий совершения либо предметов административного правонарушения» (ч. 1 ст. 27.7 КоАП РФ), используется в уголовно-процессуальной деятельности для целей уголовного преследования, уже в принципе бессмыслен и неактуален².

¹ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Комарова Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 статьи 48 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» и статьи 27.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2021 г. № 2637-О. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision573539.pdf> (дата обращения 08.07.2023).

² Этот вопрос периодически ставится стороной защиты в ходе судебного разбирательства по уголовным делам.

С другой стороны, КС РФ отметил, что при использовании таких средств должны соблюдаться установленные процедуры, а законность проведенного досмотра должна оцениваться по правилам уголовно-процессуального, а не административного законодательства.

Таким образом, обозначенная выше правовая позиция органа конституционного контроля опровергает высказывавшиеся в печати мнения о том, что гарантии для участников досмотра должны предусматриваться КоАП РФ, а не УПК РФ, так как это и другие действия не являются уголовно-процессуальными по причине их отсутствия в ч. 1. ст. 144 УПК РФ, на чем, к примеру, настаивал судья Верховного Суда РФ в отставке профессор М. С. Шалумов [3]. По сути, здесь речь идет о двойственном регулировании — сами правила (процедуры) регулируются КоАП РФ, а процессуальные гарантии, в том числе общие требования к доказательствам, — УПК РФ. По крайней мере, именно так мы толкуем формулировку КС РФ о том, что правоприменительным органам необходимо в своей деятельности ориентироваться на то, что лицу при применении к нему меры государственного принуждения в порядке гл. 27 КоАП РФ следует разъяснять имеющиеся у него процессуальные права (определение КС РФ от 30 ноября 2021 г. № 2637-О).

Следует констатировать, что в обозначенном выше определении КС РФ расставил точки над и применительно к следующим проблемным вопросам теоретического и прикладного характера, а именно:

1) окончательно подтвердил возможность использования личного досмотра, а также, думается, и иных административно-процессуальных действий в качестве легального способа собирания уголовно-процессуальных доказательств;

2) установил правовую позицию о том, что при производстве личного досмотра должны применяться правила (процедуры), предусмотренные на уровне административно-правового регулирования, в том числе разъяснение процессуальных прав;

3) закрепил, что доказательственное значение личного досмотра по уголовному делу определяется соответствием общим требованиям, предъявляемым к доказательствам уголовно-процессуальным законом, а не КоАП РФ;

4) уточнил характер личного досмотра как кратковременного и безотлагательного действия, не предполагающего получения согласия лица, в отношении которого он применяется.

Тот факт, что КС РФ наконец-то обратил внимание на существующую, как мы отмечали выше, десятилетия практику применения личного досмотра и иных средств обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, нельзя не приветствовать. Ведь помимо того что суд своим решением «осветил» такую практику, он также определил правила производства личного досмотра, тем самым, как представляется, разрешив один из самых проблемных вопросов, возникающих при использовании досмотра в уголовно-процессуальных целях. А именно вопрос о том, по каким нормам следует оценивать законность личного досмотра? Отсутствие определенности в этом вопросе повлекло противоречивость и произвольность оценок судов, так как последние при оценке возражений со стороны защиты по поводу допустимости личного досмотра ссылались то на УПК РФ, то на КоАП РФ, то на нормы Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее — ФЗ «Об ОРД») или Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (далее — ФЗ «О полиции»).

Вместе с тем необходимо обратить внимание, что анализируемая нами позиция КС РФ не содержит прояснения ряда иных проблемных аспектов — некоторые из них уже существовали ранее, а другие появились уже после анализируемого разъяснения. Попробуем выявить эти аспекты, кратко проанализировать и наметить пути их решения.

Представляется, что требуют прояснения следующие вопросы.

1. Вопрос о применении личного досмотра исключительно в рамках ОРД, т. е. когда еще отсутствует регистрация сообщения о преступлении в Книге учета заявлений (сообщений) о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (КУСП) и, следовательно, уголовно-процессуальная деятельность.

Дело в том, что личный досмотр не включен в перечень оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) (ст. 6 ФЗ «Об ОРД»), но активно используется в оперативной практике. Как правило, на уровне федерального законодательства здесь ссылаются на нормы Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», которые позволяют осуществлять досмотр граждан, почтовых и багажных отправок, транспортных средств и перевозимых грузов при наличии достаточных оснований полагать, что осуществляются незаконные хранение, перевозка или пересылка наркотических средств, психотропных веществ

и их прекурсоров (ч. 3 ст. 48). Но этот закон регулирует правоотношения только в сфере оборота наркотиков, в то время как потребность в личном досмотре распространяется и на иные преступления.

В то же время отдельные специалисты отрицают правомерность личного досмотра по «наркотическим случаям», настаивая, что он может быть осуществлен только в том случае, если на территории, где он проводится, установлен специальный административно-правовой режим [4]. Что касается ФЗ «О полиции», то последний, утверждая право сотрудника полиции проводить досмотр, отсылает при этом к административному законодательству (п. 16 ст. 13), что не позволяет использовать его в качестве рамочного акта. Действуют здесь и различные ведомственные акты, такие как соответствующий приказ МВД, наделяющий правом составления протоколов об административном правонарушении оперативных уполномоченных¹.

Очевидно, что действующего уровня нормативного регулирования недостаточно для ответа на этот вопрос. Полагаем, что здесь необходима четкая и недвусмысленная позиция высших судебных инстанций. В идеале следует решать вопрос о включении личного досмотра в перечень ОРМ, установленных ФЗ «Об ОРД».

2. Область применения личного досмотра. Так как личный досмотр, осуществляемый в уголовно-процессуальных целях, активно применяется именно как средство по отысканию предметов и документов, имеющих потенциальное доказательственное значение, в качестве альтернативы личному обыску, то возникает вопрос о том, на каких этапах допустимо его использование как основного такого действия. На практике досмотр задействуется либо на этапе оперативной разработки (до регистрации повода к возбуждению уголовного дела), либо уже на этапе доследственной проверки в порядке статьи 144 УПК РФ. Но допустимо ли его использование на стадии предварительного расследования? Наша позиция по этому поводу отрицательная. Мы исходим из того, что такая практика противоре-

чит духу и букве уголовно-процессуального законодательства, предусматривающего именно следственные действия в качестве основного способа собирания доказательств, а также не согласуется с позицией КС РФ о недопустимости подмены в связи с производством предварительного расследования по уголовному делу оперативно-разыскных мероприятий процессуальными действиями, для которых уголовно-процессуальным законом установлена специальная процедура (определения КС РФ от 25 февраля 2010 г. № 261-О-О и от 24 января 2008 г. № 104-О-О).

Применение личного досмотра лицом, расследующим уголовное дело, по нашему мнению, должно расцениваться как основание для признания в качестве недопустимого доказательства. Исключение — осуществление ОРМ оперуполномоченным по поручению следователя, дознавателя. В этом случае, поскольку здесь речь идет об ОРД, осуществляемой для обеспечения предварительного расследования, личный досмотр допустим.

3. Содержание процедур, применяемых в ходе производства личного досмотра. Предписание КС РФ о том, что при производстве личного досмотра должны применяться процедуры, предусмотренные гл. 27 КоАП РФ, с одной стороны, наконец-то прояснили этот вопрос. Лицо, осуществляющее личный досмотр, должно ориентироваться на нормы КоАП РФ, т. е. составлять протокол и соблюдать правила, закрепленные в ст. 27.7 и иных нормах КоАП РФ. Однако остается тогда непонятным, на разъяснении каких процессуальных прав настаивает КС РФ — прав, указанных в КоАП или же в УПК. Если первое, то, по всей видимости, подразумеваются права, предусмотренные ч. 1 ст. 25.1 КоАП РФ (см. определение КС РФ от 24 декабря 2012 г.²).

Однако ни одно из этих прав, указанных в этой норме, в действительности не имеет никакого реального отношения к самой процедуре личного досмотра, за исключением права лица заявлять ходатайства. Кроме того, в КоАП РФ ничего не сказано

¹ См.: О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание: приказ МВД России от 30 августа 2017 г. № 685 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.02.2024).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дьяченко Андрея Валентиновича на нарушение его конституционных прав статьей 27.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2012 г. № 2392-О // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.02.2024).

о необходимости разъяснять так называемое право на молчание, предусмотренное ст. 51 Конституции РФ, хотя в следственной практике существует позиция о том, что оно должно разъясняться при осуществлении большинства действий на стадии возбуждения уголовного дела, в частности при явке с повинной, даче объяснения. Учитывая жесткость ограничения конституционного права на личную неприкосновенность при личном досмотре, обоснованность разъяснения лицу права, предусмотренного ст. 51 Конституции РФ, очевидна и не нуждается в дополнительном обосновании.

Другим актуальным вопросом является проблема реализации права пользоваться услугами защитника. КС РФ однозначно указал, что кратковременный и безотлагательный характер проведения личного досмотра не предполагает получения согласия лица, в отношении которого он применяется, тем самым подчеркнув его принудительную природу. И здесь нельзя не заметить, что эта самая кратковременность и безотлагательность, по сути, не предоставляет лицу возможности реализовать право на юридическую помощь. Возможность реализации права на защитника предполагает определенные временные затраты, и его буквальное применение при личном досмотре выхолостило бы его познавательную направленность. Вряд ли следует признать нормальной ситуацию, когда сотрудник отложил бы проведение личного досмотра в ожидании приезда защитника на место его проведения. Считаем, что вопрос о реализации права на защиту при непосредственном проведении личного досмотра в условиях кратковременности и безотлагательности не имеет никакого смысла и должен быть закрыт.

Однако он приобретает значение после его окончания, когда лицо изъявит желание получить юридическую помощь, будучи несогласным с ходом и результатам досмотра или по иным обстоятельствам. КоАП РФ предусматривает возможность привлечения защитника только после возбуждения дела об административном правонарушении (ч. 4 ст. 25.4 КоАП РФ), что, на наш взгляд, не соответствует праву на защиту, определяемому в уголовном судопроизводстве. В соответствии с правовой позицией КС РФ лицо имеет право пользоваться услугами адвоката с момента начала любых мер, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность лица, независимо от его формального процессуального ста-

туса, если они направлены на выявление уличающих лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, фактов и обстоятельств¹.

Данная несостыковка носит принципиальный характер, так как позволяет на законных основаниях игнорировать обращения досматриваемого лица со ссылкой на непринятое решение о возбуждении дела об административном правонарушении.

Полагаем, что если личный досмотр проводится в связи подозрением на возможную причастность к преступной деятельности, лицу должна быть предоставлена возможность по окончании личного досмотра обратиться за помощью к защитнику с предоставлением последнему по приезде свидания с ним, права ознакомления с протоколом личного досмотра и других действий, если они осуществлялись. Иное бы противоречило указанной выше правовой позиции КС РФ и грубо нарушало право на защиту лица от уголовного преследования, и, по идее, должно влечь за собой признание личного досмотра недопустимым доказательством с рассмотрением вопроса о возможной как минимум дисциплинарной ответственности лиц, осуществлявших досмотровые мероприятия.

Такая возможность должна в любом случае обеспечиваться, если личный досмотр проводится в рамках доследственной проверки либо при проведении ОРМ до регистрации сообщения о преступлении в КУСП, так как здесь речь идет о полноценном уголовном преследовании. Говоря о защитнике, в данном случае мы имеем ввиду адвоката, нанятого лицом, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Вопрос о том, должен ли досматриваемому лицу в ситуации невозможности оплатить услуги защитника предоставляться в порядке ст. 51 УПК РФ адвокат по назначению, остается дискуссионным и выходящим за рамки настоящей статьи.

Однако если неотложность и безотлагательность личного досмотра исключает одновременную реализацию права лица пользоваться услугами защитника, то как быть с распространенной на практике ситуацией, когда лицо досматривается не на месте

¹ См.: По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.02.2024).

происшествия, а по приезде в отдел полиции или в ином месте, причем нередко спустя длительное время?

Судебная практика, насколько нам известно, признает допустимость такого порядка, тем самым ее одобряя. Так, по уголовному делу № 22-249/2015 суд апелляционной инстанции отверг доводы защиты о недопустимости личного досмотра как доказательства, указав, что проведение личного досмотра Г. в дежурной части линейного отдела полиции ст. Шадринск, а не на месте его задержания, как это следует из материалов дела, не противоречит действующему законодательству и не ставит под сомнение выводы суда о виновности осужденного, которая подтверждается совокупностью убедительных доказательств, положенных судом в основу приговора¹. В другой ситуации суд апелляционной инстанции, оценивая доводы защиты о том, что личный досмотр осужденного проведен не по месту задержания и спустя значительный промежуток времени, также отметил, что действующее законодательство не содержит запретов на проведение личного досмотра не в месте задержания соответствующего лица. Разрыв во времени вызван объективными причинами². В качестве одной из причин нереализуемости досмотра не на месте задержания указывают на невозможность найти понятых³.

Что ж, следует признать, что в реальной жизни действительно могут возникнуть ситуации, когда досмотр необходимо производить не в месте фактического задержания, а в отделе полиции или ином месте. Однако тогда необходимо признать, что в этом случае и личный досмотр теряет свой срочный и неотложный характер, и в такой ситуации

¹ См.: Апелляционное постановление Курганского областного суда (Курганская область) № 22-249/2015 от 12 февраля 2015 г. по делу № 22-249/2015. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/OJn8BHMVn8Jp/> (дата обращения: 12.07.2023).

² См.: Апелляционное постановление Верховного Суда Удмуртской Республики (Удмуртская Республика) № 22-1362/2019 от 15 августа 2019 г. по делу № 1-150/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tat7K5AdJMYV/> (дата обращения: 12.07.2023).

³ См.: Апелляционное определение Алтайского краевого суда (Алтайский край) № 22-1362/2019 от 15 августа 2019 г. по делу № 1-150/2019. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/tat7K5AdJMYV/> (дата обращения: 24.07.2023); Апелляционное постановление Ивановского областного суда (Ивановская область) № 22-512/2018 от 26 апреля 2018 г. по делу № 22-512/2018. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/K3PtRgrxm8IR/> (дата обращения: 24.07.2023).

лицо вполне может реализовать право на защиту, в частности вызвать защитника либо попросить это сделать другое лицо либо самого сотрудника. Думается, что этот вопрос нуждается в более обстоятельном нормативном регулировании.

Здесь нельзя не сказать о еще одном проблемном вопросе, который также не стал предметом внимания КС РФ. Это вопрос о соотношении мероприятий, составляющих содержание личного досмотра как административно-процессуального действия и личного обыска как следственного действия. Вопрос этот крайне актуальный и острый, так как если исходить из понимания тождества содержания этих двух мероприятий, то речь идет о допустимости крайне широкого применения весьма жестких по своему характеру действий, серьезно ограничивающих конституционное право на личную неприкосновенность в условиях отсутствия формальной реакции со стороны государства в виде решения о возбуждении уголовного дела.

Личный обыск, будучи следственным действием, предполагает более суровый уровень ограничения указанного выше права, выражающийся в допустимости таких мероприятий, как полное обследование одежды лица, в том числе нижнего белья, раздевание лица догола (в том числе насильственное), при необходимости — исследование внутренних органов человека (например, при подозрении, что лицо провозит запрещенные предметы в желудке) и т. д. И это обуславливает более детальный и глубокий уровень обеспечения процессуальных гарантий обыска, как то: возбужденное уголовное дело, судебное решение (по общему правилу), разъяснение права не свидетельствовать против себя самого (ст. 51 Конституции РФ), который только частично «перекрывается» административно-процессуальными гарантиями.

Все это определяет значительную опасность произвола и беззакония, опасность чрезмерного ограничения прав граждан в случае, если мы отождествляем досмотр и личный обыск с точки зрения содержания. Учитывая, что личный досмотр может применяться в ситуации неопределенности, когда еще толком не выяснены ни наличие самого правонарушения, ни его характер, просто при наличии подозрения лица в возможном правонарушении, уполномоченные лица получают крайне широкие возможности, чреватые избыточным ограничением прав и свобод человека.

С другой стороны, интересы борьбы с преступностью определяют необходимость применения таких ограничений. Ведь как следует поступить

сотруднику, проводящему личный досмотр лица по подозрению в возможном незаконном обороте наркотических веществ, если последние часто не получается отыскать без выворачивания карманов, снятия одежды, в том числе нижнего белья и т. д.? Извечный вопрос баланса между необходимостью борьбы с преступностью и излишним ограничением прав граждан.

Изучение правоприменительной практики показало, что она пошла по первому пути: к настоящему времени суды, как правило, «закрывают глаза» на то, что при личном досмотре применяются практически те же действия, что и при личном обыске, причем правоприменители нередко, что называется, не стесняются отображать их в материалах дела. Так, одной из распространенных причин проведения личного досмотра не на месте задержания, а в отделе полиции или иных местах сотрудники правоохранительных органов обозначают потребность в раздевании человека догола.

Например, по уголовному делу № 1-235/2019 допрошенный в суде врио начальника ОКОН Псковского ЛО МВД России на транспорте пояснил, что досмотр лиц, установленных в ходе ОРМ по выявлению фактов незаконного оборота наркотиков, был осуществлен в дежурной части, так как они были задержаны в людном месте, проводить досмотр было бы некорректно, поскольку при этом подразумевается раздевание досматриваемого¹. Аналогичный аргумент для проведения

досмотра не на месте задержания можно найти и в ряде иных уголовных дел².

Вполне приемлемой в судебной практике признается методика обнаружения запрещенных к обороту предметов в нижнем белье досматриваемых, что само по себе предполагает обнажение лица. Так, согласно приговору Лермонтовского городского суда (Ставропольский край) от 6 декабря 2019 г., в ходе проведения личного досмотра в нижнем белье А. обнаружен сверток, замотанный в изоленту черного цвета, внутри которого находилось порошкообразное вещество, которое впоследствии оказалось наркотическим веществом³. Аналогичная ситуация имела место и по уголовным делам № 1-472/2019⁴, № 1-266/2020⁵ и др.

Опираясь на вышеизложенное, следует констатировать, что в настоящее время мероприятия, составляющие содержание личного обыска как следственного действия и личного досмотра как (формально) административно-процессуального действия, практически идентичны, что, в свою очередь, контрастирует с уровнем процессуальных гарантий применительно к каждому из них. Личному досмотру как средству уголовного преследования должен соответствовать уровень уголовно-процессуальных гарантий. Ни имеющегося нормативного регулирования, ни разъяснений Конституционного Суда Российской Федерации и иных судебных инстанций недостаточно, чтобы утверждать, что проблема решена.

¹ См.: Приговор Псковского городского суда (Псковская область) № 1-235/2019 от 25 ноября 2019 г. по делу № 1-235/2019. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/7l6Ts7fHS1ls/> (дата обращения: 24.07.2023).

² См.: Приговор Тихорецкого городской суд (Краснодарский край) № 1-199/2019 от 18 декабря 2019 г. по делу № 1-199/2019. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/mE6gekLmbngQ/>; Приговор Юрьев-Польского районного суда (Владимирская область) № 1-83/2019 от 18 ноября 2019 г. по делу № 1-83/2019. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/P2Y1TRgD5DNB/>; Приговор Автозаводского районного суда г. Нижний Новгород (Нижегородская область) № 1-35/2018 1-603/2017 от 20 июня 2018 г. по делу № 1-35/2018. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 24.07.2023).

³ См.: Приговор Лермонтовского городского суда (Ставропольский край) № 1-74/2019 от 6 декабря 2019 г. по делу № 1-74/2019. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/HQhwNv3tngg4/> (дата обращения: 24.07.2023).

⁴ См.: Приговор Московского районного суда г. Нижний Новгород (Нижегородская область) № 1-472/2019 1-71/2020 от 26 февраля 2020 г. по делу № 1-472/2019. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Vb92nIGd2zYf/> (дата обращения: 24.07.2023).

⁵ См.: Приговор Печорского городского суда (Республика Коми) № 1-266/2020 от 4 сентября 2020 г. по делу № 1-266/2020. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/7nO49vCnuIX/> (дата обращения: 24.07.2023).

1. Меликян М. Н. Процессуальные и криминалистические аспекты предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1998. 225 с.

2. Александров А. С., Грачев С. А. Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя

1. Melikyan M. N. Procedural and criminalistics aspects of statements and crime reports preliminary examination. Dissertation of a candidate of juridical sciences. Krasnodar; 1998: 225. (In Russ.).

2. Aleksandrov A. S., Grachev S. A. The stage of criminal case initiation: to eliminate or to keep.

оставить // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31). С. 101—108.

3. Шалумов М. С. Адвокат в доследственной проверке: условия участия в качестве защитника // Уголовный процесс. 2018. № 6. С. 26—31.

4. Шатохин И. Д. Административные задержания и досмотр в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (90). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnyezaderzhaniya-i-dosmotr-v-operativno-rozysknoideyatelnosti> (дата обращения: 12.07.2022).

Табункина Татьяна Алексеевна,
старший преподаватель
кафедры административного права и процесса
Нижегородской академии МВД России;
tatiana.tabunkina@yandex.ru

Law science and law enforcement practice, 101—108, 2015. (In Russ.).

3. Shalumov M. S. A barrister in the preliminary investigation: participation conditions for an advocate. Criminal procedure, 26—31, 2018. (In Russ.).

4. Shatokhin I. D. Administrative detention and frisk during the operative and investigative activity. Journal of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnyezaderzhaniya-i-dosmotr-v-operativno-rozysknoideyatelnosti>. Accessed: 12 July 2022. (In Russ.).

Tabunkina Tatiana Alekseevna,
senior lecturer at the administrative law
and procedure department
of the Nizhniy Novgorod academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
tatiana.tabunkina@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.04.2024; одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 02.04.2024; approved after reviewing 09.04.2024; accepted for publication 14.05.2024.

* * *

УДК 343.13

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ****Гульнара Хасановна Шаутаева*, Людмила Владимировна Попова****

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,

Волжский государственный университет водного транспорта, Нижний Новгород, Россия, shautaeva@list.ru

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, lygmila.2015@yandex.ru

Аннотация. Интерес авторов к обеспечению прав в уголовном судопроизводстве обусловлен тем, что реализация в уголовном процессе положения Конституции Российской Федерации (ст. 2) о человеке, его правах и свободах как высшей ценности недостаточно совершенна. В частности, в уголовно-процессуальном законодательстве не имеет целенаправленной правовой регламентации ряд принципов, что негативно сказывается на реализации прав участников уголовного процесса. Представляется, что должная теоретическая проработанность указанных вопросов и внесение соответствующих изменений и дополнений уголовно-процессуальное законодательство будут способствовать обеспечению прав и свобод человека и гражданина. В статье анализируется действующее законодательство, раскрывается содержание понятий «обеспечение прав и свобод», «принципы», «гарантии». Это позволило авторам выявить пробелы в уголовно-процессуальном законодательстве, предложить корректировки некоторых статей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации с учетом положений, не нашедших места в Конституции Российской Федерации, исключить лишние, не имеющие статуса принципа, предписания частного значения.

Ключевые слова: личность, обеспечение прав человека, принципы уголовного процесса, обеспечение прав участников уголовного судопроизводства, гарантии, охрана прав и свобод человека и гражданина, равенство всех перед законом и судом, обеспечение потерпевшим от преступлений права на доступ к правосудию

Для цитирования: Шаутаева Г. Х., Попова Л. В. О некоторых вопросах обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 153—160.

**SOME ISSUES TO ENSURE THE RIGHTS OF THE INDIVIDUAL
IN CRIMINAL PROCEEDINGS****Gulnara Khasanovna Shautayeva*, Ljudmila Vladimirovna Popova****

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia;

Volga State University of Water Transport, Nizhny Novgorod, Russia, shautaeva@list.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, lygmila.2015@yandex.ru

Abstract. The authors' interest in ensuring rights in criminal proceedings is due to the fact that the implementation in criminal proceedings of the provision of the Constitution of the Russian Federation (Article 2) on the human being, his rights and freedoms as the supreme value is not perfect enough. In particular, in criminal procedural legislation there is no purposeful legal regulation of a range of principles that negatively affects the rights of participants in criminal proceedings. It is believed that proper theoretical elaboration of these laws and introduction of appropriate amendments and additions to criminal procedural legislation will help to ensure the rights and freedoms of a person or a citizen. The article analyzes the existing legislation, reveals the concepts of "ensuring rights and freedoms", "principles", "guarantees". This work gave the authors an opportunity to identify lacks in the criminal procedural legislation, to propose adjustments of certain articles of the Criminal Code of the Russian

Federation taking into account the legal positions having not been fixed in the Constitution of the Russian Federation, to eliminate extra, not having the status of a principle or prescriptions of private importance.

Keywords: personality, ensuring human rights, principles of criminal procedure, ensuring the rights of participants in criminal proceedings, guarantees, protection of human and civil rights and freedoms, equality of all before the law and the court, ensuring the right of crime victims to access to justice

For citation: Shautayeva G. Kh., Popova L. V. Some issues to ensure the rights of the individual in criminal proceedings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 153—160, 2024. (In Russ.).

Конституционное признание прав и свобод человека и гражданина, его чести и достоинства как высшей ценности общества и государства играет ключевую роль в процессе демократизации российского общества и формирования правового государства в России. Однако формальное признание всех прав и свобод человека и гражданина не означает их немедленной реализации. Для этого необходим эффективный юридический механизм, который позволит в полной мере реализовать права и свободы личности, закрепленные в Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), включая гарантии их защиты.

В начале XX в. многие правоведы считали, что в основе идеальных правовых отношений должна находится личность, являющаяся субъектом права и имеющая гарантированный государством набор прав. Учитывая, что правовые отношения требуют специфического подхода к определению и регулированию личности, особенно в уголовном судопроизводстве, существует два основных подхода к ее пониманию — общенаучный и юридический.

Правильное понимание термина «личность» имеет большое значение для правовых наук, что помогает исследовать ее как субъект ответственности и объект правовой охраны, определить признаки как правоспособного и дееспособного субъекта правоотношений, а также обеспечить реализацию каждой личностью своего процессуального статуса в этих отношениях. Права и свободы личности, входящие в состав ее правового статуса, образуют единую систему взаимосвязанных элементов.

Правовая система любого общества начинает свое выражение в признании индивидуальных прав и свобод личности, которая их отстаивает в политической, социально-экономической и гражданской сферах, ощущая себя свободной в своих индивидуальных правах.

Права человека являются основным содержанием естественного права. Это требование людей по отношению к степени их свободы. Право на уважение своего достоинства, свободу и неприкосно-

венность частной жизни, личную и семейную тайну — это врожденные права каждого человека, а не подарок от власти. Понятие «личность» в уголовно-процессуальном праве используется главным образом в отношении ее естественных и неотъемлемых прав и свобод, чести и достоинства.

Права человека являются основой конституционализма. В период перехода от аграрного строя к индустриальному обществу требовался свободный человек-производитель. Основной целью создания конституций было обеспечение свободы и безопасности человека, прежде всего от произвола государственной власти. Идея равенства людей и их свободы, а также принадлежность к ним ряда неотъемлемых (естественных) прав легла в основу первых конституционных актов, принятых во время английской, американской и французской революций XVII—XVIII вв. Так, Декларация прав человека и гражданина 1789 г. Франции закрепила:

«1. Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные отличия могут основываться лишь на соображениях общей пользы.

2. Цель каждого государственного союза составляет обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковы свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению» [1, с. 26].

Государство должно создавать условия и принимать меры, чтобы гарантировать исполнение прав и свобод каждого человека, а также защищать его от нарушений этих прав со стороны других лиц или органов власти. Обеспечение прав личности включает в себя не только создание законодательства, но и эффективную систему правосудия, институты и организации, ответственные за защиту прав, а также осуществление контроля за их соблюдением. Это означает реализацию личностью своего права на доступ к информации, социальную защиту, образование, здравоохранение и др.

Обсуждая обусловленность положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) нормами Конституции Российской Федерации, важно уделить внимание принципам, определяющим

правовой статус личности в уголовном судопроизводстве. Принципы уголовного судопроизводства являются средством регулирования процессуальных отношений, определяя содержание большинства правовых институтов и норм. Они обязательны к применению всеми участниками уголовного судопроизводства и имеют определяющее значение для защиты их прав, свобод или законных интересов.

Система принципов уголовного процесса построена на конституционных положениях, придавая политико-правовое значение и способствуя формулированию идей о реализации процессуального статуса участников судопроизводства. Отраслевое уголовно-процессуальное законодательство дополняет общие конституционные принципы специальными принципами, которые относятся исключительно к уголовному процессу. Эти принципы направлены на обеспечение справедливого рассмотрения уголовных дел, защиту прав и свобод личности, а также обеспечение объективности и независимости судебного процесса. В целом отраслевое уголовно-процессуальное законодательство играет важную роль на всех этапах производства по уголовному делу. Оно обеспечивает баланс между необходимостью борьбы с преступностью и защитой основных прав и свобод личности.

Обеспечение прав личности в уголовном судопроизводстве является важным гарантом справедливости, законности и защиты прав человека и гражданина.

Реализация в уголовном процессе положения Конституции РФ о человеке, его правах и свободах как высшей ценности (ст. 2) требует его адекватного закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве. Нормы УПК РФ вызывают в этом отношении ряд критических замечаний: ст. 11, судья по ее названию, утверждает в качестве принципа охрану прав и свобод человека и гражданина. Однако, как справедливо замечает Б. Т. Безлепкин, «наименование статьи 11 УПК не вполне соответствует ее содержанию и носит не рабочий, а отсылочный характер, причем по самым различным вопросам, друг с другом не связанным. В таком виде существование принципа уголовного судопроизводства, поименованного в названии данной статьи, с теоретических позиций спорно» [2, с. 39].

Собственно, все принципы уголовного процесса, перечисленные в гл. 2 УПК РФ, ориентированы на защиту прав человека в уголовном судопроизводстве. Тем не менее наличие самостоятельного принципа, подобного закреплённому в ст. 11 УПК РФ,

можно считать целесообразным. Однако содержание статьи требует, на наш взгляд, корректировки, учета не нашедших в ней места конституционных положений, избавления от лишних, не имеющих статуса принципа, предписаний частного характера.

Наименование данного принципа должно ставиться целью не только охрану прав человека, но и их обеспечение. А это, очевидно, более широкое понятие.

«Обеспечение прав личности охватывает все формы благоприятствования участникам уголовного процесса в осуществлении прав, включая: информирование лица об обладании правами и их разъяснение; создание необходимых условий для полноценной реализации прав; охрану прав от нарушений; защиту прав; восстановление нарушенных прав» [3, с. 43].

Конституция РФ гарантирует каждому человеку самостоятельное личное обеспечение своей защиты либо участие в ней, даже в случае привлечения адвоката или законного представителя для оказания профессиональной юридической помощи в процессе защиты. Рассматривая сущность принципа обеспечения подозреваемому (обвиняемому) права на защиту, следует учитывать, что «право на судебную защиту» и «право на получение квалифицированной юридической помощи» понятия не тождественные. «Право на судебную защиту» значительно уже, чем «право на защиту» в целом.

Право на получение квалифицированной или профессиональной юридической помощи — комплекс средств, которыми обладает конкретное лицо для того, чтобы отстаивать свои позиции в уголовно-процессуальных правоотношениях.

В соответствии со ст. 16 УПК РФ, во-первых, право на защиту предоставляется подозреваемому или обвиняемому, чтобы обеспечить ему возможность добросовестной защиты своих прав и интересов в процессе уголовного преследования. Органы, осуществляющие уголовное преследование, несут ответственность за обеспечение реализации этого права.

Во-вторых, право на защиту является главным элементом в механизме обеспечения права подозреваемых и обвиняемых на защиту. Оно может быть осуществлено при помощи защитника, законного представителя или самостоятельно. Это право является частью общего права на самозащиту, которое также является важным элементом защиты прав обвиняемого.

В-третьих, право на получение профессиональной помощи означает, что адвокат, осуществляю-

щий защиту, имеет право принимать самостоятельные решения в интересах своего подзащитного и совершать определенные действия. Это позволяет обеспечить эффективное осуществление права на защиту.

Таким образом, право на защиту отличается от права на судебную защиту и права на получение квалифицированной юридической помощи. Право на защиту предоставляется на стадии возбуждения дела лицам, имеющим процессуальный статус, и выражается в обращении за профессиональной помощью и обеспечении судебной защиты.

Однако на практике в процессе реализации рассматриваемого принципа все очень непросто, существует множество проблем, особенно, к примеру, на первоначальном этапе уголовного процесса — на стадии возбуждения уголовного дела, поскольку считаем, что в сфере уголовного судопроизводства именно эта стадия в первую очередь призвана гарантировать конституционные права и свободы личности [4]. Но следственные органы часто всеми правдами и неправдами пытаются быстрее расследовать преступление и окончить производство по делу. Нередко они не заинтересованы в освобождении задержанного подозреваемого. Иначе дело так и останется нераскрытым. Гораздо выгоднее, чтобы в деле о совершенном преступлении было виновное лицо, которое понесет определенные виды уголовной ответственности. Такое положение вещей на практике приводит к различным нарушениям законных прав личности, например права на защиту. Проанализируем проблему более детально.

Для этого обратимся к ст. 144 УПК РФ. Данная норма возлагает обязанности по проверке сообщения о предполагаемом противоправном деянии на дознавателя, сотрудников органов предварительного следствия и органов дознания. Исходя из данных законных обязательств, перечисленные лица в процессе проверки поступившего заявления, сообщения могут получать объяснения, назначать нужные экспертизы, реализовывать освидетельствование, воплощать на практике другие процессуальные действия, на которые указывает ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Разумеется, перечисленные действия так или иначе могут ограничивать права, свободы, интересы тех лиц, в отношении которых они производятся. Автоматически возникает потребность в подкреплении такого лица профессиональной юридической помощью, ведь далеко не все граждане имеют знания в области юриспруденции. Нельзя также и исключать факты самоуправства и другие нарушения закона со сторо-

ны должностных лиц правоохранительных органов. Поэтому очень важно, чтобы у лица, в отношении которого могут проводиться различные процессуальные мероприятия, на этапе проверки сообщения или заявления о совершенном или еще только готовящемся преступлении была юридическая опора, помощь в виде профессионального лица, ее оказывающего. То есть речь идет об адвокате / защитнике.

Особенно важна такая юридическая помощь для лица, которое уже непосредственно было вовлечено в орбиту уголовного процесса. Речь идет о задержанном, который доставлен в отдел полиции для дальнейшего выяснения всех обстоятельств случившегося.

Анализ материалов следственной и судебной практики показал, что крайне редко защитник предоставляется подозреваемому именно на стадии возбуждения уголовного дела. Как правило, это происходит гораздо позднее, уже после возбуждения уголовного дела. Примером может стать дело, возбужденное одним из следователей следственного управления Следственного комитета РФ по Нижегородской области. В частности, 22 августа 2022 г. с явкой с повинной в следственный отдел обратилась гражданка А., которая призналась в том, что в мае 2018 г. она обратилась в КПК «Кредит-Поволжье» в целях незаконного получения денежных средств из материнского капитала якобы для приобретения ею дома, который никогда не видела и жить в нем не планировала. Полученная ею сумма в размере 408 026 рублей была передана риэлтору, которая вернула заявительнице 100 000 рублей, после чего скрылась. С названной суммой заявительница распорядилась по своему усмотрению. Явка написана по собственному желанию, без оказания какого-либо давления на нее. Обвинительное заключение по данному уголовному делу было составлено 13 сентября 2022 г. и передано прокурору. До этого времени гражданка находилась без квалифицированной юридической помощи.

Вместе с тем сказанное однозначно не свидетельствует о возможном нарушении прав фактически задержанного и опрашиваемого лица, но в основу таких умозаключений закладываются примеры имеющейся судебной практики. Однако, как представляется, отсутствие на указанном этапе процесса защитника может привести к самооговору либо, наоборот, к оговору непосредственно сотрудников органа дознания.

Далее отметим, что и подозреваемый или обвиняемый имеют право избрать для своей защиты адвоката (так называемый защитник по соглаше-

нию). Следователь в свою очередь обязан разъяснить подозреваемому, обвиняемому, что у них есть такое право (ч. 2 ст. 16 УПК РФ). К сожалению, на практике встречаются случаи непредоставления защитника или предоставления защитника по назначению следователя вместо защитника по соглашению. Ведь, как известно, качество защиты, которая осуществляется защитником по назначению, может отличаться от качества работы защитника по соглашению [5].

Встречаются в практике и случаи неправомерного воздействия на защитника со стороны властных субъектов уголовного судопроизводства и других должностных лиц правоохранительных органов. Это может проявляться в форме угроз, неправомерного вмешательства в работу адвоката, а также попытки ограничить его права, а значит и возможности эффективной защиты своего клиента.

Имеют место и случаи допроса адвокатов-защитников в качестве свидетелей при получении данных о том, что адвокат располагает информацией, которая может быть полезной для предварительного расследования. Однако игнорируется тот факт, что адвокат-защитник обладает особым статусом и привилегиями, позволяющими ему защитить интересы своих клиентов и сохранить конфиденциальность полученной информации.

Отстранение адвоката-защитника от участия в уголовном деле или проведение обыска по месту хранения им документов по делу его клиента должно осуществляться с соблюдением установленных законом требований. Процедуры, связанные с отстранением адвоката-защитника или обыском, являются серьезным шагом, который не только должен быть обоснован вескими причинами, но и проводиться в соответствии с нормами права¹.

Неправомерное воздействие может быть оказано и на самого подозреваемого (обвиняемого), тем самым не только нарушая его права, но и порождая сомнения в легитимности деятельности властных субъектов уголовного судопроизводства по уголовному делу, а также в справедливости правосудия.

Так, в определении Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2017 г. по делу № 127-АПУ17-6 было отмечено, что из представленных доказательств по одному из уголовных дел надлежит исключить явку с повинной, полученную от обвиняемых Г. и М., поскольку при

ее оформлении последним следователем не было разъяснено их право на защиту и другие права, а также обязанности, имеющие четкую регламентацию в УПК РФ. Более того, сама явка с повинной также была оформлена в отсутствие защитника, а в ходе судебного разбирательства осужденные не подтвердили явку с повинной, что породило сомнения в добровольности ее написания, а значит, о возможном нарушении предписаний УПК РФ².

Не менее проблемным аспектом является ограничение прав заявителя при принятии процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Так, законодателем предусмотрена необходимость направления уведомления о принятом процессуальном решении заявителю с приложением соответствующего постановления в срок не позднее 24 часов с момента принятия решения.

Практике известны случаи незаконного ограничения во времени ознакомления с материалами дела обвиняемого. Так, по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ, следователь предоставил защитнику и его подзащитному всего лишь семь дней для ознакомления с материалами уголовного дела общим объемом семь томов (по 200 листов каждый). Учитывая нереальность сроков ознакомления с многотомным уголовным делом, защитник отказал следователю в подписании соответствующего графика. Следователь, в производстве которого находилось уголовное дело, сославшись на ч. 3 ст. 217 УПК РФ, заявил в суд ходатайство, указав на намеренное затягивание сроков следствия. Суд отклонил данное ходатайство на том основании, что такой график ознакомления с материалами дела не соответствует требованиям уголовно-процессуального закона. Кроме того, и защитник, и обвиняемый вправе неоднократно знакомиться с любыми материалами дела, делать из них необходимые выписки³.

Важно отметить, что конституционные принципы являются основой для построения законодательства, в том числе уголовно-процессуального. Право на защиту — один из основных конституционных принципов, и он должен соблюдаться на всех ста-

¹ См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 19 декабря 2018 г. по делу № 10–20975/2018 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.05.2024).

² См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 июня 2017 г. № 127-АПУ17-6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 6.

³ См.: Постановление Кузьминского районного суда г. Москвы от 4 марта 2019 г. № 3/13-20/19 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.05.2024).

диях уголовного процесса. Важную роль в защите прав и свобод участников уголовного судопроизводства играет суд, руководствующийся конституционными принципами и законами, содержащими механизмы их реализации.

Стадия возбуждения уголовного дела должна стать реально основной гарантией от необоснованного вовлечения личности в уголовное судопроизводство, а также содействовать принятию законных и обоснованных решений, от своевременности и правильности которых напрямую будет зависеть возможность обеспечения прав, свобод и законных интересов лиц, участвующих на этапе проверки заявления и сообщения о преступлении. В связи с этим усматривается необходимость в более детальной регламентации процессуального статуса участников уголовно-процессуальных правоотношений.

Эти изменения позволят усилить защиту прав и интересов участников уголовного процесса и предотвратить возможные нарушения их конституционных гарантий на стадии возбуждения уголовного дела. Такая детальная регламентация процессуального статуса участников будет способствовать принятию более законных и обоснованных решений, что, в свою очередь, будет способствовать обеспечению прав и свобод всех участников процесса.

Кроме того, следует учесть, что Конституция РФ (ст. 18) возлагает на правосудие именно обеспечение прав, а не только их охрану.

Наглядное различие этих понятий демонстрирует, как нам представляется, постановление Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2007 г. № 13-П¹. Конституционный Суд признал не соответствующими Конституции РФ положения УПК РФ, не позволяющие лицам, в отношении которых осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, знакомиться с материалами уголовного дела, заявлять ходатайства, приносить жалобы, участвовать в заседаниях суда.

Можно считать, что об охране прав психически больного человека, уличаемого в совершении деяния, запрещенного уголовным законом, законо-

датель позаботился, предусмотрев обязательность участия в деле защитника и законного представителя, судебный порядок помещения в психиатрический стационар для экспертизы и назначения принудительного лечения. И в то же время действующие нормы УПК РФ, обоснованно признанные неконституционными, исключили возможность личного участия таких лиц в уголовном процессе, даже если возможность участия, несмотря на заболевание, сохранена, лишив их по существу статуса участника уголовного судопроизводства. В такой ситуации говорить о соблюдении законодателем конституционного принципа обеспечения прав человека не приходится.

В статье 11 УПК РФ лишними представляются отсылочные нормы и нормы, носящие частный характер, уместные для других его разделов. Вряд ли оправданно включение в часть вторую статьи 11 УПК РФ положения, обязывающего предупреждать обладателей свидетельского иммунитета, согласившихся давать показания, о возможности последующего использования этих показаний в качестве доказательств, тем более что данное положение дублируется в ряде статей раздела «Участники уголовного судопроизводства» (ст. 42, 44, 46, 47, 56).

Идея защиты участника процесса, его родственников и близких от совершения против них преступлений в связи с участием в уголовном судопроизводстве может быть выражена как одна из составляющих принципа обеспечения прав личности иначе, чем это сделано в ч. 3 ст. 11 УПК РФ. Помимо мер безопасности, перечисленных в этой статье, представляется, что в содержание рассматриваемого принципа должны входить положения о возможности применения мер безопасности, предусмотренных Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021). В соответствии со ст. 3 и 18 этого закона предусмотренные им меры безопасности принимаются на основании мотивированного постановления суда (судьи), начальника органа дознания, руководителя следственного органа или следователя с согласия руководителя следственного органа, в производстве которых находится уголовное дело, т. е. в рамках процессуальной деятельности.

Думается, что перечисление всех мер безопасности, предусмотренных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ и в названном Федеральном законе, в формулировке рассматриваемого принципа было бы излишним. Достаточно отражения в ней общего положения об обязанности должностных лиц, осуществ-

¹ См.: По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. Г. Абламского, О. Б. Лобашовой и В. К. Матвеева: постановление Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2007 г. № 13-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.05.2024).

ляющих уголовное судопроизводство, при наличии данных об угрозах в отношении лиц, участвующих в судопроизводстве, принимать для их защиты решения о применении мер безопасности в порядке, установленном федеральным законодательством.

Неоправданным пробелом УПК РФ является отсутствие в закрепленной им системе принципов уголовного судопроизводства принципов равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ) и обеспечения потерпевшим от преступлений права на доступ к правосудию (ст. 52 Конституции РФ). Эти конституционные положения, на наш взгляд, предпочтительнее, исходя из значения этих положений, сформулировать в качестве самостоятельных принципов уголовного процесса.

В содержание принципа обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве должно быть, по нашему мнению, включено положение части третьей ст. 17 Конституции РФ: осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц (естественно, в формулировке применительно к участникам уголовного процесса).

Игнорирование этого положения чревато неправомерными действиями правоприменителей. Так, ч. 3 ст. 159 УПК РФ содержит правило о том, что следователь и дознаватель не вправе отказывать участникам процесса в удовлетворении ходатайств о производстве следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для уголовного дела. Получается, что если обвиняемый, потерпевший, защитник ходатайствуют, например, о производстве следственного эксперимента или другого следственного действия, таящего угрозу для жизни и здоровья участвующих в нем частных лиц либо унижающего их человеческое достоинство, то формально следователь вправе произвести это следственное действие, поскольку результаты этих следственных действий могут иметь значение для уголовного дела. Однако, в силу требования ч. 4 ст. 164 УПК РФ «Общие правила производства следственных действий», следователь обязан отказаться в удовлетворении такого рода ходатайств.

Очевидно, нормам, подобным ч. 3 ст. 159 УПК РФ, требуется тщательная корректировка с учетом принципа недопустимости осуществления прав одних за счет ущемления прав других, например, права потерпевшего на своевременный доступ к правосудию при попытке другой стороны затянуть следствие надуманными ходатайствами. Злоупотребление процессуальными правами должно находиться под запретом. В связи с этим считаем целесообразным внести соответствующие изменения и дополнения в ч. 3 ст. 159 УПК, содержание кото-

рой могло бы иметь следующую редакцию: «В случае удовлетворения ходатайства либо полного или частичного отказа в его удовлетворении следователь, дознаватель выносят мотивированное постановление с указанием оснований принятого решения».

Статья 45 Конституции РФ установила: «Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом». Это положение должно быть составной частью содержания уголовно-процессуального принципа обеспечения прав человека и, естественно, распространяться на всех физических лиц, допускаемых или привлекаемых к участию в уголовном деле. Настоящий подход законодателя, когда за обвиняемым, подозреваемым и защитником такое право закреплено (п. 11 ч. 4 ст. 46, п. 21 ч. 4 ст. 47, п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), а в перечне прав потерпевшего оно отсутствует (ему лишь разрешено осуществлять полномочия, разрешенные Кодексом — п. 22 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), никак не согласуется с Конституцией РФ и принципом равноправия сторон в процессе.

Очевидно, в содержании рассматриваемого принципа уголовного процесса должна найти отражение в формулировке, приближенной к уголовно-процессуальной проблематике, конституционная идея о возможности ограничения прав человека в целях защиты ценностей общества, государства, прав и законных интересов других людей (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Вопрос о системе принципов уголовного судопроизводства, о содержании каждого из них, о согласованности принципов уголовного права и уголовного процесса нуждается в дальнейшем глубоком исследовании.

Принцип обеспечения прав человека может реально действовать в уголовном процессе, только если осуществляющие его должностные лица будут руководствоваться нравственно-правовыми принципами гуманизма и справедливости, которые закреплены как принципы в Уголовном кодексе РФ (ст. 6, 7), но не упоминаются в УПК РФ. Применительно к уголовному судопроизводству они, как представляется, должны означать соответственно:

— уважение к достоинству человека, оказавшегося в сфере уголовного процесса; минимальное — лишь в меру законной допустимости и действительной необходимости — ограничение его прав и свобод;

— объективное, непредвзятое отношение к участникам процесса: недопустимость произвола и злоупотребления властью по отношению к ним; соблюдение принципа равенства всех перед законом, судом и органами, осуществляющими досудебное производство.

Подводя итог, отметим, что обеспечение прав личности в уголовном судопроизводстве — это комплекс правовых средств и условий целенаправленного воздействия и регулирования, позволяющий выразить в оптимальном виде результат реализации прав субъектов уголовно-процессуальных правоотношений, повысить эффективность досудебного и судебного производства, уровень

обеспеченности прав граждан, пострадавших от преступлений, непосредственно связанных с их доступом к правосудию, возратить свободу лицам, незаконно и необоснованно подвергшимся уголовному преследованию, защитить их честь, возместить понесенный ими вред.

1. Французская Республика. Конституция и законодательные акты: пер. с фр. / под ред. В. А. Туманова. Москва: Прогресс, 1989. 445 с.

2. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России. Москва: Проспект, 2003. 480 с.

3. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Москва: Юрлитинформ, 2000. 228 с.

4. Чаплыгина В. Н., Черкасова Е. А., Рудов Д. Н. К вопросу о процессуальном порядке проверки сообщений о преступлении в органах внутренних дел // *International Law Journal*. 2023. Т. 6, № 1. С. 136—141.

5. Жеганов С. В. Нарушение процессуальных прав защиты на досудебной стадии: типичные случаи // *Уголовный процесс: электрон. журн*. 2019. № 7. URL: <https://e.ugpr.ru/737467> (дата обращения: 25.04.2024).

1. The French Republic. Constitution and legislative acts. Transl. from French. Ed. by V. A. Tumanov. Moscow; 1989: 445. (In Russ.).

2. Bezlepkin B. T. Criminal proceedings of Russia. Moscow; 2003: 480. (In Russ.).

3. Shadrin V. S. Ensuring the rights of the individual in the criminal investigation. Moscow: YurLitinform; 2000: 228. (In Russ.).

4. Chaplygina V. N., Cherkasova E. A., Rudov D. N. To the problem of the procedural order of verification of reports on crime in the internal affairs bodies. *International law journal*, 136—141, 2023. (In Russ.).

5. Zheganov S. V. The violation of procedural rights of the defence at the pre-trial stage: typical cases. *Criminal procedure. E-journal*, 2019. Available from: <https://e.ugpr.ru/737467> Accessed: 25 April 2024. (In Russ.).

Шаутаева Гульнара Хасановна,
начальник кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Волжского государственного университета
водного транспорта,
кандидат юридических наук, доцент;
shautaeva@list.ru

Попова Людмила Владимировна,
доцент кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
lygmila.2015@yandex.ru

Shautayeva Gulnara Khasanovna,
head of the department of criminal procedure
of educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;

associate professor at the department
of criminal law
of the Volga State University of Water Transport,
candidate of juridical sciences, docent;
shautaeva@list.ru

Popova Ljudmila Vladimirovna,
associate professor at the department
of criminal procedure of educational
and scientific complex for preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
lygmila.2015@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 20.04.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 10.04.2024; approved after reviewing 20.04.2024; accepted for publication 14.05.2024.

* * *

УДК 343.98

**«ПСИХОЛОГИЗАЦИЯ» КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ:
ОТ ПРОСТЕЙШИХ НАБЛЮДЕНИЙ
ЗА ВНЕШНИМИ ПРОЯВЛЕНИЯМИ ИНДИВИДА
ДО НАУЧНОЙ «ДЕТЕКЦИИ ЛЖИ»****Евгений Иванович Замылин**Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия
efrommm@mail.ru

Аннотация. «Психологизация» криминалистической тактики нашла свое применение еще на заре цивилизации. Попытки выявления лжи на основе внешних признаков проявления психической деятельности известны с глубокой древности: это и визуальные наблюдения за индивидом, вовлеченным в процесс расследования, и метод психодиагностики, предложенный еще в средние века, и применение его в современных условиях на довольно примитивном уровне, и, наконец, научная «детекция лжи». Основные изменения физиологических параметров организма фигуранта по делу довольно часто находятся вне пределов восприятия органами чувств следователя; специальная аппаратура позволяет расширить диапазон фиксации и оценки психофизиологического состояния участника уголовного судопроизводства. Полиграф решает проблему измерения эмоционального напряжения под воздействием критических раздражителей, выявляя осведомленность лица об интересующем следствие факте; полученная информация может носить как оправдательный, так и обвинительный характер лишь при подтверждении ее иными доказательствами. Кроме того, использование полиграфа предопределено сведением к минимуму следственно-судебных ошибок.

Ключевые слова: расследование, доказательства, следователь, психодиагностика, нетрадиционные методы, полиграф, ориентирующая информация

Для цитирования: Замылин Е. И. «Психологизация» криминалистической тактики: от простейших наблюдений за внешними проявлениями индивида до научной «детекции лжи» // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 161—173.

**"PSYCHOLOGISATION" OF CRIMINALISTIC TACTICS:
FROM THE SIMPLEST WATCHING
THE EXTERNAL MANIFESTATIONS OF AN INDIVIDUAL
TO THE SCIENTIFIC "LIE DETECTING"****Yevgeny Ivanovich Zamylin**

Volograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, efrommm@mail.ru

Abstract. "Psychologisation" of criminalistics tactics found its application at the dawn of civilization. Attempts to detect lies on the basis of external signs of mental activity are known since ancient times: they include a visual observing of an individual involved in the process of investigation, the method of psycho-diagnostics proposed in the Middle Ages, its rather primitive modern application and, finally, scientific "lie detecting" (a set of methods aimed at identifying deception). The main changes in the physiological parameters of the defendant's body are quite often beyond the perception of the investigator's senses; special equipment makes it possible to expand the range of fixation and assessment of the psychological and physiological state of a criminal proceedings participant. The polygraph solves the problem to measure emotional tension under the influence of critical stimuli by revealing the person's awareness of the fact of interest to the investigation; the information obtained can be either exculpatory or accusatory only if it is corroborated by other evidence. In addition, the use of polygraph is predetermined to minimize investigative and judicial errors.

Keywords: investigation, evidence, investigator, psycho-diagnostics, unconventional methods, polygraph, guiding information

For citation: Zamylin Ye. I. "Psychologisation" of criminalistic tactics: from the simplest watching the external manifestations of an individual to the scientific "lie detecting". Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 161—173, 2024. (In Russ.).

У психологии длинное прошлое,
но короткая история.

Герман Эббингхаус

Некоторые люди лишены дара говорить правду,
зато какой искренностью дышит их ложь!

Станислав Ежи Лец

Проблема качественного раскрытия и раследования преступлений, привлечения виновных к ответственности и как итог — установление истины по делу требует оснащения правоохранительных органов современными научно-техническими средствами на уровне мировых стандартов и эффективного их применения в рамках действующего законодательства. За более чем полутора-вековой период развития и становления криминалистики как науки произошли колоссальные изменения в области открытия и внедрения в практику борьбы с преступностью и причинами, ее порождающими, различных технических приспособлений, средств и методик их применения: от простейших измерительных приборов, тех же графических способов фиксации (планов, чертежей и т. д.) до лазерных микроспектральных анализаторов, газовых и жидкостных хроматографов, компьютерного программирования, использования индивидуальных признаков, присущих «генетическим документам», и т. д.

Однако влияние научно-технической революции на криминалистику не ограничивается лишь сферой криминалистической техники. Не в меньшей мере ее воздействию подвержена и криминалистическая тактика; одним из таких направлений стала так называемая психологизация, а именно интенсивная разработка и совершенствование психологических основ тактики следователя, путей ее апробации и внедрения в правоприменительный процесс получения искомой информации, выяснения обстоятельств по делу.

Следует признать, что психология, ее знания, пусть и на зачаточном уровне, нашли свое применение в практике борьбы с противоправными проявлениями еще на заре цивилизации. В числе прочего здесь можно назвать попытки выявления и нейтрализация лжи в показаниях лиц на основе анализа внешних признаков проявления их психической деятельности. В качестве примера приве-

дем древнейший памятник права Индии, сборник правовых и религиозно-нравственных предписаний «Законы Ману» (V в до н. э.)¹, где имеются рекомендации относительно необходимости наблюдения за внешними проявлениями лиц, которые вовлечены в процесс выяснения обстоятельств по тому или иному делу (независимо от юрисдикции). В частности, в гл. VIII комментируемого правового источника определено, что внутреннее настроение людей надо узнавать по их внешним признакам: по звукам (голоса), цвету (лица), движениям, глазам и жестам, а по выражению лица, движениям, походке, жестам, речи, по изменению (выражению) глаз и лица улавливается сокровенная мысль. В то же время в качестве оснований для подозрения в лживости свидетельства выделены следующие проявления допрашиваемых: те переступают с одного места на другое, облизывают языком углы рта, лицо их покрывается потом и меняется в цвете, отвечают они медленно, голосом дрожащим и обрывающимся, шевелят губами и не отвечают ни голосом, ни взглядом и пр.

Несмотря на засилье религиозных постулатов и ортодоксальную трактовку мироздания, определенные достижения в области психологии можно проследить и в средние века. Считаем уместным поговорить о гениальном ученом, враче, философе Ибн-Сине (Авиценне) (980—1037 гг.), который среди прочего занимался исследованием человеческих эмоций и, в частности, аффектов. Эмоции, по его мнению, способны оказывать влияние на индивида, вызывая определенные изменения, а психические переживания зависят от внешних воздействий и отражаются на физической жизни индивида.

Есть письменные свидетельства, что именно Авиценна первым описал метод психодиагностики [1], характеризующийся учащением пульса при воздействии внешних факторов. Так, им были выявлены причины «заболевания» и предложены пути «лечения» одного знатного юноши, физическое состояние которого по непонятным причинам ухудшалось с каждым днем; известные на тот период лекарства и методы лечения светил

¹ Законы Ману: Манавадхармашастра. URL: https://www.advayta.org/binaries/file/news/f_545.pdf (дата обращения: 01.11.2023).

медицины не помогали. В результате был выявлен «любовный недуг», а именно: перед юношей проводили девушек из его окружения, а Авиценна держал руку на пульсе испытуемого. При визуальном восприятии девушек он был безучастен, пока не зашла та, в которую был влюблен: несмотря на то что внешне юноша ничем своих чувств не проявлял, выдало его мгновенное учащение пульса и сердцебиение. Объявление его отца и отца «предмета его тайной страсти» о свадьбе практически мгновенно привело к благополучному выздоровлению.

В данном случае, по мнению советского и российского психолога профессора М. Г. Ярошевского, «это был первый в истории психологии случай психодиагностики, причем принцип, на котором она строилась, предвосхищает последующий ассоциативный эксперимент, „детектор лжи“ и другие сходные приемы поиска эмоционального комплекса по экспериментально вызванным изменениям в вегетативной сфере» [2, с. 87].

Даниель Дефо, один из самых известных английских романистов XVII—XVIII вв. и, по некоторым данным, глава разведслужбы Британии, в 1730 г. в трактате «Эффективные схемы предотвращения уличных грабежей и пресечения других ночных нарушений» констатировал, что «вина всегда сопровождается страхом: будучи измеренная толчком в крови вора, непременно выдаст его; если имеется подозреваемый, я бы измерил его пульс»; «...у вора существует дрожь (тремор) в крови, которая, если ею заняться, разоблачит его... Некоторые из них настолько заостренились в преступлении, что... даже смело встречают преследователя; но схватите за запястье, пощупайте пульс и вы обнаружите его виновность»¹.

Применение метода психодиагностики, даже на довольно примитивном уровне, имеет место в ряде правоохранительных органов не только в исторически отдаленном временном периоде, но и в настоящее время. В качестве примера приведем практику деятельности полиции Республики Афганистан, надо признать, не лишнюю «рационализаторства». Так, при проверке на наличие в поклаже проходящих контрольно-пропускной пункт запрещенных веществ, как правило героина, полицейский останавливает подозрительное лицо, прикладывает к левой стороне его груди ладонь и задает вопросы относительно наличия / отсутствия наркотиков. По сердцебиению фигуранта как

ответной реакции на задаваемые вопросы полицейский приходит к выводу о степени достоверности ответов; в зависимости от этого им принимается решение о более тщательном досмотре поклажи и транспорта, в том числе гужевого. Полицейский, обладающий особыми навыками, психологическим чутьем и наблюдательностью, как правило, «бьет точно в цель».

Именно с этой позиции мы и намерены более конкретно поговорить о «психологизации» криминалистической тактики. Заметный успех здесь прослеживается в результате использования различных по техническим возможностям приборов, определяющих регистрацию инструментальной диагностики эмоциональной напряженности (ИДЭН), более известных как «полиграфы», «лай-детекторы», «детекторы лжи» и пр.

Полиграф прошел путь эволюции от простейшего прибора по измерению у испытуемого колебаний давления крови, которое было проведено в конце XIX в. Ч. Ломброзо, преследовавшего цель установить ложь в показаниях лиц, подозреваемых в совершении преступления, до современных электронных аппаратов, позволяющих одновременно и непрерывно измерять и фиксировать динамику физиологических изменений состояния человека, а именно: сердцебиение, частоту пульса и дыхания, электрическую проводимость кожного покрова, напряжение мышц, реакцию зрачков, температуру тела, биотоки мозга, произвольные колебательные движения тела или отдельных его частей и др. (в зависимости от аппарата), которые затем анализируются специалистом.

Появившись в 1920-х гг. и оформившись практически через десятилетие в прибор по регистрации ИДЭН, полиграф нашел широкое применение в правоприменительной деятельности за рубежом: количество стран, использующих его в практике борьбы с преступными проявлениями, в настоящее время, по самым скромным подсчетам, достигает более полусотни (это США, Канада, Великобритания, Япония, Израиль, Южная Корея, Индия, Турция, Австралия и др.). В своей основе полиграф применяется на стадии предварительного расследования как прибор, позволяющий отслеживать динамику психофизиологических реакций обследуемого лица (участника уголовного судопроизводства) в ответ на те или иные раздражители, в качестве которых выступают последовательно задаваемые вопросы, содержащие сведения об обстоятельствах уголовно наказуемого деяния. Результат рассчитан на то, что сведениями по делу может обладать лишь индивид, непосредственно имеющий отношение

¹ Кабинет инструментальной детекции лжи. URL: https://vk.com/wall-212662220_8 (дата обращения: 06.11.2023).

к уголовно наказуемому деянию; его статус — подозреваемый (обвиняемый), потерпевший, свидетель-очевидец. Внедрение в следственную практику нетрадиционных методов получения искомой информации по делу обусловлено развитием науки и техники, в том числе достижениями в области психологии, психиатрии, криминалистики и др.

Одним из родоначальников полиграфа следует признать и нашего соотечественника, советского психолога, впоследствии — академика, основателя нейропсихологии в СССР, профессора А. Р. Лурию, который в 20-х гг. прошлого столетия проводил психологические исследования в сфере диагностики причастности конкретного лица к преступлению. В своей работе «Природа человеческих конфликтов» (1930 г.), которая трижды переиздавалась за рубежом, а у нас в стране издана лишь в 2002 г. [3], он сформулировал один из основных принципов психофизиологических методов выявления скрываемой человеком информации, положенный в основу определения научной «детекции лжи». Психологические опыты, проводимые под руководством А. Р. Лурии, основывались на том, что воспоминания о совершенном преступлении, переживаемые при этом эмоции сохраняются в памяти индивида длительное время. Как следствие, в рамках проводимого исследования ученый пришел к заключению, что задаваемые вопросы (так называемые слова-раздражители) и / или демонстрация тех или иных материальных объектов или изображений, имеющих отношение к уголовно наказуемому деянию, «оживляют» эмоциональное состояние, пережитое ранее подсудимым; его лишь нужно выявить и зафиксировать.

Однако, несмотря на признанную мировым сообществом научность и практическую значимость исследований, их большой резонанс, достижения в этой области проводимых разработок А. Р. Лурии и его сотрудников у нас в стране были сведены на нет. Многие видные деятели науки и представители правоохранительных органов (в том числе на самом высоком уровне) того времени крайне негативно отнеслись к возможности внедрения подобного прибора в правоприменительную практику, оценивая его как выражение реакционной идеи; не только как абсурд, но и грубейшее нарушение прав человека; как способ принуждения и вымогательства показаний; как факт психического и физического насилия над личностью и пр. [4] При всем уважении к светлой памяти члена-корреспондента Академии наук СССР доктора юридических наук, профессора М. С. Строговича, думаем, нельзя обойтись и без его комментария в озна-

ченном ключе, где уважаемый ученый соотносил данный метод получения информации по делу с «инквизиционным процессом», считая проводимые исследования в интересующей нас сфере «научными гнусностями» [5, с. 114—115].

Уместным, думаем, здесь будет привести мнение П. Прукса, автора монографии по данной проблематике, где он заметил, что «...научная дискуссия вокруг полиграфа заменялась политической. Вместо того чтобы научной аргументацией опровергнуть использование подобных методик в расследовании преступлений, акцент ставился на реакционности полиграфа. ...Официальная точка зрения не допускала возможности использования данной идеи в практике расследования преступлений» [6, с. 63, 65].

Негативное отношение к полиграфу встречается и в настоящее время как в юридической литературе, так и в средствах массовой коммуникации: нередко достижения в указанной области исследований критикуются как несовместимые с профессиональной моралью следователя; одновременная запись различных функций организма при его комплексном исследовании не застрахована от ошибок ввиду ненадежности получаемого результата; иногда приводятся ничем не подтвержденные данные, на основе которых делаются соответствующие выводы [7]. Встречается и такое: «Если мы не хотим превратить научную экспертизу в невежественное гадание на „определителе лжи“, а судебный процесс в бизнес околосудебных гадателей, мы должны поставить заслон применению полиграфов в судебных процессах» [8]. *(А мы и не ратуем за применение полиграфа в судебных процессах!!!)*

Еще в середине 1990-х гг. (при подготовке диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук) автором статьи, помимо прочего, исследовался вопрос использования нетрадиционных методов получения дополнительной (ориентирующей) информации по уголовному делу в ходе расследования, в том числе посредством использования полиграфа. За что на защите подвергся критике специалистов в области конституционного и уголовно-процессуального права. При этом доклады на конференциях по результатам исследования всегда вызвали бурную дискуссию; и не только...: четко прослеживалась позиция неприятия каких-либо форм использования информации, полученной посредством нетрадиционных методов, опять же со стороны ученых-процессуалистов, несмотря на то, что приводились, по мнению соискателя, довольно убедительные доводы

и положительные выкладки в деле раскрытия и расследования преступлений на тот период.

Среди прочего (как в ходе защиты диссертации, так и при апробации ее результатов), мы отчасти оперировали и эмпирическими данными: в процессе сбора материала нас интересовало мнение практических работников в отношении факта использования полиграфа в ходе предварительного следствия и дознания. За основу было взято мнение следователей, дознавателей и адвокатов; соотношение ответов на поставленные вопросы в зависимости от категорий интервьюируемых были кардинально полярными. Подавляющее большинство респондентов, представляющих сторону обвинения (более 80 %), высказалось положительно, «воспринимая» полученную подобным образом информацию в качестве ориентирующей; чуть больше 12 % — отрицательное, и лишь 2 % из числа опрошенных затруднились высказать свое мнение в отношении предложенного вопроса, ссылаясь на смутное представление о принципах действия прибора. Доходило до того, что почти 5 % опрошенных предлагали использовать подобную информацию даже в качестве доказательств по уголовному делу. При том что представители стороны защиты — адвокаты (почти 95 %) высказались категорически против какого-либо использования данного новшества в ходе производства по делу независимо от уровня «доказательственной значимости».

Признаем, что это извечное противостояние сторон защиты и обвинения (особенно по данному вопросу) обострено до крайности.

Не будем злоупотреблять множеством положительных примеров применения ИДЭН в практике раскрытия и расследования преступлений; для заинтересованных лиц они довольно широко представлены в свободном доступе. По данным ВНИИ МВД России, точность показателей современных полиграфов составляет не менее 96 %¹, что вполне сопоставимо с точностью результатов традиционных видов криминалистических и многих других судебных экспертиз. Более того, при экспериментальной проверке на достоверность результатов применения полиграфа и результатов производства таких судебных экспертиз, как дактилоскопическая, портретная и почерковедческая, было установлено, что технология проверок на полиграфе обладает

степенью точности, сопоставимой и даже превосходящей большинство представляемых в настоящее время видов доказательств, которые фигурируют в судах по уголовным и гражданским делам [9].

Здесь, думаем, в противовес апологетам «реакционности» и «ненаучности» инструментальных методов исследования скрываемой человеком информации уместно озвучить мнение одного из основоположников отечественной юридической и криминальной психологии профессора А. Р. Ратинова: «Машина не может быть реакционной, прибор не бывает ненаучным. Он или работает, или не работает» [10, с. 257].

Практически все рекомендации по тактике проведения отдельных следственных действий предусматривают необходимость наблюдения со стороны следователя за реакцией лица, дающего показания (за его речью, мимикой, осанкой и пр.), что, несомненно, позволяет выбрать наиболее оптимальный вариант тактики построения того или иного следственного действия; это никем не оспаривается. Действительно, простейшие физиологические проявления организма человека (например, подрагивание рук, бледность лица, жестикуляция, не вызванная необходимостью, изменение артикуляции и пр.) не представляет труда определить визуально и на слух. Но необходимо учитывать и то, что возможности следователя по их восприятию без определенных навыков ограничены, особенно в тех случаях, когда участник следственного действия, независимо от интереса в исходе дела, обладая сильной волей, способен сводить к минимуму внешние физиологические проявления организма.

Поэтому совершенно справедливо замечание профессора А. А. Закатова: «Возникает парадоксальное положение: с одной стороны, следователю рекомендуют визуально наблюдать за признаками волнения допрашиваемого, характером его реакций на вопросы, а с другой — отказывают в более точной, объективной, беспристрастной регистрации тех же и иных проявлений человеческого организма с помощью приборов» [11, с. 115]. Нельзя при этом не учитывать и тот факт, что должностному лицу, проводящему следственное действие, нельзя ставить «во главу угла» обязанность наблюдения за реакцией фигуранта по делу на тот или иной вопрос, основная его задача — получение и процессуально грамотное оформление искомой информации.

На практике мы нередко склонны верить лицу, которое уверенно ведет себя в ходе следственного действия, практически без обдумывания формулирует и дает четкие ответы на поставленные

¹ К сведению: Американская ассоциация операторов полиграфа определяет достоверность испытаний примерно в том же процентном соотношении, в зависимости от обстоятельств получения искомой информации.

вопросы. В то же время у нас формируется предубеждение в отношении того, кто путается в ответах, не может подобрать нужных слов, чтобы выразить свою мысль, крайнее волнение «написано» на его лице: а это может быть всего лишь следствием нервного напряжения, вызванного неожиданным приглашением к следователю. Необходимо в каждом конкретном случае принимать во внимание, что лицо, вовлеченное в уголовный процесс, независимо от его заинтересованности в исходе дела, обладает индивидуальным, только ему присущим складом ума и внешними проявлениями психики.

Основная масса изменений физиологических параметров организма фигуранта по делу находится вне пределов досягаемости органов чувств следователя. Для этого необходима специальная аппаратура, позволяющая расширить диапазон фиксации и оценки психофизиологического состояния участника уголовного судопроизводства. Регистрируемые полиграфом психофизиологические изменения состояния человека, перечень которых указан выше, представляют собой ответную реакцию организма на внешние раздражители, каковыми служат разнообразные вопросы, исходящие от должностного лица, порой не связанные между собой.

Вполне закономерным является и тот факт, что далеко не все симптомы возникновения эмоциональной напряженности являются результатом неискренности допрашиваемого; в настоящее время не существует прибора, способного регистрировать саму ложь. В связи с этим нельзя согласиться с учеными, которые считают, что основным назначением полиграфа является установление доли истины и лжи в показаниях фигуранта по делу [12]. Любое психическое исследование в уголовном процессе не может проводиться для определения правдивости или ложности, достоверности или недостоверности показаний участников следственного действия, так как это прерогатива лица, ведущего расследование [13].

Полиграф, как технический инструментарий, предназначенный для регистрации проявлений эмоциональной напряженности испытуемого, не может осуществлять градуацию получаемых показаний по сугубо этическим категориям, таким как «ложь», «истина», «обман» и др. Основная и, пожалуй, единственная его задача заключается в том, чтобы регистрировать наиболее полную и объективную информацию о динамике физиологических процессов организма ее обладателя в ответ на перечень задаваемых вопросов, в которых имеют место так называемые слова-раздражители, и демонстрацию

объектов, связанных с преступлением. Полиграф решает проблему измерения и фиксации возрастания или спада эмоционального напряжения под воздействием критических раздражителей, предопределяя возможность выявления осведомленности лица об интересующем следствии факте.

Принцип действия полиграфа основан на том, что единожды воспринятая человеком информация не исчезает, а оставляет след в памяти, интенсивность которого зависит от значимости для него пережитого. Слова-раздражители, затрагивая эпизоды картины происшедшего, у лица, не обладающего информацией по делу, как правило, эмоциональной напряженности не вызывают. Этого нельзя сказать об участнике следственного действия, который, испытывая страх перед возможностью разоблачения тщательно скрываемых фактов (возможно, даже не в совершении конкретного преступления, а какого-либо неблагоприятного поступка), «провоцирует» расстройство физиологических процессов своего организма.

Означенный процесс имеет место в связи с тем, что в обычном, спокойном состоянии нормальный, «среднестатистический» человек контролирует сознательную часть своей памяти и подавляет нежелательные для него воспоминания. Выдавая ложь за истину или ссылаясь на «необладание» той или иной информацией по делу, недобросовестный участник уголовного процесса испытывает внутреннее напряжение и дискомфорт, у него возникают негативные физиологические реакции на вопросы-раздражители: он не в состоянии контролировать физиологические процессы, происходящие в организме, те находят свое выражение автоматически, независимо от его сознания и воли.

Эффективность, законность и характер получаемой информации в ходе ИДЭН целиком и полностью зависят от профессионально грамотного построения теста, предлагаемого контролируемому лицу. Психологически хорошо продуманные тесты соответствуют определенному методу, положенному в основу их разработки. В специальной литературе выделяются несколько различных методов, которые в совокупности можно подразделить на две основные группы: прямой (непосредственный) и непрямой (опосредованный) метод.

Сущность прямого метода заключается в том, что у допрашиваемого при ответе на вопросы, связанные с преступлением, обнаруживаются более сильные реакции, чем при ответе на вопросы, носящие нейтральный характер, что позволяет сделать вывод о наличии лжи в его показаниях.

Однако при этом указанные вопросы способны вызвать и у необоснованно подозреваемого лица повышение эмоционального напряжения, что, возможно, является последствием переживаний, стыда, страха.

Непрямой метод находит свое применение в тех случаях, когда есть основания предполагать, что допрашиваемый, обладая информацией об обстоятельствах совершенного преступления, настоятельно это отрицает, а о деталях расследуемого преступления осведомлено лишь лицо, его совершившее или непосредственно его воспринимавшее в качестве жертвы или очевидца-свидетеля.

В подобной ситуации (определяющей применение непрямого метода) необходимо выяснить степень осведомленности испытуемого лица об интересующем следствии факте, учитывая то обстоятельство, что допрашиваемый, сам непосредственно не наблюдая деяние и не участвуя в нем, может быть осведомлен о происшедшем из иных источников. Следователь, осуществляющий допрос перед проведением ИДЭН, должен крайне осторожно распоряжаться информацией, которой он располагает, чтобы испытуемое лицо не было проинформировано о деталях преступления, ему до этого неизвестных. В противном случае при проведении теста зарегистрированные реакции посторонних лиц могут быть схожими с реакциями лиц, непосредственно воспринимавших противоправное деяние.

Важно, чтобы лицо, непричастное к уголовно наказуемому деянию и / или не обладающее искомой информацией по делу, реагировало на все вопросы-раздражители одинаково. Поэтому критические раздражители чередуются с нейтральными, не имеющими отношения к существу дела.

Внедрение в следственную практику ИДЭН и дальнейшее ее совершенствование предопределено необходимостью решения проблем предварительного расследования, нуждающегося в новых направлениях поиска истины по делу. Вряд ли можно согласиться с мнением противников использования полиграфа, которые исключают его из числа правомерных средств ведения допроса, где, по их мнению, права обвиняемого на дачу показаний будут заменяться обязанностью [14], а отказ от испытания создаст презумпцию его виновности, и дальнейшее расследование будет еще более односторонним и необъективным [15, с. 214].

С нашей точки зрения, речь не идет об ущемлении прав участников уголовного судопроизводства, унижении их чести и достоинства. Права

подозреваемого и обвиняемого, предусмотренные ст. 46 и 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ, подлежат их строгому и неуклонному соблюдению и на момент решения вопроса об использовании нетрадиционных методов получения искомой информации. А это значит, что отказ от участия в проверке на полиграфе, как и отказ от дачи показаний, не может быть дополнительной уликой в отношении подследственного. Применение же полиграфа в ходе получения показаний от лица, необоснованно подозреваемого в совершении преступления, предоставляет возможность рассеять в отношении его подозрения. Так, в США человек, успешно выдержавший проверку на полиграфе, как правило, автоматически исключается из числа подозреваемых.

Подобная процедура должна осуществляться строго на добровольной основе, допуская испытание лишь с письменного согласия лица, вовлеченного в уголовный процесс, независимо от его процессуального статуса. Проведение испытания на полиграфе должно входить в перечень именно прав, а не обязанностей участника уголовного процесса; хотя надо признать, что потерпевших и свидетелей закон понуждает к даче показаний под угрозой уголовного преследования.

Нельзя не признать, что в специальной литературе встречается и кардинально противоположное мнение. В частности, П. Прукс исходит из постулата о том, что у потерпевших и свидетелей как участников уголовного процесса, которые «обязаны давать показания и несут за отказ их дачи уголовную ответственность... согласия вообще не требуется» [6, с. 152]. Более того, имеет место и такое: «Для практической реализации... предлагаются следующие мероприятия: ...3) внести в законодательные инстанции предложения о закреплении права проведения проверок в отношении лиц... обвиняемых в совершении тяжких преступлений — без их согласия» [16, с. 61].

Наша позиция находит свое обоснование в следующем:

1) в случае принудительного обследования на полиграфе происходит явное психическое насилие над личностью, что законом и моралью запрещено;

2) принудительное обследование способствует произвольному повышению (без слов-раздражителей) эмоционального напряжения, что не гарантирует объективности регистрации отправлений функций организма;

3) обследование на полиграфе против воли обладателя искомой информации лишает следователя возможности установить с ним деловой контакт и взаимопонимание;

4) при нежелании подвергаться обследованию испытуемое лицо, знакомое в самых общих чертах с принципами действия полиграфа, может избежать проверки, предварительно употребив спиртное, сильнодействующие лекарственные средства или наркотикосодержащие вещества.

Не случайно рассматриваемая проблема на протяжении столь длительного периода не утрачивает актуальности и в научных кругах, и среди практических работников, где ведется активная полемика, публикуются научные работы, касающиеся специфики внедрения и использования полиграфа в деятельности правоохранительных органов, в которых раскрываются достоинства и указывается на недостатки указанного аппарата с учетом отечественного и зарубежного опыта. Так, касаясь доказательственной ценности информации, получаемой в результате ИДЭН, необходимо отметить, что даже в странах, где полиграф нашел широкое применение в рамках предварительного расследования (США, Японии, Австралии), не прекращается дискуссия о допуске результатов допроса с использованием полиграфа в качестве судебных доказательств. В числе основных аргументов против называются следующие:

— техника полиграфа еще не стандартизирована в отношении процедуры испытаний, квалификации операторов;

— если бы результаты испытаний допрашиваемых с помощью полиграфа были допущены в качестве судебных доказательств, их стали бы представлять как решающее доказательство по уголовным делам;

— поскольку не существует точно установленных стандартов оценки результатов испытаний с помощью полиграфа, суды не будут в состоянии с достаточной обоснованностью определять, следует ли допускать в качестве доказательств результаты того или иного испытания;

— заключение о результатах проведенных испытаний, что являются по своему характеру такими, лишают судей возможности разобраться в основаниях, из которых исходят эксперты [17].

По некоторым данным, в нашей стране решение об использовании полиграфа было принято в середине 1970-х гг.; эти исследования проводились в целях обеспечения государственной безопасности. С 1989 г. проводятся работы по внедрению полиграфа в деятельность органов внутренних дел (далее — ОВД), главным образом для сбора

данных по конкретным преступлениям в рамках оперативно-разыскной деятельности; тогда же в ВНИИ МВД СССР и ГУУР МВД СССР были созданы группы специалистов, занимавшихся изучением состояния проблемы и подготовкой предложений по практическому использованию полиграфа. А в 1992 г. уже на базе ВНИИ МВД России был образован Отдел психофизиологических проблем раскрытия преступлений и анализа преступного поведения, на который возлагалась разработка научно-методического обеспечения использования полиграфа в деятельности ОВД. На тот период полиграф успешно применялся не только при раскрытии целого ряда тяжких резонансных преступлений, имели место и случаи установления непричастности к преступлению подозреваемых; об этом свидетельствуют научные публикации того времени [18]. Надо признать, что полиграф применялся исключительно с согласия подозреваемых лиц.

Касаясь правовых оснований применения полиграфа, следует заметить, что Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ наделяет правоохранительные органы правом при проведении оперативно-разыскных мероприятий применять среди прочих технические средства, не наносящие ущерба жизни и здоровью граждан, не причиняющие вред окружающей среде. Об этом же говорится и в целом ряде инструкций об основах организации и тактики проведения оперативно-технических мероприятий и регулирующих порядок использования полиграфа при опросе граждан, которые были утверждены в 1990-е гг. соответствующими приказами МВД России под грифом «ДСП».

Мы не ставим перед собой задачи по освещению всех подзаконных нормативных актов, регулирующих данный процесс на базе МВД России, но не можем не обратить внимания на приказ, регулирующий производство судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях. Именно здесь в п. 19.1 Перечня родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях ОВД, определено психофизиологическое исследование в отношении лица с применением полиграфа, т. е. в Перечень включена психофизиологическая экспертиза¹.

¹ Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 (с изм. на 27.09.2023) // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.12.2023).

В 2006—2008 гг. по инициативе руководства МВД по Республике Татарстан (по согласованию с ЭКЦ МВД России) в республиканском экспертно-криминалистическом центре успешно прошел эксперимент по внедрению в практику комплексных психолого-психофизиологических экспертиз. Были решены организационные, методические и материально-технические вопросы, проведено 80 судебных экспертиз с применением полиграфа: 22 заключения эксперта в ходе судебного разбирательства стали одним из оснований для вынесения обвинительного приговора, девять — для прекращения уголовного преследования, остальные послужили убедительной основой для выдвижения новых следственных версий. Прделанная работа стала передовым опытом производства психофизиологических экспертиз с применением полиграфа не только в органах внутренних дел, но в целом в системе отечественных государственных судебно-экспертных учреждений. С августа 2016 г. в ЭКЦ МВД России функционирует отделение психофизиологических исследований¹.

Соответственно, результаты психофизиологических экспертиз, как любое исследование, проводимое компетентным лицом, привлеченным по поручению заинтересованных лиц, в целях получения ответов на вопросы, требующих определенных специальных познаний, суды первых инстанций стали принимать практически повсеместно в качестве доказательства по уголовным делам. По свидетельству Н. А. Колоколова, судьи Верховного Суда РФ в отставке, и в кассационной практике Верховного Суда РФ имеют место ссылки на заключение психофизиологической экспертизы. Он при этом не скрывает иронии, за которой просматривается отношение к нетрадиционному методу получения дополнительной информации по делу, а именно: «...информация, получаемая с помощью данного чуда техники, долгое время носила статус оперативной. Затем появились умельцы, трансформирующие ее в конкретные доказательства — заключения экспертов, полученные по результатам проведения психофизиологической экспертизы, достоверность которых с недавних пор признается судами различных уровней» [19, с. 5].

¹ Порядок назначения и проведения психофизиологических экспертиз и исследований с применением полиграфа в системе МВД России: методические рекомендации. Москва: ЭКЦ МВД России, 2018. URL: <https://expert-spfi.ru/metodicheskiye-rekomendatsii> (дата обращения: 16.11.2023).

Ирония профессора Н. А. Колоколова понятна: даже такие признанные специалисты в области полиграфологии, как профессор Ю. К. Орлов и профессор Ю. Н. Холодный, отмечают, что следователи, адвокаты и судьи, сталкиваясь в своей служебной деятельности с новым видом экспертизы, испытывают затруднения в оценке их результатов и качества исполнения. Сложность их положения состоит еще и в том, что сама технология производства судебно-психофизиологической экспертизы находится только в стадии становления и многие вопросы методического, организационного, технического и иного характера продолжают оставаться неурегулированными. Нередко оставляет желать лучшего профессиональный уровень экспертов-полиграфологов [20].

Нетрадиционные методы не могут противопоставляться традиционным или обладать правом приоритета, они должны оцениваться в совокупности с иными доказательствами по делу. Например, рассматривая кассационную жалобу осужденного за убийство С., Верховный Суд Российской Федерации в определении признал заключение психофизиологической экспертизы, наряду с иными материалами (заключениями ситуационной, медицинской и биологической судебных экспертиз, показаниям свидетелей обвинения и пр.), доказательством по делу. «Все эти доказательства согласуются между собой по фактическим обстоятельствам, не содержат существенных противоречий, а по основным вопросам совпадают в деталях, в связи с чем, как не вызывающие сомнений в своей достоверности, правильно взяты судом за основу при постановлении приговора»².

Думаем, нет необходимости углубляться в полемику, практика использования нетрадиционных методов получения информации в ходе производства по делу все расставит по своим местам, приоритеты с течением времени, как правило, могут быть подвержены «корректировке», и порой самой неожиданной. Мы же, как и три десятилетия назад, склонны к использованию полученных в ходе ИДЭН данных в качестве ориентирующей, вспомогательной информации, которая имеет тактическое значение. Данную информацию следует принимать во внимание, а порой и за основу, при выдвижении следственных и розыскных версий, проведении подготовительных мероприятий к очередным

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. № 203-О11-1. URL: https://dogovor-urist.ru/судебная_практика/дело/203-о11-1/ (дата обращения: 15.11.2023).

следственным действиям, использовать ее для нужд оперативного аппарата и т. п.

Так, в частности, использование полиграфа при допросе по поводу сокрытия тех или иных предметов позволяет решить проблему предстоящего обыска, сужая круг поисков от квартиры до комнаты, где находится тайник, с точностью до паркетной дощечки в полу, которую необходимо вскрыть, чтобы обнаружить искомое, нередко являющееся решающим доказательством по делу [6]. В различных источниках встречается мнение — надо признать, довольно спорное и неоднозначное, — что именно посредством применения нетрадиционных методов получения информации специалистам из Федерального бюро расследований в конце 1950-х гг. удалось разоблачить (получить неопровержимые доказательства виновности) легендарного советского разведчика-нелегала Рудольфа Абеля, который был выдан властям США предателем-перебежчиком. А именно: в результате допроса Р. Абеля с использованием полиграфа были обнаружены места хранения объектов, имеющих отношение к шпионской деятельности, которые заблаговременно были им укрыты в надежном месте.

Профессор В. А. Семенцов, в свою очередь, обосновывает возможность проверки на полиграфе правдивости показаний, полученных не только

в ходе допроса, но и при проведении иных следственных действий, направленных на получение вербальной информации, — очной ставки, предъявления для опознания и проверки показаний на месте [21]. К слову, практике известны отдельные случаи успешного применения полиграфа в ходе проведения опознания, когда прибор зафиксировал резкое эмоциональное возбуждение подозреваемого, которому были предъявлены для обозрения вещи, забытые им на месте происшествия [22, с. 142].

Подводя итог сказанному, отметим следующее. Повсеместное применение полиграфа в нашей стране на стадии предварительного расследования — дело времени. Не вызывает сомнений, что к исследованию достоверности своих показаний в основном будут прибегать участники уголовного процесса, уверенные в своей правоте. Вполне закономерно, что использование полиграфа должно определяться не столько функцией изобличения виновных (что, естественно, имеет немаловажное значение), сколько решать проблему сведения к минимуму следственно-судебных ошибок. Полученная в результате проверки на полиграфе информация должна подтверждаться иными материалами по делу, в том числе имеющими доказательственное значение.

---

1. Нуманов Т. Бессмертный Авиценна, или Чем знаменит «метод Сина»? URL: <https://www.shkolazhizni.ru/biographies/articles/27391/> (дата обращения: 21.01.2024).

2. Ярошевский М. Г. История психологии. Москва: Мысль, 1966. 564 с.

3. Лурия А. Р. Природа человеческих конфликтов. Объективное изучение дезорганизации поведения человека / под общ. ред. В. И. Белопольского. Москва: Когито-Центр, 2002. 527 с.

4. См.: Вышинский А. Я. Проблемы оценки доказательств в советском уголовном процессе // Проблемы уголовной политики. Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. Кн. 4. С. 29; Полянский Н. Проблемы «механизации» уголовного процесса в США // Советское государство и право. 1941. № 1. С. 118; Розенблит С. Инквизиционные методы допроса подозреваемых в США // Социалистическая законность. 1954. № 4. С. 89; и др.

5. Строгович М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. Москва; Ленин-

---

1. Numanov T. Immortal Avicenna, or What is the "method of Sine" famous for? Available from: <https://www.shkolazhizni.ru/biographies/articles/27391/>. Accessed: 21 January 2024. (In Russ.).

2. Yaroshevsky M. G. History of Psychology. Moscow: Mind; 1966: 564. (In Russ.).

3. Luria A. R. Nature of human conflicts. Objective examination of human behaviour disorganization. Ed. by V. I. Belopolsky. Moscow: Cogito-Centre; 2002: 527. (In Russ.).

4. Refer to: Vyshinsky A. Ya. Problems of evidence evaluation in the Soviet criminal procedure. In: Problems of criminal policy. Book 4. Moscow: Judicial Publishing house of JPC of the USSR; 1937: 29. (In Russ.); Polyansky N. Problems of "mechanization" of the criminal procedure in the USA. Soviet state and law, 118, 1941. (In Russ.); Rosenblit S. Inquisitorial methods of suspects' interrogation in the USA. Socialist legality, 89, 1954. (In Russ.); et al.

5. Strogovich M. S. The doctrine of material truth in the criminal procedure. Moscow; Leningrad: Publishing house and the 2nd printing house

град: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в М., 1947. 276 с.

6. Прукс П. Уголовный процесс: научная «детекция лжи». Инструментальная диагностика эмоциональной напряженности и возможности ее применения в уголовном процессе: монография. Тарту: Тартуский ун-т, 1992. 199 с.

7. См.: Детектор лжи — большой обманщик // Интер. 1994. 22—27 мая; Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика. Москва: Бек, 1996. С. 113—148; Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Москва: Юрлитинформ, 2000. С. 91—93; Колоколов Н. А. Чем объяснить авторитет Полиграфа Полиграфовича? // Уголовное судопроизводство. 2018. № 4. С. 3—5; Николаев А. Ю. Полиграф?! Не пора ли «притормозить»... URL: <https://pravorub.ru/articles/80589.html> (дата обращения: 05.11.2023); и др.

8. Тарло Е. Г. Полиграф! Ты не прав! URL: <http://www.livejournal.com/12080.html> (дата обращения: 05.11.2023).

9. Букаев Н. М. Полиграф и гипноз: проблемы применения в уголовном процессе России // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (26—27 окт. 2006 г.). Тюмень: Тюменский гос. ин-т, 2007. Вып. 3. С. 153; Вареникова С. П. Процессуальные возможности криминалистического исследования идеальных следов в уголовном судопроизводстве // Союз криминалистов и криминологов. 2016. № 1-4. С. 55; Использование полиграфа. URL: <https://studfile.net/preview/6469699/page:2/> (дата обращения: 05.11.2023).

10. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей: учеб. пособие. Москва: Юрлитинформ, 2001. 352 с.

11. Закатов А. А. Ложь и борьба с нею: монография. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1984. 192 с.

12. Строгович М. С. Некоторые вопросы использования психологических знаний в юридической науке // Психологический журнал. 1980. Т. 1, № 6. С. 96—108.

13. Виноградова Т. Ю., Якушин С. Ю. Рецензия на работу Прукса П. «Уголовный процесс: научная «детекция лжи». Инструментальная диагностика эмоциональной напряженности и возможности ее применения в уголовном процессе» // Государство и право. 1993. № 7. С. 155—158.

of the Academy of Sciences of the USSR in Moscow; 1947: 276. (In Russ.).

6. Pruks P. Criminal procedure: scientific "lie detecting". Instrumental diagnostics of emotional stress and possibilities of its application in criminal proceedings: Monograph. Tartu: Tartu University; 1992: 199. (In Russ.).

7. Refer to: Lie detector is a big deceiver. Inter. 1994. 22—27 May; Larin A. M. Criminalistics and para-criminalistics. Moscow: Beck; 1996: 113—148. (In Russ.); Shadrin V. S. Ensuring the rights of the individual in crimes investigation. Moscow: Yurlitinform; 2000: 91—93. (In Russ.); Kolokolov N. A. How to explain the authority of Poligraf Poligrafovich? Criminal Justice, 3—5, 2018. (In Russ.); Nickolayev A. Yu. Polygraph!? Isn't it time to "slow down"... Available from: <https://pravorub.ru/articles/80589.html>. Accessed: 5 November 2023. (In Russ.); et al.

8. Tarlo Ye. G. Polygraph! You are not right! Available from: <http://www.livejournal.com/12080.html>. Accessed: 5 November 2023. (In Russ.).

9. Bukaev N. M. Polygraph and hypnosis: problems of application in the criminal procedure of Russia In: Improving the activities of law enforcement agencies to combat crime under modern conditions. Materials of All-Russian scientific-practical conference, 26—27 October 2006. Tyumen: Tyumen State Institute; 2007: 153. (In Russ.); Varenikova S. P. Procedural possibilities of criminalistics examination of ideal traces in criminal proceedings. Criminalists and criminologists union, 55, 2016. (In Russ.); Use of polygraph. Available from: <https://studfile.net/preview/6469699/page:2/>. Accessed: 5 November 2023. (In Russ.).

10. Ratinov A. R. Forensic psychology for investigators. Textbook. Moscow: Yurlitinform; 2001: 352. (In Russ.).

11. Zakatov A. A. Lie and the struggle against it. Monograph. Volgograd: Lower-Volga publishing house; 1984: 192. (In Russ.).

12. Strogovich M. S. Some issues to use psychological knowledge in legal science. Psychological journal, 96—108, 1980. (In Russ.).

13. Vinogradova T. Yu., Yakushin S. Yu. Review of the work of Pruks P. "Criminal procedure: scientific "lie detecting". Instrumental diagnostics of emotional tension and possibilities of its application in the criminal proceedings". State and law, 155—158, 1993. (In Russ.).

14. Elkind P. S. Goals and means of their achievement in Soviet criminal procedural law. Lenin-

14. Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 143 с.

15. Петрухин И. Л. Буржуазная юстиция: судебные ошибки и их причины // Проблемы государства и права. Москва: Изд-во ИГиП АН СССР, 1975. Кн. 11. С. 204—214.

16. Корчагин М. Н. Использование полиграфа в криминалистической практике // Современные проблемы правоохранительной деятельности: межвуз. сб. науч. тр. / редкол.: Б. П. Смагоринский (отв. ред.) и др. Волгоград: ВСШ МВД России, 1995. С. 56—61.

17. Китченко В. Г., Соколова О. В. Некоторые вопросы использования полиграфа как средства квалифицированного наблюдения при расследовании преступлений // Деятельность органов внутренних дел по охране прав и законных интересов граждан в условиях перехода к рыночной экономике. Москва: ВЮЗШ МВД РФ, 1993. Вып. 4. С. 87—92.

18. См.: Варламов В. Измерение совести // Милиция. 1994. № 11. С. 38; Милушкин С. Е., Корчагин М. Н. Еще раз о полиграфе // Вестник МВД Российской Федерации. 1994. № 4. С. 96; Плотников А. А. Использование полиграфа в раскрытии преступлений: лекция. Хабаровск: Высш. шк., 1996. С. 19—20; и др.

19. Колоколов Н. А. Проблемы современного уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство. 2011. № 4. С. 4—9.

20. Орлов Ю. К., Холодный Ю. И. Процессуальные вопросы применения полиграфа при расследовании уголовных дел // Уголовный процесс. 2013. № 3. С. 28—35.

21. Семенцов В. А. Проверка правдивости показаний на полиграфе // Семенцов В. А. Избранные статьи по уголовному процессу. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. 593 с.

22. Розовский Б. Г. Об использовании технических средств в допросе // Криминалистика и судебная экспертиза: республиканский межведомств. сб. науч. и науч.-метод. работ. Киев: РИО МООН УССР, 1967. Вып. 4. С. 139—144.

grad: Leningrad University; 1976: 143. (In Russ.).

15. Petrukhin I. L. Bourgeois justice: judicial errors and their causes. In: Problems of state and law. Book 11. Moscow: Institute of State and Law of the Academy of Sciences of the USSR; 1975: 204—214. (In Russ.).

16. Korchagin M. N. The use of polygraph in criminalistics practice. In: Modern problems of law enforcement activity. Interuniversity collection of scientific articles. Ed. by B. P. Smagorinsky et al. Volgograd: Higher investigators' training college of the Ministry of the Interior of Russia; 1995: 56—61. (In Russ.).

17. Kitchenko V. G., Sokolova O. V. Some problems of polygraph using as a means of qualified observation in crimes investigation. In: Activity of internal affairs bodies to protect the rights and legitimate interests of citizens in the transition to market economy. Vol. 4. Moscow: Higher correspondence school of the Ministry of the Interior of Russia; 1993: 87—92. (In Russ.).

18. Refer to: Varlamov V. Dimension of conscience. Militia, 38, 1994. (In Russ.); Milushkin S. E., Korchagin M. N. Once again about polygraph. Journal of the Ministry of the Interior of Russia, 96, 1994. (In Russ.); Plotnikov A. A. Using of polygraph in crime detection. Lecture. Khabarovsk: Higher school; 1996: 19—20. (In Russ.); et al.

19. Kolokolov N. A. Problems of modern criminal proceedings. Criminal proceedings, 4—9, 2011. (In Russ.).

20. Orlov Yu. K., Kholodny Yu. I. Procedural issues of polygraph usage in the investigation of criminal cases. Criminal procedure, 28—35, 2013. (In Russ.).

21. Sementsov V. A. Polygraph verification of testimony truthfulness. In: Selected articles on criminal procedure. Krasnodar: Education-South; 2013: 593. (In Russ.).

22. Rozovsky B. G. On the using of technical means in interrogation. In: Criminalistics and forensic science. Republican interdepartmental collection of scientific works. Vol. 4. Kiev: Publishing department of Public Order Security Ministry of the Ukrainian SSR; 1967: 139—144. (In Russ.).

Замылин Евгений Иванович,

профессор кафедры криминалистики
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
efrommm@mail.ru

Zamylin Yevgeny Ivanovich,

professor at the department of criminalistics
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor;
efrommm@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.03.2024; одобрена после рецензирования 03.04.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 25.03.2024; approved after reviewing 03.04.2024; accepted for publication 14.05.2024.

* * *

УДК 343.982.33

**ПОНЯТИЕ ПОДДЕЛЬНОГО ДЕНЕЖНОГО БИЛЕТА
КАК ОБЪЕКТА СИСТЕМЫ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕГИСТРАЦИИ**

Елена Валерьевна Кириллова

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, LeopardElena@yandex.ru

Аннотация. Поддельный денежный билет как элемент учетно-регистрационной деятельности подлежит системному изучению в рамках раскрытия и расследования преступлений в сфере фальшивомонетничества для получения оперативной информации по результатам проверки по различным видам учетно-регистрационных массивов, формируемых подразделениями МВД России. С одной стороны, являясь объектом централизованных учетов, поддельный денежный билет содержит в себе фактографическую информацию и криминалистически значимые данные о месте, времени и иных обстоятельствах его изъятия из незаконного оборота. Систематизация указанных данных и их последующее сопоставление со сведениями, ранее размещенными в централизованных информационных массивах, позволяет расширить возможности информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений в сфере фальшивомонетничества. С другой стороны, поддельный денежный билет как объект экспертно-криминалистических учетов предусматривает его изучение с точки зрения судебной экспертологии, в частности в качестве объекта технико-криминалистической экспертизы документов, трасологической экспертизы, а также криминалистического исследования материалов, веществ и изделий. Производство экспертных исследований предусматривает получение информации относительно способа изготовления поддельных денежных знаков, систематизация которой направлена на установление данных о едином источнике происхождения поддельных денежных билетов, что также позволяет повысить эффективность информационного обеспечения противодействия рассматриваемым преступлениям. Однако, несмотря на результативность данного направления криминалистической регистрации, следует констатировать разобщенность подходов в теории и практике толкования сущности предмета преступного посягательства по преступлениям в сфере фальшивомонетничества, в том числе как объекта учетно-регистрационной деятельности, что негативно влияет на возможность планирования и реализации интеграционных процессов объединения информационных массивов в единые базы данных.

В целях формирования искомого понятия в статье представлены результаты изучения сущности поддельного денежного билета посредством применения исторического, этимологического, законодательного и функционального подхода. Сформированная авторская дефиниция «поддельный денежный билет» должна способствовать единообразному толкованию рассматриваемого объекта криминалистической регистрации и определять ключевые направления расширения информационного обеспечения деятельности по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере фальшивомонетничества.

Ключевые слова: поддельный денежный билет, криминалистическая регистрация, защищенная полиграфическая продукция, учетно-регистрационная деятельность, информационный массив

Для цитирования: Кириллова Е. В. Понятие поддельного денежного билета как объекта системы криминалистической регистрации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 174—180.

CONCEPT OF COUNTERFEIT MONEY TICKET AS AN OBJECT OF CRIMINALISTIC REGISTRATION SYSTEM

Yelena Valerievna Kirillova,

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, LeopardElena@yandex.ru

Abstract. The counterfeit money ticket as an element of registration activity is subject to systematic examination, while detecting and investigating counterfeiting crimes to obtain operative information based on the results of verification of various types of registration data formed by the departments of the Ministry of the Interior of Russia. On the one hand, being an object of centralized records, a counterfeit money ticket contains factographic information and significant forensic data on the place, time and other circumstances of its seizure from illegal trafficking. The systematization of the above mentioned data and their subsequent comparison with the data previously placed in centralized information blocks make it possible to expand the opportunities of information support for the detection and investigation of counterfeiting crimes.

On the other hand, the counterfeit money ticket as an object of forensic records provides for its examination from the point of view of forensic science, in particular as an object of technical and forensic examination of documents, traceological examination, as well as forensic examination of materials, substances and products. Forensic examination provides for obtaining information on the method of production of counterfeit currency notes, the systematization of which is aimed at establishing data on a single source of origin of counterfeit money tickets, which also makes it possible to increase the effectiveness of information support to counteract the crimes in question. However, despite the effectiveness of this direction of forensic registration, it should be noted that there is a fragmentation of approaches in theory and practice to interpret the essence of the subject of criminal encroachment related to crimes in the sphere of counterfeiting, including as an object of accounting and registration activity. It affects the possibility to plan and realize the integration processes of combining information blocks into unified databases in a negative way.

In order to form the desired concept, the article presents the results of the essence of a counterfeit money ticket examination by using historical, etymological, legislative and functional approaches. The author's definition of "counterfeit money ticket" should contribute to a uniform interpretation of the considered object of forensic registration and determine the key directions to expand information support for the prevention, detection and investigation of crimes in the sphere of counterfeiting.

Keywords: counterfeit money ticket, forensic registration, protected printing products, accounting and registration; information data (block)

For citation: Kirillova Ye. V. Concept of counterfeit money ticket as an object of criminalistic registration system. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 174—180, 2024. (In Russ.).

В настоящее время отмечается общемировая тенденция замены формы осуществления платежей, связанная с постепенным отказом населения от использования наличных купюр и переходом на безналичный расчет. Несмотря на бурный рост электронных платежей, наличные банкноты и монеты по-прежнему остаются важной частью финансовой системы и неотъемлемым элементом национальной культуры и идентичности.

По официальным данным Банка России, объем наличных денег, присутствующих в обращении, на 1 января 2024 г. составляет 18,4 трлн рублей, что на 2 трлн больше аналогичного показателя прошлого года¹. Указанные цифры дают основа-

ние утверждать, что бумажные деньги остаются актуальным и востребованным платежным и накопительным средством, что неизбежно порождает интерес к ним со стороны криминального сообщества.

Общественная опасность фальшивомонетничества заключается в причинении вреда кредитной системе страны, выражающегося в подрыве экономики, устойчивости отечественной валюты и затруднении регулирования объема наличных денежных средств, находящихся в обращении.

История фальшивомонетничества берет начало задолго до появления первой монеты. Уже в древние времена люди пытались подделывать ценности, используемые в качестве средств платежа, стремясь получить легкую прибыль. Впервые сведения о фальшивомонетничестве на Руси упоминаются

¹ Наличное денежное обращение. URL: https://cbr.ru/cash_circulation/ (дата обращения: 14.02.2024).

в летописи Новгорода. В 1447 г. какой-то «ливец» и «висей» (отливщик драгоценных металлов) Федор Жеребец промышлял производством гривен из неполноценного металла¹.

Первые бумажные деньги на территории нашего государства, введенные в обращение во времена правления Екатерины II, достаточно быстро стали высоко востребованы населением, однако низкий уровень защитных средств купюр неизбежно привел к появлению подделок. Фальшивомонетничество всегда считалось тяжким преступлением, угрожающим экономической безопасности государства, поэтому и наказания за него во все времена были весьма жестокими и предусматривали серьезное калечение, а часто и смертную казнь.

Это подчеркивает приоритетность и важность противодействия рассматриваемым противоправным деяниям как значимого элемента стратегии национальной безопасности страны. В настоящее время денежные билеты являются предметом преступного посягательства по преступлениям, предусмотренным ст. 186 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ), которые занимают одно из лидирующих мест среди наиболее опасных экономических преступлений.

В целях обеспечения безопасности национальной валюты и укрепления стабильности кредитной системы нашей страны Центральным Банком Российской Федерации постоянно совершенствуются имеющиеся и разрабатываются новые, актуальные элементы защиты отечественных денежных билетов. Следует отметить, что выявление и изъятие из обращения поддельных платежных средств во многих случаях предусматривает необходимость использования технических устройств, что находит подтверждение в данных судебно-следственной практики, согласно которым основная часть поддельных денежных билетов выявляется в финансовых организациях при пересчете денежных средств. Во многом это связано с доступностью в товарообороте как материалов, используемых преступниками для изготовления поддельных денежных билетов и имитации элементов защиты, так и современных технических средств, предназначенных для нанесения изображений в высоком качественном разрешении, при покупке которых не требуется официальной регистрации устройства.

Анализ судебно-следственной практики по рассматриваемым преступлениям с 2000-х гг. по настоящее время позволяет сделать вывод, что в ряде случаев поддельные денежные билеты поступали в денежный оборот Российской Федерации путем их ввоза с территории иностранных государств для дестабилизации отечественной экономической системы. Однако большая их часть была произведена внутри страны в целях личного обогащения субъектов их изготовления.

Деятельность по борьбе с фальшивомонетничеством предусматривает выработку эффективного процесса взаимодействия всех заинтересованных ведомств в рамках своевременного выявления и пресечения противоправных действий. Согласно данным официальной статистики, количество уголовных дел, возбужденных по ст. 186 УК РФ по факту обнаружения и изъятия из обращения поддельных денежных билетов, несмотря на некоторое снижение, остается весьма стабильным. Так, за 2021 г. возбуждено более 17 000 уголовных дел, в 2022 г. — более 13 000 и в 2023 г. — более 7 000. Снижение общего числа уголовных дел напрямую связано со снижением количества выявленных поддельных банкнот Банка России в банковской системе Российской Федерации. Согласно официальным данным о поддельных денежных билетах Банка России, выявленных в банковской системе России, размещенным на официальном сайте Банка России, в 2021 г. было обнаружено более 36 000 поддельных денежных знаков Банка России, в 2022 г. более 22 000, а в 2023 г. около 13 000 поддельных банкнот².

Однако ни снижение общего числа изъятых поддельных денежных билетов, ни снижение количества уголовных дел, возбужденных по ст. 186 УК РФ, не оказывает существенного влияния на актуальность рассматриваемой проблемы и значимость деятельности по борьбе с фальшивомонетничеством. В указанных статистических данных не учитывается количество поддельных денежных билетов, обнаруженных в ходе оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий. Например, в марте 2023 г. в Дагестане ФСБ совместно с МВД России пресечена деятельность организованного преступного сообщества, которое занималось производством поддельных денежных билетов номиналом пять тысяч рублей. По официальным

¹ Фальшивомонетничество. URL: <https://znanierussia.ru/articles/Фальшивомонетничество> (дата обращения: 05.04.2024).

² Данные о поддельных денежных знаках, выявленных в банковской системе России. URL: https://cbr.ru/statistics/cash_circulation/den_zn/2023/ (дата обращения: 16.04.2024).

данным ФСБ России, в год в типографии печатали более 1 млрд рублей¹. В ноябре того же года пресечена деятельность межрегионального организованного преступного сообщества, специализировавшегося на изготовлении и оптовой реализации поддельных билетов Центрального банка Российской Федерации номиналом пять тысяч рублей на территории семи субъектов, а именно Москвы и Санкт-Петербурга, Московской, Ростовской, Волгоградской и Белгородской областей, республик Дагестан и Крым. В ходе проведения обысков изъяли более 20 млн фальшивых рублей и оборудование для их изготовления².

Несмотря на многовековую историю противодействия фальшивомонетничеству, в теории и практике так и не было выработано единого уголовно-правового и криминалистического понятия поддельного денежного билета, что порождает значительное количество толкований данного термина в зависимости от личного предпочтения субъекта его употребления в контексте применения.

В целях формирования единого подхода к исковой дефиниции нами были проанализированы современные законодательные, научные и методологические подходы к сущности и содержанию поддельного денежного билета.

В настоящее время законодательство определяет, что денежной единицей в Российской Федерации является рубль (ст. 75 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)). Исключительное право на осуществление денежной эмиссии принадлежит Центральному банку Российской Федерации (далее — Центробанк РФ). Банкноты (банковские билеты) и монеты Банка России являются единственным законным средством наличного платежа на территории Российской Федерации. Их подделка и незаконное изготовление преследуются по закону (ст. 29 Федерального закона «О центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ»). Таким образом, Центробанк РФ опосредованно указал, что наименование ненадлежащих платежных средств должно звучать в фор-

мулировке «поддельные денежные билеты (банкноты)». Этот же термин использован законодателем при формулировке ст. 186 УК РФ. Однако ни в одном комментарии не нашло отражения содержание данного определения, указывается лишь его ключевая характеристика — полная или частичная подделка, имеющая существенное сходство с денежными билетами, изготовленными производством АО «Гознак»³.

Отмечается аналогичный ведомственный подход к рассматриваемому элементу криминалистической регистрации. Нормативные правовые акты МВД России, регламентирующие учетно-регистрационную деятельность, предусматривают его использование в контексте «поддельный денежный билет». В частности, приказ МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70⁴ содержит наименование данного вида учетов — «Учет поддельных денежных билетов, бланков ценных бумаг и бланков документов». Однако, как и в ранее рассмотренных случаях, ни в самом нормативном правовом акте, ни в методических рекомендациях по порядку формирования и использования учета поддельных денежных билетов, бланков ценных бумаг и бланков документов от 28 декабря 2021 г. не содержится расшифровки понимания данного термина.

Поддельный денежный билет как предмет преступного посягательства неоднократно рассматривался в научно-исследовательских работах в контексте предупреждения, раскрытия и расследования преступлений в сфере фальшивомонетничества, а также при рассмотрении криминалистической характеристики данного вида преступлений, алгоритма проведения оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий. Авторами при этом используются различные, подчас обывательские, формулировки исковой дефиниции (например: «фальшивые деньги», «фальшивки», «подделки»), вместе с тем вне поля исследования

³ О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 апреля 1994 г. № 2 (ред. от 06.02.2007) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4040/ (дата обращения: 09.04.2024).

⁴ Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024). Далее — Приказ МВД России от 10.02.2006 № 70.

¹ ФСБ подтвердила задержание фальшивомонетчиков, напечатавших в Дагестане более 1 млрд рублей. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5888392> (дата обращения: 16.04.2024).

² В России задержали крупную группировку фальшивомонетчиков. URL: <https://ria.ru/20231107/falshivomonetchiki-1907850922.html?ysclid=lv2lpwhai5679732173> (дата обращения: 16.04.2024).

остаётся само понятие поддельного денежного билета. В частности, Л. Д. Базаева рассматривает поддельные денежные билеты как фальшивые купюры и основной акцент делает на способах борьбы с фальшивыми купюрами посредством использования элементов защиты бумажных денежных билетов [1]. Изучение способов подделки денежных билетов представлено в работе Е. В. Жидковой, которая именуёт объект исследования «фальшивками», «фальшивыми деньгами», «поддельными деньгами» [2, с. 149—152]. Иного мнения придерживаются О. В. Карягина, Н. И. Авакова и А. В. Карягина, которые, рассматривая уголовно-правовой анализ современного фальшивомонетничества и анализируя его объективные и субъективные стороны, характеризуют предмет преступного посягательства как поддельный, фальсифицированный, при этом пренебрегают самим понятием поддельного денежного билета, не обращая к нему [3]. Таким образом, рассматривая изучаемую дефиницию с криминалистической точки зрения, следует констатировать использование исследователями разнообразных трактовок основного предмета преступного посягательства анализируемых преступлений, применяемых в качестве синонимичных понятий. В то же время авторами выделяются отдельные признаки поддельных денежных билетов — несоответствие элементов защиты оригинальным аналогам, а также способы их имитации.

Более детальный подход к данному явлению представлен в отраслевых направлениях судебно-экспертной деятельности при изучении его в качестве объекта технико-криминалистической экспертизы документов (далее — ТКЭД), трасологии, криминалистического исследования материалов, веществ и изделий. В частности, поддельный денежный билет рассматривается в качестве защищенной полиграфической продукции, содержащей не менее двух элементов защиты от подделки и изготовленной с применением способов защиты, предотвращающих полную или частичную подделку этой продукции, для которой предусмотрена необходимость защиты¹.

Для изготовления денежных билетов применяется специальная бумага, специальные краски,

защитные волокна, специальные изображения, защищающие их от подделки, а также комплекс элементов защиты. Однако, несмотря на высокий уровень защиты денежных билетов, фальшивомонетки применяют различные комплексы оборудования и устройств для имитации элементов защиты и изготовления поддельных денежных билетов высокого качества, что затрудняет их выявление без применения специальных познаний или оборудования для определения подлинности денежных билетов.

Изучение данного объекта в рамках трасологического исследования также демонстрирует, что ни в одном источнике не содержится его определения. Скорее всего, это связано с тем, что изучаются только отдельные элементы защиты, а именно микроперфорация, которая расположена на правом купонном поле в виде сквозных отверстий, обозначающих номинал денежного билета, и бескрасочное тиснение отдельных изображений, что, в свою очередь, не предусматривает необходимости использования конкретной дефиниции в отношении исследуемого объекта.

Аналогичный подход применяется и в рамках криминалистического исследования материалов, веществ и изделий, когда объектом исследования являются материалы, используемые для изготовления поддельного денежного билета. Таким образом, следует констатировать, что поддельный денежный билет с точки зрения судебной экспертизы представляет собой объект, изготовленный на бумажной основе с использованием различных способов нанесения изображений в целях имитации цветных изображений лицевой и оборотной сторон подлинного денежного знака, а также содержит комплекс имитированных защитных элементов, изготовленных при помощи различных средств и методов, находящихся в свободном доступе.

Следует особенно подчеркнуть, что систематизация результатов, полученных при выполнении одноотраслевых или комплексных экспертных исследований, является информационной основой для формирования экспертно-криминалистического учета, объектом которой являются поддельные денежные билеты.

Изучение интересующего нас предмета преступного посягательства как объекта криминалистической регистрации предусматривает необходимость его системного рассмотрения для получения многообразной информации, формируемой различными подразделениями МВД России. Являясь объектом криминалистической регистрации,

¹ ГОСТ Р 54109—2010. Национальный стандарт Российской Федерации. Защитные технологии. Продукция полиграфическая защищенная. Общие технические требования. Введ. 2011—07—01 // Гарант: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 05.03.2024).

он служит уникальным источником фактографической информации и идентификационно значимых данных, которые подлежат установлению и фиксации посредством заполнения учетно-регистрационных документов, систематизированных в информационных и экспертно-криминалистических подразделениях МВД России, ведущихся на федеральном и региональном уровнях. Отметим, что в обоих случаях инициаторами формирования указанных учетно-регистрационных массивов являются одни и те же субъекты раскрытия и расследования преступлений, однако регистрируемая информация имеет разную сущностную специфику и дифференцируемое предназначение.

В качестве элемента криминалистической регистрации поддельный денежный билет может рассматриваться как объект централизованного учета, содержащий фактографическую информацию о субъектных, территориально-временных и иных обстоятельствах его обнаружения и изъятия из обращения, субъекте. В отличие от сущности информации, систематизируемой в централизованных учетно-регистрационных массивах, о выявленном поддельном денежном билете, в экспертно-криминалистическом учете предусматривается иной подход к структурированию данных и признаков, нашедших отражение в самом объекте регистрации. Наряду с краткими фактографическими данными учетно-регистрационные массивы содержат систематизированные сведения, полученные посредством применения специальных знаний в области технико-криминалистической экспертизы документов и трасологии. В частности, при формировании учета выделяются классификационные, диагностические и идентификационные признаки в каждом объекте, потенциально пригодном для постановки на экспертно-криминалистический учет, т. е. содержащем совокупность индивидуализирующих способов изготовления признаков. Ключевой целью формирования данного учетно-регистрационного массива является установление единого источника происхождения поддельных денежных билетов, изъятых в рамках расследования разных уголовных дел.

Таким образом, один и тот же объект, выступающий предметом преступного посягательства, одновременно подлежит постановке на разные виды учетов, целью которых является информационное сопровождение раскрытия и расследования преступлений. В то же время предусмотрены проверки объектов по имеющимся информационным массивам и установление оперативно значимых данных относительно обстоятельств подго-

товки, совершения и сокрытия противоправных действий, а также совпадений с обстоятельствами поступления в оборот аналогичных объектов, ранее поставленных на учет в рамках расследования разных преступлений.

Рассматривая поддельный денежный билет, с точки зрения объекта криминалистической регистрации следует определить его в качестве источника фактографической и индивидуализирующей информации, расширяющей возможности информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений в сфере фальшивомонетничества.

Изучение искомого термина с уголовно-правовой, криминалистической и судебно-экспертной позиции позволили структурировать ключевые характеристики, присущие данному предмету преступного посягательства.

С точки зрения уголовно-правовой квалификации преступлений по ст. 186 УК РФ при решении вопроса о наличии состава преступления предусмотрено установление вопроса о его поддельности (изготовлении вне производства АО «Гознак» или внесении изменений в подлинный денежный билет), а также определение общего сходства по форме, размеру, цвету и другим основным реквизитам с находящимися в обращении подлинными денежными знаками¹.

С позиции судебной экспертологии, поддельный денежный билет представляет собой полиграфический объект, изготовленный на бумажной основе с использованием различных способов нанесения изображений, содержащий комплекс имитированных защитных элементов, изготовленных при помощи различных средств и методов.

В призме криминалистической регистрации поддельный денежный билет является уникальным источником разноплановой информации об обстоятельствах его выявления в обороте, причастности определенной категории субъектов к его производству, транспортировке и реализации, о едином источнике его происхождения. Систематизация искомой информации обеспечивает расширение возможности информационного сопровождения раскрытия и расследования преступлений в сфере фальшивомонетничества.

---

¹ О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 г. № 2 (ред. от 06.02.2007) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024).

Результаты проведенного анализа позволяют сформировать авторскую дефиницию поддельного денежного билета, рассматриваемого в качестве полиграфического объекта, выполненного на бумажной основе, при изготовлении которого применялись современные технические средства и материалы в целях достижения максимального сходства с подлинными денежными знаками, незаконно находящегося в денежной системе Российской

Федерации и изъятого из обращения для получения информации об обстоятельствах его выявления в обороте, причастности определенной категории субъектов к его производству, транспортировке и реализации, а также установления данных о едином источнике его происхождения по способу изготовления, необходимых для информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений в сфере фальшивомонетничества.

---

1. Базаева Л. Д. Способы борьбы с фальшивыми деньгами в банковском обороте // Будущее науки — 2020: сб. науч. ст. 8-й Междунар. молодежной науч. конф. (Курск, 21—22 апреля 2020 г.). В 5 т. Т. 1. Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2020. С. 50—51.

2. Жидкова Е. В. Современные способы изготовления поддельных денежных знаков: региональный аспект. По материалам Приморского края // Государственная служба и кадры. 2019. № 4. С. 149—152.

3. Карягина О. В., Авакова Н. И., Карягина А. В. Совершенствование защиты денежных билетов от подделки как способ борьбы с фальшивомонетничеством // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 3. С. 158—161.

Кириллова Елена Валерьевна,

преподаватель кафедры
исследования документов
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России;
LeopardElena@yandex.ru

---

1. Bazaeva L. D. Ways to combat counterfeit money in the bank turnover. In: Future of Science — 2020. Materials of the 8th International youth scientific conference. In 5 vols. Vol. 1. Kursk: South-West State University of Russia; 2020: 50—51. (In Russ.).

2. Zhidkova E. V. Modern ways to manufacture counterfeit banknotes: regional aspect. On the data of the Primorsky Krai. Public service and personnel, 149—152, 2019. (In Russ.).

3. Karyagina O. V., Avakova N. I., Karyagina A. V. Improving the protection of money tickets from counterfeiting as a way to combat counterfeiting. Humanities, socio-economic and social sciences, 158—161, 2017. (In Russ.).

Kirillova Yelena Valerievna,

lecturer at the department
of documents examination
for the educational and scientific complex
of the forensic science activity
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
LeopardElena@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 29.03.2024; одобрена после рецензирования 10.04.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 29.03.2024; approved after reviewing 10.04.2024; accepted for publication 14.05.2024.

* * *

УДК 343.9

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЯХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАМКАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ (ЧАСТЬ 1)

Николай Дмитриевич Захаров

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия
ratinho@bk.ru

Аннотация. Статья состоит из двух частей. В первой части определяется актуальность настоящего исследования, характеризующаяся стремительно растущим влиянием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на различные процессы жизнедеятельности в современном обществе. Речь идет о неуклонном росте уровня преступлений, совершаемых посредством информационно-телекоммуникационных технологий, и об использовании сети Интернет в целях управления сознанием масс, ее влиянии на внутривнутриполитические процессы, идеологическую, экономическую, социальную, культурную доктрину Российской Федерации, а также о стремительно усилившейся роли на внешнеполитической арене. Проведен анализ действующей нормативно-правовой базы, регулирующей отношения в информационно-телекоммуникационных сетях в Российской Федерации; рассмотрены основные законодательные, организационные и технические направления деятельности государства в изучаемой сфере и предложены меры по ее совершенствованию.

Во второй части автор рассматривает вопросы противодействия распространению запрещенной информации в сети Интернет, комплекс мер, принимаемых государством в целях ограничения доступа к ресурсам, ее размещающим, а также вопросам обхода блокировок доступа к противоправному контенту. Отдельное внимание будет уделено функционированию государственных информационных систем, их содержанию, назначению, функциям.

Ключевые слова: Интернет, преступность, информационные технологии, правовое регулирование, социальная сеть, мессенджер, антифрод

Для цитирования: Захаров Н. Д. Правовые основы регулирования отношений в информационно-телекоммуникационных сетях в Российской Федерации в рамках противодействия преступности (часть 1) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 181—190.

LEGAL BASIS TO REGULATE RELATIONS IN INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS IN THE RUSSIAN FEDERATION AS A FORM TO COUNTERACT CRIME (PART 1)

Nickolay Dmitrievich Zakharov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
ratinho@bk.ru

Abstract. There are two parts in the article.

The first part demonstrates the topical nature of this research as a result of the rapidly expanding influence of the information and telecommunication network "Internet" on various life processes in modern society. It means the steady increase in the crimes rate committed by information and telecommunication technologies, the use of the Internet to control the consciousness of millions of people, its influence on domestic political processes, the ideological, economic, social, cultural doctrine of the Russian Federation, as well its rapidly developing role in the foreign policy arena. The analysis of the acting legal-regulatory basis, governing relations in information and telecommunication networks in the Russian Federation is made; the main legislative, organizational and technical directions of the state's activities in the examined area are considered and measures for its improvement are proposed.

In the second part the author will consider issues to counteract the dissemination of prohibited information on the Internet, a set of measures taken by the state to restrict access to resources hosting it, as well as issues to circumvent access blocks to illegal content. Special attention will be paid to the functioning of state information systems, their content, purpose, and functions.

Keywords: Internet, crime, information technology, legal regulation, social network, messenger, anti-fraud

For citation: Zakharov N. D. Legal basis to regulate relations in information and telecommunication networks in the Russian Federation as a form to counteract crime (part 1). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 181—190, 2024. (In Russ.).

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИТТ) наряду с несомненным позитивным влиянием на все сферы жизнедеятельности общества приводит и к расширению источников социальной опасности, что предопределяет курс государства в сфере законодательного регулирования отношений в сети Интернет, характеризующийся принятием значительного количества нормативных правовых актов, регламентирующих общественные отношения в данной сфере. Однако отсутствие единого понятийного аппарата осложняет выполнение возложенных на государство задач, на что неоднократно обращал внимание Президент Российской Федерации В. В. Путин: «Необходимо к этой проблеме отнестись системно, создать и отладить механизм противодействия как на уровне технической оснащенности, так и формирования необходимой инфраструктуры в целом и, конечно, законодательной базы, что тоже весьма непросто, потому что даже описать все современные технологии и явления юридически безупречным языком — крайне трудная задача»¹.

Межгосударственная интеграция, новые средства коммуникации, развитие международной электронной торговли и другие факторы породили криминальную глобализацию, о чем свидетельствует высокий уровень проникновения сети Интернет в общество: в России по итогам 2022 г. этот показатель составил 88,2 %², а 2023 г. — 90,4 %³ и, по нашему мнению, не только будет расти, но и в обозримом будущем достигнет своего максимума. Данная тенденция обусловлена вовлече-

нием в интернет-пространство не затронутых ранее групп населения: если буквально 20—30 лет назад пользователями сети Интернет были только молодые люди либо лица, обладающие специальными знаниями, то сегодня аудиторию глобальной паутины составляют, не побоимся такой оценки, практически все жители планеты, что требует от любого государства законодательного регулирования сети Интернет уже не как особого места коммуникации людей, а как сферы, влияющей на мировые процессы. Соответственно, на первый план выходит разработка комплекса мер, направленных на формирование инструментов для эффективной защиты населения от негативного информационного влияния.

Эволюция информационных технологий неразрывно связана с необходимостью обеспечения государством информационной безопасности, что нашло свое отражение в принятии в России таких документов стратегического планирования, как Указ Президента Российской Федерации «Об основах государственной политики в сфере информатизации»⁴ (1994 г.) и Концепция государственной информационной политики Российской Федерации⁵ (1998 г.).

В целях развития Концепции национальной безопасности Российской Федерации в 2000 г. была утверждена Доктрина информационной безопасности⁶, положения которой послужили основой для утверждения действующей сегодня Доктрины информационной безопасности Российской Федерации.

¹ Совещание об информационной безопасности. URL: <http://government.ru/news/23263/#> (дата обращения: 19.12.2023).

² См.: Статистика интернета и соцсетей на 2023 год — цифры и тренды в мире и в России. На основании отчета Global Digital 2023. URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 17.01.2024).

³ См.: DIGITAL 2024: Основные выводы из ежегодного отчета DATAREPORTAL. URL: <https://www.byvd.me/ru/blog/2024/02/digital-2024-datareportal/> (дата обращения: 06.04.2024).

⁴ Об основах государственной политики в сфере информатизации: указ Президента Российской Федерации от 20 января 1994 г. № 170 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024).

⁵ Концепция государственной информационной политики Российской Федерации. URL: http://old.unesco.kz/ip/countries/russia_ru.htm (дата обращения: 19.12.2023).

⁶ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 9 сентября 2000 г. (утратила силу) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024).

Федерации от 5 декабря 2016 г.¹, представляющей собой систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности России в информационной сфере. Следующим шагом стало утверждение в 2017 г. Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 гг.² В число ее приоритетных задач входит и обеспечение государственной защиты интересов российских граждан в информационной сфере.

Не ставя задачи в настоящей работе изучить ретроспективу отечественного законодательства в рассматриваемой сфере, отметим, что началом современного этапа считают принятие федеральных законов, последовавших за созданием и эксплуатацией сетей связи³ и регулирующих отношения, возникающие при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, применении информационных технологий, а также при обеспечении защиты информации⁴, циркулирующей в сетях связи, в которые неоднократно вносились поправки (необходимость в них обуславливалась постоянным развитием информационных технологий и возрастающей ролью сетей связи в обществе).

Далее принимались иные федеральные законы, заложившие основу формирования информационного общества, принципы его функционирования, определившие субъектов регулирования и контроля процессов, происходящих в сети Интернет⁵. Об-

ращает на себя внимание тот факт, что в силу особой специфики объекта регулирования правовая база нуждается в постоянном обновлении и совершенствовании, что обуславливает динамичность и высокую частоту внесения изменений в нормативные правовые акты. Сказанное детерминировало необходимость применения мер государственного реагирования, в связи с чем в нашей стране за последние несколько лет был принят ряд законодательных новелл, предусматривающих уголовную и административную ответственность за различного рода публичные действия, связанные в том числе с распространением заведомо ложной информации в сети Интернет⁶.

Показателен и факт блокировки именно 4 марта 2022 г., в день вступления в силу названных федеральных законов, доступа к сети Facebook (принадлежит компании Meta Platforms, Inc.⁷) на территории Российской Федерации. Согласно заявлению⁸ Роскомнадзора⁹, с октября 2020 г. зафиксировано 26 случаев дискриминации российских средств массовой информации и информационных ресурсов со стороны Facebook, что прямо запрещено рос-

и статью 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федер. закон от 23 апреля 2018 г. № 102-ФЗ // Там же; О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Там же; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ // Там же.

⁶ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 4 марта 2022 г. № 31-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024); О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ // Там же.

⁷ Деятельность компании запрещена на территории России.

⁸ См.: Приняты ответные меры на ограничение доступа к российским СМИ. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74156.htm?ysclid=lrhm72uumh22852596> (дата обращения: 17.01.2024).

⁹ Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи.

¹ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024).

² О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024).

³ О связи: федер. закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024).

⁴ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024).

⁵ См. подробнее: О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федер. закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024); О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве»

сийским законодательством¹. В связи с этим отметим, что вовлечение молодежи и несовершеннолетних лиц в противоправную деятельность, в том числе через средства массовых коммуникаций, представляет особую опасность для государства. Как реакция на современные внешнеполитические вызовы в целях защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей Президентом Российской Федерации В. В. Путиным подписан Указ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»², в соответствии с которым одной из целей государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей является противодействие распространению деструктивной идеологии. Вместе с тем реализация стратегических национальных приоритетов предполагает защиту от внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия, пресечение деятельности, направленной на разрушение традиционных ценностей в России.

Резко обострившиеся внешнеполитическая ситуация диктует необходимость дальнейшего стремительного научно-технологического развития России, что находит свое отражение в юридически значимых решениях. Указом Президента Российской Федерации «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»³ в ближайшее десятилетие одним из приоритетных направлений, позволяющих получить значимые научные и научно-технические результаты, определено противодействие социокультурным угрозам, терроризму и экстремистской идеологии, деструктивному иностранному информационно-психологическому воздействию, а также киберугрозам.

Осознавая тот факт, что сеть Интернет в последние годы не только стала оказывать существенное

влияние на повышение уровня преступности, изменение ее структуры, но и приобрела статус одного из важных «игроков» при формировании политической повестки нашего государства, подчеркнем важнейшую роль регулирования общественных отношений в указанной сфере. Вслед за юристами, а также политологами и социологами [1—4] мы условно разделим правовые нормы, регламентирующие отношения в информационно-телекоммуникационных сетях, на две основные группы: политический контент и информация, нарушающая социальные нормы. К первой группе относятся различные ресурсы, содержащие информацию о деятельности оппозиционных движений, правозащитных и религиозных организаций, критику власти и т. д. Вторая группа включает в себя конкретные правовые нормы, ограничивающие либо запрещающие совершение каких-либо действий под угрозой наказания. С учетом обострившейся политической обстановки как внутри страны, так и за ее пределами закономерно становится стремление государственных структур к обеспечению контроля за подобными каналами влияния. Особую значимость здесь приобретает использование всего арсенала возможностей правоохранительных органов, а также сил, средств и методов оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) как одного из действенных элементов системы обеспечения национальной безопасности России.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ под сайтом в сети Интернет понимается совокупность программ для электронных вычислительных машин и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством сети Интернет по доменным именам и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты в сети Интернет⁴.

Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ⁵ введено понятие организатора распространения

¹ О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: федер. закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024).

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024).

³ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024).

⁴ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024).

⁵ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: федер. закон от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024).

информации в сети Интернет, который обязан предоставлять необходимую информацию уполномоченным государственным органам, оказывать им содействие в реализации возложенных на них задач, а также принимать меры по недопущению раскрытия организационных и тактических приемов проведения данных мероприятий. Кроме того, оператор связи обязан идентифицировать пользователей услугами связи по передаче данных и предоставлению доступа к сети Интернет и используемого ими оконечного оборудования.

С принятием Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ¹ вступили в силу изменения, затрагивающие сроки и порядок хранения информации, передаваемой по сетям электросвязи, а также изменения, касающиеся организаторов распространения такой информации в сети Интернет. Названный федеральный закон вошел в «пакет Яровой» и вызвал в свое время протест общественности и сопротивление со стороны субъектов-исполнителей. Основным доводом противников закона было противоречие Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.), запрещающей без судебного решения прослушивать и собирать информацию о частной жизни гражданина, и отмена «приватности» в сетевом пространстве. Так, с 1 июля 2018 г. операторы связи согласно ст. 64 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ обязаны хранить на территории России:

— информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных сообщений пользователей услугами связи в течение трех лет с момента окончания осуществления таких действий;

— текстовые сообщения пользователей услугами связи, голосовую информацию, изображения, звуки, видео- или иные сообщения пользователей услугами связи до шести месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки.

---

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024).

Порядок, сроки и объем хранения указанной информации регламентированы постановлением Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2018 г. № 445². По российскому законодательству оператором связи являются юридические лица или индивидуальные предприниматели, оказывающие услуги связи на основании соответствующей лицензии. Здесь речь идет о любых видах связи, таких как стационарный телефонный номер по проводной линии, IP-телефония, цифровое или IP-телевидение, спутниковая телефонная связь, сотовая связь, а также услуги, предоставляемые интернет-провайдерами.

Практически такие же правила, отличающиеся преимущественно сроками хранения информации, были утверждены и для организаторов распространения информации в сети Интернет, которые с 1 июля 2018 г., согласно ст. 10.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», обязаны хранить на территории Российской Федерации:

— информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений пользователей сети Интернет и информацию об этих пользователях в течение одного года с момента окончания осуществления таких действий;

— текстовые сообщения пользователей сети Интернет, голосовую информацию, изображения, звуки, видео- или иные электронные сообщения пользователей сети Интернет до шести месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки.

Отметим, что состав, порядок и место хранения информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки информации организаторами распространения информации в сети Интернет регламентируется постановлением Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2020 г. № 1526³, а порядок, сроки и объем хранения

---

² Об утверждении Правил хранения операторами связи текстовых сообщений пользователей услугами связи, голосовой информации, изображений, звуков, видео- и иных сообщений пользователей услугами связи: постановление Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2018 г. № 445 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024).

³ О Правилах хранения организаторами распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информации о фактах приема,

информации о содержании самих сообщений — постановлением Правительства Российской Федерации от 26 июня 2018 г. № 728¹.

Между понятиями «оператор связи» и «оператор распространения информации в сети Интернет» имеется ряд отличий. Вторым является лицо, осуществляющее деятельность по обеспечению функционирования информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети Интернет. Из данного определения следует, что таким лицом может быть как физическое, так и юридическое, а подобными информационными системами и программами — любые сервисы обмена мгновенными сообщениями (далее — мессенджеры), социальные сети, интернет-ресурсы, где пользователи могут оставлять комментарии.

Таким образом, операторы связи — лица, предоставляющие услуги по доступу к каким-либо услугам связи, а организаторы распространения информации в сети Интернет — лица, обеспечивающие функционирование ресурсов именно в сети Интернет, с помощью которых пользователи могут обмениваться информацией.

Необходимо отметить, что и операторы связи, и организаторы распространения информации в сети Интернет обязаны предоставлять информацию уполномоченным государственным орга-

---

передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео или иных электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети Интернет и информации об этих пользователях и предоставления ее уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2020 г. № 1526 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024).

¹ Об утверждении Правил хранения организатором распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет текстовых сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети Интернет, голосовой информации, изображений, звуков, видео-, иных электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети Интернет: постановление Правительства Российской Федерации от 26 июня 2018 г. № 728 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024).

нам, осуществляющим ОРД или обеспечивающим безопасность Российской Федерации, в случаях, установленных федеральными законами. Правила предоставления такой информации закреплены в указанных постановлениях Правительства Российской Федерации. Обратим внимание на то, что нужную информацию уполномоченные органы могут получить не только от российских организаций — собственников интернет-сервисов, но и от организаций, зарегистрированных вне юрисдикции России, но осуществляющих свою деятельность на ее территории. Речь идет о так называемом законе о «приземлении»². Ранее отечественное законодательство не содержало прямой обязанности для иностранных компаний, оказывающих информационные услуги, учреждать на территории Российской Федерации юридическое лицо, уполномоченное действовать от имени такой компании, что позволяло им формально оставаться вне российской юрисдикции. Указанный закон определил обязанность владельцев иностранных информационных ресурсов с суточной аудиторией более полумиллиона российских пользователей организовать в России свое представительство, зарегистрировать личный кабинет на сайте Роскомнадзора и разместить на своем ресурсе электронную форму для обратной связи с российскими гражданами или организациями. Следует отметить, что законом предусмотрены меры понуждения для данных организаций, такие как информирование пользователей информационного ресурса иностранного лица о нарушении иностранным лицом законодательства России, запрет на распространение рекламы иностранного лица и рекламы на информационном ресурсе иностранного лица, ограничение осуществления переводов денежных средств и приема платежей физических и юридических лиц в пользу иностранного лица, запрет на поисковую выдачу, запрет на сбор и трансграничную передачу персональных данных, частичное либо полное ограничение доступа к информационному ресурсу иностранного лица.

В результате анализа правоприменения нами установлено, что сегодня в перечень иностранных лиц, осуществляющих деятельность в сети Интер-

---

² О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на территории Российской Федерации: федер. закон от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024).

нет на территории Российской Федерации, входят 26 организаций¹, при этом ни к одной из них не применены такие меры, как частичное либо полное ограничение доступа к информационному ресурсу иностранного лица.

Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 241-ФЗ² обязывает организаторов мессенджеров обеспечивать передачу электронных сообщений пользователей сети Интернет, прошедших процедуру идентификации, с 1 января 2018 г., а владельцев сервисов — обеспечивать техническую возможность отказа пользователей сервиса от получения массовых рассылок сообщений, запрет на передачу электронных сообщений, содержащих информацию, распространяемую с нарушением требований законодательства России, хранение идентификационных сведений об абонентском номере только на территории Российской Федерации и др. Принятие данного закона сопряжено с событиями, связанными с блокировкой мессенджера Telegram³. Осознавая тот факт, что необходимость регулирования обмена информацией, циркулирующей в мессенджерах, не вызывает сомнений, отметим следующие тенденции. Сегодня аудитория мессенджеров в России продолжает активно расти. Так, по итогам 2022 г. Telegram занял первое место среди мессенджеров, обогнав по объему трафика WhatsApp. По данным Mediascope, за год аудитория Telegram выросла с 25,5 до 48,8 млн пользователей в сутки. На него в России приходится около 40 % от всех интернет-пользователей

в стране⁴. По итогам 2023 г. тенденция ожидаемо сохранилась — аудитория Telegram превысила 83,72 млн пользователей в месяц, что на 9 млн человек больше, чем за прошлогодний период⁵.

С учетом данных статистики считаем, что основной массив информации, содержащей сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, аккумулируется именно в сети Интернет, особенно в мессенджерах, которые приобрели широкое распространение в том числе по причине принимаемых мер по сквозному шифрованию, не позволяющих получать сведения о ведущихся в них переписках без соответствующих ключей декодирования. Подчеркнем, что речь идет о технической возможности получения доступа к переписке при соблюдении требований законодательства об ограничении конституционных прав граждан только при наличии судебного решения. Так, в соответствии с приказом ФСБ России⁶ при использовании для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети Интернет дополнительного кодирования электронных сообщений и (или) при предоставлении пользователям сети Интернет возможности дополнительного кодирования электронных сообщений организатор распространения информации в сети Интернет обязан представлять в уполномоченный орган информацию, необходимую для декодирования данных сообщений.

¹ Google LLC; Apple Distribution International Ltd.; Twitter, Inc.; TikTok Pte. Ltd.; Telegram Messenger, Inc.; Zoom Video Communications, Inc.; Likeme Pte.ltd.; Viber Media S.à.r.l.; Discord, Inc.; Pinterest, Inc.; Twitch Interactive, Inc.; Wikimedia Foundation, Inc.; AliExpress CIS Holding PTE. LTD; Hetzner Online GmbH; Network Solutions, LLC; WP Engine, Inc.; HostGator.com, LLC; Ionos Inc.; DreamHost, LLC; FastComet, Inc.; Amazon Web Services, Inc.; GoDaddy.com LLC; Bluehost Inc.; Kamatera Inc.; DigitalOcean, LLC; Go Travel Un Limited (подробнее см.: Перечень иностранных лиц, осуществляющих деятельность в сети Интернет на территории Российской Федерации. URL: <https://236-fz.rkn.gov.ru/agents/list> (дата обращения: 17.01.2024)).

² О внесении изменений в статьи 10.1 и 15.4 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федер. закон от 29 июля 2017 г. № 241-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: История блокировки мессенджера Telegram в России. URL: <https://ria.ru/20200618/1573145082.html> (дата обращения: 17.01.2024).

⁴ См.: Telegram впервые обогнал WhatsApp в России и занял первое место среди всех мессенджеров. URL: <https://www.ixbt.com/news/2023/01/23/telegram-vpervye-obognal-whatsapp-v-rossii-i-zanjal-pervoe-mesto-sredi-vseh-messendzherov.html?ysclid=lfqsmv6bad424518632> (дата обращения: 17.01.2024).

⁵ См.: Статистика Telegram в 2024 году. URL: <https://inclient.ru/telegram-stats/?ysclid=lutf2xxnjc628573863/> (дата обращения: 06.04.2024).

⁶ Об утверждении Порядка представления организаторами распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в Федеральную службу безопасности Российской Федерации информации, необходимой для декодирования принимаемых, передаваемых, доставляемых и (или) обрабатываемых электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети Интернет: приказ ФСБ России от 19 июля 2016 г. № 432 (ред. от 27.12.2017) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024).

В продолжение темы подчеркнем, что 1 марта 2023 г. вступил в силу Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 584-ФЗ¹, установивший запрет на использование российскими организациями иностранных мессенджеров. Запрет распространяется не на все российские организации, а только на те, которые непосредственно указаны в законе: банки, финансовые компании, унитарные предприятия, компании с госучастием, а также некоторые другие организации. Несмотря на то что запрет относится к передаче сведений о платежных документах, переводах денежных средств, счетах и вкладах граждан России в банках, персональных данных граждан России, налицо признание государством отсутствие как технической, так и юридической возможности гарантировать защиту информации, передаваемой через мессенджеры. В контексте противодействия преступности данное обстоятельство может свидетельствовать и об отсутствии технической возможности в получении сведений о переписке, ведущейся в иностранных мессенджерах, что объясняется тем фактом, что в нынешних геополитических реалиях взаимодействие правоохранительных органов России с иностранными IT-компаниями не налажено должным образом или не осуществляется вовсе. Речь идет о таких мессенджерах, как Discord, Microsoft Teams, Skype for Business, Snapchat, Telegram, Threema, Viber, WhatsApp, WeChat².

Отдельного внимания заслуживает Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ³ — «Закон о Рунете», которым установлены требования к функционированию систем управления сетями связи при возникновении угроз устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории России сети Интернет и сетей связи общего пользования. Так, операторов связи обязали установить техническое оборудование, предоставляемое на без-

возмездной основе государством, позволяющее блокировать возможность отключения сети Интернет в России. Данное оборудование получило название «технические средства противодействия угрозам» (далее — ТСПУ). Оно вводится в эксплуатацию:

— для обеспечения работоспособности российских интернет-ресурсов в случае невозможности подключения российских операторов связи к зарубежным корневым серверам сети Интернет;

— анализа интернет-трафика пользователей по ряду параметров. В случае перехода на ресурсы, содержащие информацию, признанную по решению суда запрещенной, доступ блокируется. Если владелец ресурса в сети Интернет признан причастным к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации, гарантирующих в том числе свободу массовой информации, доступ может быть полностью либо частично ограничен⁴.

Отметим, что ТСПУ уже запущены на площадках большинства провайдеров и операторов связи России, а сами устройства, к которым относится оборудование DPI (Deep Packet Inspection — глубокая фильтрация трафика), операторам предоставит Роскомнадзор, их установка и обслуживание будут осуществляться за счет средств федерального бюджета.

Одним из последних примеров работы ТСПУ является блокировка социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc. (запрещена на территории РФ), в связи с распространением сообщений, поощряющих и провоцирующих совершение насильственных действий в отношении россиян.

Дальнейшим шагом на пути противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИТТ, по всей видимости, станет внедрение Роскомнадзором технологии, позволяющей блокировать сервисы по использованию виртуальных номеров телефона⁵. Согласно разработанному Роскомнадзором проекту постановления Правительства Российской Федерации в число угроз, которые предписывается фильтровать через ТСПУ, планируется внести сайты, позволяющие анонимизировать пользователей сети Интернет, — сервисы,

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федер. закон от 29 декабря 2022 г. № 584-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024).

² Вниманию российских организаций, использующих иностранные сервисы // Официальный сайт Роскомнадзора. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74672.htm> (дата обращения: 17.01.2024).

³ О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федер. закон от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024).

⁴ См.: О внесении изменений в Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»: федер. закон от 30 декабря 2020 г. № 482-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024).

⁵ См.: Виртуальный номер не пройдет. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5899231> (дата обращения: 28.03.2023).

дающие возможность регистрироваться на сайтах и мессенджерах посредством виртуального номера телефона. По состоянию на март 2024 г. проект находится на рассмотрении в Правительстве Российской Федерации и получил положительное заключение об оценке регулирующего воздействия.

О стратегических планах в сфере информационной безопасности государства также свидетельствует и распределение бюджета на 2023 г. и плановый период 2024 и 2025 гг. В соответствии с принятым бюджетом Роскомнадзор и Минцифры планируют создать и обеспечить функционирование информационной системы мониторинга маршрутов трафика в сети Интернет, мониторинга и управления сетью связи общего пользования. На создание системы выделяется 581 400,0 млн руб. на 2022 г. и 600 868,3 млн руб. на 2023 г.¹ Система мониторинга маршрутов трафика позволит Роскомнадзору контролировать передачу данных между всеми операторами и провайдерами связи и отслеживать тех, кто не исполняет требования ведомства. В дополнение отметим, что Федеральным законом от 2 июля 2021 г. № 319-ФЗ также регулируются вопросы, касающиеся проведения Роскомнадзором мониторинга соблюдения операторами связи предусмотренных законом обязанностей в целях недопущения подмены абонентского номера. На них стоит сделать акцент. Данная технология используется при совершении телефонного мошенничества, а также позволяет регистрировать страницы в социальных сетях с привязкой к анонимным абонентским номерам из номерной емкости и Российской Федерации, и иностранных государств, что делает практически невозможной идентификацию злоумышленника. Заслуживает внимание и признание законодателем технологии подмены номера в качестве одной из угроз устойчивости, безопасности и целостности функционирования сетей связи России. Административная ответственность по ст. 13.2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ для операторов связи за пропуск вызова с подменного номера введена Федеральным законом от 31 декабря 2021 г. № 480-ФЗ². На важность работы в данном направлении указал Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев в своем докладе на расширенном заседании коллегии

МВД России по итогам 2022 г.: «Кроме того, 1 января вступили в силу все основные положения законодательства, предусматривающие блокировку подменных номеров. Действует административная ответственность в отношении операторов связи. Подобные нормы являются барьером для кибермошенников»³.

Итогом рассмотренных мер борьбы с использованием подменных номеров в противоправной деятельности стало принятие постановления Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2022 г. № 1978⁴, согласно которому с 1 января 2023 г. в России стартовала работа системы обеспечения и соблюдения операторами связи требований при оказании услуг связи и услуг по пропуску трафика в сети связи общего пользования. Правительство утвердило требования к этой системе, а также правила ее функционирования и взаимодействия с информационными и иными системами, в том числе с системами операторов связи. Постановление вступает в силу с 1 января 2023 г. и действует в течение шести лет. Система создается радиочастотной службой Роскомнадзора в целях исключения телефонного мошенничества с использованием подменных номеров и призвана обеспечивать анализ абонентских номеров и уникальных кодов идентификации абонентов, выявление соединений, в отношении которых отсутствует информация об их иницировании, мониторинг соблюдения операторами связи требований по прекращению пропуска трафика в отношении таких соединений, представление в Роскомнадзор сведений для мониторинга соблюдения операторами связи установленных обязанностей. Система функционирует ежедневно в круглосуточном режиме. Участниками взаимодействия с ней являются радиочастотная служба — ее оператор, Минцифры, Роскомнадзор, органы, осуществляющие ОРД, и операторы связи. На практике данная система получила название «Антифрод» (англ. fraud — мошенничество). Как пояснил руководитель Главного радиочастотного центра Роскомнадзора Д. Глазунов: «Оператор не будет иметь

³ Расширенное заседание коллегии МВД в 2023 году. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70744> (дата обращения: 17.01.2024).

⁴ Об утверждении требований к системе обеспечения соблюдения операторами связи требований при оказании услуг связи и услуг по пропуску трафика в сети связи общего пользования и Правил функционирования и взаимодействия системы обеспечения соблюдения операторами связи требований при оказании услуг связи и услуг по пропуску трафика в сети связи общего пользования с информационными системами и иными системами, в том числе с системами операторов связи: постановление Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2022 г. № 1978. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ См.: О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов: федер. закон от 5 декабря 2022 г. № 466-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2024).

² О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2021 г. № 480-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

права пропускать неverified звонки. Крупные операторы связи будут использовать свою инфраструктуру и подключаться к общей — „Антифроду“, а региональные операторы связи получат возможность подключиться к облачным узлам, включившись таким образом в единую сеть»¹.

Анализ рассмотренных положений позволяет отметить важное, как нам кажется, обстоятельство. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ устанавливает обязанности организаторов распространения информации, которые экстраполируются на мессенджеры, но они отличаются от обязанностей операторов связи, предусмотренных Федеральным законом от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ. Следовательно, при совершении звонков и отправлении сообщений через мессенджеры, часто используемые злоумышленниками для совершения преступлений, принятый государственными органами алгоритм не действует, что, по нашему мнению, требует дополнительной нормативно-правовой регламентации.

Таким образом, проведенный анализ генезиса, становления, развития и функционирования нормативно-правовой базы, регулирующей отношения в информационно-телекоммуникационных сетях в Российской Федерации в рамках противодействия

преступности, позволяет сформулировать следующие промежуточные выводы. Принимаемые законодателем меры правового характера, направленные на регулирование информационного пространства, нужно признать последовательными и взаимодополняющими. Вместе с тем правовая регламентация законодательного базиса в изучаемой сфере вполне объяснимо отстает от стремительно модернизирующихся и развивающихся ИТТ, что обуславливает необходимость его унификации. Кроме того, деструктивные действия со стороны стран недружественного блока сегодня находят свое отражение и в информационном пространстве. Этот процесс сопровождается повышением вероятности возникновения угроз безопасности граждан, общества и государства и диктует целесообразность усиления противодействия распространению запрещенной информации в сети Интернет со стороны государства. Это может достигаться за счет реализации комплекса мер, принимаемых государством в целях ограничения доступа к ресурсам, ее размещающим, и борьбы с обходом блокировок доступа к противоправному контенту, что и будет рассмотрено нами детально во второй части статьи.

*(Окончание статьи
в следующем номере журнала.)*

1. Лопатин В. Н. Информационная безопасность России: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2000. 433 с.

2. Полякова Т. А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2008. 38 с.

3. Стрельцов А. А. Обеспечение информационной безопасности России. Теоретические и методологические основы. Москва: Московский центр непрерывного математического образования, 2002. 289 с.

4. Ваховский А. М. Политико-правовые вопросы регулирования Интернета: мировой опыт и российская практика // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 3—11.

Захаров Николай Дмитриевич,

начальник научно-исследовательского отдела
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
ratinho@bk.ru

1. Lopatin V. N. Information security of Russia. Dissertation of doctor of juridical sciences. Saint Petersburg; 2000: 433. (In Russ.).

2. Polyakova T. A. Legal ensurance of information security, while creating an information society in Russia. Abstract of the dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2008: 38. (In Russ.).

3. Streltsov A. A. Ensuring information security in Russia. Theoretical and methodological grounds. Moscow: Moscow Center for Continuing Mathematical Education; 2002: 289. (In Russ.).

4. Vakhovsky A. M. Political and legal issues of Internet regulation: world experience and Russian practice. Izvestia of the Tula State University. Humanities, 3—11, 2016. (In Russ.).

Zakharov Nikolay Dmitrievich,

head of the research department
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
ratinho@bk.ru

Статья поступила в редакцию 12.02.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 12.02.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 14.05.2024.

¹ К системе блокировки подменных номеров обяжут подключиться всех операторов. URL: <https://www.interfax.ru/russia/869631> (дата обращения: 17.01.2024).

УДК 343.131.5(574)

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УТОЧНЕНИЯ СТАТУСА ЛИЦА,
ПОДЛЕЖАЩЕГО РЕАБИЛИТАЦИИ
(ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РОССИИ И КАЗАХСТАНА)**

Максат Асылханулы Жумашев

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия
maksat.zhumashev1991@mail.ru

Аннотация. Несмотря на то что в уголовно-процессуальном законодательстве России и Казахстана процесс реабилитации лица определяется как задача уголовного судопроизводства (или как одно из его назначений), нормы, сконструированные в уголовно-процессуальных кодексах Российской Федерации и Республики Казахстан, не позволяют утверждать, что в них определен процессуальный статус лица, являющегося адресатом реабилитационных процедур. Это во многом предопределено тем, что реабилитируемый не включен в круг участников уголовного процесса, хотя вопросы реабилитации преимущественно рассматриваются именно в рамках уголовно-процессуальных отношений. Вместе с тем имеются все основания выделить особый процессуальный статус лица как субъекта права на реабилитацию, реализация которого предполагает ряд процессуальных прав и гарантий их обеспечения. Данный статус будет обладать выраженной особенностью: он складывается преимущественно из прав, которым корреспондируют обязанности должностных лиц государства. В целях более точной формулировки процессуального статуса лица, наделяемого правом на реабилитацию, следует внести некоторые уточнения в круг субъектов, являющихся адресатами соответствующих компенсационных отношений.

Ключевые слова: реабилитация; уголовный процесс; лицо, подлежащее реабилитации; правовой статус лица, подлежащего реабилитации; реабилитация умершего лица; реабилитация при применении принудительных мер медицинского характера

Для цитирования: Жумашев М. А. Некоторые вопросы уточнения статуса лица, подлежащего реабилитации (по уголовно-процессуальному законодательству России и Казахстана) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 191—197.

**SOME ISSUES TO IDENTIFY THE LEGAL STATUS OF A PERSON
TO BE SUBJECTED TO REHABILITATION
(ACCORDING TO THE CRIMINAL LEGISLATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)**

Maksat Asylkhanuly Zhumashev

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
maksat.zhumashev1991@mail.ru

Abstract. Despite the fact that in the criminal procedural legislation of Russia and Kazakhstan the process of rehabilitation of a person is defined as a task of criminal proceedings (or as one of its purposes), the norms constructed in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan do not allow to assert that they define the procedural status of a person to be the addressee of rehabilitation procedures. It is largely determined by the fact that the rehabilitated person is not among participants in criminal proceedings, although the issues of rehabilitation are mainly considered through the criminal proceedings. However, it is reasonable to distinguish a special legal status of a person as a subject of law to rehabilitation, and the realization of which implies a number of procedural rights and guarantees. This legal status will have a peculiarity: it consists mainly of rights, which correspond to the state officials duties. For the purpose of more accurate formulation of the legal status of a person subject to rehabilitation, it is necessary

to make some clarifications to the group of persons to be the addressees of the relevant compensatory relations.

Keywords: rehabilitation; criminal process; person subject to rehabilitation; legal status of a person subject to rehabilitation; rehabilitation of a deceased person; rehabilitation in the application of compulsory medical measures

For citation: Zhumashev M. A. Some issues to identify the legal status of a person to be subjected to rehabilitation (according to the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 191—197, 2024. (In Russ.).

В уголовно-процессуальном оформлении института реабилитации в законодательстве России и Казахстана содержится схожий акцент на «субъектном» признаке лиц, в отношении которых предусматриваются реабилитационные процедуры. Вместе с тем действующие редакции Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) и Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (далее — УПК РК) не позволяют в достаточной степени утверждать о наличии четко оформленного статуса лица, подлежащего реабилитации. Во многом это объясняется тем, что нормы института реабилитации как в УПК РФ, так и в УПК РК являются обособленными от иных уголовно-процессуальных норм, что в целом является верным решением. В то же время уголовно-процессуальное законодательство этих государств регулирует отношения реабилитации, которые являются включенными в сам уголовный процесс, что дает основание предполагать наличие особого статуса участника уголовного процесса у лиц, подлежащих реабилитации. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 6 УПК РФ «уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию». В свою очередь, согласно ч. 2 ст. 8 УПК РК, «установленный законом порядок производства по уголовным делам должен обеспечивать защиту от необоснованного обвинения и осуждения, незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина, а в случае незаконного обвинения или осуждения невиновного — незамедлительную и полную его реабилитацию». Таким образом, необходимость реабилитации — это неизбежная часть уголовного процесса в случаях, когда в ходе уголовного преследования имел место факт необоснованного или незаконного привлечения к уголовной ответственности или осуждения.

В теории права категория «правовой статус» является достаточно устоявшейся, включающей в себя набор прав и обязанностей, непосредственно связанных с данным статусом; соответствующее понимание правового статуса воспринимается и отраслевыми юридическими дисциплинами. Сам факт наделения лица определенным комплексом прав, связанных с незаконным вовлечением в сферу уголовного преследования, уже свидетельствует о наличии у него определенного правового статуса. Полагаем, что отсутствие внимания к проблеме правового статуса лица, подлежащего реабилитации, большей частью обусловлено тем, что он формируется исключительно в структуре прав и интересов данного лица. Иными словами, уголовно-процессуальный закон фактически не формулирует для такого лица каких-либо обязанностей и, соответственно, не предусматривает процессуальных санкций (процессуальной ответственности) за их неисполнение. Между тем процессуальная правосубъектность участников уголовного процесса в обязательном порядке включает в себя наличие не только прав и интересов, но и процессуальных обязанностей и процессуальной ответственности [1, с. 133—134]. В подобном ракурсе возникает вопрос: можно ли, подлежащее реабилитации, рассматривать как участника уголовного процесса, несмотря на то что уголовно-процессуальный закон не предписывает для него никаких процессуальных обязанностей?

Если исходить из смысла норм УПК РФ и УПК РК, регулирующих основания и порядок реабилитации лица, необоснованно привлеченного к уголовной ответственности, то ответ должен быть положительным, хотя закон не обозначает понятие «реабилитированный» как процессуальный статус. В то же время в п. 35 ст. 5 УПК РФ законодатель раскрывает это понятие, указывая, что реабилитированный — лицо, наделяемое правом на возмещение вреда, причиненного в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием.

Конституционный Суд РФ конкретизирует круг лиц, которые могут определяться как реабилити-

рованные, указывая, что по нормам ч. 1 ст. 133 УПК РФ в их число входит «подсудимый, осужденный и лицо, к которому были применены принудительные меры медицинского характера, в установленных ее пунктами 1, 2, 4 и 5 случаях, а в силу ее пункта 3 — подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование которого прекращено по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 2, 5 и 6 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 4—6 части первой статьи 27 данного Кодекса»¹.

Отсюда следует, что тот или иной процессуальный статус лица из числа вышеперечисленных дезавуируется, давая дорогу новому процессуальному положению лица, которое обретается им по причине признания за ним права на реабилитацию.

Несмотря на то что для правового статуса того или иного лица в рамках уголовного процесса является нехарактерным отсутствие в его структуре обязанностей и элементов деликтной ответственности, полагаем, что в отношении лица, подлежащего реабилитации, можно говорить о своеобразном, усеченном правовом статусе, который тем не менее вполне отвечает существу и целям реабилитационного процесса в его нормативном регулировании. Известно, что в науке уголовно-процессуального права обосновывается необходимость выделения института личности в уголовном процессе, которую предлагают воспринимать как более широкую категорию, нежели участник уголовного процесса [2]. Поддерживая эту позицию, полагаем, что и правовой статус лица, подлежащего реабилитации, охватывается процессуальным статусом личности (как более объемным в сравнении с категорией «процессуальный статус»), хотя и претендующим на определенное обособление в силу особенностей в виде отсутствия нормативно закрепленных процессуальных обязанностей и ответственности за их неисполнение. Потому справедливым представляется мнение А. А. Коомбаева, подчеркивающего, что «система основных прав, свобод, а также субъективных прав, процессуальных обязанностей и ответственности участника уголовно-процессуальных отношений в их единстве составляют основу их пра-

вового статуса» [3, с. 13]. Однако автор в разработанной им развернутой классификации участников уголовного процесса (в зависимости от цели участия), не указывает реабилитируемых лиц, поскольку их упоминание отсутствует в нормах уголовно-процессуального закона [3, с. 18].

Неопределенность места реабилитируемого лица в системе участников уголовного процесса обусловлена отсутствием оформления его статуса (фактически нормативно закреплен только институт реабилитации, но не статус лиц в рамках данного института). Для того чтобы определить процессуальный статус данного лица и обособить его место в ряду участников уголовного процесса из числа частных лиц, необходим анализ норм, которые определяют круг лиц, являющихся адресатами соответствующих восстановительных и компенсационных процедур.

В этом вопросе УПК РФ и УПК РК демонстрируют отдельные отличительные аспекты.

Согласно ч. 1 ст. 37 УПК РК подлежат реабилитации только лица, в отношении которых имеет место прекращение уголовного дела по обстоятельствам, указанным в пп. 1, 2, 5, 6, 7 и 8 ч. 1 ст. 35 УПК РК, т. е.: 1) отсутствие события уголовного правонарушения; 2) отсутствие состава уголовного правонарушения; 3) отсутствие жалобы потерпевшего; 4) введение в действие закона, устранившего уголовную ответственность за совершенное деяние либо признание закона, подлежащего применению, неконституционным Конституционным Судом РК; 5) если в отношении лица имеется вступивший в законную силу приговор суда по тому же обвинению либо иное неотмененное судебное постановление, установившее невозможность уголовного преследования; 6) если в отношении лица имеется неотмененное постановление органа уголовного преследования о прекращении уголовного преследования по тому же подозрению.

Часть 2 ст. 133 УПК РФ содержит указание, согласно которому право на реабилитацию (включая право на возмещение вреда) имеют лица при следующих обстоятельствах: 1) в отношении подсудимого вынесен оправдательный приговор суда; 2) в отношении подсудимого прекращено уголовное преследование в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения; 3) в отношении подозреваемого или обвиняемого прекращено уголовное преследование по указанным в законе обстоятельствам (так называемые «реабилитирующие» основания, схожие с казахстанской моделью); 4) в отношении осужденного лица полно-

¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. И. Бондаренко: постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 28-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.02.2024)

стью или частично отменен обвинительный приговор (в связи с непричастностью лица к совершенному преступлению или наличию обстоятельств, при наличии которых в возбуждении уголовного дела должно было быть отказано на основании пп. 1—6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ); 5) в случае отмены незаконного или необоснованного постановления суда о применении принудительной меры медицинского характера. Детализация права на реабилитацию лиц по делам частного обвинения производится в ч. 2 ст. 133 УПК РФ.

Таким образом, круг оснований для признания права на реабилитацию в России и Казахстане представляется различным. Все предписания, которые связываются с возникновением права на реабилитацию в ст. 37 УПК РК, соотносимы с теми, которые указаны в п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ, т. е. сконцентрированы в рамках обстоятельств, исключающих производство по делу (в российском варианте — являющихся основанием для отказа в возбуждении уголовного дела и прекращения уголовного дела). Российский законодатель, помимо аналогичных оснований, имеющих место в ст. 37 УПК РК, связывает право на реабилитацию также с отсутствием достаточных оснований для возбуждения уголовного дела в отношении лиц, пользующихся иммунитетом (ст. 488 УПК РФ).

В качестве положительного элемента российской модели, как нам представляется, следует отметить четкое увязывание права на реабилитацию с процессуальным статусом лица, в отношении которого это право устанавливается (подсудимый, обвиняемый, осужденный и т. д.). В целом процессуальный статус, которым было наделено лицо до признания его права на реабилитацию, логически выводится и из редакции ст. 37 УПК РК, однако подход российского законодателя в данном вопросе нам представляется более предпочтительным.

В то же время нельзя не отметить, что и для норм УПК РФ, и для норм УПК РК, посвященных реабилитации, характерна особенность, выражаемая в том, что они практически тотально носят отсылочный характер. На это обращает внимание А. С. Бахта, указывая, что, к примеру, нормы ст. 133 УПК РФ имеют множество гипотез при единственной диспозиции [4]. Полагаем, что это вряд ли следует признать как недостаток, поскольку уголовно-процессуальный закон должен быть ориентирован на максимально легкое восприятие соответствующих гипотез (т. е. ситуаций, в рамках которых лицо подлежит реабилитации), что в большей степени обеспечивается перечневым приемом российского законодателя.

Возвращаясь к вопросу о процессуальном статусе реабилитированного, отметим, что есть проблемы для уточнения круга лиц, за которыми признается право на реабилитацию. Во-первых, это отсутствие в законе отдельного указания на умерших лиц (подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных), когда продолженное в целях их реабилитации производство по уголовному делу завершается установлением оснований для их реабилитации. Данный вопрос оставлен без должного внимания как в УПК РФ, так и в УПК РК. Во-вторых, требует уточнения такое правовое основание реабилитации, как незаконное или необоснованное применение принудительных мер медицинского характера в случае отмены соответствующего постановления суда (особенно актуально для Российской Федерации, так как выделено в качестве самостоятельного основания в ст. 133 УПК РФ).

Отсутствие в перечне лиц, подлежащих реабилитации, тех, кто умер в ходе осуществления уголовного судопроизводства (если оно продолжено именно в целях их реабилитации), нам представляется существенной неточностью, которая лишает конкретности само понятие «реабилитация». Как указывают исследователи, в отношении умерших лиц фактически речь идет исключительно о юридической реабилитации, так как право на компенсационные отношения переходит к близким родственникам умершего лица [5]. Отмечается также, что в подобных случаях преследуется нравственная цель, основанная на категориях справедливости, чести, достоинства и доброго имени [6].

Так, согласно п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, уголовное дело не возбуждается, а возбужденное подлежит прекращению в случаях смерти подозреваемого или обвиняемого, за исключением ситуаций, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего. При этом в рамках гл. 18 УПК РФ об «умершем реабилитированном» говорится «вскользь», т. е. в контексте направления его наследникам, близким родственникам, родственникам или иждивенцам соответствующего извещения о реабилитации (ч. 2 ст. 134, чч. 3—4 ст. 136 УПК РФ).

В целом аналогичный порядок учета прижизненных интересов умершего реабилитированного предусмотрен и в УПК РК.

Несмотря на указанные различия в российском и казахстанском вариантах регламентации реабилитационного процесса, следует признать, что в обоих законодательных моделях отсутствует

удовлетворительное решение по оформлению статуса умершего лица, подлежащего реабилитации. Редакция основных норм, касающихся собственно реабилитационных процедур, в большей степени ориентирована на живых лиц (например, в отношении публичного извинения со стороны должностных лиц государства). Вместе с тем вопрос о продолжении уголовного производства в отношении умершего лица ставится в зависимости от позиции родственников умершего, а возможность высказанной прижизненной позиции самого лица не упоминается; категория «наследник» (которому фактически принадлежит право обращения за возмещением вреда) может быть несопоставима с лицом, осуществляющим представительство умершего лица в уголовном процессе, и т. д.

Эти и иные спорные вопросы позволяют утверждать, что признание прижизненного интереса умершего лица в реабилитации (до наступления смерти находившегося в статусе подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного) требует, чтобы он был указан в числе адресатов компенсационных процедур, т. е. в ч. 2 ст. 133 УПК РФ и ч. 1 ст. 37, ч. 2 ст. 38 УПК РК. Такое упоминание оправданно, поскольку восстановление, например, почетного звания или государственных наград лица, лишенного их по приговору, не может не охватываться реабилитацией, отвечая прижизненным личным нематериальным интересам умершего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного. Кроме того, полагаем целесообразным включение в нормы о реабилитации участника со статусом «правопреемник», по инициативе которого было продолжено производство по уголовному делу в отношении умершего в целях реабилитации. Соответственно, при реабилитации умершего его правопреемник продолжает свое участие в производстве по реабилитации. О необходимости введения процессуальной фигуры «правопреемник» высказался М. А. Гаврилов в своем диссертационном исследовании [7].

Данное мнение разделяет М. Т. Аширбекова, отмечая, что «особенность основания прекращения уголовного дела в связи со смертью лица, в отношении которого могло быть начато или продолжено уголовное преследование, заключается в том, что возникает ситуация „переноса“ его интереса на других лиц, которые, радея за его доброе имя, заявили бы о необходимости реабилитации умершего. Иными словами, такие лица и становятся заинтересованными субъектами» [8, с. 227].

В казахстанском варианте регулирования восстановительных и компенсационных процедур этот участник указан как наследник, родственник, иждивенец (ч. 3 ст. 38, ч. 1 ст. 39 УПК РК), но при этом без привязки этих лиц к разрешению вопроса о реабилитации: указание на наследника, родственника, иждивенца приводится в целях регулирования исключительно возмещения материального ущерба. Но из смысла чч. 1 и 3 ст. 41 УПК РК вытекает, что при регулировании вопроса о компенсации морального вреда законодатель все же имеет в виду только наследников как субъектов реабилитационного процесса.

Что касается включения в круг лиц, подлежащих реабилитации, тех, в отношении которых вынесено необоснованное или незаконное постановление о применении принудительной меры медицинского характера, то УПК РФ и УПК РК демонстрируют различный подход к решению данного вопроса: в первом случае они признаются лицами, имеющими право на реабилитацию; во втором — исключительно право на возмещение вреда. Полагаем, что второй вариант является ошибочным. Исследователи, как правило, акцентируют внимание на том обстоятельстве, что принудительные меры медицинского характера являются разновидностью мер государственного принуждения (по разд. VI УК РФ — иные меры уголовно-правового характера), которые применяются к лицам, совершившим преступления (общественно опасные деяния), в случаях, когда применение мер уголовного наказания невозможно по причине их психического заболевания [9]. То есть необоснованное или незаконное применение мер медицинского характера может иметь место в двух основных вариантах: 1) лицо вообще не должно было быть привлечено к уголовной ответственности и быть подвержено мерам уголовно-процессуального принуждения (должно являться основанием для реабилитации); 2) лицо совершило преступление (общественно опасное деяние), но меры принудительного характера применены к нему необоснованно или незаконно (должно являться основанием для возникновения права на возмещение ущерба). В данном случае более оправданным решением вопроса является, на наш взгляд, вариант белорусского законодателя: согласно пп. 6 и 7 ч. 2 ст. 462 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3, «решение о реабилитации» в случае отмены процессуальных решений в вопросах применения принудительных мер медицинского характера (в белорусском варианте —

«мер безопасности и лечения») имеет место только в том случае, если они были приняты по традиционным реабилитирующим основаниям (отсутствие события преступления, отсутствие состава преступления, недоказанность участия лица в совершении общественно опасного деяния, наличие неотмененных процессуальных решений, связанных с прекращением уголовного преследования в отношении данного лица), т. е. корреспондирующими с пп. 1, 2, 5, 6, 7 и 8 ч. 1 ст. 35 УПК РК и пп. 1, 2, 5 и 6 ч. 1 ст. 24 и пп. 1 и 4—6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

Подводя итог сказанному, можно сделать ряд основных выводов, которые сводятся к следующим положениям.

1. Под процессуальным статусом лица, подлежащего реабилитации, следует понимать совокупность прав, которыми обладает данное лицо как обязательный субъект восстановительных процедур (лично или в порядке правопреемства), возникающих по причине его обоснованной и законодательно признанной претензии к органам, ведущим уголовный процесс, по факту незаконного привлечения к уголовной ответственности или осуждения. Данный процессуальный статус отличается усеченным характером, поскольку не включает в себя процессуальные обязанности реабилитированного и, соответственно, не предполагает процессуальных санкций за нарушение таких обязанностей, тем не менее он вполне отвечает целям и существу и реабилитационного процесса.

2. Перечень лиц, подлежащих реабилитации, должен быть максимально детализирован с указанием всего ситуативного многообразия, в рамках которого возможна реабилитация. Так, ни УПК РФ, ни и УПК РК не предусматривают специальных положений в отношении специфики реабилитации умерших лиц, несмотря на то что производство по уголовному делу в отношении них осуществляется именно в целях возможной реабилитации. Законодательный акцент на компенсационных правах родственников умершего лица подтверждает признание прижизненного интереса умершего в реабилитации, что соответственно предполагает его

указание в нормах гл. 18 УПК РФ как адресата по смертной реабилитации, а также введение в эти нормы участника со статусом «правопреемник», по инициативе которого было продолжено производство по уголовному делу в отношении умершего в целях реабилитации.

3. Поскольку лица, которые незаконно и необоснованно подвергнуты принудительным мерам медицинского характера, не указаны в УПК РК в числе лиц, наделяемых правом на реабилитацию, включение таких лиц в ч. 1 ст. 37 УПК РК будет оправданным. Учитывая специфику материальных оснований и процессуальный характер производства по делам о применении принудительных мер медицинского характера, видится целесообразным ограничить основания для реабилитации таковых лиц исключительно обстоятельствами, которым по закону придается значение реабилитирующих. Для УПК РФ это наличие оснований, предусмотренных пп. 1, 2, 5 и 6 ч. 1 ст. 24 и пп. 1 и 4—6 ч. 1 ст. 27. Для УПК РК это следующий ряд оснований: отсутствует событие уголовного правонарушения; нет состава уголовного правонарушения; не доказано участие лица в совершении уголовного правонарушения (ч. 1 ст. 394 УПК РК); отсутствует жалоба потерпевшего по делам частного и частно-публичного обвинения; произошла декриминализация уголовного правонарушения; наличие вступившего в законную силу приговора суда в отношении этого лица по тому же обвинению; наличие неотмененного судебного постановления, установившее невозможность уголовного преследования этого лица по тому же обвинению; наличие неотмененного постановления органа уголовного преследования о прекращении уголовного преследования этого лица по тому же подозрению (ч. 1 ст. 394 УПК РК; пп. 1, 2, 5, 6, 7 и 8 ч. 1 ст. 35 УПК РК). В иных случаях причинения вреда лицам, в отношении которых были применены принудительные меры медицинского характера, он должен возмещаться вне процедуры реабилитации.

1. Ижнина Л. П., Абзалиев И. М. Структурный анализ процессуального положения участников уголовного судопроизводства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 130—135.

2. Лукьянова А. А. К вопросу о регламентации института личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного универси-

1. Izhnina L. P., Abzaliev I. M. Structural analysis of the procedural status of criminal proceedings participants. Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 130—135, 2018. (In Russ.).

2. Luk'yanova A. A. To the issue of regulation of the institute of personality in the criminal process. Tomsk State University Journal of Law, 228—232, 2015. (In Russ.).

тета. 2015. № 401. С. 228—232.

3. Коомбаев А. А. Положение личности в уголовном судопроизводстве (по материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 56 с.

4. Бахта А. С. К вопросу о структуре уголовно-процессуальных норм // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 6. С. 81—87.

5. Мещерякова Ю. О. Производство по уголовному делу в отношении умершего: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2018. 24 с.

6. Анучина О. В. Производство по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2020. 28 с.

7. Гаврилов М. А. Правопреемство в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. 252 с.

8. Аширбекова М. Т. Смерть лица, подлежащего уголовному преследованию: вопрос о правопреемстве // Университетские правовые диалоги: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (30—31 марта 2023 г.): в 2 ч. / под ред. Е. В. Титовой. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2023. Ч. II. С. 227—230.

9. Исмагулова А. Т. Регламентация принудительных мер медицинского характера по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 31 с.

Жумашев Максат Асылханулы,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
maksat.zhumashev1991@mail.ru

3. Koombaev A. A. The position of the individual in criminal proceedings (on the materials of the Kyrgyz Republic and the Russian Federation). Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2014: 56. (In Russ.).

4. Bakhta A. S. To the problem of the structure of rules criminal procedure. Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 81—87, 2009. (In Russ.).

5. Meshcheryakova Yu. O. Proceedings on a criminal case in respect of the deceased. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Samara; 2018: 24. (In Russ.).

6. Anuchina O. V. Proceedings on criminal action in case of death of the accused, suspect, person subject to criminal liability. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2020: 28. (In Russ.).

7. Gavrilov M. A. Legal succession in the criminal proceedings of Russia. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2022: 252. (In Russ.).

8. Ashirbekova M. T. Death of a person subject to criminal prosecution: the question of legal succession. In: University legal dialogues. Materials of the International scientific-practical conference, 30—31 March 2023. In 2 parts. Part II. Ed. by E. V. Titova. Chelyabinsk: Publishing Center of South Ural State University; 2023: 227—230. (In Russ.).

9. Ismagulova A. T. The regulation of coercive measures of medical nature under the legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Chelyabinsk; 2010: 31. (In Russ.).

Zhumashev Maksat Asylkhanuly,
associate adjunct
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
maksat.zhumashev1991@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.01.2024; одобрена после рецензирования 31.01.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 23.01.2024; approved after reviewing 31.01.2024; accepted for publication 14.05.2024.

* * *

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ НА МАТЕРИАЛЫ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, МОНОГРАФИИ И ДРУГИЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

В. А. Азаров

заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики
Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

В. В. Константинов

судья Омского районного суда Омской области,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского,
кандидат юридических наук

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

(рец. на моногр.: Шишкин С. С. Обеспечение прав юридического лица — участника уголовного судопроизводства Российской Федерации: концепция правового регулирования. Москва: Юрлитинформ, 2023. 240 с.)

Активное развитие общественных отношений, которые связаны с многообразием хозяйствующих субъектов, играющих огромную роль в экономике России, определяет направление деятельности законодателя по их регулированию и является предметом научных исследований. Так, вниманию научного сообщества представлена работа С. С. Шишкина «Обеспечение прав юридического лица — участника уголовного судопроизводства Российской Федерации: концепция правового регулирования: монография» (Москва: Юрлитинформ, 2023. 240 с.).

Наличие организаций, имеющих обособленное имущество, а также собственные интересы, обусловленные увеличением прибыли, расширением возможностей оказания услуг или производства товаров, создает предпосылки для их криминализации или виктимизации. В связи с этим растет вовлеченность таких субъектов в уголовно-процессуальную сферу. Своевременное и правильное разрешение уголовно-правового конфликта, стороной которого является юридическое лицо, выступает залогом стабильного экономического развития государства, а значит, укрепления его суверенитета.

Такие лица, являясь искусственным образованием — юридической фикцией, существуя только в документах и не имея физического проявления в реальном (вещном) мире, способны действовать, реализовывать потребности и защищать свои интересы только через работников или нанятых их руководством граждан, т. е. посредством представления этих организаций физическим лицом. Поэтому проведенное автором осмысление и переработка накопленных научных знаний о развитии института представительства, процессуальном положении представителя юридического лица в различных стадиях уголовного судопроизводства, а также требований, которым он должен соответствовать, позволяет высоко оценить актуальность, теоретическое и практическое значение избранной темы.

Первый раздел монографии наглядно показывает многовековой путь развития понятия юридического лица и его представительства в отечественном и зарубежном уголовном судопроизводстве. На основании исторического анализа законодательных актов автором разработана оригинальная система периодов развития института представительства в отечественном праве, которая обоснованно начинается с появлением Русской Правды, Новгородской и Псковской судных грамот и заканчивается действующим Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ).

Следует согласиться с суждениями автора о существенной специфике представительства в уголовном процессе, поскольку, как им справедливо отмечено, отношения представителя с представляемым регламентируются нормами гражданского, гражданско-процессуального, трудового права, а с ведущими процесс органами — нормами уголовно-процессуального права, что позволяет признать представительство в уголовном процессе самостоятельным институтом указанной отрасли.

Мы разделяем мнение С. С. Шишкина о том, что правовое положение представителя потерпевшего — юридического лица в УПК РФ — урегулировано не последовательно и по остаточному-отсылочному принципу. Действующий уголовно-процессуальный закон наделяет представителя только правами (ч. 3 ст. 45 УПК РФ), при этом отсылая правоприменителя к нормам, регламентирующим права представляемого лица. Вместе с тем

его правам должны корреспондировать обязанности и ответственность за их неисполнение. Однако, как верно отмечает автор монографии, УПК РФ какой-либо регламентации обязанностей не содержит, как и не предусматривает соответствующей ответственности. В связи с этим предложенный С. С. Шишкиным перечень обязанностей, подлежащий закреплению в УПК РФ, заслуживает одобрения.

Во втором разделе монографии приведен анализ научных концепций о юридическом лице и его правовой природе, по результатам которого сформулированы выводы о том, что наиболее глубокое исследование конструкция «юридическое лицо» получила в теории государства и права и гражданском праве. Представляется обоснованным суждение автора, что значение, которое придает термину «юридическое лицо» гражданское законодательство Российской Федерации, должно учитываться при употреблении данного термина в иных отраслях, т. е. его определение должно быть универсальным. Заслуживающим внимания является и предложенный автором перечень характеристик юридического лица в уголовном процессе, в который обоснованно включены: регистрация в ЕГРЮЛ; организационное единство; действие (самореализация) через представителя; обособленность воли, имущества, ответственность, самостоятельность участия в уголовном судопроизводстве.

Стоит согласиться с изложенными в монографии предложениями по унификации требований к документам, на основании которых в уголовный процесс допускаются представители юридического лица, и поступающим от такого лица ответам на запросы, иным документам, искам, ходатайствам. Как справедливо отмечено, в таких документах, помимо реквизитов организации, должны быть указаны сведения о ее фактическом нахождении и контактном телефоне, а также дата и номер исходящей корреспонденции.

Третий раздел монографии посвящен уголовно-процессуальному аспекту охраны прав и интересов юридического лица. Автором предложено определение субъективного права как закрепленной за управомоченным субъектом в целях удовлетворения его интересов меры его возможного поведения в конкретном правоотношении, обеспеченной обязанностями других лиц и гарантированной государством. Проанализированы научные подходы к структуре субъективного права и входящим в него правомочиям, уделено внимание исследованию категории «интерес» юридического лица. Сформулированы авторские дефиниции защиты и охраны прав и интересов юридических лиц. Так, защита представляет собой правомерную деятельность уполномоченных органов, а также граждан по пресечению правонарушений, восстановлению нарушенных прав и свобод, а также в целях вытеснения чуждых обществу противоправных явлений, нарушающих права человека. Защита предполагает принудительный способ осуществления права, применяемый в установленном законом порядке компетентными органами и гражданами в целях восстановления нарушенного права. Под охраной следует понимать взаимосвязанные меры, осуществляемые государственными органами, общественными организациями и гражданами, направленные на предупреждение нарушений прав, на устранение причин, их порождающих, и способствующих нормальному процессу реализации личностью своих прав и свобод.

Кроме того, в рецензируемой работе затронуты вопросы цифровизации судопроизводства в Российской Федерации, приведен зарубежный опыт в этой сфере. Вместе с тем спорными представляются выводы автора о том, что разработанные и применяемые в судах общей юрисдикции электронные сервисы существенно отстают от аналогов в других странах. Конечно, государственная автоматизированная система «Правосудие» требует некоторого совершенствования, в том числе в вопросах навигации, поисковых запросов и т. д. Но это вопросы удобства пользования, не более. В то же время указанная система сделала работу судов открытой и доступной для всех лиц, а не только участников судебного разбирательства. В судах активно принимаются документы, ходатайства, подписанные усиленной квалифицированной подписью, используется электронное межведомственное взаимодействие. Например, суды направляют исполнительные листы в службу судебных приставов в электронном виде, где они проходят этап программной проверки и принятия, что существенно сокращает сроки исполнения и исключает утрату таких листов на этапе пересылки. Другим положительным примером является внедренная и функционирующая система электронного взаимодействия (модуль ДО ГАС «Правосудие») между судами и МВД России, ФНС России, Росреестром, Пенсионным фондом Российской Федерации и др.

Не соответствуют действительности и доводы автора об отсутствии постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, разъясняющего применение положений УПК РФ о гражданском иске. Так, Пленумом Верховного Суда РФ еще 13 октября 2020 г. принято постановление № 23 «О практике рассмотрения гражданского иска по уголовному делу». Вовлечение указанного решения высшей судебной инстанции в орбиту исследования, безусловно, обогатило бы содержание и выводы рецензируемой работы.

Приведенные недостатки, на наш взгляд, не колеблют общей положительной оценки представленной монографии.

В заключении сформулированы выводы по результатам исследования участия юридического лица в уголовном процессе, обозначены направления дальнейшего совершенствования законодательства, а также внесены предложения по изменению УПК РФ, являющиеся актуальными.

Таким образом, монография С. С. Шишкина «Обеспечение прав юридического лица — участника уголовного судопроизводства Российской Федерации: концепция правового регулирования» является актуальным научным исследованием, выполненным на высоком теоретическом и методологическом уровне. Полагаем, что издание будет востребовано научным сообществом, практиками, а также аспирантами и студентами юридических вузов.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA»**

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 250 экземпляров. ISSN 2074-8183

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Пресса России». Подписной индекс в каталоге «Пресса России» — 22761.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

- представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;
- представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных организациях МВД России;
- информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;
- обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных организаций;
- аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право.
2. Уголовный процесс.
3. Криминалистика.
4. Оперативно-разыскная деятельность.
5. Трибуна молодого ученого.

Представляемая к изданию рукопись должна:

- по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать ее в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифт Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие по тексту рисунков, таблиц, диаграмм и формул.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисовочных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (рекомендуется не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;
- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;
- код универсальной десятичной классификации (УДК).

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте mkolosovich@mvd.ru;
- отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400075, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,
журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».

E-mail: mkolosovich@mvd.ru

Тел.: (8442) 24-83-55, +7 (902) 380-00-88.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

---

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакция направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, устранения замечаний, проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакция отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакция направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ЗАЯВКА¹
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
 прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью « _____ »
название статьи

в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.
2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.
3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения: размещение в сети Интернет, включение в электронные базы данных, — а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).
4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)), аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, — содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).
5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, перечню сведений, подлежащих засекречиванию МВД России, утвержденному приказом МВД России от 10 сентября 2018 г. № 580 дсп, а также п. 2 Инструкции по организации деятельности по обращению со служебной информацией ограниченного распространения в системе МВД России, утвержденной приказом МВД России от 9 ноября 2018 г. № 755. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».
6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.
7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения²:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (рекомендуется не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

« ____ » _____ 20____ *подпись* *фамилия, инициалы³*

¹ Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.

² Таблица заполняется на каждого автора.

³ Заявка подписывается каждым автором.